

УКРАИНСКОЕ ОБЩЕСТВО СОДЕЙСТВИЯ
СОЦИАЛЬНЫМ ИННОВАЦИЯМ

ОТДЕЛ ИНФОРМАЦИОННО-БИБЛИОТЕЧНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ
ИНФОРМАЦИОННОГО УПРАВЛЕНИЯ
АППАРАТА ВЕРХОВНОЙ РАДЫ УКРАИНЫ

**Э. А. Афонин, А. М. Бандурка,
А. Ю. Мартынов**

ВЕЛИКАЯ КОЭВОЛЮЦИЯ

**Глобальные проблемы современности:
историко-социологический анализ**

Киев
Парламентское издательство
2003

УДК 316.6

ББК 60.55

A94

Серия “Открытая исследовательская концепция”, Выпуск 2

2-е, переработанное издание книги “Велика розтока (глобальні проблеми сучасності: соціально-історичний аналіз)” (2002)

Рекомендовано к печати Ученым советом Института истории Украины НАН Украины
(Протокол заседания № 9 от 29 октября 2002 г.)

Рецензенты:

Сохань Л. В., доктор философских наук, профессор, член-корреспондент НАН Украины, заслуженный деятель науки и техники Украины

Донченко Е. А., доктор социологических наук, психолог

Виднянский С. В., доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки и техники Украины

Чечнев Б. А., кандидат философских наук, член Национального союза журналистов Украины

Издано при финансовой поддержке
благотворительного фонда “Слобожанщина”
и ООО “Техсервис-XXI век”

Афонин Э. А., Бандурка А. М., Мартынов А. Ю.

A94 Великая коэволюция: Глобальные проблемы современности: историко-социологический анализ / Укр. общ-во содействия соц. инновациям, отд. информ.-библ. обеспечения Информ. упр. Аппарата Верховной Рады Украины; Пер. с укр. Ж. Н. Маркус. — 2-е изд-е, перераб. и доп. — К.: Парламентское изд-во, 2003. — 384 с. — (Открытая исследовательская концепция; Вып. 2).

ISBN 966–611–212–4

В монографии с использованием авторской концепции “универсального эпохального цикла” анализируются изменения, которые испытывают на себе человек, общество и человечество в завершающейся фазе формирования глобальной цивилизации, фокусируется внимание на переходных процессах и новейших тенденциях мирового развития.

Для ученых обществоведов и гуманитариев, политиков и управленцев, студентов и всех, кто интересуется исторической социологией и глобалистикой.

УДК 316.6

ББК 60.55

© Афонін Е. А., Бандурка О. М., Мартинов А. Ю., 2002

© Афонин Э. А., Бандурка А. М., Мартынов А. Ю.,
перераб. и доп., 2003

ISBN 966–611–212–4

Слово рецензентам

Современная переходная эпоха, которую авторы данной работы довольно метко определили как “Великая коэволюция”, стимулирует спрос на различные концептуальные подходы. Однако в этом многообразии выделяются работы междисциплинарные по смыслу и замыслу. Они тем более интересны, чем большее распространение получает идеология Постмодерна, связанная с отрицанием так называемых “больших нарративов”, что в итоге приводит к фрагментации, мозаичности знания. Такое положение вещей бросает вызов теоретикам социальных дисциплин, поскольку требует поиска путей для нового синтеза знаний.

В связи с этим авторы доказывают принципиальную возможность формирования нового концептуального синтеза, в частности, в области социальной глобалистики. Конечно, этот концептуальный ракурс еще требует разработки адекватных методологических подходов, однако можно признать, что авторы сделали важный шаг в решении данной проблемы.

При этом теоретические разработки удачно применяются к анализу конкретных социально-исторических процессов. В частности, это касается осознания переходных изменений в украинском обществе.

Обращаясь к анализу макросоциальных субъектов, авторы освещают современные тенденции развития глобализации и одно из их проявлений — европейскую интеграцию. С привлечением широкого фактического материала показаны основные проблемы и перспективы этих процессов.

Исходя из вышеизложенного, названная работа займет достойное место в отечественной глобалистике.

Главный научный сотрудник
Института социологии НАН Украины,
доктор социологических наук, профессор
член-корреспондент НАН Украины,
заслуженный деятель науки и техники Украины
Л. В. Сохань

Каждой переходной исторической эпохе присущи социально-психологические изменения, качество которых зависит от согласия, возникающего между основными субъектами периода “Великой коэволюции”. Человечество как-то внезапно оказалось перед необходимостью принимать общественные, общечеловеческие решения. Выжить по отдельности становится все более проблематичным. Но и обобщить социокультурные и политические ценности тоже представляется почти невозможным при имеющемся уровне психологической культуры человечества. В решении вопроса поиска “третьего пути” — пути взаимопонимания между различными участниками “Великого перехода” состоит сегодня одна из главных общечеловеческих задач. Именно этот субъективный компонент действительности является одним из ключевых в концепции универсального эпохального цикла, предлагаемой для научного дискурса авторами рецензируемой книги.

Сложность поставленной проблемы обуславливает как сильные, так и слабые стороны этой работы. К первым, безусловно, можно отнести оригинальность замысла и попытки его практического воплощения, ко вторым — повторы принципиальных концептуальных тезисов без освещения разных граней концепции.

Большая часть книги написана в русле современного дискурса по проблемам глобализации. Признание границ и опасных последствий универсального прогресса требует перехода к новой парадигме социального развития человечества. В этом контексте, в частности, можно рассматривать предложенную концепцию универсального эпохального цикла, которая поддерживает и репрезентирует мировую тенденцию отхода от линейных теоретических построений.

Одной из интереснейших проблем, поставленных в рецензируемой работе, является сюжет психологических последствий глобализационных процессов, ведь усиление влияния единого информационного пространства постепенно изменяет индивидуальную и коллективную психику, и не всегда способствует ее оздоровлению. Формирование межкультурной толерантности и вместе с тем определенных социокультурных идентичностей тормозится абсолютизацией и навязыванием ценностей, разделяемых собственниками этого пространства, что небезопасно для выживания человечества в целом.

Авторы нетрадиционно толкуют понятие архетипа. Традиционно эта психическая структура считается неизменной. Вместе с тем авторы делают акцент на тезисе, касающемся принципиального признания возможности исторического изменения архетипов различных цивилизационных организмов.

В целом рецензируемая работа отличается оригинальностью постановки научных проблем и способов их решения. Она будет интересной для многих специалистов в области общественных и гуманитарных наук.

Заведующая лабораторией психологии
масс и организаций Института социальной
и политической психологии АПН Украины
доктор социологических наук
Е. А. Донченко

Постмодерная философия истории фактически отрицает традиционное восприятие взаимосвязи между прошлым, современным и будущим. Вместо этих характеристик исторического времени внедряется дихотомия “традиционное — современное”, причем право на жизнь отдается лишь последнему. За традиционными ценностями закрепляется презумпция вины за большинство неурядиц настоящего.

Поэтому, по нашему мнению, одной из ключевых проблем гуманистически настроенной глобалистики может быть восстановление традиционного восприятия социального времени, направленного не только из прошлого в будущее, но и наоборот. Такую попытку, в частности, предпринимают авторы рецензируемой книги, которые, используя циклический подход к исследованию всемирно-исторического процесса, изучают новейшие тенденции глобализации.

В научной дискуссии, развернутой на страницах данной работы, приводятся аргументы как приверженцев, так и противников глобализации. Один из наиболее убедительных тезисов — необходимость глобализации “с человеческим лицом”, то есть не отрицающей гуманистическую традицию Модерна и служащей на пользу всему человечеству, а не избранной его части. Проявлением этой тенденции стала концепция устойчивого развития, способного гармонизировать социальные, экономические и экологические аспекты прогресса.

Важным связующим звеном между прошлым и современным, как подчеркивают авторы, является национальная идентичность — важнейшее наследие эпохи Модерна. Но идеология Постмодерна в ее современном виде как апологии однополюсного мира пытается представить национальное как сугубо архаическое, враждебное идеи прогресса. В этом контексте интересна постановка проблемы адаптации национального сознания, прежде всего бывших безгосударственных народов, к современным государствообразующим процессам и к вызовам глобализации.

С этой и многих других точек зрения книга “Великая коэволюция” дает новую информацию к размышлению всем современникам эпохи, которая войдет в историю как время решающего выбора сценария будущей судьбы человечества.

Заведующий отделом всемирной истории и международных
отношений Института истории Украины НАН Украины,
доктор исторических наук, профессор,
заслуженный деятель науки и техники Украины
С. В. Виднянский

Поиск циклов (больших и малых), внутренних ритмов и закономерностей (явных и неявных) в развитии социума, в его Культуре — для авторов не самоцель, а носит прикладной, подчиненный характер. Главным для них является определение (“разработка”) того социологического (по характеру предложенного подхода) инструментария, который позволил бы по внутренним пульсациям определять состояние “здоровье” или характер “заболевания” Культуры. Проще говоря — иметь возможность безошибочно ставить диагноз тому, что происходит внутри общества, науки, государства, личности. Они ищут что-то универсальное и вместе с тем практическое. Исходя из этого, суть исследовательской концепции авторов можно было бы назвать (именно в этом состоит новаторство предлагаемого подхода) социальной психодиагностикой Культуры.

Пульсодиагностика вошла в нашу академическую рациональность, прежде всего в медицину, из древнетибетской практики лечения. Однако Тибет, вечно древний и вечно современный, едва ли предполагал, что эта методика диагностирования окажется востребованной в Европе таким неожиданным образом, — для прощупывания пульса Культуры и Цивилизации.

И даже обычный читатель не может не согласиться, что для нас сейчас, в эпоху Великих перемен, нет ничего более важного, чем держать на этом пульсе не только руку, но и сердце, и интеллект.

Ответственный секретарь
Всеукраинского еженедельника “Закон и бизнес”,
кандидат философских наук,
член Национального союза журналистов Украины
Б. А. Чечнев

Слово к российскому читателю

Вы взяли в руки книгу и решаете, читать ли ее. В последнее время в мире научной и образовательной литературы появляется множество новых и разнообразных изданий, но все труднее бывает найти в них искомую и стоящую идею. Этот поиск еще труднее осуществить в мире общественных идей, где, как нам кажется, все уже давно известно. А между тем каждый день преподносит нам все новые и новые неожиданности.

Мы очень надеемся, что эта книга если и не объяснит многие из проблем современности, то по крайней мере поможет читателю освободиться от стереотипов старого мышления и позволит по-новому посмотреть на старые проблемы, предоставит шанс найти ответ на многочисленные вопросы, которые ставит новая эпоха глобализации.

В частности, даже события 1990-х гг. остаются для нас в своей основе *terra incognita*. Ярким подтверждением тому стала московская конференция, организованная фондом “Либеральная миссия”, посвященная выходу в свет книги экономистов В. Мау и И. Стародубцевой “Великие революции: от Кромвеля к Путину”*. Собравшиеся на конференции ученые и политики в целом высоко оценили попытку авторов обобщить ту многоликую рефлексию, которая сопровождала радикальные общественные преобразования 1990-х гг. Однако было выражено практически единодушное несогласие с главной идеей авторов книги, отождествивших события в России последнего десятилетия с ключевым понятием “революция”. Подобные оценки встречаем в многочисленных публикациях на страницах российских журналов “Общественные науки и современность”, “Мировая экономика и международные отношения”, “Социологические исследования”, “Человек” и др.

Вместе с тем, вряд ли сегодня кто-либо попытается оспорить мнение о радикальном характере происходящих в последнее десятилетие изменений, особенно на Евразийском континенте. Информационно наиболее значимой и “модной” становится тема глобализации, призрак которой, в отличие от призрака коммунизма, бродит уже не только по Европе, но и по всему миру. Однако как глобализация в целом, так и аспекты ее влияния на различные стороны общественной жизни, национальные государства и локальные цивилизации все еще остаются табуированными в научном сообществе и в сознании обывателя, хотя участие в процессе глобализации провозглашается официальной целью политики.

Сразу после распада СССР казалось, что путь к демократии и рыночным реформам обеспечит возвращение бывших советских народов на “столбовую дорожку

* Итоги и перспективы современной российской революции // Общественные науки и современность. — 2002. — № 2. — С. 5–27.

цивилизации” (в европейском понимании), ведущую к “общечеловеческим ценностям”. Однако одиннадцать лет спустя тема адаптации новых независимых государств к вызовам и императивам глобализации стала жизненно важной.

Оказывается, достойное место в новом глобальном мире отнюдь не гарантировано даже такой великой державе, как Российская Федерация. А граждане бывших советских республик — Эстонии, Латвии, Литвы после достижения национальной мечты — вступления в 2004 г. в ЕС и НАТО, похоже, так и не могут понять, чем же Европейский Союз отличается от Советского Союза. Конечно, если не делать идеологических оценок степени свободы, а рассматривать роль в оруэлловском смысле Великого Брата.

Тоталитаризм, хотя и попирает права человека и гражданские свободы, надежно защищал от терроризма. Уровень социальной защищенности преобладающей части населения наших стран в условиях устойчивого социального развития также был выше, чем в нынешних условиях трансформации.

Теперь же создаются зоны порядка и процветания для стран “золотого миллиарда” и “свободные протестные зоны” на периферии современной мир-системы, к которым относятся бывшие советские республики. Дискуссии о необходимости поиска новых форм сотрудничества (даже с произношением “запретного” слова интеграция) все еще перегружены политическими штампами. С одной стороны, новые независимые государства в усилиях России по собиранию под свой контроль постсоветского пространства видят происки “империализма”. А с другой, — Россия, как показывает опыт создания российско-белорусского государственного союза, желает отказаться от исторического опыта создания евразийской империи и стремится получать прагматический рыночный дивиденд, не неся ответственности за социальный уровень жизни своих союзников.

После событий 11 сентября 2001 г. мир оказался, уже не только хронологически, в реалиях XXI в. Террор как законное дитя свободы, похоже, готов уничтожить свою мать. Революционный террор, эпоху которого в России предвосхитили народники, а в современном глобализирующемся мире, кажется, олицетворяют, в соответствии со своей цивилизационной идентичностью, Че Гевара и Бин Ладен, усиленно разрушает устойчивость общественного консенсуса как фундамента западной модели демократии. На страницах предлагаемой книги авторы рассматривают основные проблемы развития процесса глобализации как исторического этапа, следующего за длительным периодом интернационализации всех сфер социальной жизни.

Кризис общественных институтов, начиная от древнейшего — церкви, рост недоверия к традиционной (классической) общественной науке и пропаганда упрощенных (порой откровенно антинаучных) подходов к оценке реальности выдвигают на повестку дня проблему институционализации новой морали. Правда, складывается мнение, что новый политический класс во многих странах мира пытается возвести себя на уровень нищенского “Сверхчеловека”, по ту сторону добра и зла. Возможно, клоны таковыми и будут. Пока же проект глобализации не выдвинул (да и выдвинет ли?) великих харизматических личностей, способных инициировать завершение процесса интернационализации и придать глобализации более гуманный облик.

В новых условиях существенно изменяется и роль экспертного сообщества, которое уже не является чародеем — властителем дум и чаяний общества, как было в годы “перестройки”. Ошибки в прогнозировании развития многих сторон пере-

ходного кризисного периода подорвали доверие к мнению научной элиты, которая, оказавшись в сложных социальных условиях, все чаще превращает свои знания в рыночный товар. Восстановление принципов научности и неподвластной рыночной стихии объективности является важным условием создания демократических механизмов контроля над действиями глобализирующейся политической элиты.

Массовое сознание после шока начала 1990-х гг. продолжает пребывать в состоянии неопределенности — амбивалентности. Способность систематизировать и воспринимать сложные социально-исторические явления была передана в руки массовой культуры как инструмента манипуляции и укрощения реальности с целью более “анестезированной” адаптации к ней. Ключевой становится проблема новой посттрансформационной, прежде всего, социокультурной самоидентификации общества и его членов. В то же время осмысление трансформации связано с поиском новых парадигм социальной науки, с развитием тенденций к междисциплинарному синтезу. В условиях размывания в бесконечном дискурсе когда-то единого смысла социального процесса роль хранителя смысла, похоже, снова возвращается к цензуре. К цензуре совести учебного, его верности не только фаустовскому демону науки, но и человеческой этике.

Книга “Великая коэволюция. Глобальные проблемы современности: историко-социологический анализ” предлагается вниманию российского читателя как исправленный и дополненный перевод украинского издания “Велика розтока: глобальні проблеми сучасності: соціально-історичний аналіз. – К., 2002”. В центре внимания книги находится проблема историко-социологической интерпретации влияния современных глобальных тенденций на различные стороны жизни Человека, Общества и Цивилизации.

Глобализация, как отмечают многие эксперты, находит свое специфическое проявление в экономической, политической и культурной сферах жизнедеятельности мирового сообщества. Она существенно меняет представления о национально-государственном развитии стран, изменяет социально-личностные характеристики, психологический и другие аспекты жизни человека. Исследования, посвященные названной проблематике, фактически создают собственное научное направление — глобалистику. Ее предметное исследовательское поле, методологические и концептуальные подходы основываются на междисциплинарном синтезе общественных и гуманитарных наук.

Являясь прямым следствием реализации в мире политики и практики интернационализации, глобализация становится в то же время переходным историческим периодом, когда на авансцену истории выходит новое действующее лицо. На смену исчерпавшему свои силы Коллективу (*total*) приходит новый тип социального субъекта — Личность (*individual*). Период глобализации становится поистине периодом неисчерпаемых возможностей Личности, рождения множества альтернатив и в то же время периодом серьезных испытаний для всего Человечества. Такое понимание эпохи и предопределило название книги — “Великая коэволюция”. При этом глубинный смысл коэволюции понимается авторами не только как совместное развитие человека и природы, как это представлял известный российский математик академик Н. Моисеев, но и как совместное развитие самодостаточных Личностей, получающих мощный импульс к интеллектуальному развитию. Развитию в более широких рамках индивидуальной свободы, приходящей на смену свободе коллективной.

Авторы книги надеются, что распространению идей книги будет способствовать объявленный президентами России и Украины год России в Украине.

Вступительное слово

Объединенные в данной работе статьи авторов интегрированы общим концептуальным исследовательским духом и научной проблематикой, связанной с анализом влияния современных глобальных тенденций на различные социальные субъекты и процессы.

Сегодня глобализация реально влияет на различные аспекты социальной, экономической, политической, культурной и социально-психологической жизни индивидов, разных социальных групп, национальных государств и локальных цивилизаций. Разнообразные исследования, посвященные данной сложной проблематике, фактически выделяются в отдельную научную дисциплину — глобалистику. Конечно, она еще находится в состоянии формирования собственного предметного поля, концептуальных и методологических подходов, большинство из которых базируется на междисциплинарном дискурсе.

В сущности, нынешнее состояние глобализации и его научного осмысления свидетельствует о наличии качеств переходного периода, что открывает новые возможности, формирует различные альтернативы, бросает серьезные вызовы. Такое понимание эпохи, современниками которой мы являемся, побудило к избранию названия данной книги — “Великая коэволюция”. То есть речь идет о таких общественных явлениях, которые становятся характерными для определяющего количества стран (национально-государственных образований) и характеризуют цивилизацию в целом.

Структурно работа состоит из четырех разделов, двадцати двух глав и дополнений. Тем самым единой логикой связываются общетеоретические и конкретные социально-исторические исследования, проведенные в формате общей концепции универсального эпохального цикла.

В частности, первый раздел посвящен концептуальным и теоретическим основам нового подхода к исследованию социально-исторической проблематики. В статьях, вошедших в эту часть работы, внимание акцентируется на концептуализации социально-циклической парадигмы общих и конкретных социально-исторических исследований.

В следующих разделах книги на основе общего концептуального подхода показана проблематика трех уровней макросоциальных субъектов — национального государства (на примере Украины и некоторых балканских стран, находящихся в переходной стадии создания государства), локальной цивилизации

(на примере актуальных тенденций развития процесса европейской интеграции) и всего человечества (на уровне формирования современной глобальной цивилизации). В приложении представлены интереснейшие фрагменты дискуссии по названной проблематике, которая в течение года разворачивалась в формате Интернет-форума профессора Э. А. Афонина на сайте социологического факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина.

Общая концептуальная логика основных частей книги выстроена вокруг четкого понимания ключевых понятий социального цикла, функционирования его механизмов, освещения особенностей трансформационных процессов, толкования взаимосвязи и различий между интернационализацией и глобализацией.

В частности, во многих статьях, которые стали составляющими книги, речь идет об универсальном эпохальном (социальном) цикле. Читатель имеет возможность проследить творческий процесс осмысления этого концепта, постепенного описания действия социальных механизмов, определяющих изменение его различных стадий.

Дифференциация понятий переходных и трансформационных процессов связана с авторским видением особенностей глобального социально-исторического развития в XX в. Так, для евроатлантической цивилизации начало поворотного, по сути коэволюционного, процесса трансформации связано со временем Великой депрессии 1929–33 гг., когда эта социальная система пережила острейший кризисный период. Другие локальные цивилизации фактически вступают в период трансформационных изменений на рубеже XX–XXI вв., когда коэволюционные социально-исторические изменения реально приобретают глобальные характеристики.

Об этом свидетельствует нынешний этап развития глобализации, находящейся, скажем так, в колыбели. Такое положение вещей подтверждает бурная дискуссия между приверженцами и противниками глобализации. Например, в заключительном коммюнике Всемирного саммита по проблемам устойчивого развития (1–4 сентября 2002 г., Йоханнесбург) так и не было найдено компромиссной ценностной оценки нынешних глобальных процессов.

Авторы акцентируют внимание на различиях двух современных параллельных процессов — интернационализации и глобализации. Великая эпоха интернационализации во всемирной истории началась благодаря великим географическим открытиям, ее смысл состоял в привлечении к единому социальному времени и спрессованному социальному пространству различных народов, в налаживании инфраструктуры информационного, коммуникативного, торгового, военного, социокультурного общения между разными странами и локальными цивилизациями.

С наступлением эпохи, которую мы назвали “Великая коэволюция”, мы становимся свидетелями формирования, говоря словами античных мыслителей, глобального полиса. Однако, возвращаясь к аналогиям с древнегреческой историей, “новые космополиты” будут жить преимущественно в пространстве урбанизированной евроатлантической цивилизации, все остальное человечество имеет шанс оказаться на ее периферии.

Книга, предложенная вниманию читателя, продолжает серию “Открытая исследовательская концепция”, начатую изданием “Общественное развитие от Рождества Христова”^{*}.

За минувшие два года произошли определенные сдвиги в реализации предложенного проекта. В частности, при поддержке социологического факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина сделан первый шаг к созданию Интернет-площадки для его участников — Интернет-форум по адресу: <http://www.sociology.kharkov.ua/afonin/ukr/index.asp>.

Кроме того, инициаторы проекта осуществляли дальнейшую разработку концептуальных основ и инструментария нового подхода. Так, при участии социологического факультета Киевского университета имени Тараса Шевченко и лаборатории масс и коммуникаций Института политической и социальной психологии АПН Украины проводилась работа по разработке методики анализа эмпирической базы исследований.

Авторы высказывают искреннюю благодарность всем, чья помощь способствует реализации идей открытой исследовательской концепции.

^{*} *Афонін Е. А., Бандурка О. М., Мартинов А. Ю.* Суспільний розвиток від Різдва Христового. — К., 2000. — 312 с. (Серія: відкрита досл. концепція; Вип. 1).

Раздел I

Социальные циклы общественной истории

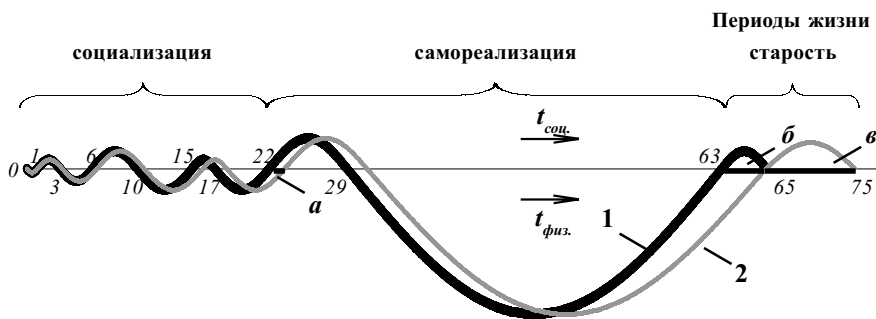

Рис. 1. Эпохальные циклы развития личности в Украине

1 — в условиях индустриального общества

2 — в условиях постиндустриального общества (прогноз)

$t_{\text{физ.}}$ — физическое время

$t_{\text{соц.}}$ — социальное время

Последствия общественной трансформации для личности:

а — увеличение периода социализации (инфантилизм)

б — увеличение периода самореализации

в — увеличение периода старости (старение населения)

Глава 1. Проблема моделирования в междисциплинарных исследованиях

В начале XXI в. все больше расширяется ареал стран, испытывающих трансформации, и вместе с тем все больше приверженцев находит утверждение о необходимости переосмысления классических принципов построения научных теорий, характерных для “традиционной” эпохи развития знаний. Новая эпоха Постмодерна, тенденции которой проявляются все ярче и все более усиливаются, отрицает саму возможность существования метатеорий. Новые общественные условия подвигают исследователей на поиск истины путем моделирования в рамках междисциплинарных исследований. Такой последовательный “агностицизм” заставляет нас обратиться к эпистемологии, принимая во внимание ее тесную связь с историей науки.

В этом плане заслуживает внимания позиция американского философа Т. Куна, отстаивающего закономерный характер развития научного знания в своей работе “Структура научных революций”. В частности, опираясь на циклическую модель развития научных парадигм, он утверждает, что последние переживают как нормальный (постоянный) этап своего развития, так и этап научной революции. Соглашаясь в целом с концепцией циклического развития науки, а также с мнениями о кризисных явлениях в социальных науках, все громче раздающихся в научной среде, считаем, что следует подчеркнуть отличия в сущности кризисных явлений, которые испытывает современная наука в странах Запада и Востока. Неравномерный характер культурно-исторического развития и как следствие — реально существующая в мире культурная двухполюсность усложняют представления о модели развития научного знания.

В конце XIX в. Ф. Энгельс в работе “Диалектика природы”, отражая генетическую природу развития науки, предложил следующую классификацию наук: математика, механика (включительно с астрономией), физика, химия, биология, науки о мышлении, науки об обществе. Эта классификация, в общем, отражает развитие фундаментальных и прикладных исследований, но прежде всего на Западе. Об этом свидетельствует и краткая история

научных открытий, в значительной мере определяющих характер “второй природы” вокруг нас.

Аристотелевская картина мира преобладала до появления духа “фаустовского” или “прометеевского” новоевропейского человека, который поставил цель демифологизировать живую природу и поставить себе на службу неживую природу.

Со второй половины XV в. наблюдение и эксперимент становятся эффективными практиками научных исследований. Так, начиная с 1475 г. издавался ежегодник “Эфемериды”, на страницах которого вычислялось ежедневное расположение планет. В 1492 г. сконструирован первый глобус, а уже в 1507 г. Н. Коперник открыл гелиоцентрическую систему, правда, без математических доказательств. Дж. Бруно ввел понятие бесконечности Вселенной без центра. В это же время врач, ботаник и химик Парацельс реформировал медицину, пытаясь объяснить химические и физические основы жизни путем анализа явлений. Усовершенствование навигационных приборов позволило осуществлять продолжительные путешествия в открытом море, осваивать географическо-пространственные границы. Интеллектуальные вершины успешно покорял Леонардо да Винчи, кроме духовно богатого художественного наследия, он внес весомый вклад в развитие механики — изобрел насос, токарный станок, гидравлический пресс. Важное значение в повседневной жизни имели изобретения карманных часов и печатного станка.

Начиная с эпохи Возрождения, человек воспринимается в Европе как “модель мира”, а человеческий ум признается способным усовершенствовать Вселенную, созданную Богом. Новое мировосприятие легализовало социальную мотивацию инноваций. Однако китайская духовная традиция все еще противостояла присущей европейцам Нового времени идее линейного прогресса. Китайцы не воспринимали технологические открытия как процесс создания новой “вавилонской башни”, которая выведет человечество на уровень сотворчества с Богом. Именно в этом, по нашему мнению, и состоит принципиальное отличие научных традиций Запада и Востока.

На протяжении XVII–XIX вв. эмпиризм и рационализм способствуют открытиям в естественных науках, назовем лишь некоторые из них. *Математика*: изобретение логарифмической таблицы (1614), становление аналитической геометрии (1637), вычисление бесконечно малых величин (1665). *Механика и физика*: открытие законов падения и маятника (1609), преломления света (1618), движения планет (1619), диффузии газов (1662), отклонения света (1665), гравитации (1666), скорости света (1675), волновой теории света (1690), абберации света (1728), кинетической теории газов (1738), статического электричества (1790). *Химия и биология*: изучение кровообращения (1618), открытие сперматозоидов (1672), солей серебра (1727),

систематизация живых существ (1735), открытие водорода (1766), кислорода (1771), азота (1772), изобретение искусственной соды (1791), цемента (1799).

Следует отметить, что важные научные открытия стали возможны благодаря использованию таких технических изобретений, как микроскоп (1590), телескоп (1610), ртутный барометр (1643), маятниковые часы (1657), манометр (1663), ртутный термометр (1718), градуированная шкала термометра (1742), паровой котел (1681), литая сталь (1735), прядильная машина (1738), казенно зарядное ружье (1751), железопрокатное производство (1754), паровая машина (1769), воздушный шар, наполненный горячим воздухом (1783), механический ткацкий станок (1785), гидравлический пресс (1795), литографическая печатная машина (1796), бумагоделательная машина (1799), токарный станок (1800), пароход (1807) и др.

С этого времени техническая цивилизация становится хозяином культуры, подчинив себе науку. В общем же можно утверждать, что чем бы ни занимался ученый в XX в., в конце концов он разрабатывал очередной вариант оружия. Прежде всего это касается таких открытий и изобретений. *В физике:* квантовая механика (1925), волновая механика (1926), счетчик Гейгера (1928), открытие нейтрона (1932), искусственной радиоактивности (1934), деления ядра (1938). *В биологии:* открытие витаминов (1911), основание генетики человека (1912), открытие карты хромосомы (1919), становление учения о человеческой наследственности (1921), теории гена (1928) и др. То же можно утверждать и о зарождении нанотехнологий, которые на рубеже XXI в. начинают использовать в генной инженерии, направленной на вторжение инструментального интеллекта в интимные основы бытия. Вместе с тем стало понятным, что скорость даже искусственных генетических трансформаций не может конкурировать со скоростью саморазвития электронных систем. *В химии* на службу человеку пришли макромолекулярная химия (1925), синтез витамина С (1934) и нейлона (1938). *В технике* — звуковой фильм (1919), винтокрылый самолет (1922), реактивный двигатель (1930), ламповый передатчик (1913), беспроводный трансокеанский телефон (1927), телевидение (1932), испытание первой атомной бомбы (1945), первый искусственный спутник Земли (1957), первый полет человека в космос (1961), высадка человека на Луну (1969) и др.

Даже краткое ознакомление с историей научных открытий свидетельствует о том, что естественные дисциплины, особенно интенсивно развивающиеся на протяжении XV–XX вв., существенно опередили гуманитарные науки. Об устройстве ядра и атома, Земли и Космоса мы знаем значительно больше, чем об “устройстве” человека, общества или цивилизации. Возможно, поэтому знаниям о человеке и обществе в странах Запада (начиная со времен Великой депрессии 1929–34 гг.) придают приоритетное значение

в дальнейшем развитии науки. При этом ведущая роль закрепляется за такими науками, как психология, социология и история.

Можно сказать, что появление новых тенденций в развитии западной науки стало следствием исчерпанности пути развития фундаментального знания, в том числе в сфере гуманитарных дисциплин. Закономерно, на наш взгляд, и то, что в новых общественных условиях значительный импульс получили компаративный анализ и междисциплинарный исследовательский синтез, “методологической” основой которых стала идея о том, что “все было уже сказано, начиная со времен античности”.

Возникший на Западе перевес в сторону “прикладного синтеза” и прикладного знания, создал там общественную потребность в теоретическом осмыслении прикладных научных достижений. Это, собственно, и составляет основу кризиса современной западной науки.

Нынешний научный кризис в странах Востока следует рассматривать как кризис трансформации их фундаментальной науки в направлении узкоспециализированных прикладных исследований, требующих усиления междисциплинарной связи и компаративистики.

Отметим, что неоднозначные по сути и направленности тенденции развития науки наиболее рельефно проявляют себя в гуманитарной сфере. Этому есть объяснение: в переходные моменты развития сложных социальных систем, коими являются человек, общество или человечество, изменяется не только их внешняя, материальная, социальная сущность, но и внутренний, идеальный, психический мир людей, их поведенческие стереотипы, ценностные ориентации и социальные нормы. Можно также сказать, что меняется тип человека (в том числе ученого-исследователя), его психокультура. Так, на смену ученому, обладающему эмоционально-чувственной психокulturой, что обеспечивало решение фундаментальных задач науки, приходит ученый со способностями и стереотипами рационального мышления, что и предопределяет кардинальные изменения, происходящие в современной, в том числе социальной, науке.

Таким образом, более адекватна времени и характеру современных кризисных явлений, по нашему мнению, циклическая модель развития науки (более дифференцированная, чем у Т. Куна), состоящая из четырех периодов развития: двух нормативных (устойчивых) периодов — “инволюция” и “эволюция” и двух переходных (кризисных) — “коэволюция” и “революция”.

В период устойчивого инволюционного развития науки, которому предшествует бурная полоса революционных открытий, фактически закладываются основы фундаментальных теорий, тяготеющих к структурированию в единую метатеорию (как это было, например, с теорией исторического материализма) и целостную картину мира, которую формируют (а в предельных

формах — закрепляют) в общественном сознании от поколения к поколению такие общественные институты, как школа* (средняя и высшая)** (фундаментальная и прикладная). Характерные признаки этого периода — энциклопедический характер человеческого опыта (универсальность), фундаментальность научных знаний, а также политехнические умения и навыки, которыми обладают государство и его граждане. Вместе с тем наука мало связана с практикой, и этот разрыв становится все более очевидным.

Кризисное состояние периода коэволюции вызывается критической массой аномальных фактов, которые уже не вписываются в рамки существующих научных парадигм и не могут быть объяснены существующей единой и стройной метатеорией, поэтому возникает необходимость “уточнения” основ фундаментальной науки, а точнее — ее трансформации в направлении зеркального антипода — прикладной науки.

Эволюционный период устойчивого развития научного знания связан с определенной контраверсией к инволюции — отрицанием бывшей фундаментальности и развитием прикладной науки, вызванной потребностями общественной жизни. В этих условиях наука дифференцируется, ее развитие интенсифицируется, получают необходимые стимулы узкая научная специализация и экспериментальный метод, актуализируются междисциплинарная научная практика и компаративные исследования. Развертывается процесс накопления огромного экспериментального материала, который требует релевантного концептуального осмысления. Выдвигаются новые гипотезы, открывающие пути для новых парадигм. На этом этапе в междисциплинарных исследованиях властвует, по словам П. Фейерабенда, “методологический анархизм”.

Следующее за периодом эволюции кризисное состояние науки, вызывающее потребность создания новой парадигмы мы, вслед за Т. Куном, называем этапом “научной революции”, которая, с одной стороны, подводит черту под обоими основными периодами развития научного знания, а с другой, — начинает новый цикл генезиса научных теорий.

Формирование методологии исторической социологии на постсоветском пространстве происходит в процессе импульсивной, не скоординированной и порой недостаточно аргументированной дискуссии между историками и социологами. Последние, в частности, подчеркивают, что “история не имеет

* В 1931 г. было принято решение ЦК ВКП(б) “Об общеобразовательной политехнической школе”, согласно которому СССР берет курс на генерацию всесторонне развитых личностей, следствием чего стала “универсализация” профессиональных кадров в Советском Союзе. Это отметил в начале 1990-х гг. на конференции по социальной работе в Киеве британский профессор Т. Шанин.

** В начале 1990-х гг. разница в расходах бюджета Украины на фундаментальную и прикладную науки составляла почти целый порядок (8 раз!).

собственных методов анализа социального как такового”¹. Такое радикальное отрицание эффективности методологического инструментария специальных исторических дисциплин, по нашему мнению, служит ярким примером агностического отношения к возможностям теоретической истории.

Вместе с тем важность установления междисциплинарных методологических связей между историей и социологией признается в четырехтомном труде российских ученых “История теоретической социологии”, где под термином “историческая социология” понимается “применение исторического подхода при анализе социальных аспектов человеческого существования и социального — при исследовании исторического процесса”². То есть по сути между обеими научными дисциплинами, условно говоря, сохраняется методологическая пропасть, через которую лишь можно перекинуть определенные теоретические мостики, расширяющие исследовательские возможности обеих наук.

Специфичность теоретических и методологических связей между социологией и историей прежде всего обуславливается особенностью становления социологии. Эта наука возникла в XIX в. как результат попыток современников осмыслить тогдашнее западное общество, переживавшее сложный и противоречивый процесс перехода от традиционно-сословной к индустриально-классовой форме существования. Соответственно и круг научных задач социологии определяло ее приоритетное внимание к Модерну (Революции). При этом исторические генетические связи некоторое время оставались за пределами чисто социологических теоретических исследований. С этой точки зрения польский социолог П. Штомпка рассматривает историческую социологию как критическую реакцию на специфическое использование истории, типичное для основателей социологической науки³.

И это не удивительно, ведь различна сама природа исторических и социологических исследований. Например, историки отдают предпочтение проблемному тематическому полю, определяемому социокультурными предикатами и хронологическими рамками. Большинство социологических исследований, напротив, сосредоточено на определении закономерностей количественными (математическими) и качественными методами, поэтому для них особо важны точные статистические данные как основание для социологических заключений. При этом чисто социологические методы сбора информации — полевые исследования, анкетирование, математический анализ статистических процедур — довольно редко используют историки⁴. Они в выборе методологических основ исторических исследований зачастую останавливаются на достижениях позитивизма, отдавая предпочтение историко-описательным, историко-сравнительным, иногда интуитивно-логическим и эмпирико-аналитическим методам.

Однако существенные различия между методологическим инструментарием истории и социологии как суверенных научных дисциплин гумани-

тарного профиля теряют четкие очертания, когда речь заходит о чисто теоретическом уровне, связанном с общей концептуализацией исследований человека и общества. Наиболее четко эта тенденция проявляется на классическом этапе развития исторической социологии, отраженном в творчестве К. Маркса и М. Вебера. Весьма показательны с этой точки зрения их работы “Капитал” и “Протестантская этика и дух капитализма”.

Обновленный неомарксистами классовый подход к анализу социальной стратификации и социальной структуры остается достаточно популярным и сегодня, прежде всего в среде левой профессуры на Западе. Для современного научного дискурса М. Вебер актуален как исследователь социологических аспектов истории мировых религий и истории хозяйства. Именно ему частично удалось показать путь к решению научной проблемы, поставленной К. Марксом: как идея, овладевая массами, становится материальной силой. В нынешних условиях формирования духовного пространства глобальной цивилизации веберовское теоретическое наследие приобретает особое значение для исследований, связанных с анализом исторических традиций, социальных норм, моральных и ценностных систем. В целом можно утверждать, что повышается роль исторических и социологических исследований, существенно влияющих на духовные характеристики эпохи.

Еще Г. Гегель в своем труде “Философия истории” отмечал, что вместо того, чтобы писать историю, мы всегда стараемся определить, как надо писать историю⁵. Поскольку каждое новое поколение, дабы действовать осмысленно, вынуждено фактически “переписывать” уже известную историю в соответствии со своими ценностными представлениями, изменение парадигм как своеобразных оптических устройств, с помощью которых можно исследовать прошлое, в исторической науке происходит довольно часто. При этом историческая социология превращается в ядро теории социальных изменений⁶.

На протяжении 1990-х гг. объективный кризис догматически-ортодоксальной марксистской парадигмы социально-исторической методологии, который продолжительное время был присущ методологическому арсеналу советской исторической и социальной науки, стимулировал оживленную дискуссию вокруг проблем формирования новых методологических подходов. Особенность такого дискурса состоит в том, что он разворачивается в условиях новых теоретических разработок, присущих духу времени постмодерна. Вместе с тем наступление эпохи “после современности” в свою очередь стимулирует кризисные явления в гуманитарных науках, развивающихся в это время под влиянием нарастающего духа скептицизма.

С одной стороны, происходит интенсивный процесс дальнейшей дифференциации научных дисциплин, специализации их предметных полей и круга задач, которые они призваны решать. Речь идет, например, о сугубо

теоретической социологии и истории, а также о ряде прикладных социологических дисциплин. Аналогичная ситуация наблюдается в среде специальных (или вспомогательных) исторических дисциплин, число которых уже приближается к сотне. Они существенно расширили собственное предметно-проблемное поле, подключив современные разработки в области социальных наук, ориентированные на математические и компаративные методы анализа.

С другой стороны, формирование замкнутых на себя “узкоспециальных” научных областей ограничивает возможность эффективного использования достижений различных научных дисциплин. Складывается парадоксальная ситуация, когда мы все больше знаем о всем меньшем проблемном поле, однако теряем при этом общую концептуальную перспективу. Поэтому особенно актуален, объективно необходим не только перманентный анализ, но и определенный концептуальный синтез.

Важнейшей проблемой общеметодологического плана является восприятие социально-исторического времени. Временно-пространственные характеристики существенно влияют на определение методологических подходов к анализу социальной и исторической реальности. Эту связь можно проследить в еще достаточно популярной цивилизационно-формационной парадигме многих исторических исследований. Для классиков марксизма существовала лишь одна глобальная цивилизация, развивающаяся по объективным историческим законам, которые надо было досконально изучить и поставить на службу прогрессивному классу, призванному изменить общее социальное положение к лучшему. Однако с осмыслением культурно-антропологических различий между географическими зонами, критическим осознанием упрощенной черно-белой картины социальной реальности и исторического прошлого научная картина мира начинает походить на сложную многоцветную мозаику.

Соответственно нелинейным стало восприятие исторических и социальных характеристик различных объектов исследований, ведь понятно, что определенные локальные цивилизационные характеристики задают географическо-пространственные параметры, “место развития”, а временные — формационные.

Вместе с тем такой поворот научной мысли послужил причиной общего кризиса методологического инструментария всемирной истории. Стало проблемой толкование возможности не только существования общей истории, но и возможности ее развития по научным законам. Систематизировано эти претензии к “нищете историцизма” изложил К. Поппер. Он подчеркивал, что универсальной истории человечества не существует, есть лишь отдельные варианты истории локальных частей человечества. В истории существует личностный и иррациональный факторы, делающие ее уникальной

и неповторимой. Поэтому любые исторические пророчества относительно всемирной истории, которая будто бы идет своим чередом, невозможны⁷. Тем самым фактически был причинен первый идейный удар по классическому пониманию социально-исторического времени, вектор которого в процессе развития стремится от прошлого через миг современного в будущее.

Тем не менее, философия истории эпохи Модерна еще продолжает оказывать влияние на общественное сознание, формируя хотя и меньший, но реально существующий (и едва ли уничтожимый) ареал стран, которые смысл социально-исторического развития видят в идее *единства исторического времени*, основывающейся на монотеистическом представлении о едином Боге. Воля Творца и его соавторов (различных социальных игроков) определяет вектор исторического времени от точки отсчета до овсянного мечтой финала, раскрывающего смысл человеческого бытия. Идеал эпохи Модерна все еще действует и предлагает общее будущее для всего человечества, независимо от его локально-цивилизационных различий. Сегодня на эту идею продолжают работать весомые политические и теоретические структуры, связанные с марксизмом и либерализмом. Общим для обоих течений было и остается единое видение перспектив модернизации как общей проблемы социальной адаптации бывших “отсталых” в своем развитии народов к требованиям современности.

К. Поппер, объявив невозможным историческое проектирование, направленное на радикальные социальные изменения, на некоторое время смог охладить бушующее воображение “социальных инженеров” будущего. Более того, после краха советского альтернативного исторического проекта было заявлено о “конце истории”. Автор этой концепции Ф. Фукуяма подчеркивает, что “в конце истории нет никакой потребности в том, чтобы либеральными были все общества, достаточно, чтобы были забыты идеологические претензии к другим формам организации социальной жизни”⁸.

Таким образом, господствующая отныне идеология Постмодерна оставляет право на жизнь лишь “вечно современным” в разделенном по социальному статусу мире, забыв о больших социально-исторических проектах. При этом на смену классическому представлению о социально-историческом времени как единстве прошлого, современного и будущего приходит новая парадигма дихотомического противопоставления архаического прошлого — почти идеальному современному. Тем самым традиционные общества объявляются неспособными на адекватный ответ вызовам Постмодерна, а значит, глобальная цивилизация снова делится на избранные народы, живущие в эпоху Интернета, и нации-изгои, пытающиеся выжить в неблагоприятной среде. Последним, учитывая провозглашенные еще в 1970-х гг. экспертами Римского клуба “границы роста” (близкие к представлениям Т. Мальтуса), остается лишь приспособливаться к современным императивам так называемого

“устойчивого развития” и полностью забыть о содержании и направленности социально-исторического времени.

Таким образом, речь идет, в сущности, о необходимости “реабилитации” историзма. Ведь фактически критика современного с позиций сакрального будущего позволила первым христианам бросить вызов римскому глобализму. Человек европейской эпохи духовной Реформации внес в социальную философию постулат о ценностной неравнозначности прошлого, современного и будущего⁹. Возрождение идей гуманистического историзма будет обозначать способность глобального социума нести ответственность за дальнейшую трагичность бытия.

Принцип историзма остается одним из наиболее важных и для социологии. Чтобы понять современное социальное явление, как правило, необходимо обратиться к его истокам и процессам, которые ему способствовали. При этом правильно объяснить социально-исторические феномен можно лишь в пределах его исторического времени. Вместе с тем исторический опыт свидетельствует, что Модерн порождает социальных актеров, не умеющих ждать и последовательно, систематично готовить себя для будущего. Это заставляет абсолютизировать современное как альтернативу прошлому и будущему, угрожающему новыми вызовами.

Идеология Модерна, подчеркивает российский философ А. Панарин, породила два способа расправы над прошлым как качественно иным: это его дискредитация и модернизация — проекция на него современных стандартов и представлений¹⁰. По мнению ученого, этой цели служит так называемая новая социальная история, которая, применяя современные методы к анализу наиболее отдаленных исторических эпох, избавляет свое сознание от шока встречи с качественно иным способом мышления и ценностями.

Все это возвращает нас к дилемме, с которой всю свою творческую жизнь сталкивался М. Вебер: как в реальном процессе исторического познания соотносятся принцип отношения к ценности и принцип свободы от оценочных суждений. Известный немецкий социолог предлагал различать две стороны объекта исторического познания — его идеальный тип и “вторичные исторические данные”, касающиеся ценностных характеристик объекта¹¹. Важная методологическая находка М. Вебера — понятие “идеального типа” — занимает функционально значимое место в инструментарии исторической социологии.

Говоря о методологии исторической социологии, следует обратить внимание на возможность применения методов, укрепляющих междисциплинарные связи между социальными науками. Г. Блок — один из основателей школы “Анналов”, близкой к исследователям новой социальной истории, справедливо подчеркивал, что изолированность любого из специалистов дает возможность понять лишь половину истины даже в своей области,

поэтому единственно действительная история, возможная лишь при взаимопомощи, — это всемирная история¹².

Начиная со второй половины XX в., в теоретической истории происходят важные методологические изменения. При этом под теоретической историей все чаще понимают основанное на междисциплинарном подходе исследование и описание причинно-следственных связей, определяющих поведение и поле развития больших социальных групп на больших хронологических промежутках, с прогностической потенцией¹³.

Постановка футурологических задач перед теоретической историей — достаточно новое явление. В истории прошлое быстро приобретает черты стабильной неизбежности, которая перечеркивает любые альтернативные варианты развития. Поэтому традиционно считалось, что предугадывать можно только будущее. Прошлое — это данность, в которой нет места возможному¹⁴. Если признать, что любое знание по своей природе является вероятным, то надо согласиться с тем, что прогнозирование будущего так же сложно, как и толкование прошлого. Дифференциация этих научных проблем связана с различным методологическим инструментарием.

Новое понимание вектора социально-исторического времени убеждает, что прошлое может быть таким же непрогнозируемым, как и будущее. Проблема толкования альтернативных вариантов прошлого входит в круг задач исторической феноменологии. Ее парадигма формируется на основе философских идей Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, которые поставили проблему определения объективной сущности сознания. Объектом исследования исторической феноменологии является определенный источник как intersubъективная реальность. Основная методологическая задача историка-феноменолога — предоставить право на монолог чужому сознанию. Таким образом, историческая феноменология отказывается от марксистско-гегельянской парадигмы, которая считала своей задачей объяснение исторической действительности, вместе с тем поднимает проблему понимания человека прошлого и через него — толкования окружающего мира¹⁵.

Развитие этого направления исторических исследований сформировало научные направления “микроистории” и “истории повседневности”. Последняя сосредоточивает внимание не на политической истории, которая фактически воспринимается как история элиты, а на жизни народа в ее функциональности. В частности, устная история обращается к сюжетам повседневной жизни, привлекая в научный оборот нетрадиционные исторические источники, позволяющие изучать настроения “молчаливого большинства”, существенно влияющего на социальные процессы. Методологически это направление исторических исследований близко к социологическому анкетированию. Существенное значение в процессе обработки результатов

исследования имеют клиометрические, то есть математические методы исторического исследования социальных систем, институтов, тенденций¹⁶.

Вместе с тем, сосредоточив внимание на исследовании важных деталей, историки начали пренебрегать масштабным видением прошлого. Важный шаг от “микростории” к Большой или Универсальной истории, базирующейся на междисциплинарном подходе, с использованием идей синергетики, психологии и футурологии, сделан на рубеже тысячелетий. Наиболее последовательно и лаконично в российской социальной науке эти идеи изложены в труде А. Назаретяна “Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории”¹⁷. В поле зрения Универсальной истории находятся проблемы взаимодействия ноосферы и биосферы, тенденции разветвления векторов исторической эволюции, футурологические прогнозы.

Еще одним перспективным направлением современных историко-социологических исследований является историческая глобалистика. Она также концентрирует внимание на современных эволюционистских теориях. В формате глобальной истории разворачиваются исследования “мир-системной теории” И. Валлерстайна и исторические проекции геополитических идей. Методология исторической глобалистики возвращает историков из области чисто гуманитарного знания в сферу социальных наук.

Это направление исследований сформировалось в условиях кризиса методологических моделей структурализма, потери представлений о сущности и единстве исторического процесса. Его развитие происходит в условиях актуализации культурно-исторического подхода и господства концепции исторического релятивизма, поставившей под сомнение возможность применения в процессе исторического анализа философских понятий¹⁸. Вместе с тем историческая глобалистика отрицает евроцентристские, линейные и сугубо детерминистские концепции традиционной всемирной истории. В ее методологическом инструментарии собраны теории культурной антропологии и синергетики, при этом социально-историческое бытие снова становится экзистенциально открытым к разным возможностям.

В целом для научного сообщества конец второго — начало третьего тысячелетий, формальное начало новой исторической эпохи, а главное — качественное обновление мирового социума (человечества) стимулирует императивную необходимость обновленной парадигмы социальной теории. Имеется в виду парадигма социальной науки, которая адекватно “транслирует” на современную ситуацию идеи гуманистической социальной инженерии и согласовывается с идеей циклического развития. Создание соответствующей релевантной модели открывает новые горизонты для синтетических междисциплинарных исследований.

Глава 2. Развитие понятия “социальное”

Исторический опыт подтверждает, что развитие гуманитарных наук в значительной мере связано с постоянным поиском консенсуса относительно фундаментальных категорий, от понимания и толкования которых зависит определение предметного поля, задач и методов исследований. Среди гносеологических проблем, формирующих структуру всего многоэтажного здания наук о человеке, ключевое место занимает определение понятия “социальное”. При этом не только теоретический, но и практический интерес составляет изучение движения семантики названной категории, то есть смысловых значений, на разных этапах исторического развития.

Для методологического удобства можно условно выделить три четко дифференцированные большие эпохи — Традиционализм, Модерн и Постмодерн. В целом сложность жизни общества нарастает с каждым новым этапом ее развития. Для человека существенное значение имеют разнообразные циклы, которые становятся содержанием его деятельности. Этим, подчеркивает российский исследователь А. Ахиезер, объясняется необходимость анализа циклов, присущих мышлению и действиям человека. Вся жизнь человека традиционного общества является бесконечной системой циклов, которые он воссоздает как ритуалы. При этом различные виды деятельности еще не дифференцированы предметно, однако уже на этом этапе формируются дуальные оппозиции как инструменты анализа и синтеза жизненного опыта. В частности, А. Ахиезер рассматривает дуальную оппозицию как результат дифференциации недифференцированного. Формирование смысла определенного явления происходит вследствие перехода мысли субъекта от одного полюса к другому¹⁹.

Относительно толкования понятия “социальное” такими составляющими дуальных оппозиций являются категории “индивидуальное” и “коллективное”, “биологическое” и “культурное”.

Социальное и традиционное. Содержание понятия “социальное” формировалось вместе с развертыванием антропосоциогенеза. Развитие норм, стереотипов, коммуникаций, статусных признаков проходило параллельно

с формированием человека как субъекта предметно-практической деятельности. Итак, уже на заре истории *homo sapiens* отличался от стадных животных, имеющих “социальные инстинкты”, наличием нормативно-ценностной системы, то есть специфической культуры, регулирующей поведение индивида. В этом смысле не обезьяна создала человека настойчивым “трудом”, а человек разумный поднялся над животным миром прежде всего благодаря развитию языковой коммуникации. С возникновением специализированной информационно-знаковой деятельности материальный мир был обречен на идеализацию посредством действия магии Слова. С тех пор между животным и “социальным” мирами образовалась психологическая пропасть, ведь животное желает лишь то, что ему необходимо в данный конкретный момент, а человек всегда о чем-то мечтает, к чему-то стремится.

Важными факторами антропосоциогенеза являются нравственно-социальные запреты — табу, роль которых в развитии человека раскрыл З. Фрейд в работе “Табу и тотем”. Связь между социальным и психологическим обнаруживается и в теоретических построениях К.-Г. Юнга, в частности в его концепции коллективного сознания и коллективного бессознательного, формирующих глубинные потоки человеческой истории²⁰.

На этапе развития традиционных обществ особенно показательно единство в человеке биологического и социального. Например, Аристотель, подчеркивая наличие у человека как части природы черт животного (биологического) и социального (политического), называл членов общества “политическими животными”. Платон считал, что индивиды объединяются в социум, дабы обеспечить удовлетворение своих основных потребностей. Наилучшим образом это достигается в идеальном обществе, поскольку социальная жизнь является естественной сущностью человека.

Отрицание биологического в человеке в пользу социального связано с религиозной традицией, которая резко противопоставляет телесное (греховное) — духовному. Биологическое обеспечивает функционирование инстинктов, социальное же отвечает за культурные ценности и нормы. Антрополог К. Лоренц, например, считает, что некоторые высшие ценности (сочувствие, солидарность, альтруизм) прямо взаимодействуют с инстинктами, в то же время социальное позволяет контролировать проявления биологического. С другой стороны, культурные ценности не наследуются биологически, а приобретаются социально.

Связь между социальным и сакральным чрезвычайно важна, она обнаруживает иерархичность социального мира²¹. Социальное исполняет жизненно важные сакральные функции. Во-первых, это касается проблем связи с миром Абсолюта, духовности, функционирования механизмов психологической компенсации; во-вторых, социальное и сакральное способствуют

интеграции (объединению) членов определенного социума вокруг санкционированного мировоззрения, морально-этических норм; в-третьих, сакрализация социального в традиционном обществе легитимизировала механизмы социального контроля, сформировала стереотипы массового поведения; в-четвертых, сакрализованное социальное способствует разрешению экзистенциальных проблем путем продуцирования новых смыслов общественной деятельности на определенных исторических этапах; в конце концов, в-пятых, традиционная легитимизация власти, как это доказал классик социологической мысли М. Вебер, осуществляется через ее сакрализацию²².

С точки зрения исторической социологии существенный интерес представляет движение семантики понятия “социальное” в существующих мировых религиозных системах. В этом контексте особо важны научные труды М. Вебера, посвященные компаративному анализу хозяйственной этики мировых религий. В частности, он подчеркивает, что внешне схожие формы экономической организации могут сочетаться с хозяйственной этикой совершенно иного характера и в зависимости от ее специфики оказывать различное историческое влияние. Для каждой из религий можно найти те слои населения, чье жизненное поведение хотя бы в определенной степени было определяющим. Ислам вначале был религией завоевателей мира, рыцарского ордена дисциплинированных борцов за веру и отличался от созданных по его образцу христианских орденов времен крестовых походов лишь тем, что требовал сексуального аскетизма. Христианство вначале было учением странствующих ремесленников и по своему характеру религией исключительно городской²³.

Следует отметить, что представления о категории “социальное” в различных мировых религиозных системах достаточно близки. В частности, христианство, генетическими корнями уходящее к социокультурной системе древнего Востока, в конце концов, сформировалось как наиболее распространенная мировая религия, и весь ближневосточно-средиземноморский ареал был объединен под властью наднациональной Римской империи. Христианские социальные нормы положены в основу многих социально-политических учений, в частности социализма, прежде всего касающиеся отношения к богатству и труду. Настоящий переворот в этом вопросе произошел в период протестантской реформации. Со времен Лютера и Кальвина богатство стало восприниматься как свидетельство богоизбранности.

Религиозная реформация в Западной Европе была настоящей революцией в представлении о социальном. В первую очередь отрицался постулат о возможности коллективного спасения верующих. Появляется феномен свободного индивида, который получает в частную собственность, прежде всего, собственное тело. Капиталистические отношения разрушают общину

как главную матрицу традиционного общества. Возникает рынок купли-продажи рабочей силы. С целью избежания войны всех против всех свободные индивиды создают гражданское общество. Основным социальным механизмом становится конкуренция, то есть состояние, когда свобода одного индивида ограничивается сферой свободы другого. С этого времени западный антропологический миф признает человека злым по своей социальной природе. Традиционные культуры продолжали считать, что человек создан по образу и подобию Божьему и утратил рай вследствие грехопадения.

Этика ислама не призывает к активному изменению социального порядка, а имущественная дифференциация в Коране объясняется волей Аллаха. Пользование богатством — временно и непостоянно²⁴. Аналогичные мотивы можно найти в буддизме и конфуцианстве.

Начиная с “осевого времени”, выделенного К. Ясперсом в период VIII–VI вв. до н. э., когда происходило активное осознание отличия индивида и его этики от коллектива и вместе с тем взаимозависимости индивида и социума, четко определились принципиальные различия между Востоком и Западом. Так, в античной Греции частная собственность была структурообразующим фактором, способствующим установлению полисной демократии, обеспечению правовых гражданских гарантий, эмансипации индивида от социума. Традиционные восточные цивилизации стремились контролировать частного собственника: в конфуцианстве и исламе это делает государство, в буддизме — кастовая система. То есть цивилизации Востока развивались на основах подчинения индивида коллективу.

Восточные социальные институты последовательно отрицали социальные инновации, которые в исторической перспективе могли подорвать традиционные социальные отношения. В частности, в исламе этому способствовало религиозно детерминированное социальное поведение. Ставка делалась на дисциплинированный и подчиненный харизматическому лидеру социум. При этом история мусульманских стран убедительно доказывает, что существовала достаточно высокая степень вертикальной социальной мобильности. Поскольку перед Аллахом все равны (конечно, за исключением женщин), то талантливый вчерашний раб при благоприятных обстоятельствах мог стать эмиром, крестьянин — военачальником, бедняк — знатком ислама.

В буддизме определяющим является религиозно детерминированное индивидуальное поведение. Учитывая принцип индивидуальной кармы, здесь не признается характерный для православия принцип коллективного спасения. При этом верующие осознают, что в нынешней жизни они закладывают фундамент своей будущей кармы, чтобы иметь шанс родиться

снова с чистой совестью, достичь состояния нирваны, вырваться из циклического круга перерождений.

Китайская конфуцианская традиция основывается на ценности оптимально организованного социального бытия. Его источником является постоянное самосовершенствование человека, который должен стать мудрецом, чтобы руководить государством, а государство, в свою очередь, также ориентирует социум на достижение высшей внутренней гармонии. Именно этой цели в традиционных восточных цивилизациях служило понятие “социальное”, которое толковалось в первую очередь как коллективное, освященное всем опытом исторического бытия социума.

Таким образом, приблизительно до великих географических открытий и их продолжения — колониальных захватов на Западе и Востоке сложились принципиально различные смысловые характеристики понятия “социальное”. Еще в Античной Греции и Древнем Риме, в этой колыбели средневековой западной цивилизации, сформировался индивидуалистический стереотип социального поведения, предопределяющий приоритет личных целей, а не интересов определенной социальной группы, а также самоидентификацию на основе личных атрибуций, а не через отождествление себя с группой. Традиционные восточные цивилизации отдают предпочтение коллективным ценностям, которые превалируют над индивидуальными интересами, при этом человек Востока идентифицирует себя, прежде всего, с определенным социумом²⁵.

Постепенное отрицание традиционных представлений о социальном как таковом, что дано от Бога, поэтому руководствуется Высшим Разумом, происходило в XVII–XVIII вв., в европейскую эпоху Просвещения. Для Аристотеля социальный Космос был замкнутой системой. После открытия Дж. Бруно постепенно утверждается представление о бесконечности Вселенной. С тех пор окружающий мир стал для человека предметом научного и экспериментального познания. Начиная с XVII в., время становится линейным и необратимым. Вместо циклических исторических представлений утверждаются идеи бесконечного исторического прогресса.

Весомый вклад в этот процесс внес Ж.-Ж. Руссо, выдвинув гипотезу возникновения “цивилизованного состояния”, которому присуще наличие гражданского общества вследствие заключения общественного соглашения. Начиная с Великой французской революции 1789–94 гг., открывается новый большой социальный цикл истории, содержание которого состоит в превращении человека не только в неверующего скептика, но и в сотворца Демиурга. На этих амбициях развивается социальное в условиях Модерна.

Социальное и Модерн. Существенные изменения семантика понятия “социальное” претерпела в эпоху Просвещения. Постепенно происходила

десакрализация социального мира как Космоса, что было характерно для традиционного общества. Религиозная реформация XVI–XVII вв. в Европе породила гражданское общество, структуры которого функционируют в городской цивилизации. Протестантское представление о делении людей на избранных (собственников) и изгоев (пролетариев, то есть, по традиции римского права, тех, в собственности которых имеются только потомки) послужило причиной перехода от сословной дифференциации общества, присущей для традиционных социумов, к классовой. Рационализм освободил человека от традиционных табу, одним из следствий этого процесса является расизм. При этом колонизация заставила отойти от христианского представления об общем братстве людей, ведь дикарей других социумов надо было “цивилизовать”.

Модерная глобальная цивилизация формировалась в XVII–XIX вв. усилиями западных рационалистов как сложная система культур и локальных цивилизаций. Исходя из различных представлений о социальном, люди по-разному формировали системы производства и распределения материальных благ. Для традиционных обществ характерно производство ради потребления, для общества эпохи Модерна — ради получения прибыли. Главной метафорой традиционного социума является представление о социальном как о родственном, а для современного общества социальное является, прежде всего, конкурентным, рыночным²⁶.

Модерную парадигму для понятия “социальное” в 1845 г. представил К. Маркс, который подчеркивал, что сущность человека не является определенным абстрактом, присущим отдельному индивиду, в действительности это совокупность всех его общественных отношений. То есть действия индивидов порождают общество, однако социум и индивид неделимы, они формируют друг друга. Феномен “социального” идентифицируется за пределами личных контактов и функционирует с помощью социальных институтов.

Известный историк и социальный мыслитель А. Тойнби рассматривал общество как институт высшего порядка, включающий все другие институты, но сам не принадлежащий ни к одному из них²⁷. Он отмечал, что источником социального действия не может быть общество, но им может быть отдельный индивид или группа индивидов, поля действия которых и создают общество, а оно, в свою очередь, является посредником, с помощью которого индивиды взаимодействуют между собой. Личности, а не общества создают человеческую историю.

Вместе с тем дуальная оппозиция индивидуального и коллективного дает основания утверждать, что нельзя отрицать массовый фактор в историческом процессе. Особенно эта тенденция проявляется при формировании так называемого массового общества, диагноз которому поставил испанский

философ Ортега-и-Гассет в работе “Восстание масс”. При этом в социально-исторических процессах решающими являются не количественные характеристики определенной социальной группы, а ее численность, умноженная на социальную активность. Так, в 1960-х гг. на Западе развернулась конкуренция за социальное влияние между классом профессиональных политиков и движением гражданских инициатив. Демократия участия требует повышенной социальной активности вне производственной сферы, в общественно-политической жизни. Однако массовое потребительское общество все более подчиняет своим интересам социокультурную и политическую сферы, тем самым постепенно происходит дегуманизация понятия “социальное”.

Социальное и Постмодерн. Основатель социологии О. Конт определял как предмет этой науки будущее общество, которое охватит и объединит все человечество²⁸. Такая установка на модернистскую глобализацию была ведущей в XX в., в эпоху конкуренции социалистической и либеральной социальных парадигм. Тогдашний модернизм опирался на формационное видение общей всемирной истории, развитие которой характеризовалось постепенным прогрессом. На рубеже XXI в. стало понятно, что развитое потребительское общество — это монополярный продукт исключительно западной цивилизации.

Русский политолог А. Панарин отмечает, что современные общества не просто воссоздают себя в истории, они привлечены к процессу создания мегаобщества. Поэтому решающими социальными отношениями на сегодняшний день являются отношения не к собственности, а к стратегии формирования будущего²⁹. Идеология Постмодерна отрицает постоянные нормы и процедуры социальной жизни, тотально подвергаются критике “высшие смыслы” и проекты. Теряется вера в мессианские исторические перспективы. Постмодернизм лишает историю вектора будущего.

Со времен К. Поппера историческое проектирование объявлено “нищетой историцизма”³⁰. Социально-историческая методология эпохи Модерн существовала на основах формирования объективных законов и тенденций. Главные ценности Модерна — демократия, равенство и прогресс. Либералы Постмодерна, наоборот, настаивают на равнозначности любых промежутков времени и призывают оставить заботы о смысле и направленности социального времени³¹.

Для Постмодерна в толковании понятия “социальное” наиболее симптоматично возвращение к концепциям, отдающим приоритет биологической составляющей человека. Речь идет о расизме и социал-дарвинизме, которые выводят социум на арену борьбы за существование, где побеждают наиболее адаптированные. Общее историческое время начала и конца истории

заменяется глобальной сегрегацией народов, разделенных на избранных и изгоев, а могущественный центр, как глобальный Город, эксплуатирует бедную провинциальную периферию.

Окончание глобального социального цикла, начатого Великой французской революцией конца XVIII в., ознаменовано поиском нового содержания понятия “социальный глобализм”.

Историческое движение семантики понятия “социальное” дает основание сделать попытку типологизации наиболее часто употребляемых определений.

Описательные определения: социальное — совокупность определенных свойств и особенностей общественных отношений, интегрированная индивидом или обществом в процессе совместной деятельности в конкретных условиях, которая проявляется в их взаимоотношениях, в отношении к своему месту в обществе, к явлениям и процессам общественной жизни. Поле реализации социального сфокусировано на взаимодействии и сосуществовании индивидуального и общественного.

Исторические определения: социальное — это продукт традиций, всего предшествующего развития человечества. В этом плане также следует рассматривать проблему исторической связи поколений.

Нормативные определения, как правило, акцентируют внимание на социальной жизни индивида и социума через систему нормативных правил и контроля за их выполнением. При этом особое внимание уделяется роли идей, символов, структур в социальной жизни.

Определение социального через психологическое, и наоборот. К. Маркс, в частности, отмечал, что общественное бытие определяет сознание, то есть психологическое в этой парадигме раскрывается через социальное. Но поскольку по сути социальное и психологическое являются неделимыми и имеют общий предмет — человека, то можно предположить, что в мире постматериальных ценностей социальное уместно толковать через психологическое³².

Такое содержание понятия “социальное” открывает широкие возможности для разработки новых методологических подходов к исторической социологии.

Глава 3. Введение в социальную теорию относительности

Проблема социального и социального развитие. Как известно, термин “социальное” происходит от латинского *societas* — общество. Стремление познать, осмыслить социальную сущность сопровождает человечество на протяжении всей его истории. Эта категориальная универсалия буквально пронизывает терминологическую иерархию, которую выстраивает социально-философское познание объективной действительности.

Социология как наука об обществе, прежде всего о механизмах его функционирования и развития, также фокусирует свое внимание на категории “социальное”. Ее многочисленные определения свидетельствуют о чрезвычайно сложной природе этого человеческого образования. Вместе с тем, возникая и развиваясь в процессе коллективной деятельности, этот феномен имеет широкое разнообразие конкретных проявлений, ведь он является наиболее сложным среди человеческих образований. Остановимся на некоторых из этих проявлений.

В целом по К. Марксу категория “социальное” — это совокупность свойств и отношений, возникающих в процессе совместной деятельности людей, которая осуществляется в конкретных исторических условиях и проявляется в межличностных отношениях и отношениях человека к себе, своему месту в обществе, к явлениям и процессам общественной жизни.

При этом специфику социального характеризуют такие основные качества:

— общее свойство, присущее как отдельному человеку, так и группе людей, возникающее в процессе их интеграции в общественные отношения;

— выражение обусловленного существующими общественными отношениями (экономическими, политическими, культурными и др.) определенного положения людей;

— выяснение отношений людей между собой, отношение к своему положению в обществе, к явлениям и процессам общественной жизни;

— социальное является результатом совместной деятельности людей, проявляющимся в их общении и взаимодействии.

Социальные отношения представляют собой специфический вид общественных отношений, который вызван деятельностью людей, обусловленной их неодинаковым положением в обществе и ролью в общественной жизни.

Таким образом, общество по сути является сложной системой связей между отдельными людьми и группами людей, которые самоопределяются через взаимоотношения друг с другом. Понятно, что такая система может быть как статической, так и динамической. Это ее качество обуславливает процесс перманентного развития внешне заданной (материальной) социальной сущности. Внутренним отражением (следствием) и одновременно творческим началом (причиной) социального выступает психический процесс, составляющий развивающуюся духовную сущность человека.

Атрибутивные качества социального — взаимозависимость людей в процессе совместного созидания и положительное (этичное) отношение к партнеру. На основании этой имманентной этичности социального один из основателей современной социологии французский философ О. Конт называл социологию формой положительной религии.

В 1830-х гг. О. Конт ввел в научный оборот понятие “социология”, то есть наука об обществе. По его замыслу, она должна интегрировать в себе все области знаний об обществе. О. Конт считал, что социология как положительная философия должна осуществлять наблюдение, описание и систематизацию фактов, процессов общественной жизни.

Таким образом, *социология* — это наука о становлении, развитии и функционировании общества, социальных сообществ, социальных отношений и социальных процессов, о механизмах и принципах их взаимодействия. Как наука социология выполняет определенные функции: теоретически-познавательную, которая заключается в систематизации и продуцировании нового знания, критическую, социально-управленческую, мировоззренческо-идеологическую, гуманистическую, практически-преобразовательную, информационную, прогностическую.

Социальная сущность утверждается в социальных институтах (*лат.* учреждениях) как формах закрепления способа осуществления специализированной деятельности, обеспечивающей стабильное функционирование общественных отношений. Общество, таким образом, заинтересовано в стабильности социальных институтов, что обеспечивается конституцией, законами и другими нормативно-правовыми актами. Если же социальные функции не воплощаются в формальных правилах, речь идет о неформальном институте. Социальные институты классифицируют на основе функций, которые они выполняют, — экономические, политические, воспитательные, культурные, религиозные, а также социальные институты в узком значении

этого слова. К экономическим социальным институтам принадлежат те из них, которые осуществляют производство и распределение социальных благ и услуг, организацию труда и регулирование денежного обращения. Политические социальные институты связаны с установлением, исполнением и поддержанием власти. Это, прежде всего, — парламент, президент, правительство, судебные органы и политические партии. Воспитательными и культурными являются институты, созданные для развития культуры, социализации молодого поколения, передачи ему культурных ценностей общества (семья, школа и др.). Религиозные социальные институты помогают удовлетворить запросы и потребности, связанные с пониманием сверхъестественного, сакрального, ведь, в конечном счете, могущество общества определяется уровнем его духовности.

Социальные институты находятся в постоянном динамичном состоянии, которое раскрывается через понятие “социальный процесс” — последовательное изменение явлений социального бытия.

Правомерно различать социальные процессы, *происходящие на различных уровнях:*

- индивидуально-личностном;
- межличностно-групповом;
- национально-государственном;
- межнациональном (межгосударственном);
- цивилизационном (общечеловеческом),

а также *изменяющие социальную структуру и социальные отношения в рамках:*

- отдельных национально-государственных образований;
- отдельных сообществ и локальных цивилизаций;
- человечества (глобального сообщества) в целом.

Развитие социальной сущности описывается через систему социальных законов. При этом социальный закон — это объективная и повторяемая причинная связь между социальными явлениями и процессами, возникающими вследствие массовой деятельности людей или их действий. Социальные законы отражают инвариантное сосуществование социальных явлений, тенденций развития, устанавливают функциональную зависимость между социальными явлениями.

Социальные институты неразрывно связаны с ценностными нормативами и идеологиями, равно как внешние формы чувственной эманации этики связаны с психологией социальных отношений субъектов разного масштаба — индивидов, групп, обществ, сообществ и человечества в целом.

При этом традиционно понимаемая взаимосвязь между “социальным” (внешним, материальным) и “психическим” (внутренним, идеальным)

отражена в известной формуле К. Маркса: “общественное бытие определяет общественное сознание”. Иначе говоря, в период традиционных форм общественного развития правомерно утверждать, что сознание как психическая (внутренняя) форма отражения предопределяется и раскрывается через социальное (внешнее) бытие.

Вместе с тем, анализируя современное западное общество, французский исследователь С. Московичи приходит к обратному заключению. В опубликованной им в 1988 г. книге “Машина, делающая богов” ученый приходит к выводу, что в процессе анализа человеческого общества социальное можно отделить от психологического лишь в абстракции, то есть они неделимы. Но при этом психические процессы (верования, эмоции, страсти) становятся определяющим фактором формирования социальных структур и институтов. На этом основании он делает вывод о том, что психическое лежит в фундаменте социологии.

Таким образом, можно сказать, что в постиндустриальном обществе утверждается (по С. Московичи) кардинально иной характер связи психологического и социального, когда усиливается и становится определяющим влияние психологических аспектов на различные процессы производства, обмена и потребления товаров и услуг. Отказываясь от экономического детерминизма в постиндустриальном обществе, социальные феномены логически можно объяснить психологическими причинами. То есть, по сути, социология и психология становятся в процессе общественного развития сопредельными научными дисциплинами, предметные границы которых пересекаются и не имеют четкой демаркационной линии.

Ныне, в условиях развертывания процессов экономической, политической и культурной глобализации, с новой силой актуализировалась дискуссия о поиске универсальных характеристик человеческого поведения, то есть того, что объединяет, а не разъединяет людей в мире. При этом квинтэссенция достижений социологии и психологии даст возможность приблизиться к решению этой задачи.

Для социального характерно существование в сложной структуре, которая постоянно развивается под действием различных факторов — социально-экономических, политических, культурных, психологических, демографических и т. п.

Понятие “структура” является центральным для многих областей знания, а потому и одним из наиболее употребляемых терминов в повседневной речи. Вместе с тем существует проблема определения этого понятия таким образом, чтобы его можно было применить к различным областям социальной действительности, независимо от их масштабов.

Известный польский социолог П. Штомпка утверждает, что понятие “структура” должно отражать идею зависимости между элементами, идею регулярности, закономерности, стабильности, идею фундаментального измерения, идею детерминирующего³³. Структура — это скрытая сеть стабильных регулярных связей между элементами в определенной области реальности, которая существенно влияет на развитие явлений в сфере наблюдений. В контексте эмпирической социологии понятие “структура” используется преимущественно как синоним статистического распределения данных наблюдений или как конфигурация статистических корреляций, но на самом деле оно значительно шире.

П. Штомпка описывает четыре процесса создания социальных структур. Процесс институционализации социальной структуры (возникновение социальных норм и ценностей), артикуляции идеальной социальной структуры (возникновение убеждений, взглядов, мифов, стереотипов), экспансии социальной структуры (расширение сети социальных контактов и коммуникаций), кристаллизация структур социальных интересов (возникновение иерархии на основе дифференциации доступа к материальным благам, власти и престижного статуса).

В контексте общей авторской идеи можно добавить, что существует корреляционная связь между процессами становления социальной структуры общества и личностным развитием, которую раскрывает структурно-функциональный анализ.

Поле реализации социального сфокусировано на взаимодействии и существовании индивидуального и общественного. Индивидуальное и общественное можно рассматривать как двуединые характеристики социального, которые в процессе развития социальной сущности поочередно выходят на передний план. Классическая социология опускает рассмотрение индивидуально неповторимых свойств и качеств личности (оставляя этот предмет за психологией) и фокусирует свое внимание на социально-типологических чертах личности, присущих ей как субъекту развития общества. В социологии личность — не только часть маленькой контактной группы, но и типичный представитель большой социальной группы с присущими этой группе нормами, традициями, ценностями, взглядами и отношениями.

Интеграция индивида в общество осуществляется через социализацию индивида — процесс становления личности, усвоение ценностей, норм, установок, образцов поведения, присущих обществу, к которому индивид принадлежит.

С другой стороны, индивидуальное по сравнению с общественным более изменчиво. Пределы его устойчивости не выходят за границы

возрастных когорт (поколений). В то же время значительные исторические периоды общественного как бы складываются (подобно “матрешке”) из периодов развития поколений, выступающих одновременно и “хранителем”, и “строителем” прошлого, настоящего и будущего общества.

Известный немецкий философ О. Шпенглер в своем классическом труде “Закат Европы” задает риторический вопрос: не лежат ли в основе любого исторического процесса качества, присущие индивидуальной жизни? Ответ на этот вопрос выводит нас на построение уточненной концепции общественно-исторического развития, которая позволяет преодолеть нынешний парадигмальный кризис системы социальных наук в целом и социологии в частности. Вместе с тем возникает логичный вопрос: зачем создавать новый подход, новую систему исторической периодизации или, иначе говоря, классификации, ведь их уже существует достаточно? Главные аргументы в пользу нового подхода — его эмпирическое происхождение, обеспеченное применением комплекса социетальных показателей, высокий эвристический потенциал и существенно более высокая степень прогноза, что очень важно для разработки эффективных стратегий общественного развития, включающих учет негативных последствий применения различного рода социально-инженерных технологий.

Как подчеркивает С. Московичи, не существует ни одной культуры, ни одной истории, в которых запланированное людьми общество не трансформировалось бы в общество реальное, которое переживает большинство его членов, без чего это общество осталось бы мертворожденным. К тому же, большинство футурологических подходов не несет конструктивного подхода, а дает лишь социально-философское объяснение действительности.

Наша (циклическая по своей природе) периодизация общественно-исторического развития строится на основе двуединого социально-психологического процесса развития личности и общества. При этом понимается, что социальная сущность проявляет себя как на общественном уровне, так и на личностном. Социальные и психологические свойства этих субъектов трансформируются в процессе перехода от индивидуального состояния к коллективному. Группа думает, ощущает, действует иначе, чем ее индивидуальные члены.

Главная цель — определение универсального подхода к разработке структурных форм модели, которая будет отражать социально-исторические и психологические моменты.

Швейцарский психолог Ж. Пиаже в XIX в. разработал концепцию психологии деятельности, согласно которой любое поведение человека предполагает как энергетический аспект, так и структурный, или когнитивный. То, что в жизни здравый смысл называет “чувством” и “умом”, рассматривая

их как две “способности”, противостоящие друг другу, на самом деле суть две разновидности поведения, одна из которых направлена на людей, а вторая — на идеи или вещи. Причем каждая из этих разновидностей находит и когнитивный, и аффективный аспекты действия, которые всегда объединены в реальной жизни и никоим образом не являются самостоятельными способностями.

Много психологов констатировали делимость и вместе с тем взаимосвязь указанных двух (эмоционально-аффективной и интеллектуальной) сфер — взаимосвязь, которая реально существует, но ее продолжительное время не удавалось раскрыть психологам. Эту задачу решил Д. Эльконин (1971) в рамках теории деятельности, которая развивается в системе “ребенок в обществе” (термин ввел А. Леонтьев), состоящей из подсистем “ребенок — вещь” (ребенок — общественный предмет) и “ребенок — взрослый” (ребенок — общественное отношение).

Рассматривая ведущий вид деятельности человека, он обнаружил скрытое (выходящее на поверхность во время так называемого психологического кризиса) диалектическое разногласие между двумя его аспектами — операционно-техническим (“интеллектуально-структурным”, по Ж. Пиаже), связанным с развитием подсистемы “ребенок — вещь”, и эмоционально-мотивационным, связанным с развитием подсистемы “ребенок — взрослый”.

Следовательно, в общей последовательности ведущих видов деятельности в ходе жизненного цикла человека чередуются виды с приоритетным развитием то одной, то другой стороны, образуя социальные циклы развития личности в онтогенезе.

Возрастная психология довольно четко выделяет указанные социальные циклы и периоды (эпохи) психического развития личности до 17 лет жизни человека. К сожалению, еще плохо описано (с точки зрения выделения социальных циклов и их периодов) дальнейшее психическое развитие личности. Для разрешения этой задачи мы применили (1992) оригинальную методику анализа возрастных когорт, позволившую верифицировать искомые когорты с точностью до года.

Применение данной методики в Украине показало, что верхняя граница пенсионного возраста для населения Украины составила на период измерений 63–64 года. В свете полученного результата становится понятной критика, которую продолжительное время высказывает Международная организация труда в адрес Украины, обращая внимание на необходимость повышения верхней границы пенсионного возраста.

Анализируя указанное противоречие, авторы обратили внимание также на расхождения периодизаций психического развития личности, полученных в результате экспериментов Ж. Пиаже и советскими психологами.

В частности, установленные Ж. Пиаже границы периодов психического развития отличаются от соответствующих результатов, полученных советскими психологами, приблизительно на 1,5–2 года. В экспериментах Ж. Пиаже они “сдвигаются” в сторону больших возрастных значений (*рис. 1, с. 14*). Такой сдвиг, на наш взгляд, можно объяснить главным образом особенностями общественно-исторических условий и их влиянием на психическое развитие человека — в западных (постиндустриальных) и советских (индустриальных) общественно-исторических условиях.

Охарактеризовать феномен взаимосвязи индивидуальной психики и массовой можно понятием “социетальное”, которое ввел в научный оборот в 1903 г. А. Келлер, то есть определяющее общесистемные свойства общества как социального целого. Соответственно новое понятие “социетальная психика” позволяет интегрировать три основных уровня социального, по определению П. Сорокина, — человек, общество и цивилизация.

Представления о целостности общества, находящегося в условиях трансформации, требуют применения социокультурного подхода, то есть понимания общества как единства культурного и социального. Одним из способов такого толкования является определение понятия “социетальный процесс”.

Таким образом, социетальный процесс — это поле социокультурных взаимодействий в масштабе общества (с социетально-функциональными структурами включительно), имеющее определенный вектор и стабильно воспроиздаемое в определенном временном интервале³⁴. В качестве системы индикаторов, характеризующих социетальный процесс, состояние и свойства социетальной психики, мы, вслед за Е. Донченко, принимаем шесть шкал бинарных оппозиций³⁵.

Экстраверсия/интроверсия. Экстраверсия — направленность социетальной психики на объективные обстоятельства, прежде всего ближайшей среды. При этом общество является более традиционным и отвечает, в шпенглеровском варианте концепции, “закрытым культурам”, формирующим соответственно тоталитарные цивилизационные системы. Интроверсия направлена на внутренние, субъективные обстоятельства, она присуща преимущественно так называемому “открытому обществу”. Социетальная характеристика экстраверсия/интроверсия классифицирована и описана швейцарским психологом К.-Г. Юнгом. Существенным образом на нее влияет геополитическое положение, ведь с ним непосредственно связана историческая судьба, поэтому в ходе дальнейших исследований особенно важно проследить изменения различных национально-государственных образований на одной и той же территории в течение определенного исторического времени. Это даст возможность проследить

механизм действия социального взаимовлияния “закрытых” и “открытых” культур.

Иррациональность/рациональность. Характеризует способность восприятия действительности и соответственно доминирующую установку на восприятие, лежащую в основе формирования определенной картины мира.

Экзекютивность/интенциональность. Парная характеристика гендерного — женского или мужского начал. Авторы разработали уникальную психодиагностическую методику определения этой социетальной характеристики на основе доминирования в парных цветовых предпочтениях “холодных” или “теплых” цветовых оттенков.

Эмоциональность/прагматичность. Важная социетальная характеристика общества, которая почти сразу бросается в глаза, когда речь идет о признаках ментальности общества, его ориентированности на эмоционально-чувственные либо на мыслительные процессы.

Экстернальность/интернальность — свойства, возникающие хронологически позже остальных и характеризующие степень самостоятельности, зрелости и ответственности общества. В психологических исследованиях личности с помощью этой шкалы определяют так называемый локус контроля, место расположения контролирующих деятельность и поведение человека механизмов (“извне” или “изнутри”).

Интуитивность/сенсорность — последняя в перечне, но не по значению социетальная характеристика.

Авторы согласны с мнением Г. Айзенка о наличии определенной взаимосвязи между социетальными признаками, которые в конце концов и определяют “ментальные особенности” определенного социального организма — индивида, общества, локальной цивилизации и человечества в целом.

Известны также следующие социетальные состояния: *конвенциональное* — да, *корректирующее* — нет, *хаотичное* — иное. Тем не менее, открытым остается вопрос, является ли это механизмом функционирования социетального. В частности, нам представляется возможной корреляция конвенционального, корректирующего и хаотичного социетальных состояний с концепцией “вызов — ответ” А. Тойнби.

Эманацией социетальной психики является понятие “архетип”, которое ввел в научный оборот К.-Г. Юнг. Архетип может рассматриваться как сверхперсональный фактор психосоциальной эволюции. Анализ архетипа — метод исследования менталитета, праистории и будущего. Архетип является формой бессознательного, неоднократно повторяющейся в истории. Поскольку онтогенез повторяет филогенез, то высшей организации имманентно присуща вся предыдущая иерархия архетипов прошедших этапов социального развития³⁶.

Среди главных вопросов социологической науки П. Штомпка выделяет поиск ответов на вопросы о том, что есть общество и как оно изменяется.

Г. Спенсер называл идею развития ключевой в научном анализе. Органическое развитие — это переход от состояния однородности к состоянию разнородности (инволюция/эволюция). Закон развития распространяется на все явления, не только материальные, но и психологические. Интеллектуальный прогресс является свидетельством социального прогресса, органический прогресс состоит в постепенном переходе от однородного к разнородному³⁷. Один из наиболее важных социологических принципов — принцип историзма, ведь чтобы понять любое современное явление, необходимо обратиться к его истокам, проанализировать процессы, стимулирующие его развитие. То есть социология помогает истории более глубоко понять теоретические закономерности социального развития.

Идея универсального эпохального цикла. Французский философ С. Московичи подчеркивает, что “истоки многих неблагоприятных событий заключаются в деформированном видении социальных феноменов и видов практики, ими обусловленных”³⁸. Поэтому определенная коррекция сформированного в условиях индустриального общества теоретического видения позволит современникам постиндустриального общества реализовать более адекватную и эффективную социальную практику.

Итак, общественные процессы могут быть объяснены социальными и психологическими причинами.

Важной характеристикой социальных изменений является историческое время. Для социальных событий присуще ритмичное или хаотичное изменение интервалов между ними. Время отражает ритм коллективных действий и вместе с тем выступает их регулятором. П. Штомпка определяет социальное время как “события во времени” и “время в событиях”³⁹. Социальное время выполняет важные функции: синхронизации, координации, последовательности, своевременности, измерения, дифференциации. Время исторически и культурно относительно. Рабочая неделя и календарь имеют социально-договорной характер. Каждому обществу имманентно присуща собственная конфигурация времени.

Поскольку жизнь человека, по сути, представляет циклический процесс, каждый из этапов которого имеет собственные характеристики, можно выдвинуть гипотезу о возможности объяснения исторического процесса с точки зрения развертывания определенных циклов. Эта идея, как и большинство научных подходов, не является абсолютно новой. К ней склонялись Л. Гумилев, Н. Данилевский, Н. Кондратьев, П. Сорокин, А. Тойнби, О. Шпенглер.

Более старой является циклическая концепция понимания изменений, связанная с практикой древних сельскохозяйственных обществ и их годовой

циклическостью работ. С развитием индустриального способа производства начинает превалировать линейная концепция восприятия времени и истории. Она происходит от иудейско-христианской философии, проповедовавшей представления о развитии человечества от грехопадения к спасению и Царствию Небесному. Еще большее влияние на секуляризацию идеи линейного времени оказало Просвещение с его представлениями о поступательном прогрессивном развитии. Поэтому не случайно П. Сорокин писал: “Общественная мысль второй половины XIX в. обозначена линейной концепцией социально-исторических изменений”⁴⁰.

Понятие “цикл” воспринимается как повторение определенных этапов развития. Существуют очевидные астрономические циклы: день и ночь, фазы Луны, времена года. Общеизвестны биологические циклы, влияющие на социальную жизнь: рождение, детство, молодость, зрелость, старость, смерть. Довольно четко проявляются политические, экономические и социальные циклы.

Под *социальным циклом* можно понимать определенное состояние системы, в котором она может находиться на любом этапе своего развития, и который уже был присущ ей в прошлом⁴¹.

Астрология является примером веры в циклический характер социальных изменений. Современная астрономия дает основания предполагать большие космические циклы, воплощающие философскую идею о бесконечности, нерукотворности и неуничтожаемости Вселенной. По последним данным астрономов, гигантский взрыв, состоявшийся приблизительно 15 млрд. лет тому назад, начал очередной цикл расширения Вселенной. В свое время она перейдет к фазе сужения, что, в свою очередь, спровоцирует очередной гигантский взрыв.

Еще древние Халдеи открыли цикл 223 месяцев, то есть приблизительно 18 лет. В конце этого времени затмения Луны повторяются с аналогичными промежутками и в том же порядке, что и в начале (цикл Сарос). Благодаря этому представляется возможным использовать цикл как единицу времени для измерения будущих периодов⁴².

Постепенно возникали теории циклических и периодических повторений исторического процесса. Древнеиндийская философская мысль выделяет три концепции изменений: теорию прогресса, теорию регресса и теорию больших циклов.

Вся история мира, согласно концепции мыслителей древней Персии, состоит из одного большого цикла, имеющего множество флуктуаций.

У китайского философа Конфуция находим теорию о периодичности и повторяемости малых социальных циклов в 3, 9, 18, 27, 30 лет.

Наиболее известный представитель циклической концепции древнегреческой истории Платон считал, что история любого народа последовательно

проходит три стадии — рождение, расцвет и гибель. Он также отмечал малые циклы в изменении форм правления от тирании через аристократию, олигархию, демократию, охлократию к новой тирании.

Аристотель, анализируя причины многих революций древности, подчеркивал, что они имели аналогичные причины, и в этом плане история повторяется.

Н. Макиавелли подчеркивал, что государства переходят от состояния порядка к беспорядку, потом от хаоса к новому порядку. Аналогичные идеи в наше время изучает синергетика, рассматривающая порядок и хаос как единую матрицу социальных изменений.

Ж. Боден подчеркивал существование периодичности и ритмов в социальных изменениях.

Наконец, в “Новой науке” Дж. Вико циклическая концепция истории и социальных изменений находит наиболее систематизированное изложение. Итальянский философ истории отмечал, что все нации проходят циклы своего появления, развития, распада и конца, признавал внешнее отличие повторяющихся циклов, вместе с тем настаивая на их внутренней и существенной идентичности.

П. Сорокин также дает характеристику циклическим теориям, существовавшим в начале XX века. К периодическим циклам и ритмам относятся: 24-часовые циклы и ритмы, 7-дневные, годовые, 3–4-летние, 60-летние, столетние циклы и т. п.

Продолжительность цикла может быть разной. О. Шпенглер разделяет историю развития замкнутых культур на 1200-летние периоды, существуют циклы доистории, собственно истории и постистории. Экономические циклы Н. Кондратьева охватывают 60- и 120-летние циклы.

Кроме периодических ритмов и циклов, описаны и непериодические, среди которых П. Сорокин называет цикл изобретений (восхождение, плато, спуск), цикл социального процесса (копирование, исследование, оппозиция, адаптация), цикл социальных институтов и организаций (возникновение, возрастание, дифференциация, дезинтеграция), циклы в жизни идеологий и идей (это невозможно, в этом что-то есть, это общеизвестно).

Вместе с тем человек, общество и цивилизация находятся под воздействием множества циклов различной сложности и иерархии — от больших космических до малых физиологических. Уместно выдвинуть гипотезу о том, что большие циклы, принадлежащие к верхним ступеням иерархии, будто подчиняют себе развертывание меньших по ритму и периодичности циклов. Однако можно предположить, что “сбой” нескольких циклов низших ступеней иерархии способен нарушить динамику развертывания более крупных циклов.

Общество и цивилизация, как и человек, в своем развитии также проходят большой жизненный цикл, который, согласно авторской гипотезе, складывается из пяти эпохальных циклов. Причем онтогенетическое развитие личности можно описать четырьмя малыми циклами социализации и одним (заключительным) большим эпохальным циклом самореализации человека. Эпохальные циклы общества, наоборот, развиваются от большого цикла праистории к малым циклам самореализации общества. Подобен (по форме) онтогенетическому развитию личности генезис развития человечества (цивилизации). Общий вид соотношения форм онтогенетического развития личности, общества и цивилизации представлен на рис. 3 (с. 130).

Для моделирования процесса социального развития вводится понятие *универсальный эпохальный цикл*. Каждый конкретный цикл образует отдельные фазы, сменяющие друг друга: революция — инволюция — коэволюция — эволюция — революция.

При этом *революция* является своеобразным итоговым и первоначальным пунктом развития общественной системы. На этом этапе цикла обобщается прожитый период истории и вместе с тем осуществляется выбор нового пути развития. Ведущим видом деятельности исторических субъектов на этом этапе универсального эпохального цикла является эмоционально-мотивационная деятельность. Она проявляется в увеличении поля социальной свободы от обязательств и от пут старого социального устройства. Это переходное время связано с радикальным изменением социетальных характеристик общества. На данном этапе развития свобода индивида, объективно ограниченная состоянием войны всех против всех, порождает качественно новую политическую систему. Происходят колебания степени свободы от анархии до диктатуры. В хаотичном состоянии находится и экономика, которая вследствие изменения субъектов собственности формирует новую социокультурную парадигму хозяйствования.

Каждый раз после очередного (в определенной степени неожиданного) революционного периода обновления общества наступает нормативный период *инволюции*, в смысловом историческом значении связанный с усвоением составляющими социальной системы (личностной, общественной, цивилизационной) новых общесистемных качеств. Этот период напоминает по своему содержанию период социализации поколений. Итак, приоритетной становится морально-этическая составляющая развития. Общество на этом этапе старается укрепить собственные традиционные основы, а личность, наоборот, готовится противопоставить себя обществу, которое усиливает роль мифологем. Прогрессирующая коллективистская мораль выдвигает на приоритетные позиции общественно значащие цели и интересы. Моральный императив “раньше думай о Родине, а потом о себе”, ограничивая свободу

индивида, толкает его на жертвенность, превращая жизнь в сплошное служение идеалам. Надежной психологической основой становится эмоционально-чувственное поведение человека, ориентированное на внешний контроль, превалирующий над внутренним самоконтролем. Для политической системы характерен порядок, функционирующий за счет ограничения гражданских прав и свобод и поддерживающийся автократическими методами либо через формальные представительские демократические процедуры. Экономика развивается за счет экстенсивных методов при соответствующем отношении к природным и человеческим ресурсам.

Кризисный период *коэволюции* является “поворотной точкой” от нормативного периода инволюции к нормативному периоду эволюции. По своей сущности коэволюция — это творение коллективизированных индивидов, вследствие чего реформируется система нормативов, социальных институтов и отношений, зеркальным образом дополняющих соответствующие характеристики докризисного стабильного периода. В недрах этой переходной эпохи формируются предпосылки для гармоничного сосуществования в будущем эволюционном периоде определяющего количества “самодостаточных индивидов”, которые под давлением все более нарастающей инновационной волны усиливают синтез порядка и хаоса, а значит и реальную угрозу “стабильного неравновесия”. Индикатором коэволюционного периода является взрыв индивидуальной активности. Постепенно цена инновации становится определяющей. Порядок начинает преобладать над хаосом. Политическая система приобретает признаки плюрализма, окончательно обесценивается категория субъекта “Мы” и уверенно вступает в силу субъект “Я”. Экономический порядок трансформируется в направлении расширения свободы экономической деятельности.

Для следующего за инволюцией нормативного периода *эволюции* характерно развитие общесистемных процессов, сопровождающееся развертыванием социальных процессов в пространстве, осложнением социальной структуры и повышением инновационной активности. Основной характеристикой периода эволюции становится стабильность изменений. Общество приобретает новые социальные черты и атрибуты. Происходит раскрепощение индивида. Усиливается когнитивный компонент психологической структуры личности, что придает обществу признаки рациональности. В политической сфере властвуют свобода выбора и принцип консенсуса при принятии решений. Распространенным лозунгом становится тезис о том, что “государство сильно своими сильными гражданами”. Экономический рост достигается за счет интенсивных способов хозяйствования, инновационных процессов и технологий, которые постепенно модернизируют общество. Историческое развитие в целом переходит на высшую ступень.

Нормативным периодам *инволюции* и *эволюции* присущи целостность и устойчивость тенденций упрощения (для инволюции) или усложнения (для эволюции) социальной структуры. При этом не возникает несоответствий между отдельными измерениями структур, групп, сообществ, общества, соответственно между нормативной структурой, идеальной структурой, интерактивной структурой и структурой интересов. В персональном плане это означает, что связанные с позициями обязанности людей согласуются с их убеждениями и отвечают их интересам.

Для переходных этапов *революции* и *коэволюции* характерны аномия — противоречие между нормативным измерением и измерением интересов, шизофреническое массовое сознание — противоречие между идеальным измерением и измерением интересов, социальная фрустрация — противоречие между измерением интеракционным и измерением интересов, отказ от легитимизации, а также противоречие между измерением нормативным и идеальным.

Однако, по мнению С. Московичи, если общество хочет не только выжить, но и развиваться, противодействовать конфликтам, разрушающим социальные связи, оно должно мобилизовать верования и страсти. Утрата верований и апатия могут привести к потере социальной сети связей и способности действовать. Верования и страсти периодически способны воссоздавать солидарность и возобновлять желание принимать участие в действиях, превышающих возможности индивидов, благодаря этому они становятся общими.

Коэволюционный характер носят изменения, которым присуща трансформация внутри определенной системы, а для изменений революционного типа присуще радикальное изменение самой системы.

Нормативными периодами универсального эпохального цикла являются *инволюция* и *эволюция*.

Для инволюции характерен процесс социализации, для эволюции — социального контроля. В период инволюции царит социальное согласие, власть законов, люди готовы пожертвовать своим благосостоянием во имя семьи или родины. В инволюционном состоянии социума бытие определяет сознание. При этом общественные правила и нормы резонируют с общими верованиями. В эволюционной фазе развития, наоборот, сознание детерминирует и формирует бытие. Преобладают персональные интересы и страсти. В инволюционном состоянии развития социальное определяет индивидуальные психологические особенности, а в эволюционном состоянии, наоборот, индивидуальные психологические особенности детерминируют социальные процессы, явления, институты.

Инволюционный период нашей истории — советский, общий для Украины и России, но не для Беларуси, она тогда еще находилась в эволюционном

периоде. Инволюционный этап советский и эволюционный западный различаются по количеству социальных ролей (термин Г. Спенсера). Советский ареал (на примере Советской Украины) — 30–40 тысяч, а Запад — 70 тысяч. В этом плане можно сказать, что дифференциация в странах советской эпохи была недоразвита.

В целом инволюционному периоду присуща определенная социальная регрессия, упрощение социальной структуры. Инволюцию можно рассматривать как регресс к предшествующему периоду (в рамках этого цикла) эволюции. А для эволюционного периода, наоборот, характерна прогрессирующая дифференциация социальной структуры. Инволюционная фаза развития мифологизирует общество; эволюционная фаза делает общественную жизнь более прагматичной, а отношения между субъектами — рациональными. Инволюция — это период господства коллективных норм и соответственно — ограничения индивидуальной свободы.

Социетальным характеристикам, как свидетельствует развертывание универсального эпохального цикла, присущи исторические изменения. Относительно периодов революции и коэволюции, для которых характерен системный кризис, едва ли можно говорить об определенных социетальных характеристиках. Этим переходным периодам свойственна флуктуация как состояние динамического неравновесия. Для инволюционного периода развития характерны экстравертность (направленность социетальной психики на материальную сущность внешних объектов), экстернальность, иррациональность, эмоциональность, интуитивность (установка социетальной психики на абстрактные идеалы) и экзекутивность (гендерное женское, направленное на процесс). А для периода эволюции определяющими с точки зрения нашей модели будут интровертность (направленность на духовную сущность), интернальность, рациональность, прагматичность, сенсорность (установка на земные ценности), интенциональность (гендерное мужское, направленное на результат).

Наличие указанной взаимосвязи между социетальными показателями дает возможность по одному из них реконструировать остальные. Например, определив количественные характеристики для показателя интенциональность/экзекутивность, можно провести реконструкцию других. Однако надо отметить, что социальные циклы трех основных типов субъектов попарно противостоят друг другу: индивидуальный социальный цикл противостоит общественному, а он, в свою очередь, — цивилизационному (*рис. 3, с. 130*). Именно это обстоятельство не приняли во внимание британские психологи, которые в 1946 и 1962 гг. осуществили первые попытки так называемых популяционных измерений социетальных показателей по шкале Г. Айзенка (экстраверсия/интроверсия)⁴³. Осуществив измерения социетальных харак-

теристик двух разных объектов (общества и цивилизации) и не различая их по социальным циклам, британские исследователи не смогли объяснить зеркально противоположные результаты.

Соответственно каждый из субъектов исторического процесса имеет собственные циклы развития. На определенной конкретной фазе цикла решаются свои задачи, обусловленные ведущим видом исторической деятельности.

Модель графика соответствующих показателей может быть представлена таким образом. Три оси — общественная, национально-государственная и цивилизационная — дифференцированы по критерию исторического времени. Вертикальная ось — это величина социетального показателя для определенного субъекта. Причем интегральная кривая на графике не будет суммой составляющих. Иерархия циклов может быть представлена как матрешка — от высшего цивилизационного через национально-государственный к личностному.

Личностный социальный цикл разворачивается быстрее, чем национально-государственный и цивилизационный, он реализуется через смену поколений. Еще испанский философ Х. Ортега-и-Гассет подчеркивал, что ротация человеческих поколений является важным историческим механизмом. Достаточно детально общественно-политические циклы проанализировал итальянский социолог и экономист В. Парето, предложивший теорию циркуляции элит. В исторической науке сложились представления о традиционном аграрном обществе, модернизированном индустриальном и постиндустриальном обществе. При этом разные общества, образующие собственные национально-государственные структуры, находятся на различных ступенях социально-исторического развития. Тем самым формируются различия и между локальными цивилизациями.

Национально-государственный цикл более длительный, чем личностный, но менее протяженный, чем цивилизационный, который составляет квинтэссенцию всех национально-государственных циклов. Он может быть незавершенным, если вследствие неблагоприятных исторических событий определенный национально-государственный субъект утратил самостоятельность и развивается в составе другого субъекта, чаще всего империи. Этот цикл изучал еще Платон, который акцентировал внимание на смене политических режимов от диктатуры, олигархии, аристократии (в наше время меритократии — власти по общественным заслугам), демократии до охлократии и новой диктатуры.

Цивилизационный цикл наиболее продолжителен. Его ритм зависит от множества национально-государственных образований, входящих в социокультурный ареал определенной цивилизации. Эту проблематику исследовали

Н. Данилевский, П. Сорокин, О. Шпенглер. А. Тойнби выдвинул, по сути, циклическую цивилизационную теорию рождения, расцвета, упадка через действие механизма “вызов — ответ”.

Итак, теория социальной относительности создает собственную методологическую базу для прогнозирования. Она опирается на объективные изменения социетальных показателей, которые дают информацию об общесистемных социально-исторических процессах. На этом основании сначала формируется первое приближение к гипотетическому прогнозу, потом на основе уточнений выписываются возможные сценарии развития и в конце концов выбирается наиболее возможный вариант развития событий.

Методология социально-исторического прогнозирования. Человек существует в системе прошлого, современного и будущего, что характеризует необратимость временного потока. Осознание этих трех состояний времени пришло к человечеству лишь после изобретения письменности. Ведь прошлое только тогда становится “возвращенным назад”, когда оно не только упоминается, но и записано. Дифференциацию прошлого, современного и будущего наиболее четко передает иудейско-христианская традиция.

В действительности, различие между прошлым, современным и будущим не является настолько четким. Современного вообще не существует, ведь если социальные процессы имеют определенную продолжительность, они в каждый момент времени непрерывно переходят из прошлого в будущее, то есть они уже в прошлом или уже не в будущем. Пока мы разговариваем, каждое слово уже в прошлом, еще до того, как мы закончим фразу. Социально-философская мысль признает, что прошлое и будущее будто встречаются в современном. Причем на прошлое уже невозможно влиять, современное само есть предметом влияния, а будущее поддается влиянию только потенциально.

Человечество во все времена стремилось узнать свое будущее, а способность к предвидению всегда высоко ценилась. Проблема будущего, как свидетельствуют этнография и археология, волновала людей еще на ранних стадиях развития общества. Сначала это фиксировалось в сказках и мифах, которые сегодня являются важными объектами для анализа архетипов.

Начиная со времен античности, развивается жанр прогнозов в виде утопий. Среди наиболее известных утопий — представления Платона об общественном порядке, при котором во главе государства стоят философы. Во времена средневековья созданы выдающиеся утопии (“Утопия” Т. Мора, “Город Солнца” Т. Кампанеллы, “Новая Атлантида” Ф. Бэкона), в которых авторы поднимали проблемы идеального социального устройства, моральных ценностей. Утопии XVIII в. широко использовали идеи эпохи Просвещения.

Во второй половине XIX в. началось бурное развитие научной фантастики. В 1948 г. Дж. Оруэлл создал известную антиутопию “1984”, в которой поставил социально-философские проблемы контроля над будущим через манипулирование прошлым.

В 1960–70-х гг. с развитием деятельности так называемого Римского клуба (созданного в 1968 г. по инициативе итальянского бизнесмена и общественного деятеля А. Печчеи, объединившего ученых с целью привлечь внимание политиков и общественности к глобальным проблемам современности) предпринимались попытки поиска надежной методологии научного прогнозирования. В первом докладе Римского клуба под названием “Пределы роста” (1972) американский профессор Д. Медоуз сделал вывод о коллапсе человечества, связанный с истощением ресурсов, экологическим загрязнением. Выход из этой ситуации он предлагал искать на основе “нулевого роста” населения и промышленности. Отличие глобального моделирования от футурологии 1960-х гг. состоит не только в использовании компьютерных моделей, но и в применении альтернативных, многовариантных подходов к определению тенденций развития будущего.

Общую информацию о будущем получают через предвидение, то есть обоснованное предположение о будущем состоянии явлений природы и общества, а также о явлениях, которые неизвестны в данное определенное время, но поддаются выявлению. При этом прогноз представляется возможным суждением о состоянии того ли иного явления в будущем.

Прогноз — неотъемлемая функция науки, развитие которой происходит с усилением прогностической функции. Прогнозирование имеет также большое прикладное значение.

Важная проблема методологии прогнозирования заключается в выявлении факторов, детерминирующих будущее, которое вытекает из настоящего и уходит корнями в прошлое. Закон причинности: причина обязательно предопределяет следствие. Однако такая каузальность создает и основные проблемы прогностики, внимание на которых сфокусировал российский исследователь А. Панарин. В частности, он подчеркивает, что одна и та же причина может порождать различные следствия. Детерминированные иерархии “причина — следствие”, “сущность — явление” не всегда действуют в высокоорганизованных системах, одной из которых является общество и его социальная жизнь. Кроме того, любой перечень априорных причин, которые мы выстраиваем для детерминированного заключения о будущем, всегда неполон. К тому же множество процессов, происходящих в жизни общества, связаны между собою не причинно-следственными связями, а отношениями комплиментарности (взаимодополняемости)⁴⁴.

Существуют различные виды прогнозов. Социальное прогнозирование осуществляется с целью разработки рекомендаций оптимального влияния на прогнозируемое явление или процесс с целью их реализации или упреждения. В зависимости от того, на какой срок рассчитано прогнозирование, различают текущие, краткосрочные, среднесрочные и долгосрочные прогнозы. В зависимости от цели прогнозы подразделяют на поисковый, то есть строящий предвидение на основе условной экстраполяции (продолжения) в будущее тенденций, действовавших в прошлом, и нормативный, предсказывающий желаемое состояние явлений на основании предшествующего определения норм, идеалов, целей.

Базовые методы прогнозирования — опрос экспертов, опрос населения, моделирование, прогнозный сценарий⁴⁵.

Метод опроса экспертов базируется на коллективном генерировании идей на основе интуиции и логико-аналитической техники.

Метод периодического опроса населения (мониторинг) осуществляется с учетом изменений, которые претерпевает текущая ситуация.

Метод моделирования базируется на математическом представлении об определенном процессе. Это может быть уравнение, таблица, график кривой. Наиболее часто используют так называемые трендовые (экстраполяционные) модели, реже — факторные аналитические.

Метод прогнозного сценария позволяет осуществить прогнозный поиск, то есть определить не ожидаемое положение, к которому надо будет адаптироваться, а иерархию проблем разного уровня, которые придется решать.

Британский социолог Г. Спенсер, говоря о развитии методологии прогнозирования, подчеркивал, что на первых фазах наука достигает лишь достоверности предвидения, а на более поздних — еще и полноты. Незрелая наука дает предвидение в основном качественных характеристик определенного явления, методологически более развитая наука — и количественных. Между обычным знанием и наукой различие — лишь в степени. Закон прогрессивного движения не присущ отдельным составляющим определенной науки. Прогресс науки идет от общего — к частному, и наоборот, он аналитичен и в то же время синтетичен⁴⁶.

Этим требованиям, по нашему мнению, вполне отвечает разрабатываемая авторами теория социальной относительности, концентрированное выражение которой представлено в виде концепции универсального эпохального цикла.

Глава 4. Социальный субъект: проблема типологии и развития

На рубеже третьего тысячелетия от Рождества Христова важнейшей проблемой гуманитарного научно-теоретического анализа остается определение характера, функций, специфики развития социально-исторического субъекта. Этот вопрос является методологически центральным, ключевым в любом исследовании социальной реальности.

Классики социологической мысли акцентировали внимание на разных аспектах исследования субъекта. Основатель французской социологической школы Э. Дюркгейм предлагал рассматривать общество как вне- и сверхиндивидуальную реальность, имеющую относительно индивидов императивную силу и независящую от них. М. Вебер интерпретировал субъектность через понятия “идеальный тип” и “рационализация”⁴⁷.

В постмодерной ситуации, когда в социально-историческом процессе усиливается роль субъекта, индивидуальное отношение к обществу составляет важный фактор структурирования социума.

Э. Гуссерль, немецкий философ — основатель феноменологии, подчеркивал, что первичнее всего мыслимого “есть Я”, это становится для субъекта, высказывающего такое суждение, первоначальной интенциональной базой его мира⁴⁸.

На протяжении 1990-х гг. постепенно разворачивался дискурс вокруг новой роли субъекта во время так называемой глобализации. Это социально-историческое явление, связанное прежде всего с развитием современных информационных технологий, громко заявило о себе в условиях прекращения идеологического, политического, военного противостояния между мирами капитализма и социализма.

Американский исследователь японского происхождения Ф. Фукуяма ввел термин “конец истории” как глобальное распространение либеральных ценностей и образование на этой основе единой всечеловеческой цивилизации. Окончание идеологического противостояния якобы приводит мир к исчерпанию ресурса конфликтного исторического развития.

С другой стороны, известная концепция американского аналитика С. Хантингтона предупреждает о перспективе настоящего “столкновения цивилизаций” прежде всего на основе межрелигиозных разногласий. В этих условиях опасными становятся социокультурные границы мировых цивилизаций, в частности Балканы, Ближний Восток, Южная Азия. Одна из фундаментальных причин различного толкования тенденций будущего развития — неадекватное понимание роли нового глобального субъекта всемирно-исторического процесса.

Глобализация определяет появление новых форм организации больших социальных пространств и новых ценностных ориентиров. Проблему глобализации нецелесообразно сводить лишь к современным тенденциям развития мировой экономической системы, прежде всего в сфере финансов и так называемой Интернет-экономики, принципиальное значение имеют также социально-культурные процессы.

В ведущих странах с помощью инновационных коммуникационных систем личность постепенно получает все больше индивидуальной свободы, она создает собственный виртуальный мир, выходящий за пределы национального государственного организма. Вместе с тем индивид становится ведущим производителем интеллектуальной информации, благодаря чему имеет основания претендовать на самостоятельную и независимую от государства и социальной группы роль в мировом пространстве. С другой стороны, это приводит к определенному конфликту между гибкими интересами автономной личности и социальными ценностями, консолидированными в рамках нации. Возможно, именно этот фактор станет главным противоречием глобального субъекта “Я” и традиционных форм социальной организации уже в новом цикле всемирно-исторического развития.

В сущности, актуализируется противоречие между индивидом и властью, которое удачно описали идеологи анархизма от П. Кропоткина и Н. Бакунина до современных анархических групп, организовывающих во время работы международных форумов протесты против антигуманных, по их мнению, идей глобализации.

Таким образом, встает вопрос: какая социальная группа будет защищать интересы личности в мировом сообществе? Не случайно актуализируется проблематика защиты прав человека, которую, как правило, неоднозначно воспринимают властные режимы, к тому же она в культурно-историческом наследии мировых цивилизаций имеет противоположное толкование. Это один из наиболее напряженных вопросов постмодерной системы международных отношений.

Тем не менее, даже во время, казалось бы, “сплошной” глобализации реальной остается неравномерность развития отдельных социумов,

вступивших в этот процесс, находясь на определенной, присущей именно им, стадии развития. Поэтому “глобализируются” они по-разному, и соответствующие результаты мы можем наблюдать у большинства общественных явлений. Урбанизация, формирование постиндустриальной экономики в ведущих странах авангарда Западной цивилизации связаны с развитием информационных технологий и сферы услуг, а также упадком традиционного аграрного сектора экономики, который непросто адаптируется к завоеваниям так называемой “зеленой революции”, содержание которой — внедрение в сельскохозяйственное производство результатов генной инженерии. На “периферии”, которую лишь частично задела указанные тенденции, наоборот, происходит определенная деиндустриализация экономики, что сдерживает развитие этих стран. По сути, это следствие реакции дифференцированных по различным стадиям развития социальных субъектов. При этом открытым остается вопрос, обязательно ли новому субъекту проходить путь развития своих предшественников⁴⁹. Возможно, будут варианты социально-исторического развития, подтверждающие этот тезис, а возможны и такие, которые его опровергнут.

Процесс становления единого субъекта разворачивается в двух ипостасях: общинно-родовой, когда человечество реализует себя как вид живого, и лично-родовой, в процессе “индивидуализации” человечества⁵⁰. Итак, попытаемся осветить новый подход к типологии социально-исторических субъектов на современном этапе глобального развития и показать возможности теоретического подхода для сравнительного анализа новейшего развития политических субъектов в Украине и Российской Федерации.

Параметры теоретического осмысления. Под типологией мы понимаем дифференциацию систем объектов исследования и их группирование в соответствии с определенной моделью (типом) с целью компаративного анализа признаков, связей, функций определенных субъектов. Постоянно происходит информационно-энергетическое взаимодействие между социумом и индивидом, то есть между “Мы” и “Я”. Соответственно выстраиваются коммуникативные связи между социетальной психикой, характеризующей параметры социума как целостности, и индивидуальной психикой определенного лица⁵¹.

Итак, мы имеем все основания считать субъектом лишь ту составляющую социума, которая активно влияет на другие объекты. Например, субъектами политики являются большие социальные группы со своими специфическими интересами, которые определяют смысл политических действий. На определенном этапе своего развития они создают политические структуры, призванные эффективно действовать в интересах своих групп.

Непосредственными организаторами политических действий выступают индивиды, определяющие направление, ход и содержание политических процессов, поэтому важную роль играет еще один субъект — политический лидер как человек, имеющий решающее влияние на членов определенной социальной группы. Лидер — субъект, оказывающий организационное и интегрирующее влияние. Как подтверждает богатый исторический опыт, деятельность лидера способствует раскрытию творческого потенциала малой или крупной социальной группы, а иногда наоборот — препятствует этому.

Согласно типологии М. Вебера различаются такие основные типы лидерства: традиционное, основанное на вере в святость определенного субъекта власти; рациональное, легальное или бюрократическое, базирующееся на вере в законность существующего порядка и его целесообразность; харизматическое лидерство, которое поддерживается верой в чрезвычайные возможности, то есть фактически формируется на основе культа личности⁵².

По стилю различают авторитарное лидерство, предусматривающее единоличное руководящее влияние на основе механизма угрозы применения силовых санкций, и демократическое, — позволяющее членам группы принимать участие в достижении целей и управлении ее деятельностью.

Говоря о типологии субъектов, мы имеем в виду “идеальный тип” в понимании М. Вебера, то есть установление осмысленных связей, характерных для определенного сообщества или последовательности событий⁵³.

Наиболее полно роль субъекта в истории освещена в экзистенциальной философской мысли, различные направления которой объединяет убеждение в том, что существование предшествует сущности. Например, Ж.-П. Сартр подчеркивал, что субъективизм означает, с одной стороны, что индивидуальный субъект сам себя выбирает, а с другой, — что человек не может выйти за пределы человеческой субъективности. Выбирая себя, я создаю общее, понимая проект любого другого человека, к какой бы эпохе он не принадлежал. Эта абсолютность выбора не ликвидирует относительность каждой эпохи. Исторические обстоятельства изменяются, родился человек рабом в языческом обществе, феодальным сеньором или пролетарием, неизменной для него остается потребность быть в мире, быть в нем с работой, быть в нем среди других и быть в нем смертным. Границы не объективны и не субъективны, скорее, они имеют объективную и субъективную стороны⁵⁴.

Представитель франкфуртской школы социологии Г. Маркузе, подчеркивая недостатки индустриального общества, конфликт индивида и общества, противоречия между свободой и экзистенцией, отмечал, что действительность стала технологической, и субъект теперь так тесно связан с объектом, что понятие объекта обязательно включает в себя и понятие субъекта.

Сам субъект является конститутивной долей научно детерминированного объекта. Субъект научных методов и субъект деловой жизни являются выражением одной и той же субъективности — человека⁵⁵.

Вышеизложенные мысли, в общем, адекватно характеризуют начальный этап становления постиндустриальной цивилизации, переживаемым человечеством в начале XXI века. Вместе с тем необходимо исследовать глубинные основания типологии социально-исторического субъекта.

Типология субъекта истории в контексте универсального эпохального цикла. Общество как субъект истории и цивилизации проходит в своем развитии большой жизненный цикл. Социальное (общественное или индивидуальное) развитие можно показать через циклическую динамику определенных изменений — порядка и хаоса, постоянного и переходного.

Общественно-историческое развитие можно исследовать как последовательное развертывание в пространственно-временном континууме универсальных эпохальных циклов, являющихся релевантными единицами анализа и прогноза социально-исторической действительности⁵⁶.

Идеальную модель любого из названных циклов можно представить в виде последовательного развертывания четырех элементов единой исторической сущности. Эти элементы структуры эпохального цикла изменяют друг друга в определенной последовательности: устойчивый (инволюция), переходный (коэволюция), устойчивый (эволюция) и снова переходный (революция) периоды общественного развития.

Эпохальный цикл открывает революционная эпоха, которая создает необходимые и достаточные предпосылки для перехода общества на новую ступень (в новый цикл) своего становления. Этот бурный период связан с радикальным изменением социетальных характеристик общества. Революция будто подытоживает предшествующее развитие общества и вместе с тем открывает новый цикл. Она противоположна по направлению исторических изменений другому переходному периоду — коэволюции.

Если коэволюция, как мы убедимся далее, является фазовым переходом от нормативного периода инволюции к нормативному периоду эволюции, словно объединяет два нормативных периода и реализуется в рамках одного эпохального цикла, то революция — это качественная трансформация всей структуры общества. В то же время она создает механизм перехода от нормативного состояния эволюции (заканчивающегося цикла) к нормативному состоянию инволюции (уже нового цикла), новой ступени, нового модуса развивающейся социальной сущности.

Во время революционного периода активизируется роль субъекта-индивида. Вспомните период Великой французской революции 1789–94 гг., когда на исторической сцене особая роль принадлежала характерным

личностям. Имена Мирабо, Дантона, Робеспьера, Наполеона стали показательными для каждого из этапов революции, а их действия — типичными для аналогичных процессов.

Почти то же мы видим в России в 1905–17 гг., когда когорта активистов-революционеров фактически превышала спрос истории на них. На этом этапе эпохального цикла мы наблюдаем активизацию выдающихся исторических деятелей, ведущих за собой творцов истории из народных масс. Вспомните баталии европейских буржуазных революций 1848–49 гг., когда ведущую роль в каждой стране играли воплощения субъекта “Я” — крупные исторические личности, такие как Тьер во Франции, Кавур в Италии, Бисмарк в Германии, Кошут в Венгрии.

После каждого очередного (в определенной степени неожиданного) революционного периода обновления общества возникает период инволюции. Этот период эпохального цикла берет начало в революции, которая фактически рождает новый субъект истории, и, радикально изменив общественные качества, открывает новые горизонты социального развития.

Историческим смыслом инволюции является усвоение структурными частицами общества — человеческими поколениями нового общественного качества. В определенном смысле можно сказать, что это период социализации поколений, их обобществления и морального взросления. С вхождением в состояние инволюции усиливают свое влияние социальные механизмы, которые актуализируют роль мифологем и традиционных основ регуляции социального поведения и общественной жизни в целом. В инволюционном периоде цикла мы имеем дело с характеристиками так называемого “закрытого общества” (по К. Попперу).

Степень свободы субъекта-индивида в таком обществе ограничена влиянием коллектива. В нем прогрессирует мораль, которая выдвигает на первое место общественно значимые цели и интересы. Моральные установки по примеру действовавших в СССР (“Раньше думай о Родине, а потом о себе”) превращают жизнь индивида в сплошное служение высоким общественным идеалам. Психологической основой становится эмоционально-чувственная (а не рациональная) типология поведения человека, преимущественно ориентированная на внешний социальный контроль, преобладающий над внутренним самоконтролем. Соответственно ведущий социально-историческим субъектом в инволюционный период — коллектив, почти тотальное “Мы”.

Для политической системы этого этапа развития характерен порядок, функционирующий за счет ограничения гражданских свобод и поддерживающийся авторитарными методами или через формально-представительские демократические процедуры. Экономика развивается за счет экстенсив-

ных методов хозяйствования и соответствующего отношения к природным и человеческим ресурсам.

В массовом сознании преобладают устойчивые стереотипы нивелирования роли выдающейся исторической личности, которая лишь воплощает стремление народных масс как единственного настоящего творца истории. “Знаменосец” идеалов этого периода — обычный коллективный субъект “Мы”, но по сравнению с “Мы” эпохи коэволюции он более благосклонно настроен к традиционным коллективным ценностям и нормам поведения. Вместе с тем в инволюционном периоде цикла общая степень свободы в большей мере зависит как от особенностей социокультурной дифференциации, так и от общих временных характеристик исторического развития. Во время предкризисного этапа цикла может наблюдаться определенное послабление инволюционного порядка, вызванное истощением предыдущих тенденций развития и нарастанием потребности новых поколений в повышении степени индивидуальной свободы, что есть необходимым условием социального творчества. Это более характерно уже для следующего, переходного периода от инволюционной системы социальных координат к собственно эволюционному развитию.

Коэволюция — это фазовый переход от нормативной эпохи инволюции к нормативному периоду эволюции. Во время трансформации коэволюционного типа усиливается роль субъекта социума, то есть субъекта “Мы”.

Общая характеристика коэволюционного периода универсального эпохального цикла зависит от кризисного и последующего за кризисом состояния общества. В начале переходного периода проявляет свою силу атрибутика “нового (эволюционного) порядка”, что проявляется в оживлении индивидуальной активности. Однако с течением времени, в зависимости от темпов и глубины преобразований, общественная система снова попадает в инерционное поле тяготения атрибутов “старого (инволюционного) порядка”, вследствие чего подходит к символической черте окончательного исчерпания своего исторического ресурса и в конце концов — к окончательной ориентации на условия воспроизведения нового социального порядка.

По своей сущности коэволюция — это создание исключительно социализированных (коллективизированных) индивидов, что вызывает реформирование системы нормативов, социальных институтов и социальных отношений, условно говоря, зеркально противоположных соответствующим социальным характеристикам докризисного, устойчивого периода, то есть инволюции.

В недрах переходного коэволюционного периода формируются основы сосуществования в будущем эволюционном периоде определяющего количества самодостаточных индивидов. В это историческое время политическая система обретает черты плюралистичности, окончательно

обесценивается категория субъекта “Мы” и уверенно набирает общественный вес категория социально-исторического субъекта “Я”, что является необходимой предпосылкой начала эволюционного периода универсального эпохального цикла.

Характерными особенностями второго (первый — инволюция) нормативного периода цикла — эволюции является развертывание социальных процессов в пространстве, усложнение социальной структуры (например, в странах, переживших Великую депрессию 1929–34 гг. и находящихся в состоянии эволюции, количество социальных ролей ныне превышает 70 тыс., а для отечественного, равно как и для всего постсоветского пространства, оно составляет 30–40 тыс.), инновационная активность граждан.

Основная характеристика эволюции — стабильность изменений, общество интенсивно приобретает новые социальные черты и атрибуты, которые выводят его историческое развитие на качественно новую, более высокую ступень. Находясь в данном эпохальном периоде, общество по своим признакам, в отличие от инволюционного, является открытым — происходит раскрепощение индивида, усиливается когнитивный компонент психологической структуры личности, что придает обществу рациональные признаки.

В политической сфере властвуют свобода выбора и принцип консенсуса, которые становятся условиями существования и эффективного функционирования демократического порядка. Общество и индивид признают, что “государство сильно благодаря сильным гражданам”. Устойчивость нового социального порядка обеспечивается поддержанием в обществе условий повышенной инновационной и коммуникативной активности граждан (“свободных индивидов”). Развивающаяся в обществе, подобно цепной ядерной реакции, инновационная социальная динамика достигает, в конце концов, своего критического предела и порождает реальную угрозу устойчивости дальнейшего общественного развития.

Таким образом, типологию социально-исторического субъекта в контексте универсального эпохального цикла можно представить такой идеальной моделью: *революционный* период, для которого характерна активизация деятельности субъекта “Я”, когда выдающиеся исторические личности “ведут” за собой народные массы к получению общих плодов исторического творчества; *инволюционный* период, которому присуща приоритетность коллективных форм исторического развития, а определяющей является деятельность субъекта “Мы”; во время *коэволюционного* периода все еще сохраняется преобладающее влияние коллективного социально-исторического субъекта; для *эволюционного* периода эпохального цикла характерна активизация субъекта “Я”.

Надо подчеркнуть, что, по условной шкале ценностей, для субъекта “Мы” характерны морально-этические ценности, а для субъекта “Я” абсолютно естественно рационально-прагматические, можно даже сказать, эгоистические ценности. Если для субъекта-коллектива категория “Я”, в сущности, является эманацией “индивидуальных проявлений народности”⁵⁷, то для субъекта-индивида “Мы” — это персонификация общественного.

С точки зрения социальной психологии, “Я-концепция” для индивидуального и коллективного субъекта имеет такую структуру⁵⁸:

Ценностные установки	Индивидуальный субъект	Коллективный субъект
Идентификация	Индивидуальные цели	Общественные цели
Приоритет	Личные интересы, права и свободы	Групповые цели и солидарность
Осуждение	Конформизм	Эгоизм
Лозунг — стиль жизни	“Быть верным себе”	“Никто из нас не остров”
Культура	Индивидуалистская	Коллективистская

Итак, субъект “Я” отдает предпочтение личным интересам перед интересами определенной социальной группы. Самоидентификация осуществляется на основе личных атрибуций, а не через отождествление себя с группой. Субъект “Мы”, наоборот, отдает предпочтение целям социальной группы (“Мы — советский народ — строим коммунизм”), а не личным задачам, именно общественные связи предопределяют поведение человека и определяют его социальный статус. Самостоятельность субъекта “Мы” означает не “действовать по-своему”, а “быть ответственным”⁵⁹.

Теперь определим с точки зрения универсального эпохального цикла и типологии социального субъекта особенности нынешнего общественного развития в странах Западного авангарда.

Франция находится в заключительной фазе эволюционного периода развития, восходящего своими истоками ко времени Великой депрессии. При этом студенческие волнения 1968 г. стали для страны своеобразным политическим заморозком, стимулировавшим левоцентристские политические установки. В геополитическом смысле они, можно сказать, возникли в контраверсии к тенденциям ренессанса правоцентристских политических настроений в странах социалистического содружества в период так называемой “политической оттепели”, имевшей место в СССР после смерти И. Сталина. Ведущим сегодня для Франции остается социально-исторический субъект “Я”.

Германия после национального объединения (1989) находится, равно как и Франция, в заключительной фазе эволюционного периода развития.

Процесс накопления инноваций постепенно, но неотвратимо стимулирует появление предпосылок для начала нового цикла развития немецкого социального организма как наднационального сообщества в рамках Европейского Союза. Ведущую роль здесь также продолжает играть социально-исторический субъект “Я”.

Великобритания со времени правления “новых лейбористов” также решает проблемы эволюционной стадии эпохального цикла, активная фаза которой приходится на 1979–90 гг., время правления М. Тэтчер, о чем свидетельствует передача полномочий с центра на места (возобновление местных ассамблей в Шотландии, Уэльсе, Северной Ирландии). Ключевым историческим фактором также остается субъект “Я”.

Италия переживает время эволюционной стадии развития с обострением противоречий между богатым севером, где властвует социально-историческое наследие латинского Запада, и бедным югом, где преобладает культурно-историческое романско-византийское влияние.

Соединенные Штаты Америки, возможно, в ближайшее время вступят в революционный этап нового эпохального цикла как единая универсальная супердержава. Первые симптомы социально-исторических изменений уже появились во время президентских выборов в ноябре 2000 г., субъект “Я” проявил себя в полной мере. Например, 43-й президент США Дж. Буш даже отказался от электронной переписки с друзьями, поскольку такая корреспонденция могла стать предметом публичного обсуждения. В начале XXI в. США придется пройти испытание на способность адаптироваться к сложной и противоречивой жизни постиндустриального общества⁶⁰.

На примерах США и стран Западной Европы можно утверждать, что прослеживается тенденция постепенного отмирания традиционных политических партий индустриальной эпохи и объективного формирования “партий нового типа” как порождения новых постиндустриальных ценностей эпохи Интернет. То есть на партийном уровне также активизируется субъект “Я”.

Очевидно, что среди ведущих стран Западной Европы, а также в США существует синхронизация фаз развития (конечно, с определенной национальной спецификой) и типа ведущего социально-исторического субъекта “Я”, что характерно не только для эволюционного периода эпохального цикла, переживаемого большинством названных стран, но и для следующего революционного периода, который откроет новый цикл общественного развития.

Поэтому мы имеем все основания считать, что аналогичной будет картина развития и ведущих восточнославянских стран — Украины и России.

Новейшее развитие политических субъектов Украины и России: компаративный анализ. Украину и Российскую Федерацию с 1654 г. по 1991 г. связывают 337 лет общей истории, сначала в составе Российской империи, позже — в Советском Союзе. В обеих странах проживают многочисленные национальные меньшинства — украинское в России, и русское в Украине. Кстати, именно диаспора, по мнению Н. Данилевского, является определяющим камертоном восприятия основных тенденций развития материнской нации, поэтому взаимное влияние в таких условиях представляется существенным. Вместе с тем деятельность индивидуального политического субъекта вмонтирована в систему политической культуры нации и социальной группы, что придает ей общий смысл и значение.

Анализируя историю двух народов на протяжении XX в., нетрудно убедиться, что важнейшие исторические события имели соответствующий резонанс с обеих сторон пока еще не окончательно оформившейся украинско-российской границы. Например, революционное время 1905–29 гг. и в Украине, и в России завершилось приблизительно одинаковым результатом, но с определенной национальной спецификой.

Дифференциация наиболее проявилась во время событий 1917–22 гг., когда Украина на стадии революционного этапа цикла имела более четко определенный субъект “Я”, в частности во время национально-освободительной борьбы (чего стоит только самородок Н. Махно). В России индивидуальный субъект, присущий революционному этапу общественного развития, персонифицировался в личности харизматического вождя В. Ленина и целой когорты ярких революционных лидеров (Л. Троцкий, Н. Бухарин, И. Сталин).

В период “перестройки” 1985–91 гг. Украинская ССР и Российская СФСР почти одновременно вступили в коэволюционный период эпохального цикла. На этом этапе ведущая роль еще принадлежала субъекту “Мы”, но вместе с тем превалирующей постепенно становилась тенденция к развитию субъекта “Я”. В это время, равно как и в последующем десятилетии 1990-х (вплоть до января 2000 г., когда одновременно в гг. Симферополе, Киеве и Москве о себе заявил феномен так называемого парламентского большинства) Украина отставала от общественно-политических процессов, происходящих в России, на 1–2 года.

Период 1991–93 гг. в России был связан с острой борьбой за власть. Президент Б. Ельцин старался ввести новую Конституцию. После расстрела из танков здания парламента Российской Федерации и референдума 12 декабря 1993 г. фактически был установлен преддемократический режим персональной власти. В Украине в это время происходил сложный процесс становления структур независимого государства, вместе с тем политические

процессы, исходя из национального менталитета, происходили в более компромиссных, мирных формах, без русского максимализма времен расцвета политической карьеры Б. Ельцина.

Кризис, связанный с принятием новой Конституции, в Украине разворачивался более медленно. Этот процесс достиг апогея в 1995–96 гг., когда Россия ввязалась в первую военную кампанию в Чечне. Принятие Конституции Украины 28 июня 1996 г. по времени совпало с переизбранием Б. Ельцина на пост Президента Российской Федерации. Тем самым впервые четко синхронизировались определенные подытоживающие тенденции общественного развития обеих стран.

Фактически, на этом завершился первый этап реализации переходных процессов, свидетельством чего стало достижение компромисса между политическими элитами двух стран, и 30 мая 1997 г. был подписан Договор о дружбе, партнерстве и сотрудничестве между Украиной и Российской Федерацией. Далее и в России, и в Украине стартовали и стали набирать силу процессы инверсии, на которые сегодня обращает наше внимание российский культуролог А. Ахизер.

Период 1998–99 гг. был связан с закатом политической карьеры Б. Ельцина, поисками “наследника”, а в Украине — с попытками президента Л. Кучмы консолидировать свою власть с целью обеспечения повторного переизбрания. Усиливается синхронизация политических процессов. Это сказалось во время избирательной президентской гонки в Украине в ноябре 1999 г. — выборы фактически проходили по российскому сценарию переизбрания Б. Ельцина летом 1996 г., когда “демократ” боролся с нежелательной для большинства общества “коммунистической альтернативой”.

В 1998 г. в Верховную Раду Украины были избраны представители влиятельных финансово-промышленных группировок и так называемых политических холдингов (“олигархи”), которые к тому времени концентрировались преимущественно вокруг исполнительной власти. Таким образом они получили возможность большего влияния на Президента, что особенно проявилось в организации отставки правительства В. Ющенко и в процессе назначения нового Премьер-министра за 10 месяцев до парламентских выборов в марте 2002 г.

Сегодня на партийно-политическом небосклоне Украины и России преобладают не многопартийность, а мелкопартийность. К тому же партии, универсальные по своим программам и традиционно неповоротливые по своей тактике, концентрируя внимание на процессах и проблемах “государственного строительства”, все еще остаются малопривлекательными для брошенного на произвол стихии 1990-х годов субъекта “Я”. Израсходовав за десятилетие кредит общественного доверия, партии активно ищут новые

эффективные средства воздействия и манипулирования общественным сознанием. Отражением этих процессов становятся дискуссии по проблемам “макиавеллизма”.

В контексте начавшихся на рубеже столетий интеграционных процессов четко определились три основные политические течения. Во-первых — партия власти, которая в России при Президенте В. Путине более консолидирована после объединения думских фракций “Единство” и “Отечество — вся Россия”, а в Украине распорошена между партийными структурами влияния (в духе национальной традиции — где два украинца, там три гетмана). Во-вторых, существует официальная коммунистическая оппозиция, представленная КПУ и КПРФ. В России это лишь вершина пирамиды распорошенных левых партий, а в Украине левый политический фланг представлен более цельно. В конце концов, третий игрок на политической сцене — национально-демократические силы, в Украине они разрознены, а в России объединены в “Союз правых сил”.

Итак, в обеих странах господствующим и набирающим силу в условиях инверсии является субъект “Мы”. Эта тенденция характерна для формирования коалиционных партийных структур.

Выборы в Государственную Думу Российской Федерации в декабре 1999 г. стали сугубо пиаровским продуктом. Быстро была создана партия власти “Единство” (“Медведь”), максимально использовавшая политические технологии влияния на избирателей. Благодаря патриотической риторике на гребне второй чеченской войны “Медведь” впервые с 1993 г. потеснил КПРФ на думском олимпе.

В январе 2000 г. в Верховной Раде Украины было создано большинство, просуществовавшее до апреля 2001 г. и распавшееся, прежде всего, вследствие “кассетного скандала”, который воплотил все особенности развития украинского политического субъекта “Мы” времен переходной коэволюционной эпохи, детские болезни онтогенеза гражданского общества, показал, что у власти и оппозиции ментальность одинакова.

В марте 2000 г. исполняющий обязанности президента России В. Путин был избран на пост главы государства. Даже по биографическим данным он очень напоминает также выходца из советских спецслужб Ю. Андропова⁶¹. С этого времени набирают силу обратные к преддемократичному режиму процессы усиления авторитарных тенденций.

Коэволюционный процесс в обеих странах в целом сфокусирован на развитии демократического правового государства, которое есть проектом и вместе с тем результатом рационализации жизненного пространства, выходящего далеко за рамки сугубо политической сферы⁶². Однако в первую очередь рационализация должна была затронуть политическую жизнь,

которая характеризуется делением государственной власти на исполнительную, законодательную и судебную ветви, в идеале независимые друг от друга, но с равной степенью ответственности перед обществом.

Наиболее сложно и в Украине, и в России проходит процесс конституирования “четвертой власти” — независимых средств массовой информации, призванных быть каналом обратной связи между гражданами и государством. Во время коэволюционной фазы, начиная с эпохи “гласности”, СМИ играли важную роль механизма уменьшения стресса общественной системы, стимулируя восприятие гражданами новых правил игры без активного протеста. С нарастанием автократических тенденций свобода СМИ подавляется в первую очередь.

В течение 1990-х гг. постепенно происходит переосмысление роли социально-исторического субъекта. Если в инволюционные советские времена человек воспринимался как “винтик механизма”, являющегося идолом индустриального общества, то с началом коэволюционного периода он постепенно становится не только объектом политического влияния, но и целью развития политической системы, его активным субъектом.

Сложно формировались рациональные интересы различных прослоек общества. Назначенный в мае 2001 г. послом России в Украине В. Черномырдин в свое время, оценивая последствия военной кампании в Чечне, сказал: “Хотели — как лучше, а вышло — как всегда”. Это, в сущности, формула соотношения рациональных и иррациональных факторов в политическом процессе во время коэволюционного периода развертывания эпического цикла.

Конечно, формирование жизнеспособного постиндустриального общества и в Украине, и в России — дело более отдаленного времени. Пока что оба общества переживают, используя терминологию А. Тоффлера, “футурошок”, то есть определенное “шизофреническое” социально-психологическое состояние, когда механизмы адаптации к радикальным изменениям не поспевают за скоростью реформ⁶³. Поэтому главный демократический выбор, кажется, придется делать как минимум дважды.

Первый шаг было сделан в 1991–96 гг. — это был настоящий прорыв, декларация общественных свобод, но и Украине, и России не хватило конкретных мер. Второй выбор может быть окончательным и основываться на единстве слова и дела. Вместе с тем его необходимо сделать в условиях “реставрационных” тенденций, связанных с возвращением к автократическим политическим традициям предшествующего периода развития. В частности, возрождается старая система управления, к этому готова постсоветская политическая элита, но старые политические субъекты оказываются несостоятельными в решении качественно новых проблем, стимули-

рованных коэволюционной фазой развития. Демократизация началась, когда массовое сознание не было окончательно готово к ее восприятию, поэтому автократическое сознание актуализируется, дабы общество снова убедилось, с чем оно имеет дело. Эта тенденция — довольно распространенное историческое явление. Например, процветание нынешней ФРГ было бы невозможным, если бы немцам не пришлось дважды делать свой выбор: в первый раз в форме неустойчивой демократии времен Веймарской республики (1919–32), павшей под натиском национал-социализма, а второй — после Второй мировой войны, получив печальный общественный опыт. Французы в своем республиканском выборе шли еще более тернистым историческим путем — через революцию 1789 г., империю Наполеона и окончательно определились лишь после поражения в войне 1870 г.

Однако вернемся к вопросу нарастания автократических тенденций. В отличие от тоталитарной, автократическая система обеспечивает сохранение власти за элитой любым путем, включая прямое насилие, не допускает в политической сфере ни малейшей конкуренции, однако не вмешивается в сферы жизни, непосредственно не связанные с политикой. Авторитарное общество строится по принципу “разрешено все, кроме политики”, поэтому авторитарные режимы могут быть достаточно стабильными, но на определенном этапе сосуществование сильной власти и свободной экономики становится невозможным. Именно по этому пути с началом реформ Ден Сяопина идет коммунистический Китай, которому придется делать свой “второй выбор” после объединения с капиталистическим Тайванем.

В Советском Союзе переход от тоталитарного к автократическому режиму правления происходил постепенно, фактически, начиная со смерти И. Сталина, но настоящим символом этих преобразований стал приход к власти в 1983 г. Ю. Андропова. Изменилась тональность идеологии, политическим идеалом власти постепенно становился профессионализм, декларировалось, что специалисты нужны повсюду — и в руководстве государства, и в науке, и в искусстве, а все недостатки — от некомпетентности, коррупции, безделья, каждый должен делать свое дело. С точки зрения Ю. Андропова, тщательное выполнение инструкций скорее, чем энтузиазм повернет ситуацию в стране к лучшему.

Важнейший фактор авторитарного сознания — массовое отчуждение субъекта “Мы” от власти. Для тоталитаризма этот процесс не характерен, поскольку тогда люди идентифицируют себя с властью. Вместе с отчуждением авторитарный режим порождает чувство апатии, стойкого недоверия ко всем действиям власти. Эту тенденцию усиливает соответствующий стиль отношений власти с народом. Автократическая власть не допускает свободного диалога с обществом, которое никак не может стать гражданским.

Проблемы общества, по большому счету, не интересуют власть, поэтому она отчуждена от него.

Эту фазу развития общества едва ли можно “перескочить”. Начиная с 1999 г., Украина даже опережала Россию в процессе нарастания обратных авторитарных тенденций.

Вместе с тем следует понимать, что поставторитаризм не является настоящей демократией. Это подтверждают исторические события между февральской и октябрьской революциями 1917 г., когда до выборов в Учредительное собрание действовал так называемый предпарламент. В наше время поставторитарную власть также можно назвать “преддемократической”, она уже позволяет гражданскому обществу, проходящему период становления, и различным социальным группам влиять на принятие решений, однако демократическое общество в действительности само избирает носителей власти и формирует варианты решения проблем. В демократическом массовом сознании царят представления о том, что власть не является безальтернативной, что доверие к власти — не вне времени, оно дается в кредит. Если этот кредит исчерпывается, власть становится банкротом.

Правовое государство может развиваться лишь вместе с гражданским обществом, слабость которого препятствует не только законной защите прав граждан от власти, но и, определенным образом, не защищает власть от гнева народа.

Таким образом, каждый тип субъекта имеет собственные черты политического сознания, которое различается по пяти основным признакам.

Первый — характер и способ осуществления власти. В тоталитарном обществе это общий контроль и насилие; в автократическом обществе возникают определенные зоны свободы, недоступные для контроля; при преддемократическом режиме власть начинает вести диалог с независимыми группами, вызревшими еще в период автократии в своеобразных анклавах общественной свободы, но вместе с тем она сама определяет результаты этого диалога; в демократическом режиме власть осуществляется на представительской основе согласно закону.

Второй признак — отношение людей к властному режиму. Для тоталитарного сознания характерно слияние, отождествление себя с властью; для авторитарного — отчуждение от власти; для преддемократического — ограниченное влияние на власть; для демократического — свободный выбор конкретных носителей власти.

Третий важный фактор — статус горизонтальных социальных структур. Тоталитарный режим разрушает любые горизонтальные структуры; авторитарный допускает их существование до тех пор, пока они не имеют политического характера; преддемократический режим разрешает любые органи-

зации, кроме претендующих на власть, при этом оппозиция имеет такой же менталитет, как и власть; в демократическом обществе структура общественных организаций становится фундаментом политической системы.

Четвертый признак — иерархия социальных табу. В тоталитарном обществе разрешено то, что определено властью, остальное — запрещено; в авторитарном обществе право на жизнь имеет то, что не касается политики; в преддемократическом обществе разрешено все, кроме попыток изменить власть, в демократическом обществе разрешено все, что не запрещено законом.

Пятый признак касается политических идеалов. В тоталитарном обществе от власти требуют всемогущества, а от граждан — энтузиазма и скромности; в авторитарном обществе от власти требуется компетентность, от граждан — профессионализм и верность; в преддемократическом обществе от власти требуют нравственности, от граждан — активности и определенной безответственности; в демократическом обществе от власти и граждан требуется лишь неукоснительное соблюдение законов⁶⁴.

Итак, преобладающим социально-историческим субъектом в эпоху глобализации является тип субъекта “Я”, тем самым объективно он вступает в конфликт с коэволюционным субъектом “Мы”, что проявляется как в Украине, так и в России. Это стимулирует определенные внешнеполитические проблемы, как в отношениях с Советом Европы, так и с лидером авангарда глобализации — США.

Возникает закономерный вопрос: сколько в Украине и России будет длиться обратная фаза автократии?

Возможно, поворотный момент будет связан с периодом 2002–04 гг., когда в Украине состоятся парламентские и президентские выборы. Переизбрание в 2004 г. на повторный срок Президента России В. Путина с большой долей вероятности можно прогнозировать уже сейчас. Поскольку нынешний властный режим в России будет существовать еще как минимум до 2008 г., учитывая существенную связь между политическими элитами двух стран, можно прогнозировать, что в Украине аналогичные тенденции будут преобладать и после президентских выборов 2004 г. Очень вероятно, что общественному сознанию двух народов понадобится значительно больше времени (до 2012 г., если снова вмешается в развитие социально-политических процессов такой мощный природный фактор, как новый пик солнечной активности), чтобы сделать свой второй и окончательный выбор демократического пути развития.

Глава 5. Коэволюция и структура общественных реформ

Проблема социальных реформ занимает ключевое место в научном дискурсе как важный вопрос прежде всего социально-исторического знания. Опыт всемирной истории аргументированно убеждает в необходимости перманентных усилий для творческого преобразования несовершенной действительности, творцами и субъектами которой являются простые смертные индивиды.

Особую актуальность вопрос осуществления реформ приобретает в наши дни, когда вследствие современных тенденций глобализации происходит радикальная трансформация всей структуры мировой цивилизации. Приспосабливаться к следствиям этого объективного процесса вынуждены не только отдельные страны, но и целые локальные цивилизации.

Адаптация к глобализации проходит в разных обществах с неодинаковой скоростью. Одним из наиболее сложных и противоречивых аспектов этого направления социально-исторического развития является обеспечение необходимых социальных преобразований, объединяющих в себе важнейшие проблемы становления будущего глобального сообщества.

Несмотря на усилия стран, в силу особенностей своего исторического развития принадлежащих к авангарду мировой цивилизации, приобщить развивающиеся страны к создаваемым глобальным институтам (Всемирная торговая организация, различные региональные интеграционные структуры), развитие социально-экономических процессов “на периферии”, пользуясь термином И. Валлерстайна, не дает оснований надеяться на быстрое выравнивание качественных и количественных показателей социального развития. Об этом свидетельствуют и ежегодные отчеты профильных структур Организации Объединенных Наций, в которых, в частности, речь идет об увеличении разрыва по абсолютным показателям развития между бедным и перенаселенным Югом и богатым Севером, переживающим демографический кризис.

Различные цивилизационные организмы тоже неоднозначно приспосабливаются к новейшим тенденциям глобализации. Все очевиднее становится своеобразный внутрицивилизационный раскол во внутренней структуре локальных цивилизаций. Мировые религиозные системы, формирующие фундамент цивилизационной самоидентификации многих, говоря словами российского философа Н. Данилевского, социокультурных типов, являются довольно инертными, чтобы гибко реагировать на динамичные изменения морально-этических принципов, которые стимулируются радикальными успехами научно-технической революции.

Создание глобальной информационной сети изменило представления о традиционных закономерностях пространственно-временного распространения информации, теперь социокультурные границы уже не являются препятствием для селекции информационных потоков. Отставание от этих технологических инноваций делает страны-аутсайдеры безнадежно догоняющими, они не успевают за скоростными оптоволоконными коммуникациями.

Хотя древнейшие мировые религиозные системы воспринимают человечество как единое целое, отвечающее тенденциям формирования определенного космополитического мира, процесс возникновения новых институтов, призванных определять соответствующие правила игры и регулировать взаимоотношения между принципиально новыми структурами международных отношений, безнадежно отстает от темпов разрушения старых нормативных систем.

Наглядный пример этого — проблема клонирования человека, которая поднимает ряд, по Ф. Достоевскому, остаточных морально-этических проблем. Человечество фактически оказалось перед небывалым вызовом своим религиозным представлением. Христианство и ислам, буддизм и конфуцианство, то есть большинство ныне функционирующих традиционных религиозных систем признают тайну рождения и жизнь человека сакральными, воплощением замысла Высшего Разума, а не объектом манипуляций генетиков-экспериментаторов. Фактически с развитием генетических технологий жизнь человека, какой она была от создания, оказалась под угрозой, к тому же не менее опасной, чем угроза ядерной войны. При этом проблема создания международных институтов, контролирующих процессы клонирования, рационально решена будет еще не скоро.

Такое состояние “организованного глобального хаоса” представляет собой плодотворную среду для развития различных антиглобализационных тенденций. Это движение набирает разнообразные формы, ставит перед собой различные задачи, использует для достижения цели не всегда моральные средства. Это мы могли наблюдать, в частности, во время терактов 11 сентября 2001 г. События в США осветили актуальные проблемы,

связанные с неадекватностью реально существующих глобальных институтов масштабам проблем, которые они призваны решать.

Так, ООН фактически превратилась в пассивный инструмент реализации внешнеполитических устремлений единой сверхдержавы и ряда так называемых “больших государств”. Система международного права как универсального нормативного механизма межгосударственного общения все чаще дает сбой в решающий момент, когда старые правовые установки стараются подвести под обоснование определенных силовых действий.

Исходя из вышеизложенного, мы имеем все основания сделать вывод о наличии состояния глобальной аномии, когда старые нормы, призванные регулировать международные отношения, уже бездействуют, а новые вследствие целого комплекса объективных (масштаб изменений, сложность новых проблем, которые должны быть объектом регулирования) и субъективных причин (главная из которых состоит в том, что такое положение дел устраивает игроков современной системы международных отношений, развязывая им руки) еще не скоро будут сформированы.

Тем не менее, нельзя утверждать, что не предпринимаются усилия в этом направлении. Например, известный финансист Дж. Сорос, которого кое-кто считает едва ли не главнейшей фигурой мирового “теневое правительство”, предлагает создать своеобразную систему международного контроля за национальными властными структурами⁶⁵. Развертывание этого процесса неминуемо потребует дальнейшего ограничения национального суверенитета, а также принципа невмешательства во внутренние дела. В частности, нынешний Генеральный секретарь ООН К. Аннан, выступая в декабре 2001 г. на церемонии награждения Организации Объединенных Наций Нобелевской премией мира, подчеркнул необходимость закрепления в нормах международного права возможности активного вмешательства мировой общественности во внутренние дела определенных стран в случае систематического нарушения прав человека.

Понятно, что этот принцип едва ли станет универсальным, особенно в условиях интенсивного распространения ядерного оружия. Ни одна страна, которая владеет или будет владеть оружием массового поражения, не допустит такого международного вмешательства, при этом едва ли поможет и создаваемая Соединенными Штатами система национальной противоракетной обороны. Мощные региональные силы (Россия, Китай, Индия и некоторые другие страны), несмотря на риторику поддержки США в антитеррористической кампании, не готовы окончательно отказаться от свободы в международных делах. Поэтому создание “мирового правительства” как нового механизма регуляции международных отношений (очевидно, под эгидой единой сверхдержавы) пока еще остается утопией. Это может быть конечной

целью процесса политической глобализации, но пока она воспринимается на периферии как перманентный социокультурный шок, который лишь усиливает состояние глобальной аномии.

Итак, пока речь не идет об игре по правилам на международной арене. Сегодня мы становимся свидетелями того, как в ходе дипломатических торгов определяется, кто будет формировать эти правила.

Сложность этого процесса подтверждается количеством новых субъектов международных отношений. Лишь международных организаций в 1998 г. насчитывалось 6020, а если к их числу отнести все без исключения структуры, деятельность которых выходит на международную арену (включительно с благотворительными фондами, религиозными орденами и сообществами, общественными движениями, механизмами регулярных конференций), то это количество возрастет почти до 50 тысяч⁶⁶. Любая из этих организаций, можно сказать, отвечает за положение дел в определенной области. Казалось бы, по законам развития и функционирования сложных систем, наведение определенного порядка в одном из элементов будет способствовать распространению этой тенденции на другие. Тем не менее, то ли критическая масса положительных изменений еще недостаточна, хаос тому ли причиной или мелкость задач, которыми занимаются эти международные учреждения, но указанная закономерность пока не действует. Мы считаем, что объяснить этот феномен можно с точки зрения синергетики, если точка бифуркации еще не преодолена, и глобальная система окончательно не стабилизировалась.

Конечно, для поддержания эффективности глобальной экономики необходимо глобальное сообщество, которое еще не скоро сформируется. Пока что оно создается постепенно, преодолевая сложный путь поиска компромиссов между разными интересами субъектов современной системы международных отношений. Степень адаптации к нынешней глобальной трансформации зависит от возможности удачного проведения необходимых социальных преобразований, вхождения в будущее глобальное информационное общество, чтобы не остаться на обочине новой универсальной цивилизации.

Социальные реформы, как правило, носят сложный системный характер и охватывают различные сферы жизни социума — политику, экономику, культуру, структуры социальной организации и социального контроля. При этом степень радикальности преобразований в значительной мере зависит, с одной стороны, от темпа демонтажа старых механизмов социального контроля, которые с углублением реформ все более препятствуют формированию новых параметров социальных процессов, а с другой, — от скорости создания принципиально новых рычагов социального контроля как гарантий закрепления качественно нового состояния социальной системы, возникшей вследствие радикальной трансформации.

В ходе разворачивания процессов общественных преобразований ключевое значение приобретают важнейшие элементы прежде всего институционального социального контроля — властно-организационный, силовой и идеологический, а также самоконтроль разных социальных субъектов.

Понятие “социальный контроль” — одно из наиболее противоречивых в современной системе социологической терминологии. Наиболее распространено толкование социального контроля как совокупности норм и ценностей общества, а также санкций, применяемых с целью их реализации. Такой точки зрения на механизм осуществления социального контроля придерживался, в частности, Э. Дюркгейм, который определяющую роль в своей социальной теории отводил контролю социальных норм, подчеркивая, что их деформация приводит к аномии, то есть параличу механизмов образования социальных норм, и вызывает кризисные явления в обществе, связанные с демонтажем социальной солидарности. При этом общественная воля в состоянии аномии парализована⁶⁷. То есть в таких социально-исторических условиях можно наблюдать состояние, когда институциональная сила еще есть, индивидуальная воля есть, а общей силы воли единого субъекта, направленной на контроль соблюдения социальных норм, составляющих основу механизма социального контроля, уже нет.

В этом контексте М. Вебер в классической работе “Протестантская этика и дух капитализма” подчеркивал важность взаимовлияния между нормами социального контроля и самоконтролем, в частности в виде различных форм религиозного аскетизма.

Постепенно формируются новые, в первую очередь морально-этические нормы, призванные извне регулировать повседневную общественную жизнь. Установленный таким образом новый механизм социального контроля закрепляется созданием соответствующих социальных институтов, таких как государственные силовые структуры и средства формирования общественной мысли, адекватной действительности.

Довольно часто понятие социального контроля отождествляется с политической властью. Например, американский политолог П. Моргентау под этим термином в области политологии понимает контроль над сознанием и действиями других⁶⁸. Подобный метод социального контроля применяется со времен начала письменной истории. Например, он был широко распространен в Древнем Египте, Месопотамии, где каста жрецов таким образом осуществляла сакральную власть. Во времена позднего средневековья, когда Реформация радикально изменила духовный облик рядового западного европейца, а также благодаря “идеологическим” усилиям Н. Макиавелли произошла дифференциация религиозной жизни и секуляризация “гражданской” политики. При этом особый вес в осуществлении эффек-

тивного социального контроля приобрели привычки макиавеллиевского Властителя.

Для органических сообществ, используя терминологию немецкого социолога Ф. Тенниса, “*Gemeinschaft*” и “*Gesellschaft*”, присущи разные типы социального контроля. Для еще слабо структурированного сообщества большое значение имеет авторитет, а для современного общества — правовая норма. М. Вебер подчеркивал, что традиционное господство основывается на вере в святость порядков, существующих издревле, харизматическое господство основано на преданности харизме вождя, легальное господство существует благодаря установленным правилам, чистейший его тип — бюрократическое господство⁶⁹.

В этом контексте в современном обществе, где развиваются новейшие средства творческого создания, накопления и распространения информации как важного властного ресурса, с развитием современных коммуникационных технологий особое значение приобретает социальная манипуляция как метод управления. Он состоит в распространении скрытого влияния на массовое сознание и поведение людей с целью принуждения их к действиям либо пассивности в интересах определенных социальных сил⁷⁰. Чаще всего такой механизм социального контроля реализуется через средства массовой информации. Характеризуя его как одно из проявлений массовой культуры, У. Черчилль в своих мемуарах подчеркивает, что после окончания Первой мировой войны в условиях острого социального кризиса Великобритании была спасена от разрушительной социальной революции общественным мнением, футболом и традиционными пабами.

На протяжении XX в. институты, созданные для реализации социальной манипуляции, получили распространение, их организация становилась все более сложной. Социотехника управления все больше ориентировалась на непосредственное формирование, принятие и реализацию политических решений. Инструментарий этого процесса как одной из важнейших форм социального контроля включает в себя разнообразные методы регулирования влияния, в том числе правовые нормы, силовое давление, рациональную или иррациональную аргументацию, даже прямую манипуляцию. Объектами влияния становятся человек как главный объект коммуникации и общественное мнение как носитель коммуникации⁷¹.

Поскольку то, что называют общественным мнением, как со знанием дела подчеркивал известный британский политический деятель Б. Дизраэли, скорее заслуживает названия “общественные эмоции”, эта сфера становится объектом постоянных манипуляций, что является универсальным механизмом эффективного социального контроля за бытием информационного общества⁷².

Более узкое, даже “специализированное” понимание социального контроля сложилось в американской социологической мысли. Оно связано

с толкованием организации контроля над проявлениями прежде всего девиантного поведения. Классик американской социологии Р. Мертон, в частности, считает, что американское общество интенсивно порождает острое противоречие между навеванными развитой потребительской психологией желаними и законно достижимыми возможностями, вследствие чего происходит ослабление норм и институтов, регулирующих и дисциплинирующих поведение людей, что, в конце концов, приводит к отрицанию авторитета социальных норм и к разнообразным формам девиантного поведения⁷³.

С распространением глобальной пропаганды моральных норм общества потребления эта тенденция охватывает все больше стран. Так, в 1990 г. Ирак пытался реабилитироваться за поражение в войне с Ираном путем захвата богатств соседнего Кувейта. С тех пор против Багдада действуют международные санкции, подтверждающие наличие проблемы контроля над девиантным поведением не только индивидов, но и сложных социальных организмов — государств, называемых на сленге американской дипломатии изгоями.

Итак, кроме форм социального контроля в виде определенных властных механизмов, действующих на государственном уровне и в структурах гражданского общества, а также контроля над девиантным поведением, не менее важной категорией, детерминирующей две предшествующие, является самоконтроль индивида. Это понятие удачно передает термин социальной психологии “локус контроля”, который заключается в фиксации степени и меры того, как личность воспринимает свою жизнь, — контролируемой ее собственными усилиями и действиями либо контролируемой извне (случаем или анонимными внешними силами)⁷⁴.

Еще один тип социального контроля связан с управлением конфликтами. Основы современной конфликтологии как теории менеджмента различных конфликтов заложил немецкий социолог и политолог Р. Дарендорф. Он предложил теорию рационального урегулирования продолжительного конфликта, подлежащего управлению, а значит и социальному контролю. Политические конфликты определяются как способ трансляции часто деструктивной энергии гражданского противостояния, неподдающегося регуляции, в контролируемую политическим классом конструктивную энергию поиска путей выхода из кризисного состояния.

Все вышеизложенные формы социального контроля всегда взаимодействуют в сложной системе и не могут рассматриваться в отдельности. Механизм социального контроля функционирует именно благодаря сложному взаимодействию институтов, призванных регулировать общественные отношения, и морально-этических норм самоконтроля индивидов, чьи решения существенно влияют на институциональный социальный контроль.

Вместе с тем любой функциональный вид социального контроля всегда относителен, ведь действия исторических субъектов в определенное “современное” время, как правило, определяются прошлым, могут детерминировать будущее, но будущие события не в состоянии влиять на эти действия, поэтому социальный контроль всегда зависит от шаткого равновесия между социальной статикой и динамикой. Уникальные исторические события решающим образом влияют на дальнейшее изменение доминирующих социальных условий, которые, в свою очередь, определяют направление социально-исторического развития.

Структура социальных преобразований. Социально-исторический смысл общественных реформ определяется на основе соединения структурного и функционалистского подходов к их толкованию. С одной стороны, в первую очередь следует обратить внимание на радикальное изменение совокупности норм и процедур принятия властных решений, с другой, — заслуживают внимания изменения в сфере социальной этики и морали, в частности отношение к определенным статусным группам и властным структурам, причастным к социальному контролю. Речь идет о таких традиционно важных общественных институтах, как школа, церковь, полиция, армия.

Достаточно условно структуру социальных реформ можно представить как сложную модель взаимодействия составляющих, среди которых отметим:

— экономические реформы, квинтэссенцию которых составляют изменения в отношениях собственности, налоговая, земельная, денежная реформы;

— не меньшее значение имеют политические реформы: изменение политической системы, создание новых субъектов политического процесса, административная реформа, задевающая основы государственного бюрократического аппарата, реформирование избирательного законодательства с целью гарантирования избирателям честной возможности исправить неминуемые ошибки в выборе на следующих выборах;

— третья по очереди, но не по значению составляющая социальных преобразований — социокультурные реформы, важнейшей из которых является образовательная, она детерминирует идеологическое обеспечение новой социально-политической системы и ее воспроизведение в грядущих поколениях. Преобразования в сфере духовной жизни общества подводят черту под старым механизмом социального контроля и начинают новый.

Импульсом к реформированию всегда служит отмена действующих механизмов социального контроля. Соответственно период социальных реформ, как правило, заканчивается установлением новых норм социального контроля, которые являются следствием системных преобразований. Важнейшее значение при этом имеют новые социальные ценности, представляющие квинтэссенцию любой системы социального контроля.

Итак, объективным критерием начала определенных преобразований выступает атака различных социальных агентов на существующие социальные ценности, ментальное поле которых фактически удерживает существующий социальный порядок.

Объясняя этот процесс, итальянский коммунистический деятель А. Грамши (его теоретические разработки первой половины XX в. сыграли важную роль в развитии новейших концепций социального контроля, в отличие от ортодоксальных марксистов, акцентировавших внимание преимущественно на силовом контроле власти в классовом обществе) подчеркивал, что механизм власти состоит не только в принуждении, но и в убеждении. Господствующая элита способна легитимизировать власть и удерживать ее с помощью убеждения общества в справедливости существующего социального устройства.

Значение общественного мнения в осуществлении эффективного социального контроля подчеркивал еще основатель новейшей социологической мысли О. Конт. В частности, он отмечал, что весь социальный механизм действует на основе различных точек зрения⁷⁵. Поэтому формирование независимого общественного мнения, возникающего преимущественно в структурах гражданского общества, — важнейший этап для эффективного действия демократических механизмов социального контроля. При этом критическими являются реформа силовых рычагов влияния на общество и контроль над формированием общественного мнения.

По нашему мнению, структура социальных реформ на определенных стадиях исторического развития общества принципиально различается. Наиболее адекватной моделью для исследования этих процессов в состоянии социальной статики и динамики представляется идея универсального эпохального цикла. На стабильных (нормативных) фазах цикла — инволюции и эволюции — сохраняются существующие на определенном промежутке времени системы социального контроля. Реформы при этом имеют частичный, “косметический” характер, они радикально не изменяют существующие механизмы социального контроля, но направлены на его усовершенствование и улучшение. Однако уже на эволюционной стадии развития цикла наблюдается накопление важных социальных инноваций. После достижения критического количества инновационных изменений можно наблюдать качественные изменения.

Динамичные (переходные) фазы эпохального цикла связаны с подготовкой и реализацией социальных реформ. При этом на коэволюционной стадии цикла мы можем наблюдать расшатывание старой системы социального контроля, достигающее такой степени интенсивности, что уже объективно фиксируется массовым сознанием. Радикальные системные изменения, как правило, происходят на революционной стадии эпохального цикла,

которая подводит черту под исторически “отработанным” циклом и начинает принципиально новый.

Рассмотрим действие предложенной модели путем анализа известных социальных трансформаций.

Исторический опыт социальных реформ. Остановим свое внимание на наиболее громких революциях, которые, в конце концов, сформировали социальные условия в современном авангарде исторического процесса. Речь идет о нидерландской, английской, американской и французской буржуазных революциях XVI–XVIII вв. Все они имеют важные аналогии, несмотря на довольно существенные различия в исторических условиях развертывания, темпах изменений, их радикальности, в устойчивости формирования нового социального порядка. Прежде всего это касается влияния религиозного фактора (ключевого при традиционной форме организации социального контроля) на радикальные социальные преобразования. Особенно показательными в этом плане были три первые революции. Они осуществлялись под влиянием идей и ценностей реформации, их субъекты консолидировались вокруг разных ветвей протестантизма и католичества, в результате приблизительно в течение жизни одного поколения длился процесс формирования новых институтов социального контроля, присущих буржуазному обществу.

Французская революция конца XVIII в. была взлелеяна на идеях Просвещения. Она создала причины для секуляризации гражданского общества на основе преобразования его самого в объект почти религиозного поклонения. Достаточно лишь вспомнить попытки якобинцев ввести культ Ума.

Легитимизация преобразований в каждом конкретном случае происходила на основе отказа от традиционных механизмов социального контроля. В Нидерландах господство католической Испании рассматривалось не только как препятствие свободному вероисповеданию, но и как эксплуатация нидерландских богатств, которые постепенно накапливались с развитием товарно-денежных отношений. В Англии врагом зарождаемой в ходе социально-политических процессов капитализации стала старая полуфеодалная королевская власть, которая своими неадекватными действиями нарушила негласный социальный договор о режиме налогообложения, преследовала радикальных диссидентов (так себя называли адепты религиозной реформации). В конце концов они переселились в Северную Америку, где создали новые поселения, но полностью так и не освободились от контроля метрополии.

Американская революция, по времени совпавшая с процессом зарождения так называемого американского способа развития капитализма, синхронизировалась с борьбой североамериканских колоний за независимость от британской короны. С другой стороны, она повлияла на начало

Французской революции, которая фактически открыла новый глобальный цикл социально-исторического развития и сформировала современные институты социального контроля.

Необходимо подчеркнуть, что процесс глобализации, который интенсифицировался с распадом социалистического лагеря, формирует принципиально новые тенденции социальных преобразований. При этом, например, Дж. Сорос усматривает угрозу открытому обществу в нестабильности, вызванной отсутствием развернутых социальных ценностей. Чтобы спасти положение, он предлагает действовать правильно и морально, даже если иногда это представляется нецелесообразным, то есть превратить средство достижения цели в саму цель.

Проблему контроля над изменениями известный социолог и футуролог А. Тоффлер предлагает решать средствами четкого осознания долгосрочных социальных задач и демократизации путей их достижения⁷⁶. При этом мы не можем наблюдать интенсивной гуманизации социальных преобразований, потому что следствия социальной модернизации все еще связаны с ощутимой депопуляцией населения, со всем комплексом негативных социальных явлений, интенсивно развивающихся в благоприятной среде аномии и перманентного стресса, в котором находится подавляющее большинство слоев обществ, пребывающих в процессе трансформации.

Тем не менее, исторический опыт социальных реформ свидетельствует, что в их результате устанавливаются новые механизмы функционирования общества и качественно обновляются социальные институты, призванные осуществлять перманентный социальный контроль. Рассмотрим с этой точки зрения новейший опыт Украины и России.

Украинский и российский пути реформ и социальный контроль. Демонтаж советской общественной системы в обеих странах происходил с определенными специфическими чертами, но одновременно — в ходе “перестройки”. Постепенно, шаг за шагом, осуществлялся отход от традиционного механизма социального контроля и его постепенное разрушение. В частности, отмена статьи 6 Конституции СССР, закрепляющей руководящую роль Коммунистической партии, стала настоящей “тихой” революцией. Тем самым фактически был смещен структурообразующий стержень советской политической системы, обеспечивающий ее легитимизацию и смысл существования.

Дальнейшее продвижение проекта “перестройка” было связано с делегитимизацией большинства действующих в то время правовых норм (был провозглашен постулат: “Все, что не запрещено законом, разрешено”), что способствовало созданию благоприятных условий для распространения не только правового нигилизма, но и различных методов приватизации общественной собственности представителями бывшей советской власт-

ной элиты. Таким образом, постепенно, относительно малой кровью была осуществлена настоящая социальная революция, о чем свидетельствует радикальное изменение статуса и социальных ролей “рабочего класса”, “трудового крестьянства”, “интеллигенции” и правящей элиты.

Весь этот процесс сопровождался демобилизацией коллективистских стереотипов массового поведения и активной пропагандой гедонистической индивидуалистической морали, направленной не на “протестантский аскетизм” первоначального накопления капитала (в веберовском толковании этого понятия), а на новую форму “грабежа награбленного” с одновременным разрушением производственного и научного потенциала. Следствием таких базовых трансформаций стал демонтаж системы социального обеспечения и всей социальной сферы, от детсада (вследствие настоящей демографической катастрофы) до школы и вуза.

Социальные институты, которые по своим функциям должны обеспечивать постоянное воспроизведение системы социального контроля, — школа, церковь, наука, армия, исполнительная и законодательная власть, средства массовой информации, оказались в глубоком системном кризисе.

Школа завязла в непродуманных реформах, нивелировавших универсальный подход к передаче начальных знаний, что привело к жесткому классовому расслоению учеников.

Церковь оказалась не готовой ответить на моральный кризис общества и по византийской традиции вступила в союз с властью. В Украине православная церковь в силу политических причин вообще разделена на враждующие конфессии.

Наука дезориентирована рыночным подходом к своей деятельности, схоластику плана научных открытий заменила проза товарно-денежных отношений.

Исполнительная и законодательная ветви власти сосредоточились на распределении властных полномочий. В России этот “конституционный процесс” в октябре 1993 г. закончился кровавым натуралистическим спектаклем с расстрелом Белого дома. В Украине Конституция принята в одну ночь после продолжительного выяснения отношений между ветвями власти, а теперь становится перманентным процесс ее “реформирования”.

Средства массовой информации еще не выполняют роль “четвертой власти”, призванной осуществлять неформальный контроль над деятельностью всех представителей власти, они так и не стали глазами и голосом гражданского общества. Если под “гражданским обществом” понимать различные социальные группы, дифференциация которых происходит вследствие определенного общественного разделения труда, в Украине и России оно находится еще в стадии самоосознания и определения своих функций

в осуществлении социального контроля над государством. В свою очередь, государство не спешит делегировать гражданскому обществу такое право, а оно, хлипкое от рождения, не может это право отстоять, постоянно заигрывая с государством.

Одна из множества причин такого положения — то, что большинство средств массовой информации при рыночных условиях оказались под контролем финансово-промышленных группировок и, устранившись от выполнения функций “сторожевого пса демократии”, превратились в декоративную собачку, подающую голос лишь по команде хозяина.

Еще одна составляющая формирования независимого общественного мнения — так называемые “связи с общественностью” (*public relations*) — тоже превратилась в функцию большого бизнеса и опирается на известный постулат М. Твена о том, что честность — наилучшая политика, особенно если она приносит деньги.

Итак, общая проблема обеих посткоммунистических стран — отсутствие действенных структур гражданского общества, а в силу этого наблюдается дефицит эффективной, некоммунистической, конструктивной оппозиции. Социальный контроль государственных институтов в политической сфере в идеале должен состоять в роли неподкупного и объективного судьи, призванного не играть на стороне определенных политических сил, а лишь следить за тем, чтобы все субъекты политического процесса придерживались установленных правил игры.

При этом, как подчеркивает российский политолог А. Панарин, политика выступает в качестве инновационного процесса производства новых властных статусов и влияний в пределах универсальной правовой нормы⁷⁷. На основе этих умозаключений ученый приходит к утверждению о том, что в основе политических революций лежит конфликт не “продуктивных сил и производственных отношений”, а подсистемы производства новых массовых требований и существующей подсистемы принятия политических решений.

В украинских и российских реалиях переходного периода демонтаж действенного государственного контроля одновременно с кризисом механизмов контроля со стороны мобилизованного общественного мнения породил своеобразный феномен “приватизации” общественной власти, когда она, существуя на деньги налогоплательщиков, часто действует вопреки их интересам. При этом обществу отводилась роль пассивного наблюдателя за выяснением отношений между разными группами новой элиты.

Диалог между институтами государственной власти и структурами гражданского общества как одна из форм осуществления эффективного обоюдного социального контроля до сих пор так и не сложился, именно поэтому медленно происходит процесс институционализации соответствующего

политического поля. Отсутствие действенного политического обеспечения социальных реформ существенно замедляет их темп, препятствует кристаллизации и дифференциации различных социальных интересов, что должно привести к стабильной политической структуризации и к замене мелкопартийности многопартийностью, когда в роли активных политических субъектов выступают несколько партий четкой идеологической направленности, представляющие объективные интересы разных слоев общества.

С избранием В. Путина на пост президента сделаны заметные шаги в проведении нового этапа реформ, которые, в отличие от периода президентства Б. Ельцина, направлены не на разрушение остатков старых механизмов социального контроля, а на формирование новых. В частности, приняты налоговый и земельный кодексы, начата судебная и военная реформы. Вместе с тем пропрезидентские политические силы снова не имеют конструктивной оппозиции. На эту роль пытаются претендовать “Яблоко” Г. Явлинского и созданная Б. Березовским в декабре 2001 г. партия “Либеральная Россия”. По нашему мнению, уже следующие выборы в Государственную Думу (если разные политические силы будут ориентироваться на перспективу переизбрания В. Путина в 2004 г.) станут испытанием новых механизмов социального контроля, еще не сформированных окончательно, а проявляющихся пока лишь как тенденция.

Аналогичное испытание приблизительно в это же время ждет и Украину. Громкий “кассетный скандал”, взорвавшийся через год после президентских выборов 1999 г., стал одним из симптомов продолжительной аномии — отсутствия действенных механизмов социального контроля. Тем не менее, как и любой кризис, он стимулировал определенные положительные тенденции, реанимировав политическую активность. В результате под давлением апрельского референдума 2000 г. в Верховной Раде Украины сформировано большинство, которое в сложных политических условиях смогло провести ряд важных законов. В частности, на последней перед выборами сессии были приняты новые земельный, гражданский, уголовный кодексы. Другой вопрос в том, удалось ли преодолеть правовой нигилизм, чтобы законодательство неукоснительно выполнялось всеми без исключения субъектами и работало на реформы.

Итак, исходя из вышеизложенного, поиск оптимальной модели распределения власти и организации институционального социального контроля в Украине и России будет длиться по крайней мере еще в течение первого десятилетия XXI в., и это не дает нам оснований говорить об окончании трансформационных процессов в обеих странах, о завершении переходного периода реформ, символом чего должно стать формирование новых механизмов социального контроля.

Следует принимать во внимание и влияние на трансформационные процессы в обеих странах внешних факторов, связанных с глобальной трансформацией

и сложностью формирования новых правил игры на международной арене. Этот фактор может существенно повлиять на дальнейший ход событий в Украине и России. После террористических актов в США 11 сентября 2001 г. на международной арене интенсивно изменяется соотношение сил. Россия политически активно поддержала Соединенные Штаты Америки в проведении антитеррористической операции, стимулировавшей обострение противоречий в Евразии, в частности между ядерными Индией и Пакистаном. Нападение террористов в декабре 2001 г. на индийский парламент еще больше заострило ситуацию на полуострове Индостан. Сложным и противоречивым остается положение на Ближнем Востоке.

Все эти события усложняют внешнеполитическое позиционирование Украины и России. Открытым остается вопрос о месте этих стран в новой глобальной системе, в частности с точки зрения их подчинения внешнему контролю. С выходом из Договора по системам противоракетной обороны США активно готовятся к роли глобального полицейского, а на роль “заместителя шерифа” претендует скорее не Россия, а Великобритания.

Ресурсные возможности Украины в контексте защиты национальных интересов от внешнего контроля на данное время достаточно ограничены. Сохранение отрицательного демографического роста, накопление проблем, связанных со старением населения, а также нерешенных социальных, экономических, политических, экологических и иных проблем может еще более ослабить конкурентоспособность Украины в условиях глобализации. Одним из возможных путей решения этой проблемы может быть синхронизация реформ в Украине и России, взаимное усиление позиций в мире, без перекладывания своих проблем на плечи стратегических союзников.

Первое десятилетие XXI в. открывает возможности для выбора стратегических приоритетов и направления развития, оно может открыть пространство для инновационного потенциала или окончательно похоронить надежду, пусть даже и последней.

Библиографические ссылки

- ¹ Соціологія. Короткий енциклопедичний словник. — К., 1998. — С. 137.
- ² История теоретической социологии. В 4-х томах. — Т. 1 / Отв. Ред. и сост. Ю. Н. Давыдов. — М., 1997. — С. 194.
- ³ Штомпка П. Социология социальных изменений. — М., 1996. — С. 255.
- ⁴ Черных А. И. Историческая социология на Западе (конец XX века) // Социологические исследования. — 2002. — № 2. — С. 88.
- ⁵ Философия истории. Антология. — М., 1995. — С.73.
- ⁶ Черных А. И. История и социология — проблемы взаимодействия // Социологические исследования. — 2001. — № 10. — С. 16.

- ⁷ *Поппер К.* Злиденність історизму. — К., 1994.
- ⁸ *Философия истории.* Антология. — М., 1995. — С. 304.
- ⁹ *Панарин А. С.* Искушение глобализмом. — М., 2000. — С. 241.
- ¹⁰ *Панарин А. С.* Глобальное политическое прогнозирование. — М., 2000. — С. 22–23.
- ¹¹ *История теоретической социологии.* — Т. 2. — М., 1998. — С. 349.
- ¹² *Блок М.* Апология истории. — М., 1986. — С. 29.
- ¹³ *Малинецкий Г. Г.* Нелинейная динамика и историческая механика // *Общественные науки и современность.* — 1997. — № 2. — С. 101.
- ¹⁴ *Блок М.* Апология истории. — М., 1986. — С. 71.
- ¹⁵ *Юрганов А. Л.* Опыт исторической феноменологии // *Вопросы истории.* — 2001. — № 9. — С. 36–49.
- ¹⁶ *Хвостова Н. В.* Количественные методы в истории // *Вопросы философии.* — 2002. — № 6. — С. 68.
- ¹⁷ *Назаретян А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте Универсальной истории. — М., 2001.
- ¹⁸ *Ионов И. Н.* Историческая глобалистика: предмет и метод // *Общественные науки и современность.* — 2001. — № 4. — С. 133.
- ¹⁹ *Ахизер А. С.* Между циклами мышления и циклами истории // *Общественные науки и современность.* — 2002. — № 3. — С. 124.
- ²⁰ *Юнг К.-Г.* Психология бессознательного. — М., 1998.
- ²¹ *Генон Р.* Кризис современного мира. — М., 1991.
- ²² *Мосс М.* Социальные функции священного. — СПб., 2000.
- ²³ *Вебер М.* Господарська етика світових релігій. Вступ // Вебер М. Соціологія. Загально-історичні аналізи. Політика. — К., 1998. — С. 397–399.
- ²⁴ *Васильев Л. С.* История религий Востока. — М., 1988. — С. 135.
- ²⁵ *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1998. — С. 250.
- ²⁶ *Кара-Мурза С.* Истмат и проблема Восток — Запад. — М., 2001. — С. 34.
- ²⁷ *Тойнби А.* Постигание истории. — М., 1991. — С. 252.
- ²⁸ *История теоретической социологии.* — М., 1997. — Т. 1. — С. 80.
- ²⁹ *Панарин А. С.* Политология. — М., 1999. — С. 112.
- ³⁰ *Поппер К.* Злиденність історизму. — К., 1994.
- ³¹ *Панарин А. С.* Искушение глобализмом. — М., 2000. — С. 21.
- ³² *Московичи С.* Машина, творящая богов. — М., 1998. — С. 6.
- ³³ *Штомпка П.* Понятие социальной структуры: попытка обобщения. // *Социологические исследования.* — 2001. — № 9. — С. 3–12.
- ³⁴ *Лашин Н. И.* Социокультурный подход и социетально-функциональные структуры // *Социологические исследования* — 2000. — № 7. — С. 3–12.
- ³⁵ *Донченко О. А.* Социетальна психіка. — К., 1994.
- ³⁶ *Донченко Е.* Архетип психосоциальной эволюции с точки зрения политического менеджмента // *Социология: теория, методы, маркетинг.* — 2000. — № 2. — С. 51–65.
- ³⁷ *Спенсер Г.* Опытные научные, политические и философские. — Мн., 1999. — С. 1408.
- ³⁸ *Московичи С.* Машина, творящая богов — М., 1998. — С. 15.
- ³⁹ *Штомпка П.* Социология социальных изменений — М., 1996. — С. 73.
- ⁴⁰ *Сорокин П. А.* Обзор циклических концепций социально-исторического процесса // *Социологические исследования.* — 1998. — № 12. — С. 3.
- ⁴¹ *Штомпка П.* Социология социальных изменений. — М., 1996. — С. 25.
- ⁴² *Спенсер Г.* Классификация наук // Спенсер Г. Опытные научные, политические и философские. — Мн., 1999. — С. 549–592.
- ⁴³ *Юнг К.-Г.* Психологические типы. — М., 1996. — С. 688–690.
- ⁴⁴ *Панарин А. С.* Политология — М., 1999. — С. 399.

- ⁴⁵ *Матвієнко В. Я.* Прогностика. Прогнозування соціальних та економічних процесів. Теорія. Методика. Практика. — К., 2000. — С. 64.
- ⁴⁶ *Спенсер Г.* Генезис науки // Спенсер Г. Опыты научные, политические и философские. — Мн., 1999. — С. 482–548.
- ⁴⁷ *Щербина В.* Субъектная составляющая теоретизирования как предмет рефлексии различных направлений социологии // Буття людини. Природа та соціум: соціально-філософські виміри. Вісн. Харк. ун-ту. — 1998. — № 5. — С. 6–7.
- ⁴⁸ *Гуссерль Е.* Формальна і трансцендентальна логіка. Досвід критики логічного розуму // Зарубіжна філософія ХХ століття. — К., 1993. — С. 137–138.
- ⁴⁹ *Генон Р.* Кризис современного мира. — М., 1991. — С. 54.
- ⁵⁰ *Чешков М. А.* О видении глобализирующегося мира // Мировая экономика и международные отношения. — 1999. — № 6. — С. 49.
- ⁵¹ *Донченко Е. А.* Социетальная психика. — К., 1994. — С. 35.
- ⁵² *Вебер М.* Три чисті типи легітимного панування // Вебер М. Соціологія. Загальноісторичні аналізи. Політика. — К., 1998. — С. 157–160.
- ⁵³ *Арон Р.* Этапы развития социологической мысли. — М., 1992. — С. 511.
- ⁵⁴ *Сартр Ж.-П.* Экзистенциализм — це гуманізм // Зарубіжна філософія ХХ століття. — К., 1993. — С. 137–138.
- ⁵⁵ *Маркузе Г.* Розум і революція // Зарубіжна філософія ХХ століття. — С. 227.
- ⁵⁶ *Афонін Е. А., Бандурка О. М., Мартинов А. Ю.* Суспільний розвиток від Різдва Христового. — К., 2000.
- ⁵⁷ *Казинцев А. И.* Новые политические мифы. Опыт публицистического исследования. — М., 1990. — С. 67.
- ⁵⁸ *Майерс Д.* Социальная психология. — М., 1998. — С. 72.
- ⁵⁹ Там само. — С. 250.
- ⁶⁰ *Мартинов А. Ю.* Вибори 43-го президента США: уроки демократії // Людина і політика. — 2001. — № 1. — С. 81.
- ⁶¹ *Werner A.* Das neue Russland Putins. Aufbruch mit schwerem Erbe. — Wien, 2000. — S. 165.
- ⁶² *Хабермас Ю.* Демократия. Разум. Нравственность. — М., 1995. — С. 52.
- ⁶³ *Тоффлер А.* Футурошок. — СПб., 1997. — С. 6.
- ⁶⁴ *Гозман Л. Я., Шестопал Е. Б.* Политическая психология. — Ростов-на-Дону, 1996. — С. 216–218.
- ⁶⁵ *Сорос Дж.* Криза глобального капіталізму. Відкрите суспільство під загрозою. — К., 1999. — С. 15.
- ⁶⁶ Современные международные отношения: Учеб. — М., 2001. — С. 220.
- ⁶⁷ *Korte H.* Einführung in die Geschichte der Soziologie. — München., 1992. — S. 64.
- ⁶⁸ Політологія. — Львів, 1994. — С. 140.
- ⁶⁹ *Вебер М.* Соціологія. Загальноісторичні аналізи. Політологія. — К., 1998. — С. 157–160.
- ⁷⁰ Соціологія. Короткий енциклопедичний словник. — К., 1998. — С. 296.
- ⁷¹ *Матвієнко В. Я.* Соціальні технології. — К., 2001. — С. 234.
- ⁷² *Кара-Мурза С.* Манипуляция сознанием. — М., 2000.
- ⁷³ Американская социология. Перспективы. Проблемы. Методы. — М., 1972. — С. 292.
- ⁷⁴ *Майерс Д.* Социальная психология. — СПб., 1998. — С. 74.
- ⁷⁵ История теоретической социологии. — М., 1997. — С. 68.
- ⁷⁶ *Тоффлер А.* Футурошок. — СПб., 1997. — С. 392.
- ⁷⁷ *Панарин А. С.* Политология. — М., 1999. — С. 5.

Раздел II

Украина

на перекрестке коэволюции

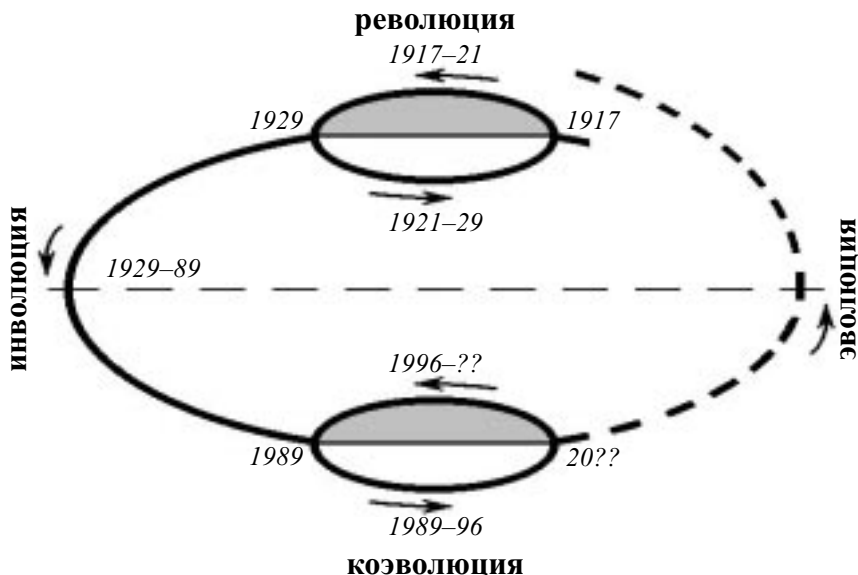

Рис. 2. Современный эпохальный цикл развития Украины

революция	1917-21 — политика военного коммунизма
(переходный период)	1921-29 — новая экономическая политика (инверсионный процесс)
инволюция	1929-89 — политика индустриализации
(устойчивое развитие)	
коэволюция	1989-96 — политика рыночных реформ
(переходный период)	1996-?? — поиск общественной консолидации (инверсионный процесс)
эволюция	?? — политика постиндустриального общества
(устойчивое развитие)	

Характерные признаки устойчивого развития:

инволюция (индустриальное общество) — демократический централизм, плановая экономика, инвариантная культура, коллективистская мораль

эволюция (постиндустриальное общество) — политический плюрализм, рыночная экономика, поливариантная культура, индивидуалистская мораль

Глава 6. Украина, Россия, Беларусь: особенности развития в постсоветский период

Анализ специальной социально-экономической, политологической и исторической литературы, вышедшей в 1990-е гг., свидетельствует о пестроте и противоречивости в оценках, типологизации да и просто в описании специфики трансформационных процессов на так называемом постсоветском пространстве. Причины этого следует искать как в объективной сложности научного анализа актуальных исторических ситуаций (социально-исторических процессов), развитие которых еще не завершено, так и в значительной традиционности научного мышления, ориентированного на упрощенный анализ, а не на синтез в исследовании сложных социально-исторических процессов и явлений.

Начавшаяся со времен “перестройки” (1985–91) трансформация общественных отношений и отражение ее результатов в общественном сознании населения новых независимых государств существенно разнятся. Это и понятно, ведь в структуру СССР входили республики, находящиеся на различных этапах своего исторического развития.

“Имперская модернизация”, осуществлявшаяся в 1922–91 гг. в рамках советской цивилизации, конечно же, способствовала формированию общих стандартов единого экономического, политического и культурного пространства. Вместе с тем, существенные культурные различия, например, республик Прибалтики, Кавказа и Средней Азии сразу бросались в глаза. Это была не столько этнографическая экзотика, сколько глубинная, можно даже сказать, ментально-архетипическая дифференциация советского народа, являвшаяся объектом постоянного и пристального внимания западных советологов, однако ускользавшая от внимания советской науки, выполнявшей социально-политический заказ и имевшей установку на задачи интернационализации “советского народа” и окончательное решение национального вопроса в СССР.

Социокультурная специфика союзных республик не принималась (да и сейчас практически не принимается) во внимание архитекторами

перестройки и идеологами реформ. Сказывается привычка “демократического централизма”, когда принятые на вершине власти решения командно-административными методами реализовывались на местах. Вместе с тем с наступлением эпохи гласности и демократизации, и особенно начиная с “парада суверенитетов” (1990), с ослаблением механизмов общественного контроля бывшая партийно-хозяйственная номенклатура союзных республик прибрала собственность, а вместе с ней и реальные рычаги управления, к своим рукам.

Она столкнулась с тем, что с распадом СССР, экономических и культурных связей когда-то единого целого, в полную силу заявили о себе процессы национальной идентификации и рост национального самосознания народов. Неудивительно, что и процесс реформ на постсоветском пространстве проходил с существенными различиями. Даже в самой Российской Федерации автономные мусульманские республики, такие как Татарстан, искали самостоятельные пути исторического развития. А большинство проблем российского пути реформ сконцентрировалось в Чечне. В этой северокавказской республике наиболее ярко проявили себя экзистенциальные вопросы будущего Российской Федерации, сохранения ее территориальной целостности, но не ценой разрушения православно-мусульманского цивилизационного консенсуса, цементирующего фундамент здания российской евразийской идентичности”.

Поэтому развитие процесса реформ в Российской Федерации в значительной степени сопряжено с поиском внутрифедерального консенсуса относительно их направленности и темпов реализации. В силу незавершенности процесса реформирования российского федерализма этот процесс часто не был оформлен институционально и зависал” на уровне реализации столичных решений в российской глубинке.

Начиная с 2000 г., когда усилиями президента В. Путина созданы семь федеральных округов, пересмотрен механизм формирования Совета Федерации Федерального Собрания, на волне нынешних инверсионных процессов наблюдается попытка восстановления вертикали центральной исполнительной власти во всех 89 субъектах Российской Федерации. Похоже, что этот процесс имеет шанс продлиться, по крайней мере, до думских выборов 2003 г. и президентских выборов 2004 г. Поэтому следующая пятилетка, вероятнее всего, еще не станет водоразделом, за которым начинается этап “устойчивого общественного развития” России.

В более моноэтнических бывших советских республиках не было проблем, аналогичных российским, но присутствовала своя специфика. В результате четко ориентированного и эффективно реализуемого “европейского пути” реформирования Эстония, Латвия и Литва в 2004 г. окажутся

в Европейском Союзе и Североатлантическом альянсе (НАТО). А центрально-азиатские государства, отходя от геополитического контроля России, наоборот, приходят к специфическому “азиатскому пути” исторического развития.

Очевидно, что подобные цивилизационные различия необходимо учитывать, ведь они определяют не только особенности трансформации, но и судьбу различных региональных политических образований на постсоветском пространстве.

С этой точки зрения Содружество Независимых Государств, которое с 1991 г. медленно, но верно превращалось в “президентский клуб” по интересам, сохраняется не столько как интеграционная структура, сколько как дипломатический инструмент консультаций по модели Британского Содружества Наций. В то же время реальные интеграционные потенциалы пытаются приобрести такие структуры, как Евразийское экономическое сообщество и Таможенный союз, создание которых инициировано Россией по модели Европейского Союза. Правда, при этом забывают, что фундамент ЕС вырос из процесса экономической кооперации и интеграции, а не строился, начиная с “политической крыши”. При этом различна динамика и направленность трансформаций политического режима и экономических реформ в таких членах Евразийского экономического сообщества, как Россия и Беларусь, Армения и Таджикистан, Казахстан и Киргизстан, что препятствует формированию общего рынка рабочей силы, капиталов и товаров.

Кроме того, в рамках Евразийского экономического сообщества происходит процесс дифференциации его членов. Центральноазиатские государства в условиях военно-политического проникновения США в Афганистан и соседние Узбекистан, Киргизстан и Таджикистан все менее нуждаются в российских гарантиях безопасности. Активно проникают в регион и китайские интересы, которые Россия пытается учитывать в рамках неформального объединения “Шанхайская шестерка” (Россия, Китай, Узбекистан, Казахстан, Таджикистан, Туркменистан).

Все еще остаются актами незавершенных политических маневров пять лет попыток создания Союза России и Беларуси, предпринимаемых инициаторами без учета кардинальных отличий в направленности реальных социальных процессов, протекающих в рамках национально-государственных образований участников, и несбалансированности проектируемой объединенной социокультурной системы. Включение Беларуси в качестве одного из субъектов в состав Российской Федерации неприемлемо, прежде всего, для россиян, вступающих в новый этап эволюционного развития и не готовых к процессу “поглощения”, органично присущему для инволюционной

стадии развития цикла. Альтернативный вариант российско-белорусского союза по модели ЕС представляется неорганичным для Беларуси в силу актуального для нее инволюционного периода развития.

Понятно, что для устойчивости и перспективы возрождаемого славянского союза недостает третьего участника, который имел бы общую культурную специфику и однонаправленные по отношению к одному из двух других участников тенденции развития. Таким третьим участником потенциально выступает Украина. Обладая родственной славянской культурой и однонаправленными (в сторону эволюционных преобразований) с Россией тенденциями социокультурного развития, Украина все более определяется как социальный субъект – конкурент национальным интересам России. Уравновесить эти конкурентные отношения потенциально способна Беларусь с присущими ей полярно противоположными (по отношению к России и Украине) тенденциями развития. Именно она подобно “соединительной ткани” (по Н. Рериху) только и способна обеспечить единство славянских народов в новых исторических условиях.

В экономической сфере сближение между Киевом и Москвой, начиная с 2000 г., проходит достаточно интенсивно. Российский капитал все активнее проникает в экономику Украины. Тем самым априори решается вопрос о векторе экономической интеграции для Украины. При этом интересы западноевропейского и американского капиталов, присутствующих в Украине все еще символически, не обеспечивают критическую массу притяжения, необходимую для реализации альтернативного варианта интеграции.

Кроме того, расширение Европейского Союза и НАТО, которое станет реальностью к 2004 г., приведет к возникновению “бархатной стены” между полноправными членами европейских и трансатлантических интеграционных структур и так называемыми “специальными соседями”. Если в годы “холодной войны” формированию “Великой Европы” препятствовал “железный занавес”, выстроенный с восточной стороны, то на нынешнем этапе истории, наоборот, “шенгенский занавес” с запада делает идею “общего европейского дома” от Атлантики до Владивостока утопичной.

Однако, означает ли это, что Украина, Россия и Беларусь “обречены” на воссоединение? Правильное понимание природы развернувшихся на постсоветском пространстве трансформационных процессов и особенностей развития Украины, России и Беларуси, а также точность прогноза их будущего не только ценно с научно-познавательной точки зрения, но и важно для практического развития этих стран, равно как и для геополитической ситуации в Европе в целом.

Для удобства упростим многообразие бытующих определений нынешних трансформационных процессов, сведя их к наиболее общим аналогам,

получившим наибольшее распространение в отечественной научной литературе, — “демонтаж советской тоталитарной системы”, “процесс радикальных экономических и демократических реформ” или в крайних политических оценках — “первый в истории переход от социализма к “дикому” капитализму” и т. п. Этот список можно продолжить, однако обращает на себя внимание тот факт, что доминирующее сегодня научное сознание, в целом, не предпринимает попыток отождествления трансформационных процессов с понятием “революция”.

Например, по мнению ведущего российского социолога Т. Заславской, концепции “Великой российской революции” (1991–93) можно противопоставить целый ряд возражений. Так, новая элита на три четверти состояла из прежней номенклатуры. Главным автором социальных преобразований оставалась верховная власть. Поэтому приходится говорить скорее о цепочке сменяющих друг друга кризисов. В силу этого в России до сих пор ведутся ожесточенные споры о конкретных путях выведения страны из кризиса¹.

Не вдаваясь в бесконечные споры по поводу терминологии, которая уже сравнительно давно (с 1930-х гг.) утвердилась как понятие и практика “трансформационных процессов”, охвативших сегодня, пожалуй, большую часть земной суши, отметим, что накопленной информации достаточно для пересмотра некоторых традиционных представлений.

Итак, в рамках описанного в других разделах нашей книги циклического подхода к анализу социально-исторического процесса картина трансформационного развития восточнославянских народов представляется нам следующим образом.

Для *Украины* фактически весь советский период ее истории правомерно идентифицировать с процессами инволюции, которая восходит своими истоками к украинской национально-демократической революции 1917–19 гг., с тем лишь общим замечанием, что она была преждевременной и во многом стимулирована российскими революциями 1905 и 1917 г. В целом можно сказать, что в рамках инволюционных процессов прошли коллективизация и индустриализация Украины, а также ее интернационализация, названная одним из лидеров украинских “шестидесятников” И. Дзюбой “русификацией Украины”.

Козволюционная фаза переходного периода, в которой Украина (равно как и Россия) пребывает, начиная с 1990–91 гг., связана с обретением Украиной национально-государственной независимости, проведением политических реформ (разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви), процессами разгосударствления, приватизацией и формированием рыночного хозяйства. Вместе с тем,

как свидетельствуют данные мониторинга (см. диаграмму, с. 102), начиная со второй половины 1990-х гг. в Украине чем дальше, тем отчетливее стали набирать силу инверсионные (возвратные по отношению к задекларированным европейским ценностям и стандартам) процессы. Тем более, что и сама объединенная Европа, озабоченная собственными проблемами расширения на восток, ослаблением единой денежной единицы, зависящей от различных фаз циклов развития национальных экономик, и угрозами безопасности, все отчетливее заявляет о собственных цивилизационных пределах расширения. Выход за эти социокультурные кордоны грозит Европейскому Союзу потерей собственной идентичности.

При этом заявленная официально цель реформ в Украине, заключающаяся в достижении к 2011 г. стандартов качества социально-экономического и политического развития, что позволит претендовать на начало переговоров о вступлении в ЕС, может, в случае ее достижения, поставить еще более сложный вопрос: зачем уже богатой Украине подчиняться власти брюссельских бюрократов? Тем более что с расширением Европейского Союза на Восток социально-экономические и управленческие проблемы ЕС имеют реальный шанс серьезно обостриться. Не лучше ли в подобных гипотетических обстоятельствах сотрудничать с ЕС, не будучи его формальным членом?

Вообще вопрос о соотношении национальных интересов в нынешних геополитических условиях и императивах формирующейся глобальной цивилизации, требующих “командной игры” и конкурентной борьбы, а, следовательно, участия Украины в различных интеграционных структурах (ЕС и Евразийского экономического сообщества), остается наиболее сложным для дальнейшей стратегии украинских реформ. Вероятно, во многом эта идея будет определять весь последующий период исторического развития Украины.

Примерно в той же ритмике реализуется нынешний цикл социально-исторического развития и *России*, для которой с началом “перестройки” также наступил период переходных коэволюционных процессов. Одновременно актуализировался общественный дискурс, который со времен вестернизации России Петром Великим определяет тематику споров относительно места России в современной системе цивилизаций. На рубеже XXI в. продолжается острая дискуссия между современными “западниками-атлантистами” и “славянофилами-евразийцами”. Первые видят Россию, по крайней мере, великой европейской региональной державой. Правда, достичь этой цели без восстановления в той или иной форме союза с Украиной и Беларусью вряд ли удастся. Евразийцы настаивают на утопичности цели приобщения России к европейской цивилизации².

Гипотетичный “третий путь” исторического развития заключается в балансировании между атлантистами и евразийцами, по крайней мере, до завершения трансформационных процессов в России. Содержательно он связан с откладыванием стратегических решений и накоплением потенциала для органичной конкуренции в условиях глобализации, и поэтому сегодня выглядит наиболее реалистичным.

Вероятностно иную картину развития исторических циклов, как свидетельствует анализ полученных нами данных социетальных измерений на выборах белорусов, демонстрирует *Белоруссия*.

В советское время она существенно отличалась от соседних Украины и России ментальностью и социальным поведением, близким к западно-европейскому. Здесь, как ни старалось общесоюзное руководство, так и не прижилась иерархическая ментальность чиновничества и подчинения. Например, руководитель республики П. Машеров демонстрировал большую доступность и близость к народу. Такое поведение белорусов в советские времена называли высшим проявлением интернационализма. Скорее всего, Советская Белоруссия в то время, в отличие от Украины и России, находилась в заключительной фазе эволюционного этапа развития универсального эпохального цикла.

1990-е гг. стали для независимой Беларуси периодом фактически революционного этапа начала нового эпохального цикла. Этим, с нашей точки зрения, объясняются нынешние особенности исторического развития Украины, России и Беларуси, реально находящихся в противофазах развития своих национальных исторических циклов.

Если для Украины и России завершение посттрансформационного периода в целом совпадает с приближением к финалу коэволюционного этапа развития, то для Беларуси, трансформационная динамика имеет иной характер, связанный с началом нового исторического цикла. При этом во всех трех государствах сохраняется неоднородность распространения трансформационных процессов на различные сферы социальной жизни. Радикальная трансформация в экономической, политической и культурной сферах, достигнув при этом пика к середине 1990-х гг., на рубеже XXI в. переживает неоднозначные инверсионные тенденции. Однако и они имеют свою национальную специфику. Наиболее ярко она проявилась в процессе общественной консолидации, символом которой в сфере внутренней политики стал процесс формирования парламентского большинства.

В России первым шагом в этом направлении стало избрание президента В. Путина в марте 2000 г. Особенностью социально-политической ситуации, сложившейся в это время в массовом сознании россиян, был имидж, созданный деятельностью В. Путина на посту главы правительства, а затем

исполняющего обязанности Президента. Как пишут российские исследователи Е. Башкирова и Н. Лайдинен, в нем были актуализированы традиционные ценности российского массового сознания — ориентация на сильного лидера, идеализация политика, приписывание лично ему успехов в различных областях. В имидже политика акцент делался на молодость, активность лидера, его способность эффективно действовать в ситуациях любой сложности, навести порядок в стране, решить социальные проблемы населения³.

В России, где выборы в Государственную Думу состоялись в декабре 1999 г., на фоне социально-психологической атмосферы триумфального шествия в Кремль В. Путина, создание центристского пропрезидентского думского большинства, по мнению оппозиции, напоминало превращение Думы в отдел президентской администрации. Зачарованная рекордным рейтингом популярности президента Путина Коммунистическая партия Российской Федерации достаточно легко уступила политическую инициативу Президенту. В рамках процесса “регулируемой демократии” 3 апреля 2002 г. КПРФ в Думе потеряла контроль над семью комитетами и одной комиссией, которые между собой поделили примкнувшие к пропрезидентскому “Единству” фракции “Отечество — вся Россия”, “Союз правых сил”, “Яблоко”, “Регионы России”. Спикер Г. Селезнев вышел из КПРФ.

Массовое сознание большинства россиян было подготовлено к этому предшествующим периодом “перестройки”, который ассоциировался с разгулом свободы, приведшей к началу распада российской государственности. Ныне маятник инверсионных тенденций качнулся в сторону усиления социального контроля. В свое время П. Столыпин подчеркивал, что либеральные реформы в России можно проводить только при ужесточении режима, ибо как только российская власть теряет свою идеократическую харизму, она утрачивает и функциональные характеристики. Соответственно укрепление вертикали органов исполнительной власти становится ключевой задачей в процессе достижения эффективности.

В Украине процесс формирования парламентского большинства после выборов Верховной Рады 31 марта 2002 р. занял девять месяцев. В начале мая при избрании спикера В. Литвина политические блоки, победившие по партийным спискам, уступили инициативу пропрезидентскому блоку “За единую Украину” и его союзникам. Как уплату за компромисс оппозиционные фракции “Нашей Украины”, Блока Юлии Тимошенко, Коммунистической партии Украины и Социалистической партии Украины по пропорциональному принципу получили руководящие посты в большинстве парламентских комитетов. Однако устойчивое консолидированное парламентское большинство, задачу формирования которого сформулировал

Президент Л. Кучма в программной речи в День Независимости 24 августа 2002 г., так и не сформировалось в силу противоречий между победителями и побежденными на парламентских выборах. Тем не менее, создание такого большинства было ключевым моментом провозглашенного курса на превращение Украины в парламенско-президентскую республику. Правда, необходимые для внесения соответствующих изменений в Конституцию Украины 1996 г. 300 депутатских голосов еще предстоит найти.

Решающий момент в формировании парламентского большинства настал с формированием коалиционного правительства. Если в январе 2000 г. большинство в парламенте предыдущего созыва формировалось ситуационно, в поддержку правительства В. Ющенко, которое не смогло обеспечить интересы всех групп влияния, то в ноябре 2002 г. правительство В. Януковича формировалось на основе предварительного согласования позиций всех финансово-промышленных групп. В результате 7 декабря 2002 г. было подписано соглашение между парламентским большинством, коалиционным правительством и Президентом о программе совместных действий. Как видим, в Украине процесс общественной консолидации проходит несколько по иному сценарию. Президент Л. Кучма был политически ослаблен двухгодичным “кассетным скандалом” и акциями оппозиции. В России, наоборот, политические позиции Президента В.Путина, как никогда, сильны.

В Беларуси результаты парламентских и президентских выборов 2001 г. были достаточно прогнозируемы, поскольку проходили в рамках технологий измененной Конституции. Вместе с тем в условиях иной фазы развития цикла белорусский вариант общественной консолидации является менее стабильным. Здесь мы наблюдаем иной тип инверсионных процессов. Страна находится на этапе, по аналогии с советской историей, перехода от “военного коммунизма” к “новой экономической политике”.

Общей особенностью переходных процессов в России, Украине и Беларуси является их социально-психологическая незавершенность. Это демонстрирует и феномен неустойчивого общественного мнения, что свидетельствует о продолжающемся процессе, образно говоря, смены кода цивилизационного развития. При этом массовое сознание пребывает в состоянии протрации, неспособности рационально мыслить и действовать, отличать социальную реальность от сформированного элитой пропагандистского мнения о ней.

Начиная с петровских реформ, российская политическая элита достаточно часто ориентируется на западные политические эталоны, самоутверждается на основе отрицания собственной национальной традиции. В ответ на крайности западнической фазы Россия всегда выстраивала свою

идентичность как восточная держава, опирающаяся на религиозно-нравственный фундаментализм православия⁴. В XIX в. российские славянофилы в спорах с западниками подметили важную особенность политического архетипа православия. И. Киреевский в письме к А. Хомякову по поводу правового государства писал: “Даже само слово “право” было у нас неизвестно в западном его смысле, но означало только справедливость, правду. Поэтому никакая власть никакому лицу, ни сословию не могла ни даровать, ни уступить никакого права, ибо правда и справедливость не могут ни продаваться, ни браться, но существуют сами по себе, независимо от условных отношений”⁵.

Невозможно создать демократию декретами даже самого прогрессивного правительства. Демократия – это, прежде всего, контроль избирателей за своими избираемыми представителями в органах власти. На этой основе и возникает гражданское общество как механизм разрешения социальных противоречий и общественной интеграции. Однако в условиях, когда происходит сращивание бизнеса и власти, процесс формирования независимых структур гражданского общества все более напоминает фарс.

Некоторые советологи, например Р. Пайпс, еще с 1992 г. настойчиво пропагандируют идею желательности продолжения распада институциональных структур России до тех пор, пока от них ничего не останется. Подобная радикальная хирургия “является необходимым предварительным условием для подлинного прогресса”⁶.

Однако судьба западных либеральных идей на постсоветском геополитическом пространстве до окончательного изменения кода цивилизационного развития, над чем сейчас упорно работают все заинтересованные стороны, остается маргинальной. Также открытым остается вопрос о соотношении вестернизации и модернизации для посттрансформационного периода истории России, Украины и Беларуси.

Глава 7. Современная Украина в зеркале “универсального эпохального цикла”

Макросоциальный подход к изучению общества как системы требует использования интегральных показателей, однако эта проблема в социологии еще не решена. С начала 1990-х гг. в Институте социологии НАН Украины осуществлен ряд научных разработок, которые дали возможность в определенной степени приблизиться к решению указанной социологической проблемы. В частности, доктор социологических наук Е. Донченко обобщила и описала социетальные (общесистемные) качества общества, которые в сочетании с цикличным подходом, по нашему мнению, вполне пригодны для адекватной характеристики как статики (устойчивого развития), так и динамики (переходного состояния) общественного развития. Рассмотрим динамику социетальных изменений украинского общества. Схематическое изображение эпохального цикла Украины приведено на *рис. 2 (с. 90)*.

Как уже отмечалось в главе 3, авторами разработана специальная методика социетальных измерений. Эта методика позволяет производить измерения как отдельных социетальных показателей (шести бинарных шкал-оппозиций — экстраверсия/интроверсия, иррациональность/рациональность, экзекутивность/интенциональность, эмоциональность/прагматичность, экстернальность/интернальность, интуитивность/сенсорность), так и интегрального социетального показателя, который не является арифметической суммой его отдельных составляющих. Названные измерения производятся с использованием социологической выборки, которая репрезентирует взрослое население Украины (от 18 лет). По этой методике в течение 1992–2002 гг. в сотрудничестве с фирмами “Социс-Геллап” и JFK-USM был осуществлен мониторинг, основные результаты которого отражены в *диаграмме (с. 102)*.

Из диаграммы видно, что исследуемый нами интегральный социетальный показатель на протяжении 1992–93 гг. был неизменным и равнялся пропорции (распределению) 38:62, значение которой характеризует понятие “золотое сечение”. Для сравнения отметим, что аналогичные общесистемные показатели для России и Беларуси по состоянию на 1992 г. опреде-

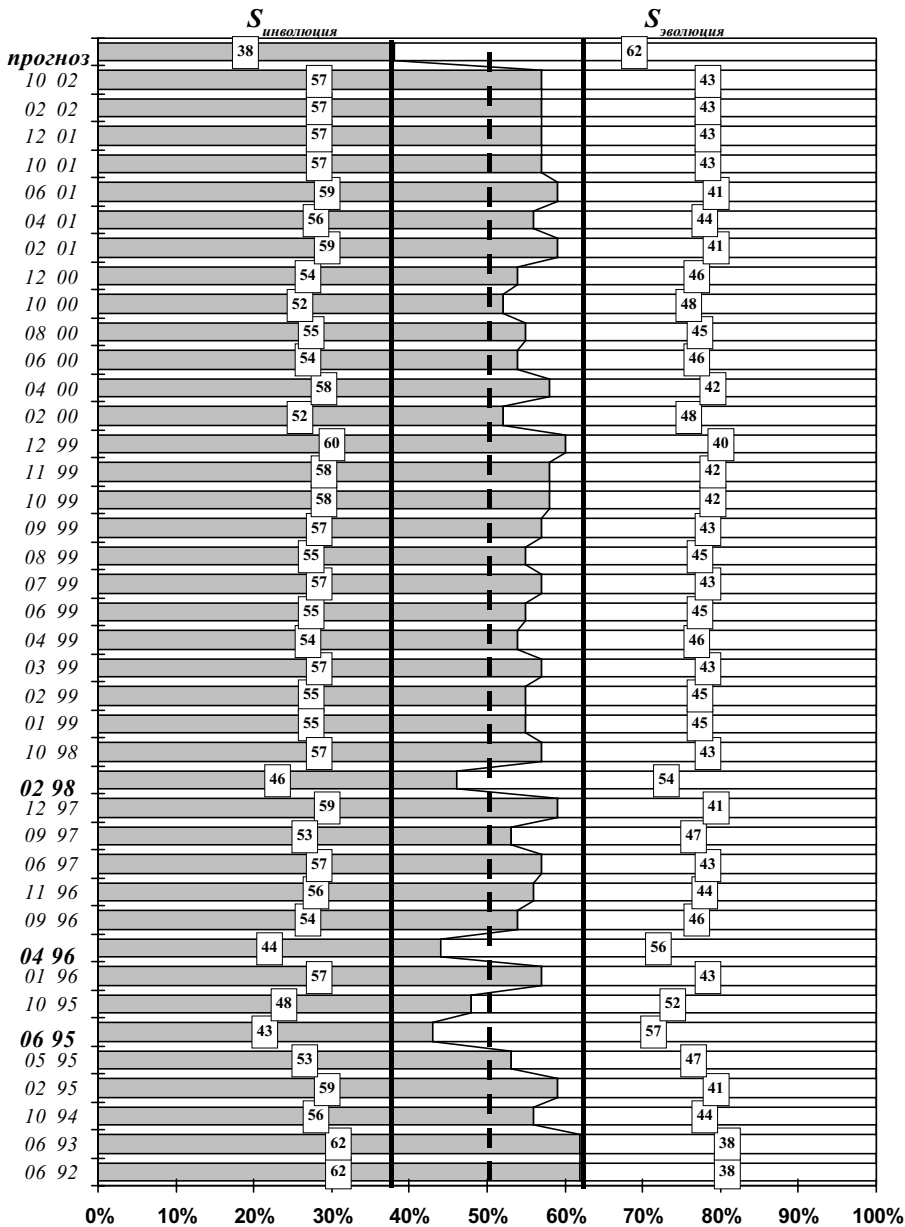

Диаграмма. Динамика социальных изменений украинского общества (1992–2002 гг.)

лялись, соответственно, пропорциональными значениями 44:56 и 63:39. Полученные данные свидетельствуют о значимых социетальных различиях и одновременно о близости социально культурных систем трех славянских народов. Есть также основания полагать, что установленные социетальные характеристики были неизменными в течение всего советского периода их совместного сосуществования.

Начиная с 1994 г., исследуемый интегральный показатель, как видно из диаграммы, претерпевает флуктуирующие изменения в направлении своего нового устойчивого состояния — зеркальной противоположности (62:38). С завершением этого внешне скрытого процесса изменения латентной социетальной структуры общества начнется “кристаллизация” нового социального порядка в Украине, устойчивое экономическое, политическое и культурное развитие.

Следует отметить, что симметричное состояние исследуемого показателя (50:50) является критическим для общества, когда “силы” для дальнейшего развития в определенном направлении уже израсходованы, и перед обществом стоит возможность выбора — или продолжить движение в привычном направлении, или решительно выйти на путь новой исторической перспективы.

Из представленной диаграммы следует, что нынешний системный кризис, начавшийся в 1994 г., характеризуется как наиболее сложный по своей сущности, поскольку в нем одновременно соединились три составляющие — политическая, экономическая и духовная. Именно в этот период системного кризиса максимально разрушаются социальная структура и социальные отношения в обществе, а значит и эмпирические референты последних в политической, экономической и культурной сферах жизнедеятельности украинского общества.

Переходный коэволюционный период Украины, в частности этап дезинтеграции ее социальной структуры, можно формально обозначить такими рамками: 1989–91 гг. — развал политической системы СССР и обретение государственной независимости Украины; 1991–94 гг. — экономический спад, перераспределение собственности и формирование частного сектора экономики; 1994–96 гг. — “духовный” упадок, обеспечивший разделение властей и их конституционное закрепление, проявившееся в так называемом конституционном кризисе 1995–96 гг.

Этап интеграции социальной структуры Украины еще требует изучения, однако даже поверхностный анализ данных диаграммы дает основание говорить об определяющем влиянии на характер интеграционных процессов инверсионных (обратных) тенденций. Так, начиная с президентских выборов 1999 г., исследуемый интегральный показатель “застревает” в зоне значений,

определяющих “старое” качество латентной социальной структуры. Таковую же ситуацию мы наблюдаем в исследовании реальных социальных процессов в Украине. Нельзя, например, не заметить, что страна, провозгласив “европейский выбор” и утверждение европейской системы ценностей и стандартов, сегодня реально усиливает командно-административные основы хозяйствования, сохраняет ведомственный характер управления и контроля, не стимулирует развитие малого и среднего бизнеса, а также развитие гражданского общества — основы формирования среднего класса и т. п.

В рамках развивающихся интеграционных процессов в Украине в январе 2000 г. (равно как и в России) заявил о себе такой социальный феномен, как “парламентское большинство”. Будучи так и “не замеченным” обществоведами (политологами, социологами, культурологами, социальными психологами и др.) и соответственно должным образом не осмысленным, этот “вызов” не нашел адекватного ответа со стороны политиков и в 2002 г. с новой силой заявил о себе. Не претендуя на исчерпывающую оценку ситуации, отметим, что названное социальное явление протекает в целом на фоне реального интеграционного процесса и связано с поиском, прежде всего представителями финансово-промышленных групп Украины, основ политического консенсуса. В этом консенсусе видится прообраз будущего общественного соглашения, в основе которого лежат принципы верховенства права и равной ответственности всех перед законом. От того, каким окажется первый шаг в этом направлении, во многом будет зависеть последующая перспектива развития гражданского общества в Украине.

Формируя прогноз дальнейшего развития событий в Украине, следует обратить внимание на исторически существовавший после революции 1917 г. и гражданской войны период новой экономической политики. Сегодня он повторяется в Украине, но “наоборот”. В те далекие революционные годы после тотальной национализации частной собственности и введения плановой экономики потребовалось “учиться хозяйствованию”, что выразилось в “новой экономической политике” — контролируемом восстановлении частной собственности и рыночных элементов. Ныне же, после тотальной приватизации и введения элементов рыночной экономики, все явственнее усиливаются элементы государственного управления и плановых основ экономики, подчиненные задаче экономического возрождения (“экономического ренессанса”).

Этот период должен, собственно говоря, восстановить естественное для Украины соотношение между новой (все более крепнущей — рыночной) и старой (по содержанию — плановой) формами хозяйствования. Срок этого “экономического ренессанса” будет зависеть от степени радикальности экономических преобразований. Подчеркнем, что феномен ренессанса предшествующего исторического периода, который все более четко проявляет

себя на постсоветском пространстве, не случаен, хотя и непостоянен, он ограничен во времени преимущественно рамками экономической стабилизации.

Что касается общей перспективы развития указанных стран в следующем (эволюционном) периоде, то она в целом будет отражать основные характеристики теперешнего состояния стран Западной Европы или Соединенных Штатов Америки, но вместе с тем будет связана с качествами, присущими национальной культуре, включая приобретенные в ходе предшествующего (инволюционного) исторического периода. Предшествующий (инволюционный) и последующий (эволюционный) периоды развития трансформирующихся стран вместе составляют единый эпохальный цикл, в рамках которого естественно реализует себя неделимая и вместе с тем своеобразная социальная сущность.

Анализируя европейскую историю XX в., следует отметить, что одним из следствий социетальных изменений в странах Западной Европы, привнесенных Великой депрессией, стала “рациональность”, которую проявляют современные западные общества и общественное сознание. Вполне закономерно, что “рациональность” связывают с наукой и ее носителями — учеными, а понятие “обществовед” (*social scientist*) обозначает в современной европейской и американской традиции ученого или научную школу, которые стараются придать науке об обществе характер точной, сделать ее нормативной, в том числе для сферы политики⁷.

Если допустить наличие общих качеств у социальных кризисов времен Великой депрессии и нынешней “трансформации” (а основания для такого предположения есть), то вполне закономерно было бы ожидать в посттрансформационной Украине замену характерной в советский период “иррациональности” появлением новых для нее признаков “рациональности”. Итак, логично задать вопрос: а действительно ли изменяется украинское общество в направлении становления в нем признаков “рациональности”?

Прежде чем ответить на этот вопрос, отметим, что результаты проведенного нами в 1988 г. социологического опроса с использованием соответствующих тестовых методик свидетельствовали о доминировании в СССР, в том числе в Украине, “иррационального” психологического типа социального поведения. Исследование проводилось по заказу управления кадров КГБ СССР; выборочная совокупность (1009 лиц) репрезентировала кадровый состав ведомства по основным демографическим признакам и принадлежности к одной из выделенных шести групп субъектов управления. Были получены также данные корреляционного анализа, которые удостоверяли наличие скрытых социально-психологических механизмов, обеспечивавших фактически существовавшую в ведомстве систему разделения труда, когда “в центре” (на верхних уровнях управления) сосредоточивались

кадры с развитыми интеллектуальными способностями, а на “периферии” (на нижних уровнях управления) — с развитыми организаторскими умениями. Очевидно, эти социально-психологические механизмы и обеспечивали существование в СССР социальной практики, когда “центр” анализировал и планировал работу, а “периферия” выполняла принятые “центром” пятилетние планы социально-экономического развития страны.

С началом в Украине системного кризиса, который практически совпал с выборами Верховной Рады Украины второго созыва и Президента Украины Л. Кучмы (1994), в обществе начались социетальные изменения. Результаты психологических исследований, проведенных Украинским обществом содействия социальным инновациям во время выборов в украинский парламент в Полтавском городском (1994) и одном из Черниговских сельских (1998) мажоритарных округах, свидетельствуют, что в обозначенные периоды ситуацию в Украине определяли “иррациональный” (март 1994 г.) и “рациональный” (март 1998 г.) типы социального поведения.

В течение 2001–02 гг. нами был также осуществлен комплекс психодиагностических исследований с участием кафедры психодиагностической и медицинской психологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (зав. кафедрой — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент АПН Украины Л. Бурлачук; сотрудники — К. Малышева и О. Морозова) и лаборатории психологии масс и организаций Института социальной и политической психологии АПН Украины (директор Института — член-корреспондент АПН Украины Н. Слюсаревский; зав. лабораторией — доктор социологических наук Е. Донченко). Полученные по состоянию на октябрь 2002 г. результаты измерений свидетельствуют, что социальному поведению современной Украины присущи экстраверсия, эмоциональность, рациональность, сенсорность, интернальность, интенциональность. При этом четыре последних характеристики (рациональность, сенсорность, интернальность, интенциональность) являются приобретенными Украиной в минувшие годы реформ. Правда, степень выраженности новых качественных характеристик еще очень слаба, и они все еще не способны “преодолеть” влияние на ситуацию в целом первых двух (экстраверсия, эмоциональность). Это, на наш взгляд, и предопределяет живучесть инверсионных тенденций в украинском обществе.

Анализ полученных нами данных дает основание полагать, что становление новых социетальных характеристик “рациональности”, “сенсорности”, “интернальности” и “интенциональности” обеспечивалось в украинском обществе главным образом политическими кампаниями 1994, 1995, 1996 и 1998 гг.

Названные политические кампании организовывались преимущественно “сверху”, что в целом “вписывалось” в единый контекст общественных

преобразований, начиная с экономических реформ 1983 г. Речь идет о первых масштабных попытках изменения тенденций развития СССР к лучшему, в частности, о попытках Ю. Андропова “запустить” экономические реформы через так называемую хозрасчетную самостоятельность предприятий; о переориентации страны на широкомасштабную “перестройку” образца М. Горбачева; о попытках воплотить разнообразные программы выхода СССР из кризиса, например “программу 500 дней” Явлинского — Шаталина и т. д.

Из двух принципиально возможных схем такого перехода — “китайского образца” (последовательное реформирование сначала экономического блока, а затем политического) и “польского курса радикальных реформ” (одновременное реформирование всех сфер общественной жизни) — украинское общество избрало вторую, которая в целом согласовывается с его социокультурной спецификой.

В любом случае, становление нового социетального качества связано с формированием новых социально-психологических стереотипов общественного сознания — своеобразного фундамента и в то же время гаранта социальной стабильности. Этот фундамент создают образовательный (теоретический) и практический социальный опыт, приобретаемый гражданами во время реальных институциональных общественных преобразований.

Если с этой точки зрения проанализировать нынешнюю ситуацию в Украине, то окажется немало пробелов, в частности в системе профессионального образования, образования для взрослых, его несогласованности со спецификой скрытой безработицы в стране. В этом плане представляется целесообразным опыт США времен Великой депрессии, когда в рамках “Нового курса Рузвельта” была введена специальная программа для безработных, состоящая из мероприятий по развитию системы высшего образования, расширению возможностей публичных библиотек, интенсивному развитию последипломного, заочного, дистанционного образования и др. Добавим, что даже поверхностный анализ показывает стойкое возрастание в последнее время общественного спроса на образование, библиотечные ресурсы, информацию масс-медиа и т. п.

Существенным недостатком десятилетия украинских реформ можно назвать во многом искусственное “сдерживание” населения от участия в общественных преобразованиях. Это касается и процессов приватизации, которые и сейчас во многом все еще продолжают носить непубличный характер. Это касается состояния и перспектив развития в Украине малого и среднего бизнеса, реального участия людей в административно-правовой реформе и в управлении производством. Похоже, что нынешние тенденции усиления командно-административных начал в управлении скорее работают на поддержание советской управленческой традиции “вертикального чиновничества”,

нежели ориентированы на реально сформировавшуюся в социально поведенческом комплексе Украины “интенциональность”, вполне способную обеспечить социальный самоконтроль и функциональный характер управления, о котором идет речь в концепции административно-правовой реформы, утвержденной Указом Президента Украины от 22 июля 1998 года № 810/98 “О мерах по внедрению Концепции административно-правовой реформы в Украине”.

Ярким свидетельством и результатом сложившейся в украинском обществе ситуации являются данные мониторинга общественного мнения⁸, проведенного в рамках проекта “Украинское общество на рубеже XXI века” Институтом социологии НАН Украины с участием Фонда “Демократические инициативы” и фирмы “Социс-Геллап” в 1994–2001 гг.

Так, отвечая на вопрос: “Какие социальные группы играют существенную роль в государственном строительстве в Украине?” — общественное мнение неизменно выделяет три социальные группы:

- мафия, преступный мир (с характерной тенденцией усиления влияния этой группы в последние годы с 34 до 49 %);
- работники госаппарата, должностные лица — чиновники (с незначительным усилением влияния этой группы с 29 до 36 %);
- предприниматели, бизнесмены (с соответствующим возрастанием влияния этой группы с 24 до 31 %).

Оценка участия широких категорий населения (в частности рабочих и крестьян) в преобразованиях оказывается существенно ниже, к тому же их влияние в течение периода реформ имеет, к сожалению, некоторую тенденцию к снижению. Этим, собственно, объясняется низкий уровень доверия граждан к властным институтам.

Не укрепляет позитивного отношения к власти и осуществляемым ею реформам непоследовательность реформаторских действий и отсутствие преемственности. И все же сегодня, как никогда, судьба реформ определяющим образом зависит от опоры реформаторов на социально-психологические предпосылки, которые, как мы убедились выше, в украинском обществе имеются.

Таким образом, “бездействующие” (не включенные в реальный контекст реформ) социально-психологические механизмы потенциально способны породить конфликт как между высшими и низшими звеньями государственного управления, так и в более широком масштабе — между населением и властью.

Понятно также, что успех реформ в Украине сегодня во многом зависит от адекватного понимания украинской политической элитой радикально изменившейся природы украинского общества, его социального поведения, в основе которого лежит психологический фактор.

Глава 8. Социально-психологический фактор изменений социальной структуры украинского общества

С точки зрения предложенной авторами теории рассмотрим социально-исторические тенденции, которые разворачивались на протяжении 1930–40-х гг. в странах паневропейского ареала и в течение 1980–90-х гг. — в странах бывшего СССР. Попробуем сравнить прошедший фактически инволюционный (сворачиваемый) процесс образования социальной структуры индустриального советского общества с процессом образования социальной структуры постиндустриального постсоветского общества, которая в Украине только складывается.

Прежде всего, отметим, что в СССР существовала единая (универсальная) для всех советских республик и более упрощенная (по сравнению с дореволюционным историческим периодом) социальная структура, которая фактически характеризует сущность советской истории. Многие исследователи справедливо подчеркивают, что, нивелируя неравенство в материальном благосостоянии, советское общество имело не столько структуру, сколько определенное социальное состояние⁹.

Вместе с тем упрощенная социальная структура, в которой преобладал советский средний класс — рабочий класс, колхозное крестьянство и рабоче-крестьянская интеллигенция, — никак не обеспечивала продолжительной социальной стабильности или саморегуляции общественных процессов, как это декларировалось теоретиками социализма. Время от времени вспыхивали стихийные проявления массового недовольства на промышленных предприятиях, как это имело место, начиная с периода “оттепели” 1956–59 гг., в отдельных городах СССР (Темир-Тау, Казахская ССР; Новошахтинск, РСФСР; Кривой Рог, Украинская ССР), а после 1980 г. под влиянием примеров польской рабочей оппозиции “Солидарность”, — практически во всех приграничных республиках СССР, в том числе и в Украине. В этот же период ширилось диссидентское движение среди интеллигенции и т. п.

Постсоциалистическая трансформация, которая разворачивается сегодня как социальный процесс, имеет своим следствием, прежде всего, усложнение (многомерность) социального пространства. Однако если упрощенная социальная структура индустриального советского общества обеспечивала его устойчивое развитие за счет инволюционных процессов, то есть за счет универсализации, упрощения, свертывания социальной структуры, то устойчивое развитие постиндустриального общества призвана обеспечивать эволюционная тенденция, вследствие которой все более усложняется его социальная структура. Процессы интеграции и дезинтеграции при этом происходят постоянно.

Период социальной интеграции связан с этапом устойчивого развития общества, гармонизацией взаимоотношений между различными его группами, определением и органическим функционированием нормативных и социокультурных регулятивных механизмов. Одним из эмпирических критериев определения такого состояния является устойчивость социетальных характеристик.

Процесс социальной дезинтеграции, определяющий динамичное состояние общества, наоборот, сопровождается распадом общественного целого на отдельные части, социальной аномией, кризисом общих социальных ценностей и интересов, разрушением механизмов социального контроля. При этом, как свидетельствуют полученные нами данные мониторинга (см. диаграмму, с. 102), социетальные характеристики находятся в состоянии флуктуации.

В целом для социальной структуры общества, находящегося в состоянии трансформации, характерны нестабильность, аморфность, отсутствие устойчивых массовых социальных прослоек с осознанными интересами, политико-идеологической ориентацией, общепринятыми стандартами поведения¹⁰. Описать эти социальные параметры в контексте перехода от порядка к хаосу и наоборот позволяет использование категорий социальной синергетики.

Иной подход предложила Т. Заславская, она ввела понятие “трансформационная структура общества”, которое по сути представляет собой проекцию его социальной структуры, непосредственно отражающей момент единства прошлого и будущего¹¹.

Трансформационный период, как свидетельствует опыт реформ в странах Западной, Центральной и Юго-Восточной Европы, может иметь различную продолжительность. Социально-историческое время пребывания общества в процессе трансформации, по нашему мнению, в значительной степени зависит от накопленного им социетально-структурного и социетально-функционального опыта, то есть, проще говоря, от “исторического

возраста” общества. Накопленный социетальный опыт передается от одного поколения к другому, претерпевая определенные изменения вследствие процессов адаптации поколения к новой социальной реальности.

Объективную основу такого общественно-исторического развития представляет деятельность человека. Оказывая влияние на психическое развитие личности, она формирует его психику и вместе с тем отражает формы этой психики таким образом, что в структуре развивающейся социальной деятельности поочередно актуализируются то коммуникативный, то предметный планы. При этом динамика поочередных изменений планов деятельности создает своеобразные эпохальные циклы, совокупность которых, собственно, и составляет целостное социальное пространство человека — своеобразное “отражение” общества. Каждый из эпохальных циклов, в свою очередь, состоит из двух взаимосвязанных нормативных периодов, реализующих соответствующие задачи: а) усвоение целей и мотивов социальной деятельности (морально-этический план) и б) усвоение способов социальной деятельности и формирования операционно-технических возможностей человека (предметный план).

Переход в рамках отдельно взятого цикла от одного нормативного периода к другому (“поворотный пункт” развития) можно рассматривать как своеобразное дополнение частей целого (цикла). Вместе с тем переход от одного цикла к другому (“узловой пункт” развития) — это, в сущности, прыжок на новый уровень личностного развития, стимулированный возникновением несоответствий приобретенных способов и операционно-технических возможностей человека и устаревших целей и мотивов социальной деятельности¹².

В рамках целенаправленного изучения субъективной составляющей социетальных процессов, состояний и качеств, присущих, на наш взгляд, развитию человека, общества и человечества, авторы осуществили ряд эмпирических и теоретических исследований.

В частности, на основе обобщенных представлений, полученных в ходе анализа положений американской школы трансперсональной психологии, культурно-исторической и деятельностной концепций швейцарской и советской психологических школ, а также социологических представлений о возрастных когортах, нами с использованием оригинального инструментария была предпринята попытка определения нормативных границ возрастных когорт украинского общества. В результате проделанной работы установлено пять циклов социально-личностного развития. Так, по состоянию на 1992 г., границы циклов онтогенетического развития личности в Украине определялись такими критическими возрастными точками (в годах): 0–1–3 (I цикл), 3–6–10 (II цикл), 10–15–17 (III цикл), 17–22–29 (IV цикл) и 29–63–X (V цикл).

При этом критические значения 0, 3, 10, 17, 29 характеризовали так называемые “узловые пункты” развития личности, а значения 1, 6, 15, 22, 63 — “поворотные пункты” онтогенезиса. Согласно определенным границам возрастных когорт I, II, III, IV циклы онтогенетического развития личности связаны с зарождением и социализацией нового поколения и лишь V цикл — с самореализацией (зрелым периодом) и старением поколения.

Таким образом, полученные данные и новые инструментальные возможности представляют собой инновационные результаты, позволяющие более эффективно решать важные социальные задачи: реформы средней и профессиональной школы, пенсионной реформы, оптимизации бюджетных социальных выплат и т. п.

Для примера лишь напомним, что Украина подвергалась критике Международной организации труда по поводу заниженного (раннего) возраста выхода на пенсию. Принимая во внимание полученные нами результаты, эта критика становится вполне понятной и обоснованной. Забегая наперед (в качестве ожидаемого результата), можно утверждать, что в посттрансформационной Украине приведенные выше точки критического развития человека, в том числе возраст выхода на пенсию, “сместятся” к еще большим (по отношению к полученным нами в 1992 г.) возрастным значениям. Вследствие ожидаемых изменений общество столкнется с такими социальными феноменами, как: позднее социальное вызревание (детский инфантилизм), “постарение” студенчества, продление творческой жизни человека и др.

Осуществляемый авторами с 1992 г. при поддержке фирм “Социс-Геллап” и GFK-USM мониторинг социетальных изменений в украинском обществе показал, что системная фаза трансформационного кризиса в Украине берет начало от 1994 г. Исследования динамики социетальных изменений дают основания предполагать наличие закономерностей в самом трансформационном процессе. Так, обобщение полученных мониторинговых данных позволяет выделить в едином кризисном периоде два его взаимосвязанных полупериода:

1) период активных социальных реформ, сопровождаемых попытками новой субъективности “прорваться” в новое социетальное качество (1995, 1996, 1998 гг.);

2) период возвратных (инверсионных) тенденций, которые в своих латентных формах начали обозначаться уже после конституционного кризиса 1995–96 гг., а в явной социально-материальной форме — начиная с президентских выборов 1999 г.

Инверсионные тенденции ярко прослеживаются на примере административно-правовой реформы, нивелирующей первые достижения перехода

на функциональные принципы управления. Особенно это касается организаций и учреждений бюджетной сферы (где присутствует влияние государственного чиновничества) и в первую очередь — государственных органов управления. Как заявил один из народных депутатов Украины на встрече со студентами во время их ознакомительной экскурсии по парламенту, некоторые министерства и ведомства “трансформировались” по 6–7 раз.

Наблюдения за развитием событий на политическом олимпе подтверждают неизменную преданность нынешних политиков социальным стереотипам советского наследия. А это означает, что движение страны к пост-индустриальному обществу будет связано с приходом в большую политику молодого поколения украинцев.

Наши наблюдения показывают, что социально-демографические факторы во многом предопределяют характер социальной структуры любого общества. Сочетаясь с социально-экономическими и другими социально-статусными характеристиками, они во многом определяют процесс позиционирования индивидов, социальных групп, классов и социальную стратификацию в целом. Определенная возрастная когорта также отражает социальную структуру общества, а соотношения между поколениями фактически соединяют реальными социальными механизмами прошлое, современное и будущее социума.

Итак, поколения создают историю, оставляя разнообразные следы своей деятельности. Смена поколений не только трансформирует социальную структуру, но и начинает новые периоды истории. Например, “перестройку” начало поколение “шестидесятников”, представители которого социализировались во время “хрущевской оттепели”, а родились соответственно в период коллективизации-индустриализации и Великой Отечественной войны. Нормы и интересы этого поколения в середине 1980-х гг. вступили в противоречие с существующим социальным устройством.

По данным переписи населения 2002 г., впервые проведенной в независимой Украине, общая численность населения в 1989–2002 гг. сократилась с 51 млн 450 тыс. до 48 млн 860 тыс. человек¹³. Факторы, стимулирующие этот процесс, лежат на поверхности социальной жизни — это депопуляция (преобладание смертности над рождаемостью), ухудшение состояния здоровья большинства населения, неблагоприятная экологическая ситуация, биологические факторы риска, снижение уровня материального благосостояния, патологический стресс, вызванный распространением социальной деструктивной агрессии, деградация общей духовной атмосферы и невротическое эмоциональное состояние общества¹⁴.

Высокую цену за трансформацию платят неродившиеся поколения. На снижение уровня рождаемости в Украине, кроме объективных локальных

факторов, связанных со сложным социально-экономическим положением, кризисом семьи, возрастанием уровня социальной незащищенности детей, падением уровня сексуальных норм и морали¹⁵, существенно влияют и глобальные факторы.

Украина цивилизационно принадлежит к христианскому ареалу. Ее ведущие конфессии — православие и греко-католичество, поэтому на ней сказываются общие негативные тенденции, характерные в целом для Иудео-Христианской цивилизации. Так, приблизительно с конца 1960-х гг. с развитием так называемой сексуальной революции, разрушением традиционной морали, победами феминистического движения (при этом, констатируя факт, абстрагируемся от однозначных оценок этих явлений) наблюдается прогрессирующая тенденция снижения уровня рождаемости с одновременным увеличением продолжительности жизни в Европе. С другой стороны, в мусульманском цивилизационном ареале, который всеми средствами защищает свои традиционные ценности, наоборот, общий уровень рождаемости остается стабильно высоким¹⁶.

Старение населения государств — членов ЕС заставит их и в дальнейшем искать новые пути разрешения демографических проблем, возможно, за счет иммигрантов, прежде всего, из цивилизационно близких ареалов. Уже сегодня, несмотря на довольно жесткий шенгенский визовый режим, около 2 млн украинцев наиболее продуктивного возраста нелегально работают в европейских странах.

Таким образом, учитывая тенденции развития динамики социетальных показателей, прогноз демографической составляющей социальной структуры украинского общества представляется не очень оптимистичным. По крайней мере, в течение активной фазы трансформационного периода, которая теоретически может длиться еще приблизительно десятилетие, предполагается дальнейшая депопуляция, сокращение численности населения Украины. В определенной степени эта тенденция ослабнет к завершению трансформационного кризиса, однако очевидно, что данный процесс требует координационного участия государства. Речь идет об эффективной координации, возможной только в рамках национальной (по масштабам) социальной политики государства, определенной специальным законом. Продуманный, научно обоснованный закон станет адекватным ответом государства и общества на социально-естественный фактор депопуляции, которая постоянно будет сопровождать развитие постиндустриальной Украины. Только так можно предотвратить превращение Украины в новое социальное “дикое поле”.

Глава 9. Энергетическая зависимость Украины

Годы политической независимости Украины стали периодом перманентной борьбы за выживание национальной экономики, оказавшейся в капкане жесткой энергетической зависимости. Во многом ее причины коренятся еще в советском периоде, в начавшейся в 1920–30-е гг. индустриализации Украины, которая предполагала создание единого замкнутого народнохозяйственного комплекса Советского Союза. Энергетическим затратам в условиях дешевых общесоюзных нефти и газа никто не вел счет.

Промышленность Украинской ССР стала своеобразным сборочным цехом, подавляющее большинство продукции которого производили смежники. Разрыв хозяйственных связей, которые регулировались командно-административными методами, вызвал массовый обвал производства. Поддерживать национальную экономику на плаву в таких чрезвычайно сложных условиях можно было преимущественно за счет энергоемких и экологически небезопасных отраслей — металлургического комплекса, химической промышленности и др. Именно в этих секторах украинской экономики создавались в постсоветский трансформационный период первые серьезные капиталы, формировалась нынешняя экономическая и политическая элита страны.

Сегодня, овладев “командными высотами” и создав разнообразные оффшорные механизмы, новая украинская “меритократия” экономически не заинтересована в радикальном изменении ситуации, что может привести к нежелательному для нее перераспределению пирога национального дохода и, соответственно, ресурса власти. Поэтому все усилия направлены на сохранение политического статус-кво и на развитие “базовых отраслей” национальной экономики, которые, собственно, взимают ренту со всего населения Украины.

При этом сплошная приватизация областных энергокомпаний неминуемо приведет к увеличению цены на электроэнергию, а не к аккумулированию ресурсов, необходимых для внедрения энергосберегающих технологий. В противном случае это грозит сокращением прибылей богатейших людей страны. В то же время Украина чем дальше, тем очевиднее оказывается сегодня в бесперспективной роли традиционного индустриального государства,

которое теряет производственный потенциал и поставляет сырье по демпинговым ценам, покупая энергоносители по мировым.

Этот дисбаланс не может сохраняться бесконечно. Вследствие действия “ценовых ножниц” основная масса производственных фондов в бюджетонаполняющих отраслях экономики достигла состояния критического износа. Такой “самоедский” тип экономики, поглощая массу дорогостоящих энергетических ресурсов, не может работать на перспективу, при этом энергосберегающими технологиями, прикрываясь отсутствием средств, никто не занимается.

Поставщикам энергоресурсов в Украину сложившаяся ситуация также выгодна. Во-первых, они получают гарантированный и нетребовательный в силу монопольной зависимости рынок сбыта, во-вторых, инерция высокого уровня энергоемкости производства гарантирует им безбедное существование до тех пор, пока экстенсивный подход к эксплуатации энергетических ресурсов сам себя не исчерпает. В целом, такая парадигма развития экономики очень характерна для переходной фазы социально-исторического развития, тесно связанной с предшествующими параметрами жизни общества.

С точки зрения разрабатываемой нами социально-исторической концепции универсального эпохального цикла, советский период развития Украины идентифицируется с инволюционным развитием, которому присущи экстенсивный способ хозяйствования и затратный характер экономики в целом.

Формирование принципиально нового типа экономики, характерными особенностями которой являются энергосберегающие технологии, разработка новых источников энергии (ветра, солнца, морских приливов и отливов), сокращение потерь электроэнергии при ее транспортировке и т. п., связано с новым циклом развития современной глобальной экономической системы.

Адаптация Украины к новым императивам происходит чрезвычайно сложно. Основной национальный поставщик энергоресурсов — угольная промышленность — дышит на ладан и представляет собой постоянный источник социальной напряженности. После выполнения обязательств перед мировым сообществом по закрытию в декабре 2000 г. Чернобыльской АЭС атомная энергетика Украины как источник сравнительно дешевой энергии также зависит от внешних источников топлива, поскольку замкнутый цикл атомного энергопроизводства еще только формируется. В нынешних условиях даже торговля с Россией энергетическими ресурсами по правилам Всемирной торговой организации способна если не окончательно уничтожить национальную экономику, то надолго поставить ее на колени.

Таким образом, в начале XXI в. Украина фактически оказалась в двойной энергетической зависимости — от монопольного поставщика основных энергоресурсов (газа, нефти) и от тенденций развития глобального энергетического рынка.

Ситуация на мировом энергетическом рынке. Начиная с 1970-х гг., развитие глобального энергетического рынка зависит от прогнозов “границ роста”, устанавливаемых Римским клубом. Истощение месторождений естественных энергетических ресурсов — нефти, газа, урана — уже не за горами.

Развитие этой объективной тенденции требует вместо традиционной экстенсивной формы энергопотребления, характерной для инволюционного этапа существования экономики, формирования новых интенсивных моделей альтернативного энергетического обеспечения, прежде всего постиндустриального сектора информационного производства. Другими словами, зависимость информационной экономики от традиционных источников энергии может спровоцировать конфликт между новыми технологиями и старыми средствами обеспечения их функционирования. Это может послужить причиной полного коллапса глобальной экономики. Однако очевидно, что ведущие страны все еще далеки от понимания этой реальной угрозы, сравнимой с проблемой глобальных климатических изменений.

В 1996 г. в результате сложных и продолжительных переговоров был подписан Киотский протокол об изменении климата. Квоты сокращения эмиссии углекислого газа были рассчитаны на основе объемов потребления энергоресурсов. При этом на Северную Америку приходится 29,9 % эмиссии, на Азию — 24,7 %, на Европу — 20,6 %, на СНГ — 10,8 %, на Ближний Восток — 4,6 %, на Южную Америку — 4,2 %, на Африку — 3,5 %, на Австралию — 1,7 %¹⁷.

Киотский протокол предусматривал сохранение до 2012 г. уровня загрязнения озонового шара 1990 г. Однако даже такое скромное по меркам масштаба проблемы мероприятие вызвало противодействие самого крупного загрязнителя — США. После прихода к власти в 2001 г. администрация Дж. Буша заявила об отказе от выполнения Киотского протокола, аргументируя свое решение невыгодностью параметров сокращения для американской экономики.

Развитие новейших технологий в США стимулировало огромный спрос на энергию. Наиболее “продвинутый” в экономическом развитии штат Калифорния весной 2001 г. оказался в настоящем энергетическом кризисе. Экологи и “зеленые” настаивали на необходимости внедрения энергосберегающих технологий, но в ответ президент США Дж. Буш заявил о намерении разрабатывать нефть в заповедных зонах Аляски. Это отвечает интересам ведущих американских нефтяных концернов, которые почти сознательно препятствуют распространению экономически обоснованных расчетов, показывающих и доказывающих, что инвестиции в проектирование и внедрение энергосберегающих технологий окупаются быстрее, чем в разработки новых месторождений.

Экологически направленную политику активно проводит партия “зеленых” в ФРГ, коалиционный партнер социал-демократов по правительству. Только за период 1998–2001 гг. инвестиции в исследования энергетических

технологий в Германии утроились. В частности, правительство поддерживает идею оснащения солнечными батареями домов немецких граждан.

Тем не менее, в начале XXI в. в глобальной структуре энергообеспечения доля нефти составляет 39,9 %, угля — 27,0 %, газа — 23,2 %, ядерной энергетики — 7,3 %, альтернативных источников энергии — лишь 2,7 %¹⁸.

В целом ситуацию на глобальном энергетическом рынке определяет стратегия установления контроля США над большинством основных источников энергетических ресурсов. С целью консолидации усилий на этом решающем направлении ведущие американские нефтяные концерны в 1997 г. провели перегруппировку сил, вследствие чего мы стали свидетелями слияния целого ряда компаний. Доля рынка, контролируемая новыми компаниями, представляет возможности влияния на глобальный рынок энергоресурсов, соразмерные с теми, которыми владеет ОПЕК.

Ситуация на глобальном энергетическом рынке в связи с антитеррористическими операциями США в Афганистане, а потом в Ираке очень стремительно изменяется. В конце осени 2001 г. цены на нефть резко упали. Это было связано с фактическим началом глобальной экономической рецессии и существенным сокращением спроса на нефть в ведущих странах-потребителях. Если кризис американо-иракских отношений не разрешится мирным путем, то прогноз для мировой экономики может быть очень печальным.

Геополитика энергетических коммуникаций. Существенное значение для развития ситуации на глобальном энергетическом рынке имеют коммуникации транспортирования энергоносителей. Их себестоимость и безопасность эксплуатации вместе с затратами на добычу в дальнейшем будут формировать значительную долю цены на энергоресурсы. Сеть трубопроводов, доставляющих энергоносители потребителям, — основной нерв внешнеполитических интересов многих государств. При этом главным глобальным геополитическим игроком остаются Соединенные Штаты Америки.

После открытия больших месторождений нефти в азербайджанской части Каспийского моря развернулась острая борьба за маршрут нефтепровода. Российский вариант американские нефтяные концерны сочли геополитически неприемлемым. Наиболее выгоден, по их мнению, маршрут Баку — Супса — Джейхан. Хотя он не является самым дешевым, ему было отдано предпочтение с целью поощрения Турции как основного американского союзника в регионе. Однако это не означало, что альтернативные варианты вообще не имели шансов. В бизнесе доставки нефти, как и на фондовой бирже, неразумно класть все яйца в одну корзину. Поэтому диверсификация путей доставки энергоносителей — аксиома энергетической безопасности.

После терактов 11 сентября 2001 г. в связи с американской антитеррористической операцией в Афганистане и напряженной ситуацией на Ближнем

Востоке объективно возрастают шансы использования первой очереди нефтепровода Одесса — Броды, рассматриваются румынский и болгарский варианты доставки каспийской нефти. Войну в Македонии в первой половине 2001 г. многие аналитики также рассматривали как борьбу за установление контроля над территорией, по которой в Европу должен был пройти трубопровод из Балкан.

С другой стороны, если правительство Афганистана обеспечит надежную работу и безопасность нефте- и газопроводов из Туркменистана и Казахстана, на мировой рынок могут поступить значительные объемы новых энергоресурсов, вследствие чего борьба за место под солнцем в бизнесе транспортировки энергоресурсов еще более обострится.

Понятно, что диверсификация путей доставки нефти в Европу неминуема. Этот процесс самым непосредственным образом касается российских проектов поставок газа по трубопроводам в обход территории Украины.

Россия, владеющая 25,9 % мировых запасов природного газа и 9,3 % запасов нефти, играет важную роль в поставке энергоресурсов на мировой рынок. Разрабатываются сразу несколько масштабных проектов по строительству новых транспортных коммуникаций. Это, прежде всего, газопровод Ямал — Западная Европа, который должен пройти по территории Беларуси, Польши, Словакии в обход Украины; газопровод “Голубой поток”, который по дну Черного моря будет доставлять российский газ в Турцию и дальше на Ближний Восток; в более отдаленных планах — строительство газопровода в Китай и Японию.

Все это напоминает стратегию превращения России в сырьевой придаток ведущих субъектов глобальной экономики путем приоритетного инвестирования в названные проекты и объективного торможения других отраслей российской экономики вследствие недостатка финансовых ресурсов развития. Такой путь едва ли отвечает российским национальным интересам, однако альтернативный вариант пока что не прослеживается. Хотя Россия и не является членом ОПЕК, она вынуждена подстраивать свою энергетическую политику под действия этого нефтяного картеля.

Если Украина зависит от импорта энергоносителей, то Россия зависит от их экспорта. Оба варианта формируют несовместимую с постиндустриальной фазой общественного развития структуру затратной экономики, которая развивается не с целью повышения благосостояния нынешних поколений, а на основе социального кредита, за счет будущих поколений. Сохраняя и дальше статус “заповедной зоны” для энергетического сектора экономики, не оплодотворяя ее усилиями реформ, Украина рискует остаться на периферии процесса глобализации, в то время как Россия может быть допущена к нему только в одной, пусть и важной, но очень специфической области экономики — энергетике.

Глава 10. Украина в системе европейской и мировой безопасности

Из всех известных человечеству кризисов наиболее острый и тяжелый по историческим последствиям — идентификационный, распространенный сегодня на территории стран, переживающих процессы трансформации (особенно Восточной Европы и бывшего СССР). Без идентификации в координатах исторического времени и геополитического пространства, вне стойкой продуктивной связи между философской мыслью, общественной наукой и социальной практикой принципиально невозможно определение и политическое выражение жизненно важных интересов стран и народов.

Кризис смысла дальнейшего общественного развития, потеря исторических и социально-культурных перспектив, критериев идентичности — это уже не абстрактная, а вполне конкретная частная проблема, переходящая в сферу региональной и глобальной безопасности. Речь идет не столько о поиске собственной национальной идеи, сколько о смыслообразующей, способной гармонизировать вполне конкретный комплекс усилий по преодолению проблем как в рамках отдельной страны-социума, так и в рамках общечивилизационных, мирового сообщества в целом. Определение экзистенциального смысла общественного развития, как свидетельствует горький опыт кризиса 1929–34-х гг. в Европе, едва ли правомерно сводить исключительно к поиску общенациональной доктрины, некоего единого плана развития. Любая фетишизация в определении целей национального развития неизменно порождает обострение противоречия между свободным самоопределением стран, получивших мощные стимулы к саморазвитию, и реальной средой, которая все более глобализируется и все более подчиняет ее участников общей логике действий.

Современность стимулирует поиск принципиально новой парадигмы политики, способной преодолеть недостатки однобокого “линейного” способа мышления и действия, который хорошо проявляет себя в период устойчивого общественного развития, однако остается малоэффективным в разрешении многочисленных национальных конфликтов и практически бессильным — в предотвращении глобального кризиса.

Место Украины в системе европейской коллективной безопасности.

С первых дней провозглашения государственной независимости Украина привлекает постоянное внимание европейского и мирового сообщества. Красноречивое подтверждение этому — высокий международный авторитет, завоеванный в первые годы независимости, когда государство добровольно отказалось от ядерного оружия, определило свой статус как внеблоковое, заявило о своем стремлении занять достойное место в кругу развитых европейских государств.

Правда, в последующий период реальное движение Украины в европейские структуры постоянно балансировалось участием в делах СНГ. Вместе с тем, благодаря ее осознанной или неосознанной внешней политике двухсторонних отношений в первой половине 1990-х гг. в Европе сформировался достаточно устойчивый и взаимозависимый геополитический треугольник: Западная Европа (в первую очередь страны НАТО) — Украина (вместе со странами Черноморского бассейна) — Восточная Европа (Российская Федерация с Беларусью и субъектами европейской части РФ). Эта схема становится более прозрачной, если осветить ее экономический аспект. Неслучайно европейские политики все чаще вспоминали об Украине как о географическом центре Европы.

Есть еще два свидетельства, существенно дополняющие представления об Украине не только как о европейском геополитическом и экономическом центре притяжения. Речь идет о социокультурных характеристиках, которые лежат в основе разделения общественного труда, а значит, и в основе экономики и политики страны.

Как нами было установлено в 1992 г., “живой ткани” украинского общества присущи те же свойства, что и любой другой сущности, тождественной понятию “золотое сечение” (62:38). Наиболее ярким и приемлемым с культурологической точки зрения является свидетельство Н. Рериха, который идентифицировал Украину как страну, ось развития которой (очевидно, и интересов) лежит на линии “Север — Юг” (в отличие от более характерных для Европы векторов “Запад — Восток” или “Восток — Запад”). В частности, он писал: “Скандинавская культура, усыпанная бриллиантами Византии, дала Киев”. Возможно, именно поэтому возвращенные из древней истории в современность желтый и голубой цвета — государственные символы Украины, так похожи на государственные цвета Швеции. Время от времени (по разным экономическим и политическим мотивам) вспыхивает нескрываемый интерес Украины к странам ближневосточного региона, в частности Черноморского бассейна, где она проводит сегодня активную внешнюю политику и даже занимает ведущие позиции. Теми же причинами, кажется, можно объяснить и лидерство Украины в ГУУАМ.

Установленная латентная характеристика социальной системы “украинское общество” наиболее адекватно объясняет “бескровность” трансформационного

периода развития Украины. Именно она способствовала формированию толерантного поведения населения и, вместе с тем, вдохновляла политиков на оптимальные (наименее жертвенные) решения в достаточно неоднозначных и непредсказуемых ситуациях трансформирующейся Украины. Даже такой сложный и острый политический процесс, как разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную ветви, в Украине (1995–96) прошел более взвешенно, чем в России (1993) и других странах бывшего СССР. Несмотря на всю серьезность намерений Украины по интеграции в европейские структуры, едва ли когда-либо станут необратимыми ее отношения с Россией, представляющие собой предмет отдельного исследования. Отметим лишь, что эти отношения имеют перспективу воспроизведения благодаря Беларуси, которая, как соединительная ткань (по Н. Рериху), объединяет две великие культуры — российскую и украинскую.

Несмотря на непоследовательность внешнеполитического курса, Украина, похоже, не утратит своей привлекательности в целом для европейской и мировой политики. Ее нынешнюю так называемую “многовекторную” или “двусторонних отношений” политику (более точное понятие “неопределенная внешняя политика”) международная дипломатия все чаще сознательно выбирает как точку опоры. Итак, Украина превращается в своеобразный “опорный пункт” для Европы, а дипломатия получает дополнительные и к тому же достаточно эффективные возможности опосредствованного влияния. Вспомним хотя бы остров Змеиный в Черном море, ставший инструментом в руках румынской дипломатии для осуществления намерений по вступлению в НАТО. Не менее красноречивы примеры так называемого обострения проблемы Черноморского флота и статуса города Севастополя, которые являются фактами плохо скрытого силового давления России на Украину в ответ на ее одобрительную позицию относительно продвижения НАТО на восток.

Усиление целостности европейской и мировой политики. Все более громкой (вербально и в действиях) становится проблематика, связанная с вечными вопросами войны и мира, которые в начале XXI в. наука и бытовое сознание вполне солидарно воспринимают через довольно абстрактное понятие “коллективная безопасность”. Однако не столь безоблачны и солидарны отношения между политиками и интеллектуалами, особенно в связи с последними разработками новаторских подходов к прогнозированию общественного развития.

В последние десятилетия, вероятно, как реакция на неудачи с прогнозами студенческих акций массового протеста, имевших место во Франции (1968) и в США (1975), и особенно как реакция на непредсказуемость в целом трансформационных процессов в странах Центральной и Восточной Европы, появилось немало новаций в области социальных наук. Они стали возможны благодаря изучению фундаментальной наукой во второй половине XX в. принципиально

нового типа объектов — самоорганизующихся и саморазвивающихся систем. Результаты исследований таких “открытых” по своей сущности систем (к ним вполне правомерно отнести “общество переходного периода” и “человечество на рубеже эпох”) указывают на необходимость радикального изменения механистических (“линейных”) представлений о социальной природе, которые, к сожалению, до сих пор во многом определяют сознание политиков.

Напомним, что к общим свойствам “открытых” систем (диссипативных структур, по И. Пригожину) синергетика относит: когерентность целого и части; “порядок через флуктуацию”, когда малые причины порождают большие последствия; способность запоминать исходные условия формирования; одновременное существование детерминистских и стохастических связей; неуравновешенность как исходное состояние; необратимость процессов. Все эти свойства четко (даже на уровне обыденного сознания) можно диагностировать в политике Украины. Точнее, как свидетельствуют результаты осуществленного авторами вместе с фирмой “Социс-Геллап” социологического мониторинга, Украина начала приобретать свойства диссипативной структуры в 1994 г. и удерживает их до сих пор. Есть определенные основания предполагать наличие подобного общественного состояния и “диссипативной структуры” в России и в других странах — республиках бывшего СССР.

Уместно подчеркнуть, что согласно многочисленным оценкам и ожиданиям Россия (с 1996 г.) и Украина (с 1997 г.) уже должны были бы начать преодоление экономического кризиса, что, собственно, подтвердило бы “выздоровление” стран: ослабление действия зависимостей “диссипативной структуры” и одновременно возвращение общественных систем к обычному для стереотипной политики “нормативному” общественному развитию.

Несостоятельность приведенного и многих других прогнозов о начале устойчивого экономического развития на просторах бывшего СССР объясняется, на наш взгляд, тенденцией к глобализации трансформационных процессов, с одной стороны, и неизменчивостью западноевропейских стран, испытывающих нарастание процессов экономической рецессии, — с другой стороны. Все очевиднее перспектива развития в этих странах (равно как и ситуации в мире в целом) неравновесного состояния. Такой вывод представляется вполне возможным, если принять во внимание следующее.

С середины 1990-х гг. в научной литературе нарастает количество экспертных оценок о том, что экономика многих стран Европы, Юго-Восточной Азии, Северной Америки испытывает отрицательные тенденции. Диапазон таких оценок колеблется от простой констатации факта “замедления темпов дальнейшего экономического роста” или “симптоматики послабления мировой валютной системы” до концептуального обоснования “неизбежности глобальной экономической и финансовой катастрофы, угрожающей цивилизации гибелью”.

Прогнозируя негативную перспективу развития мировой финансовой системы, известный экономист, автор многочисленных оригинальных стратегических идей и проектов Л. Ларуш в 1995 г. писал: “В современных условиях, я считаю, крах финансовой системы неминуем. Произойдет он на следующей неделе или через несколько месяцев, через год или чуть позже — исторически не очень важно, но он произойдет. Существующая финансовая система обречена, и если мы не создадим контрструктуры альтернативной экономической системы, не введем ее в действие, мы сможем стать свидетелями исчезновения трех четвертей населения планеты на протяжении жизни одного поколения”.

Учитывая аргументированность вышеизложенных выводов, не следует их отвергать или недооценивать, ведь что речь идет о высочайшей ценности — жизни на планете Земля. Остается либо пассивно ожидать обвального сокращения населения Земли — глобальной (цивилизационной) катастрофы, либо, осознав всю глубину ответственности перед человечеством, активнее ориентировать политику на становление альтернативных экономик и финансовых систем. В любом случае, исключительность ситуации в мире требует мобилизации принципиально нового мышления, нестандартных и конструктивных действий субъектов мировой политики для предотвращения глобальной катастрофы.

Однако почему политики-практики не воспринимают то, что предлагают интеллектуалы? Можно ли преодолеть противоречие между Традицией и Новацией, закаляющее и Меч, и Орало? И, в конце концов, были ли неотвратимыми Балканская война, многочисленные локальные и региональные конфликты на Земле? Будет ли в дальнейшем оставаться непреодолимой стихия переходного периода общественного развития, все больше воссоздающая для человечества новый “Ноев ковчег”, каждый раз толкая его на более шаткую грань выживания?

Парадоксально, но ответ на поставленные вопросы лежит на поверхности и заключается в формуле, изложенной главами государств России и Китая в декларации в апреле 1997 г. Главная мысль этого документа состоит в “многополюсности мира”, которая приходит на смену существующему “двухполюсному” (временно “однополюсному”) миру. Эта мысль просматривается и в многочисленных западных экспертных оценках 1995–96 гг., согласно которым в мире в ближайшее время ожидается формирование, по меньшей мере, пяти равнозначных (равноценных) экономических зон. И хотя при этом эксперты не совсем однозначно называют конкретные страны-персоналии лидеров экономического развития, достаточно четко формулируется мысль о полицентричности будущего мирового порядка.

Правда, это будущее, по мнению английского историка А. Тойнби, наступит после “вызова истории”, который переживет человечество, прежде чем состоится его дальнейшее политическое, экономическое и социальное развитие на принципиально новой основе.

Глава 11. Судьба восточнославянских народов в посттрансформационном эволюционном мире

Обратимся к проблеме исторической судьбы восточнославянских народов в контексте авторской концепции. Первый эпохальный цикл *истории Украины* уходит корнями в историю Киевской Руси. Революционный этап цикла связан с географическим, военно-политическим освоением пути “из варяг в греки”. Это время от княжения Олега до завоевательных походов Святослава (964–69). Начало инволюционного периода первого эпохального цикла идентифицируется с принятием в 988 г. христианства по византийскому обряду, то есть с выбором цивилизационной принадлежности. Козволюционная фаза первого эпохального цикла связана с монголо-татарским нашествием (1237–40), а эволюционная фаза — с пребыванием украинских земель в составе Великого княжества Литовского.

Революционный этап второго эпохального цикла начался народно-освободительным восстанием во главе с Б. Хмельницким (1648–54). Его инволюционный период связан с началом Руины, инкорпорацией украинских земель в состав России и Польши. Козволюционный период начался с попыток проведения буржуазно-демократических реформ в Российской империи в 1861 г., однако он прерывается революционными событиями 1917–21 гг. Весь советский период своей истории Украина оставалась в инволюционном состоянии третьего эпохального цикла. Козволюционный период третьего эпохального цикла начался в 1991 г. — с распадом СССР.

Революционный этап первого эпохального цикла *российской истории* связан с отделением северо-восточных княжеств от Киевского княжеского стола (1147–69). Инволюционная фаза цикла идентифицируется с монголо-татарским нашествием или с выбором “евразийской” геостратегии. Козволюционная фаза первого эпохального цикла связана с правлением Ивана Грозного (“Судебник” 1550 г., завоевание Казани 1552 г., опричнина 1565–72 гг.). Эволюционный этап первого эпохального цикла связан с территориальной экспансией, которая началась походом Ермака в Сибирь в 1581 г. Этот исторический период метко охарактеризовал В. Ключевский: “Государство пухло, а народ хирел”.

Революционный этап второго эпохального цикла начался с вестернизаторскими реформами Петра Великого (1698–1725). Инволюционный период, начавшись после смерти Петра, длился до поражения России в Крымской войне (1854). Коэволюционный поворот, связанный с попытками проведения буржуазных реформ в середине XIX в., был прерван революцией 1917 г. — началом третьего эпохального цикла. Весь советский период идентифицируется с инволюционной фазой развития. Коэволюционный поворот произошел с распадом Советского Союза.

Методология авторской концепции дает основания говорить о несоответствии циклов развития Украины и России, с одной стороны, и Беларуси, с другой. Первый эпохальный цикл *белорусской истории* начался в XI в. политическим отделением от Киева. Инволюционная фаза цикла продолжалась до XVII в. Коэволюционная фаза первого эпохального цикла была связана с соединением белорусской истории с украинской и российской во времена Б. Хмельницкого. Именно в это время появляются различия. В конце XVII в. Беларусь, похоже, вступает в эволюционный этап развития, который был актуальным для нее и в советский период истории. А в 1991 г. Беларусь вступила в революционный этап развития второго эпохального цикла. Напомним, что для России и Украины актуальным остается коэволюционный этап цикла.

Границы между княжествами, различными государственными образованиями восточнославянских народов изменялись на протяжении всей истории. Напомним, что украинско-российская государственная граница существенным образом изменилась после событий 1917–21 гг. В докладной записке в ЦК ВКП(б) “Об урегулировании государственной границы между УССР и РСФСР” отмечалось, что за это время к УССР были присоединены территории с 278`081 жителем, а в состав РСФСР переданы территории с 478`009 жителями¹⁹. Однако в советский период это была лишь административная граница.

Ситуация изменилась с распадом СССР. В августе 1991 г. тогдашний пресс-секретарь президента Б. Ельцина П. Воцанов заявил о необходимости пересмотра границ между союзными республиками. Это был прямой путь в ад гражданской войны, которая развивалась бы по сценарию худшему, чем балканский, учитывая наличие ядерного оружия на постсоветской территории. Единственно правильным было решение о признании государственными границ между союзными республиками, существовавших на то время де-факто.

После подписания 31 мая 1997 г. в Киеве Договора о дружбе, сотрудничестве и партнерстве между Украиной и Российской Федерацией ускорился переговорный процесс по делимитации и демаркации государственной границы, что является естественным процессом с точки зрения международного права.

Следует отметить, что внутренняя территориальная структура Российской Федерации довольно нестабильна. Решение чеченской проблемы военными

методами — лишь паллиатив. Однако эта проблема ставит под угрозу сохранение евразийского российского цивилизационного пространства как арены взаимодействия между различными культурами и мировыми религиями.

Создание в мае 2000 г. семи федеральных округов должно было гарантировать единство политико-правового и рыночного российского цивилизационного пространства. Не секрет, что существуют стратегические планы расчленения и овладения российским пространством. Например, З. Бжезинский серьезно рассматривает перспективу создания Сибирской республики (Якутия-Саха займет важное место в любом геополитическом раскладе), суверенизации мусульманских республик (Татарстан, Башкортостан, Ингушетия, Чечня). В. Новодворская видит гарантию сохранения демократической России только как национального государства, а не как евразийской квазимперии, пусть даже в границах “Московского княжества”. Против политико-географической централизации власти выступает Союз правых сил (СПС), считая, что Россия как демократическое государство может существовать только в форме федерации. Однако это уже тенденция следующего — эволюционного периода, который вступит в свои права в начале эпохи Водолея (после 2003 г.), если этому будет способствовать “глобальный контекст” — необходимые “социетальные” изменения в странах — нынешних лидерах социального прогресса, имеющих опыт преодоления Великой депрессии в 1920–30-х гг.

После конституционного референдума 2000 г. продвигается в направлении федерализации и Украина. Решение этого вопроса также будет связано с переходом к эволюционному этапу исторического развития. Очень скоро западная граница Украины станет восточной границей Европейского Союза. Вместо “железного занавеса” времен “холодной войны” возникнет “золотой занавес”, отделяющий богатую Европу от восточноевропейских “бедных родственников”.

Если представить модель евро-континентального развития в виде эллипса, можно говорить о перенесении центра тяжести из одной его части в другую. В данном случае речь идет о возможности в начале XXI в. погружения Европейского Союза в период потрясений, названный А. Тоффлером “футурологическим шоком”²⁰. Тогда инициатива развития перейдет к Восточной Европе. В этом регионе, очевидно, Украине может быть отведена культурно-цивилизационная роль Бельгии в нынешней Западной Европе, то есть речь идет об особой миссии культурно-политического центра.

“Путь России к материнской Европе лежит через Киев. Это не великодержавный путь нового присоединения Украины к России, а покаянный путь присоединения России к Киеву как к центру возрожденческого византийского движения. Историческая судьба Киева — стать духовной столицей воскрешенного славянства”²¹. Можно согласиться с этой прогностической точкой зрения российского политолога А. Панарина. Восстановление бывшего

Советского Союза в старой форме — утопическая идея, которая все больше теряет социально-политическую поддержку. Однако это не исключает, а наоборот, предусматривает поиск новых форм интеграции. Будет это модель Европейского Союза или Евразийского Союза — покажет будущее. Понятно лишь, что переход Украины и России в заключительную фазу коэволюционного этапа универсального эпохального цикла предусматривает усложнение, в том числе и пространственных структур. Возможно, удастся преодолеть тенденцию конца XX в., связанную с распадом больших социокультурных пространств, ведь процесс глобализации имеет две одинаково важные составляющие — регионализация и интеграция. Соотношение между этими тенденциями и будет определять судьбу восточнославянских народов в XXI в.

Библиографические ссылки

¹ *Заславская Т. И.* О социальном механизме посткоммунистических преобразований в России // Социологические исследования. — 2002. — № 8. — С. 5–7.

² *Вандалковская М. Г.* Россия между Востоком и Западом: евразийская концепция русской истории // Россия и мировая цивилизация. — М., 2000. — С. 537.

³ *Башкирова Е. И., Лайдинен Н. В.* Президент: феномен общественной поддержки // Общественные науки и современность. — 2001. — № 9. — С. 36.

⁴ *Василенко И. А.* Политическая глобалистика. — М. — 2000. — С.179–180.

⁵ *Казищев А. И.* Новые политические мифы. — М. — 1990.

⁶ Шанс России по Р. Пайпсу // Комсомольская правда. — 1992. — 28 июля.

⁷ *Романовский Н. В.* Социология и социологи перед лицом глобальных катаклизмов // Социологические исследования. — 1999. — № 3. — С. 6.

⁸ Українське суспільство: десять років незалежності (соціологічний моніторинг та коментар науковців). — К., 2001. — С. 575

⁹ *Лепехин В. А.* Стратификация в современной России и новый средний класс // Общественные науки и современность. — 1998. — № 4. — С. 32.

¹⁰ *Голенкова З. Т.* Динамика социокультурной трансформации в России // Социологические исследования. — 1998. — № 10. — С. 78.

¹¹ *Заславская Т. И.* Социокультурный аспект трансформации российского общества // Социологические исследования. — 2001. — № 8. — С. 4.

¹² *Голенкова З. Т.* — Динамика социокультурной трансформации в России // Социологические исследования. — 1998. — № 10. — С. 44.

¹³ Аргументы и факты. — 2002. — № 12. — С. 16.

¹⁴ *Гундаров И. А.* Духовное неблагополучие и демографическая катастрофа // Общественные науки и современность. — 2001. — № 5. — С. 58.

¹⁵ *Баранов А. В.* О некоторых факторах популяционного кризиса // Социологические исследования. — 2000. — № 7. — С. 116.

¹⁶ *Яковец Ю. В.* Глобализация и взаимодействие цивилизаций. — М., 2001. — С. 346.

¹⁷ Handelsblatt. — 2001. — 5 April.

¹⁸ Suddeutsche Zeitung. — 1998. — 17 August.

¹⁹ *Сергейчук В.* Етнічні межі і державний кордон України. — К., 2000. — С. 21.

²⁰ *Тоффлер А.* Футурошок. — СПб., 1997.

²¹ *Панарин А. С.* Политология. — М., 1999. — С. 365.

Раздел III

Мир в сетях глобализации

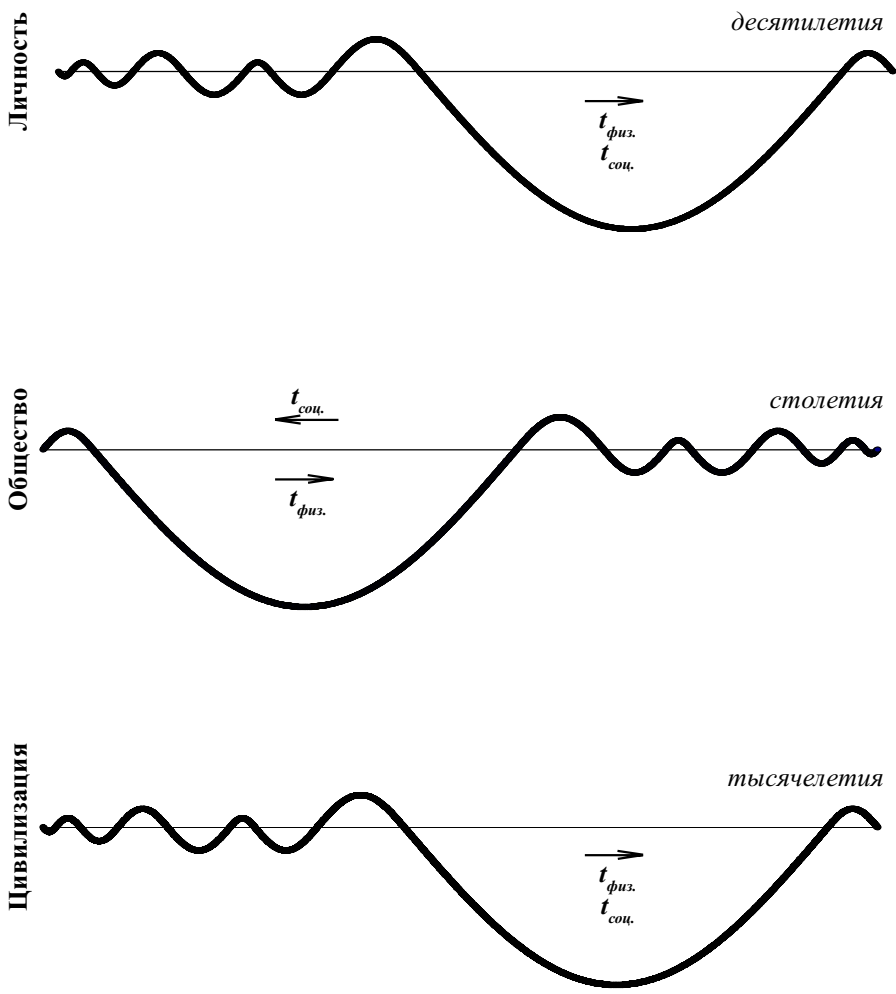

Рис. 3. Эпохальные циклы развития
Личности, Общества, Цивилизации

$t_{\text{физ.}}$ — физическое время
 $t_{\text{соц.}}$ — социальное время

Глава 12. Глобальный аспект общественно-исторического развития

Один из ведущих российских ученых-глобалистов М. Чешков утверждает, что “глобалистика не определила своего предмета и расплывается между двумя противоположными тенденциями — фрагментацией знания (выработки дисциплинарно различных образов глобализации) и безбрежным расширением (отождествлением с историей человечества)”. Кроме того, “остается открытым вопрос о том, что есть глобализация — процесс, содержащий альтернативы и варианты, или императивный; ведет ли этот процесс к созданию однородной мироцелостности, или же содержит в себе возможности различных идентичностей и разных компонент человечества; является ли данный процесс порождением новейших сдвигов в производстве, информатике, культуре, или же он имеет свои исторические корни и исторические прецеденты”. Предмет глобалистики охватывает мир как целостное образование, которое подлежит исследованию единой социально-исторической наукой¹. Однако, как справедливо отмечает Ю. Шишков, “до формирования наддисциплинарной глобалистики еще нужно дозреть”².

В процессе формирования пребывает понятийный аппарат и междисциплинарная методология синтетической науки — глобалистики. Сам этот термин связан с глобусом, т. е. условной моделью уменьшенного планетарного масштаба. Обычно под словом “глобальный” понимают “охватывающий весь земной шар”, “всеобщий”.

Научный термин “глобальный” в его современном значении появился в Оксфордском словаре английского языка в 1961 г. Постепенно сфера глобальных исследований становилась все более популярной, и уже к середине 1980-х гг. на 55 языках народов мира выходило около 1600 изданий, так или иначе связанных с глобальной проблематикой.

После краха СССР и в результате формирования единой, не разделенной по общественно-экономическим и идеологическим критериям глобальной капиталистической системы понятие “глобализация” одновременно становится заклинанием для одних и проклятием для других. Как справедливо отмечает

М. Чешков, поляризация общественного мнения в оценках глобализации настолько значительна, что она ставит под сомнение возможность целостного теоретического видения глобализации, как говорили римляне, “без гнева и пристрастия”.

Глобальное и всеобщее. Начнем наш анализ с понятийного аппарата, ведь если бы люди точно объясняли, что они понимают под теми или иными терминами, человечество получило бы возможность избавиться, по крайней мере, от половины своих заблуждений.

Рассмотрим основообразующий тезаурус глобалистики. Объективно можно выделить следующие определяющие понятия: “глобализация — интернационализация”, “автономизация — интеграция”, “локализация — регионализация”, “централизация — муниципализация”, “интернационализация — цивилизация — глобализация”.

Мы рассматриваем *интернационализацию и глобализацию* как взаимодополняющие понятия. Социально-историческое развитие в период интернационализации происходит экстенсивно, а в условиях глобализации — наоборот, интенсивно. Традиционно интернационализация понимается как синоним понятия “международный”. Глобализацию можно понимать как более продвинутую стадию интернационализации, ведь контакты между народами в масштабах определенного исторического периода и соответствующей ойкумены были всегда, другой вопрос — характер, формы и движущие силы этой глобализации.

Когда речь идет о современном этапе, то надо принимать во внимание, что все социально-исторические процессы чрезвычайно ускорились в результате новейших достижений научно-технической революции. Поэтому не случайно наиболее емкой характеристикой глобального информационно-коммуникационного пространства является Интернет. С другой стороны, глобальное является лишь составной частью понятия “всеобщее”, если его понимать в смысле “всеединства” В. Соловьева.

Автономизация и интеграция — еще одна пара важных понятий. Под термином “автономный”, как правило, понимают самоуправляемый, независимый субъект. Феноменологический смысл интеграции состоит в объединении в целое каких-либо частей или элементов. Например, современный этап европейской интеграции обеспечивает объединение усилий субъектов с целью решения общих задач развития. Деятельность Европейского Союза также является примером гармоничного взаимодействия автономизации и интеграции посредством принципа субсидиарности — передачи властных полномочий на тот уровень, который способен решить определенную проблему. Однако под автономизацией в контексте глобализации можно понимать самоустранение от “магистральной линии” развития в целях сохранения национальной либо религиозной специфики. В этом смысле автономизация является альтернативой интеграции.

Понятия *локализация* — *регионализация*, с нашей точки зрения, также являются взаимодополняющими. Локальный, или местный — понимается как ограниченный, распространенный не далее определенного места. А региональный определяется как объединенный территориальными признаками, мы понимаем регионализацию как пространственно-временной континуум социально-исторического развития. Глобализация весьма интенсивно распространяется на региональном уровне, прежде всего в виде различных экономических и политических интеграционных объединений. С этим процессом также связано понятие “глокализация”, то есть участие исключительно в тех глобальных интеграционных процессах, которые соответствуют национальным интересам.

Понятия *централизация* — *муниципализация* являются взаимоисключающими. Под централизацией понимается сосредоточение, объединение чего-либо в одном центре, в одном месте, в одних руках. В свою очередь, под централизмом мы понимаем систему управления или организации, при которой местные органы подчинены центральной власти. В контексте дискурса глобализации под централизацией можно понимать развитие тенденции концентрации политической и экономической власти в руках ведущих политических сил (например государств “Большой семерки”) либо экономических фаворитов — транснациональных корпораций. Своеобразной формой централизации является “закулисное” или будущее легальное “мировое правительство”.

С другой стороны, альтернативой централизации является муниципализация, связанная с развитием самоуправляющихся общин, которые характерны, прежде всего, для Европы, начиная со времени формирования античного полиса. Благодаря муниципализации субъект, будучи “космополитом” — гражданином вселенной, может оставаться в интегральной социальной структуре своей муниципии.

Наконец, важным соединением понятий являются *интернационализация* — *цивилизация* — *глобализация*. Под локальной цивилизацией, как правило, понимают часть мирового цивилизационного пространства, включающую группу народов (этносов, государств), которые отличаются общностью духовных (культурных, этических, религиозных) ценностей, исторических судеб, экономических и геополитических интересов³. Как отмечает Ю. Яковец, в первой половине XXI в. осевой проблемой, выражающей главное противоречие эпохи, становится взаимодействие цивилизаций четвертого поколения на фоне ускоряющихся процессов глобализации и становления через череду кризисов постиндустриального общества. “Цивилизованное общество” в социокультурном смысле означает достижение определенной целостности в процессе социально-исторического развития благодаря единству религии, языка, культурных традиций.

В свою очередь, понятие *цивилизация* самым тесным образом связано как с экстенсивным периодом социально-исторического развития в условиях интернационализации, так и с интенсивным периодом в процессе глобализации.

Для исследования специфики современного этапа перехода от интернационализации к глобализации принципиально важно определить, насколько новым является сам этот процесс.

Исторические истоки глобализации. Итак, попытаемся ответить на вопрос: имеет ли глобализация исторические корни и прецеденты? Естественным образом уже сформировались два противоположные мнения. Одни рассматривают нынешний этап глобализации как беспрецедентное, уникальное явление, связанное исключительно с развитием новейших информационных технологий и формированием на их основе *new economy*⁴.

Мы можем солидаризироваться с учеными, которые считают, что, по крайней мере, интернационализация (как предтеча современной глобализации) имеет достаточно глубокие исторические корни. Действительно, еще с так называемого “осевого времени” всемирной истории человечество крепко связано общностью развития Личности с присущими ей особенностями становления в различных цивилизационных организмах. Если рассматривать исторический процесс как поступательное циклическое движение по спирали развития, то можно понимать глобализацию как еще один шаг по пути Восхождения человечества к духовным высотам самосовершенствования.

Со времени открытия Америки Х. Колумбом (1492) усиливается тенденция к диалогу (не всегда равноправному и морально оправданному) между Западной (европейской) и другими цивилизациями, которые постепенно попадали под колониальный контроль (поистине глобальных масштабов достигала деятельность Ост-Индской компании и др.), становясь периферией метрополии.

Эпоха, которую открывают для всемирной истории Великая французская буржуазная революция и война за независимость США (конец XVIII в.), связана с формированием структуры индустриального общества. Схожие задачи решали Общеввропейская революция 1848–49 гг. и революции в России (1905 и 1917), в Китае (1949), на Кубе (1959) и в Никарагуа (1979). Однако, в отличие от трансатлантического индустриального ареала, в более отсталых с точки зрения евроцентристского подхода цивилизациях формирование индустриального общества происходило на “социалистической основе”.

Циклический механизм экономической глобализации был создан промышленной революцией. Поэтому одним из первых “глобалистов” можно считать К. Маркса, который в “Манифесте Коммунистической партии” выдвинул, по сути, лозунг социально-политической глобализации: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь!”⁵.

Первый глобальный интеграционный цикл (середина XIX в. — 1914 г.) в политическом плане связан с периодом расцвета Британской империи. На гребне первой волны глобализации мировое хозяйство сформировалось как целостная система⁶. Развитие частных и государственных монополий с присущим им экстенсивным способом хозяйствования, стимулируя имперские амбиции, ускорило процесс борьбы за контроль над мировым рынком.

Две мировые войны (1914–18 и 1939–45), которые можно рассматривать как два этапа одной большой мировой войны, стали подтверждением усиления глобальных тенденций в политической сфере (создание Лиги Наций, а затем Организации Объединенных Наций). Август 1945 г., когда американцы сбросили атомную бомбу на Хиросиму и Нагасаки, позиционируется как символический Рубикон возникновения современного глобального человеческого сообщества.

В этот исторический период реальной угрозой для Западного мира стал СССР, который сошел со “столбовой дороги” развития мировой цивилизации. Во-первых, в силу идеологической ориентированности на приоритет мировой революции (снова проявилась тенденция к “глобализации”). До роспуска штаба раздувания “пожара мировой революции” — Коминтерна (1943) и до горбачевского “нового политического мышления” главным оружием советской внешней политики оставался “пролетарский интернационализм”. Во-вторых, существование первого в мире социалистического государства (абстрагируемся от определений советского социализма) было реальной альтернативой капиталистической системе. Поэтому фактически 70 лет (1917–87), до расцвета “перестройки”, теоретически существовали два диаметральных пути глобального развития, что соответствовало биполярной системе международных отношений.

Между Первой и Второй мировыми войнами заметным явлением стала Великая депрессия (1929–34). Мы считаем, что именно с этого периода берет начало “новая волна” трансформации от индустриального к постиндустриальному периоду мирового развития.

На наших глазах старая технологическая общественная модель трансформируется в антропоцентрическую, открывающую простор для инновационной активности личности (информационные технологии и геновая инженерия).

Начиная с 1970-х гг., определяющими факторами глобализации стали:

— демографо-экологические факторы (демографический взрыв, который стимулировал дискуссию о “пределах роста”);

— глобализация техносферы (научно-техническая революция создала предпосылки для формирования нового постиндустриального общества);

— экономическая глобализация;

— геополитическая глобализация;

— социокультурная глобализация⁷.

Следствием распада СРСР стало возрождение глобального капитализма, соответственно качественно новое направление получил процесс глобализации. Как пишет П. Штомпка, сегодня можно говорить о глобальной структуре политических, экономических и культурных отношений, простирающихся за любые традиционные границы и связывающих отдельные общества в единую систему. О таком понимании человечества не могло быть и речи даже в сравнительно недавнем прошлом. Данное онтологическое изменение находит отражение в эпистемологическом статусе социологии. Социология становится возможна как социология мирового сообщества⁸.

С точки зрения предложенной авторами концепции универсального эпохального цикла человечество на глобальном уровне переживает “коэволюционный” кризис развития восьмого эпохального цикла. Революционная фаза этого цикла восходит к периоду войны за независимость США (1774) и Французской буржуазной революции (1789–94), которая открыла перспективу нынешнего глобального развития, связанного с завершением эпохи Модерна. Инволюционный период названного цикла (со второй половины XIX — первой половины XX вв.), в целом, был связан со становлением индустриальных основ цивилизации. В ее западном варианте — с формализацией структуры “классического буржуазного общества”, а в восточном — “классического социалистического общества”. Знаковым событием, открывшим коэволюционный тип переходных процессов, стала “Великая депрессия”.

На советском пространстве инволюционный период характеризовался противостоянием консерваторов и диссидентов, на Западе во время эволюционного периода происходил конфликт между неоконсерваторами и левыми радикалами (1968). У нас 1960-е гг. выпали на период после революции, а на Западе — после “Великой депрессии”.

С началом третьего тысячелетия человечество вступает в новый эволюционный период своего развития, можно сказать, что этап индустриальной цивилизации завершается. Таким образом, глобализация и интернационализация представляются нам взаимодополняющими процессами, социально и исторически развивающимися с интервалом примерно в один цикл.

Глобализация и мировая экономика. С точки зрения современных тенденций эти понятия фактически становятся синонимическими, в высших учебных заведениях изучают курс “мировая экономика”. Однако ситуация меняется, если понимать под глобальной экономикой только *new economy*, которая является детищем информационных технологий⁹.

Понятийный аппарат экономической науки требует существенного уточнения. Можно говорить о “глобальном рынке” и “мировой торговле”, о новой сущности терминов “микро- и макроэкономика”, “экономическая интеграция”, “транснациональная корпорация” и др. Общеизвестно, что процесс

глобализации набирает обороты именно в экономической сфере, однако до сих пор нет точного представления о том, не виртуальна ли эта экономическая глобализация.

Естественно, что одни рассматривают экономические аспекты глобализации с антиглобалистских позиций (“Маргиналы всех стран, глобализуйтесь”). Некоторые аналитики говорят о мифах глобализации, среди которых миф о том, что глобализация открывает новый этап в истории развития мировой экономики, является необратимым процессом, ведущим к беспрецедентной интеграции национальных экономик (сохраняется и увеличивается разрыв между богатейшими и беднейшими национальными экономиками); миф об образовании общемирового рынка и о размывании национальных границ (формируются региональные достаточно закрытые рынки); миф об уменьшении вмешательства государства в экономику (тотальное регулирование остается актуальным при преодолении кризисных ситуаций); миф о глобальном рынке капиталов (финансы концентрируются на одном полюсе — богатства)¹⁰.

Других, например Дж. Сороса, волнуют проблемы ультралиберальных ценностей глобальной экономики, поэтому они заявляют о “кризисе мирового капитализма”¹¹.

Попытаемся отделить зерна от плевел и рассмотрим развитие глобальной экономики без гнева и пристрастия.

Можно сказать, что структуру глобальной экономики релевантно представляет геоэкономика, которая постепенно становится современной геополитикой¹². Интенсивно формируются региональные экономические блоки. Наиболее мощной и “продвинутой” организацией пока является Европейский Союз, который выходит на качественно новый этап экономической интеграции, связанный с функционированием Монетарного союза, однако прием новых более бедных членов может нарушить гармоничность и гомогенность социально-экономического развития ЕС.

Не менее мощной обещает стать Панамериканская зона свободной торговли, раскинувшаяся от Аляски до Огненной земли. Структурообразующим элементом в этой интеграционной группировке является американская экономика. Именно ТНК, генетически связанные со США, остаются лидерами мировой экономики, опережая по валовым показателям целые страны.

Крупнейшие компании США (2000 г.) по валовому доходу (млрд долларов США)¹³:

Эксон — Мобил	233
Уолл — Март	191
Дженерал Моторз	185
Форд Мотор	170

Американские ТНК все еще уверенно опережают европейские. Крупнейшие компании ЕС (2000 г.) по валовому доходу (млрд евро)¹⁴:

Даймлер Крайслер (Германия)	162, 4
Бритиш Петролеум (Британия)	155, 8
Тотальфина — Эльф (Франция)	114, 6
АКСА (Франция)	100, 4
Ройял Датч Шелл (Нидерланды)	97, 1

В целом можно констатировать, что по валовым показателям экономические потенциалы Европейского Союза и Панамериканской зоны свободной торговли примерно равны. Объем торговли в 2000 г. составил: НАФТА — 540 млрд долл. США, МЕРКОСУР — 18 млрд долл. США, Андский пакт (Венесуэла, Колумбия, Эквадор) — 5 млрд долл. США¹⁵.

Однако возможному формированию трансатлантической зоны свободной торговли между ЕС и Панамериканской зоной мешают перманентные торговые противоречия между ЕС и США.

Региональные интеграционные тенденции — закономерное явление и в других геоэкономических зонах. Набирают оборотов интеграционные процессы среди стран, расположенных на берегах Индийского океана. С декабря 1985 г. действует Ассоциация регионального сотрудничества стран Южной Азии (СААРК), в состав которой вошли Индия, Пакистан, Непал, Бангладеш, Шри-Ланка, Бутан, Мальдивские острова. В марте 1997 г. создана Ассоциация регионального сотрудничества стран Индийского океана (АРСИО)¹⁶.

Таким образом, сформировано субрегиональное интеграционное сообщество, объединяющее государства различной цивилизационной принадлежности. Среди них: европеизированная Австралия; индуистко-буддистские Индия, Шри-Ланка; мусульманские Кения, Маврикий, Малайзия, Индонезия, Йемен, Оман; конфуцианские Сингапур, Япония; африканские ЮАР, Мозамбик, Танзания, Мадагаскар.

Аналогичные процессы развиваются в сфере субрегионального сотрудничества между тихоокеанскими государствами. В 1967 г. была создана Ассоциация сотрудничества государств Юго-Восточной Азии (АСЕАН): Филиппины, Индонезия, Таиланд, Сингапур, Малайзия, Бруней, Республика Корея, Вьетнам, Лаос, Камбоджа, Бирма. Азиатский экономический кризис 1997 г. существенно ослабил “азиатских тигров”, однако окончательно не выбил их из седла “родео” глобальной экономики. Тем не менее, в результате этих событий и вступления более бедных государств бывшей “социалистической ориентации” замедлился процесс углубления экономической интеграции стран — членов АСЕАН.

Тихоокеанское субрегиональное экономическое сообщество было создано в 1991 г. в виде Азиатско-тихоокеанского экономического сообщества (АТЭС), которое объединило в одной межцивилизационной коммуникационной структуре: США (объем ВВП — 92999 млрд долл. США), Австралию (394), Бруней (5), Гонконг (159 — 1991 г.), Индонезию (143), Канаду (644), Китай (997 — 1991 г.), Малайзию (79), Мексику (483 — 1993 г.), Южную Корею (395), Новую Зеландию (52), Сингапур (85), Тайвань (288 — 1991 г.), Таиланд (126), Филиппины (77), Чили (68 — 1994 г.), Японию (4 350), Россию (185), Вьетнам (28), Перу (52 — 1997 г.), Папуа — Новую Гвинею (4)¹⁷.

На постсоветском пространстве, начиная с 1991 г., когда было создано Содружество Независимых Государств (СНГ), интеграционные процессы разворачиваются в разных плоскостях, формируются “клубы по интересам”: с одной стороны — Евразийское экономическое сообщество, с другой — объединение ГУУАМ (Грузия, Украина, Узбекистан, Азербайджан, Молдова). Однако, в целом, они “больны” теми же проблемами, что и СНГ, поэтому не удастся создать зону свободной торговли ни в одной из названных структур в отдельности, ни в СНГ в целом.

“Падчицей глобализации” остается Африка. Пять крупнейших ТНК имеют объем продаж больший, чем ВВП всех стран Ближнего Востока и Африки¹⁸.

Итак, в 1990-е гг. лидером мировой экономики оставались США. Десинхронизация региональных экономических циклов (низкие цены на сырье и высокий курс доллара) стала основной причиной американского феномена необычайно длительного экономического благополучия¹⁹. Вооружившись современными информационными технологиями, Соединенные Штаты фактически оседлали приоритетные сферы развития *new economy*.

Распространение системы Интернет проходило гигантскими шагами. В 1991 г. в мире было 213 серверов, в 1996 г. — уже 12 млн 881 тыс. В 1998 г. тогдашний президент США Б. Клинтон отменил налоговые и таможенные ограничения на торговлю в сети. К тому времени около 80 % пользователей Интернета проживали в США.

В то же время информационные технологии на нынешнем этапе глобализации способствуют расслоению человечества, так как богатые и бедные страны обладают различными финансовыми возможностями. Еще более глубокий раскол происходит между странами, уже базирующимися на информационно-инновационной экономике, и теми, которые даже не помышляют об этом.

В апреле 2000 г. начался процесс падения курса акций Интернет-экономики. Биржевые аналитики заговорили о закономерном взрыве “мыльного пузыря” спекулятивно переоцененных акций информационного сектора мировой экономики. Развитие этой тенденции подтвердило, что не следует

преувеличивать степень автономности и жизненной независимости информационной экономики от ее индустриальной, прежде всего энергетической, базы.

Можно с уверенностью констатировать, что окончательная “победа” постиндустриальной структуры экономики будет невозможна до тех пор, пока глобальные компьютерные системы будут нуждаться в традиционных источниках энергии, производящихся на основе индустриальных технологий. Речь идет о добыче природных энергоносителей — нефти и газа, остающихся главными источниками энергии. Поэтому энергетические концерны все еще являются мощными глобальными экономическими игроками²⁰.

Объем добычи нефти крупнейшими компаниями не входящих в ОПЕК стран в 1997 г. за пределами ОПЕК составил (млрд тонн)²¹:

Эксон — Мобил	202,4
Ройял Датч — Шелл	129,6
Бритиш Петролиум Амоко	108,7
Тоталь — Петрофина	51,4
Тексако	46,7

Исходя из такого расклада на глобальном нефтяном рынке, международный нефтяной концерн ОПЕК не может установить монопольный контроль, в то же время благодаря этому сохраняется конкурентная борьба нефтедобытчиков за рынки сбыта.

Увеличился спрос на природный газ. В 1999 г. на мировой рынок поступило 520 млрд кубометров газа, из них доля России составила 35 %, Канады — 16 %, Алжира — 10 %, Норвегии — 9 %, Индонезии — 7 %, Нидерландов — 6 %, Малайзии — 4 %, Туркменистана — 2 %, Австралии — 2 %, Брунея — 2 %²².

Объем рынка (1999 г.) ведущих концернов мира (млрд долл. США)²³:

Тайм Уорнер (США)	26,8
Уолт Дисней (США)	23,0
Виакон Си-Би-Эс (США)	18,9
Бергельсманн (ФРН)	14,8

Можно убедиться, что макроэкономические показатели ведущих информационных концернов еще не дотягивают до уровня ведущих “традиционных” концернов, с которыми до антимонопольных процессов мог сравниться только “Майкрософт”.

Таким образом, речь идет о постепенном переходе от геоцентрического способа жизнеобеспечения с использованием невозобновляющихся ресурсов

к антропоцентрическому — на основе природных и искусственно создаваемых с помощью интеллектуальных способностей ресурсов и сохранения экологического баланса.

В первом полугодии 2001 г. впервые с 1974 г. синхронизировались циклы рецессии американской и японской экономик. Это создает серьезные проблемы для современного этапа развития мировой экономики, поэтому возникают разговоры о кризисе глобализации. Однако, вероятно, это всего лишь временное отступление перед новым рывком вперед. Об этом свидетельствуют тенденции развития Всемирной торговой организации, которая уже объединяет более 140 государств с целью поэтапной либерализации мировой торговли.

Переговоры о вступлении в ВТО с разным успехом ведут Албания, Алжир, Андорра, Армения, Азербайджан, Босния, Китай, Грузия, Иордания, Камбоджа, Казахстан, Хорватия (вступила в 2000 г.), Лаос, Ливан, Литва (вступила в 2001 г.) Македония, Непал, Оман, Молдова (вступила в 2001 г.), Россия, Самоа, Саудовская Аравия, Сейшельские Острова, Судан, Тайвань, Украина, Узбекистан, Вануату, Вьетнам, Беларусь, Югославия. Не собираются вступать в ВТО лишь Экваториальная Гвинея, Эфиопия, Афганистан, Багамские Острова, Бутан, Эритрея. Иран, Ирак, Йемен, Кабо-Верде, Коморские Острова, Либерия, Ливия, Маршалловы Острова, Микронезия, Монако, Науру, КНДР, Палау, Сан-Марино, Сан-Томе и Принсипи, Сомали, Сирия, Таджикистан, Туркмения, Ватикан²⁴.

Итак, мы проанализировали влияние глобального аспекта социально-исторического развития на макроэкономическом уровне на национальные экономики, а также на ведущие субъекты глобализации — транснациональные концерны. Человек же является субъектом (активно на процесс глобализации влияют такие личности, как Б. Гейтс и Дж. Сорос) и в то же время объектом, находящимся под влиянием тенденций глобализации как в экономической, так и в политической сферах.

Глобальная политика в политической глобалистике. Понятие “глобальная политика” материализовалось во второй половине XX в., когда международные отношения втянули в свою орбиту фактически все государства. Пока еще национальные государства остаются главными субъектами международных отношений, однако им становится все сложнее учитывать объективно возрастающую роль наднациональных объединений, транснациональных корпораций, разнообразных международных организаций. Сегодня мы являемся свидетелями интенсивно развивающейся экономической интеграции, которая неминуемо влечет за собой определенные формы глобальных политических союзов и объединений.

С. Тэлбот, бывший советник экс-президента США Б. Клинтона, еще в середине 1990-х гг. заявлял о “конце внешней политики и рождении

мировой политики”²⁵. Здесь, как и в сфере глобальной экономики, эксклюзивным лидером являются США, которые, не успев еще до конца закрепить плоды победы в первой “холодной войне”, торопятся начать и быстро завершить вторую с целью надолго закрепить руководящую глобальную роль США без реальной “горячей войны”²⁶. Сделать это администрация Дж. Буша пытается через проект национальной противоракетной обороны, который должен решить задачу обеспечения глобального стратегического военно-политического и технологического преимущества Соединенных Штатов и стимулировать американскую экономику.

Пока, как подчеркивает С. Хантингтон, современная система международных отношений является гибридом и сочетает однополярность и многополярность — в ней господствуют сверхдержава и несколько ведущих держав. США могут в одиночку заблокировать действия одной или нескольких региональных держав, но не в состоянии без поддержки других ведущих мировых держав решать ключевые международные проблемы²⁷.

Будущая “многополюсная” система международных отношений формируется также группой государств регионального уровня влияния. Свидетельством этого является объединение в 1998 г. мусульманских государств — Бангладеш, Индонезии, Малайзии, Пакистана, Ирана, Турции, Египта, Нигерии в “развивающуюся восьмерку”, которая по существу является противовесом “восьмерке” ведущих индустриальных стран мира. Правда, государства, пытающиеся создать подобную альтернативу, сами разъединены противоречиями (Бангладеш в 1971 г. вела войну за независимость от Пакистана, Турция как цивилизационно рубежная страна, являющаяся членом НАТО и стремящаяся в ЕС, имеет региональные проблемы с Ираном, Египет и Нигерия конкурируют за лидерство на Африканском континенте) и до сих пор еще не сформулировали конструктивную интеграционную программу действий²⁸.

Западный, или трансатлантический, мир в условиях политической глобализации также оказался перед вызовом своих нерешенных проблем. Европейский Союз выводит политический процесс на наднациональный уровень, и такая тенденция остро ставит проблему обеспечения демократических норм общественной жизни. Со времени Великой французской революции 1789–94 гг. именно национальное государство в диалектическом взаимодействии со структурами рожденного в Европе гражданского общества создавали гарантии соблюдения прав человека. Теперь, как отмечает Ф. Фукуяма, “глобализация конкурирует с либеральной демократией”²⁹.

Формирование объединенных региональных рынков труда, поиск лучшей доли стимулирует значительные потоки иммигрантов, которые все

больше напоминают времена великого переселения народов начала христианской эры. На рубеже XXI в. Европейский Союз оказывается в исторической роли Западной Римской империи начала нашей эры, когда у ворот богатой высокоразвитой цивилизации стояли племена варваров, готовые раствориться в этой структуре, придав ей новое качество. В этой ситуации под вопросом могут оказаться расширение демократического процесса, создание прозрачной процедуры принятия решений, расширения прав граждан.

США, которые настойчиво отказываются передавать даже часть национального суверенитета международным структурам (вспомним отказ передать американские войска под командование миротворцев ООН), также имеют внутривосточные проблемы. Выборы 43-го президента США показали несовершенство формально демократической избирательной системы прошлой эпохи в условиях политического процесса постиндустриального общества.

Формирование новой системы коллективной ответственности эпохи глобализации находится еще в начальной стадии. Внутривосточная “политическая корректность” в развитых государствах, к сожалению, на международной арене не является общепринятой нормой.

На рубеже XXI в. активизировалась дуга нестабильности от Балкан через Кавказ, Ближний Восток до Южной и Юго-Восточной Азии. В этих исторических условиях вопрос об угрозе столкновения цивилизаций становится проблемой осознанного выбора политическими лидерами и элитами ответов на вызовы других культур³⁰.

Миражи социокультурной глобализации. В глобальном диалоге цивилизаций политическое партнерство изначально осложнено социокультурной проблематикой, целостность и уникальность каждой цивилизации ставят естественные барьеры на пути к диалогу³¹. Еще одним препятствием к этому являются результаты социально-исторического развития, которые, как никогда, пестрят контрастами.

Страны авангарда и их народы, похоже, уже сполна испытали прелести нарождающейся эпохи постиндустриальной цивилизации, когда знание и информация становятся ведущими экономическими факторами. В то же время сохраняется и даже увеличивается технологическая и вследствие этого социально-культурная дистанция между авангардом и периферией новой глобальной ойкумены. Тем самым генерируются и новые противоречия, выходящие за рамки прежних представлений о социально-классовых различиях.

Примерами такого рода противоречий являются конфликты между целями и средствами индустриальной и постиндустриальной эпох общественного развития, в частности конфликты между их стратегиями (постиндустриальной экономической стратегией, генератором которой стал

информационно-инновационный сектор экономики, и традиционной — экстенсивно-индустриальной) и технологиями, порождающими дискуссии относительно “парникового эффекта”, “деиндустриализации неэффективных национальных экономических систем”. Не лишены оснований и растущие противоречия между формирующимися полюсами богатства и бедности глобализирующегося мира.

Процесс глобализации предопределяет появление новых форм организации социальных процессов и новых ценностных ориентиров. Открытый Великой французской революцией путь “социального модерна” и интернационализации новых общественных возможностей был направлен на то, чтобы сделать универсальной (идеальной) историческую судьбу большинства наций. Национальное развитие стран в этой парадигме было ориентировано на формирование единого экономического, политического и культурного пространства во главе с титульной нацией. Устойчивость общественной системы обеспечивал соответствующий нравственный императив. Такое интернационалистское содержание национальной идеи в целом обеспечивало способность народов к выживанию. При этом проблем с национально-культурной самоидентификацией народов, как правило, не возникало.

Принципиально иной становится ситуация, начиная со второй половины XX в., когда интенсивно формируются такие наднациональные интеграционные структуры, как Европейский Союз. Ярким свидетельством тому стала развертывающаяся ныне в странах — членах ЕС общественная дискуссия о судьбе демократии в условиях размывания национального суверенитета и о передаче полномочий от властных национальных институтов к наднациональным органам власти. Хотя формирование Соединенных Штатов Европы большинством европейских народов и их политических элит признается утопией, тем не менее, даже в гипотетически политически единой Европе на основе ментальности как исторически обусловленной специфики мышления представителей разных стран и культур еще длительное время будут сохраняться социетальные социокультурные границы.

Личность в евро-трансатлантическом сообществе все более обособляется от социума, создавая с помощью инновационных коммуникационных систем собственный, выходящий за рамки национальных государств, Космос. Одновременно индивид становится основным производителем интеллектуальной информации, все более претендуя на самостоятельное и независимое от государства и социальной группы позиционирование в мировом пространстве. В результате интересы атономизирующейся личности вступают в имманентный конфликт с более традиционными интересами и ценностями, которые консолидируются в формате нации.

В условиях глобализации, проявляющейся в нынешних экономических, политических, культурно-информационных преобразованиях и социальных изменениях в мире, отношение к национальным меньшинствам становится индикатором способности того или иного государства адаптироваться к вызовам растущей иммиграционной активности неевропейских народов. Их перемещение в Европу, переживающую симптомы демографического кризиса, не только становится важным внутривнутриполитическим фактором в каждой конкретной стране Европейского Союза, но и определяет возможности конкурентоспособности этих стран на нынешнем этапе социально-исторического развития.

Наиболее сложным вопросом в дискурсе глобалистики является проблема сохранения религиозной и национальной идентичности, в центре которой находится перспектива социокультурной унификации современных локальных цивилизаций. Большинство исследователей признают, что именно в ментальной сфере процесс глобализации развивается наиболее медленно. И это не случайно. Социокультурная сфера, как молекула ДНК, сохраняет генетические основы самобытности и жизнестойкости цивилизаций. Конечно, можно говорить о том, что интенсивные процессы глобализации будут порождать унификацию по примеру быстрой гендерной унификации, когда стираются различия между социальными функциями полов и формируется нечто среднеполое — “оно”.

Экспансия массовой культуры (точнее, массового бескультурья) пока еще не привела к мутации ментального кода имманентного развития ведущих локальных цивилизаций. Некоторые из них реагируют на этот агрессивный процесс вспышками фундаментализма, выраженного в своих крайних формах практикой правления движения “Талибан” в Афганистане. Христианство, в целом, примирилось с массовой культурой, которая все больше становится объектом идолопоклонства. Мусульмане видят в этом фактическое возвращение в язычество, тем самым ислам претендует на роль единственной истинной религии, способной сохранить для человечества монотеистическую перспективу. Именно поэтому унификация мировых религий на аксеологическом — ценностном уровне сегодня представляется невозможной.

Понятно, что до тех пор, пока будут сохраняться природно-географические, ландшафтные, климатические различия, тотальная унификация в обозримом будущем локальным цивилизациям и соответствующим мировым религиям не грозит. Однако тенденция к этому, вероятно, будет усиливаться.

Глава 13. Интернационализация и реальная глобализация

Современная наука глобалистика, равно как и исследуемый ею процесс глобализации, все еще, как мы подчеркивали в предыдущей главе, находится практически в начальной стадии своего развития. Естественно, еще не сложилось достаточно четкое понимание этого сложного социального феномена, в том числе его характерных признаков, территориальных и других специфик. Практически плохо изучен вопрос сочетания (интерференции) общих тенденций глобализации и отдельных политических, экономических, культурно-исторических особенностей развития индивидуальных и коллективных членов мирового сообщества.

В научной литературе, посвященной данной проблематике, в целом сохраняется разногласия относительно характера и тенденций глобализации, соотношения таких ключевых понятий, как интернационализация и универсализация, Модерн и Постмодерн. Преобладающими, можно сказать, становятся модные стилистические подходы академической и пропагандистской критики глобализации в рамках концепций различных по сути антиглобалистских подходов³².

При этом все еще открытыми остаются вопросы соотношения между интернационализацией и глобализацией в рамках социально-временных координат Модерн — Постмодерн.

Однако, учитывая неравномерность развития модернистских и постмодернистских тенденций, в том числе в различных сферах социальной жизни, названная проблема представляется методологически еще более сложной. В целом пока лишь можно сказать, что на нынешнем этапе социально-исторического развития о Постмодерне правомерно говорить лишь как о его преддверии, что находит свое выражение в сфере социально-гуманитарного знания и в некоторых других сферах общественной жизни.

Постмодернистские тенденции в глобальном масштабе представляются социальной практикой более отдаленного будущего, ведь опыт мировой истории свидетельствует, что социально-историческое время начала Модерна

для каждой локальной цивилизации различно. Например, началом Модерна локальной западноевропейской цивилизации можно считать средину XIX в. (период европейских революций 1848–49 гг.), локальной восточнославянской цивилизации — начало XX в. (период революций 1905–17 гг.), локальной даосско-конфуцианской или китайской цивилизации — середина XX в. (1949). В целом, похожую картину, по крайней мере относительно социально-исторической последовательности ключевых событий, мы наблюдаем в становлении времени “после современности”.

Используя авторскую социально-историческую модель универсального эпохального цикла, можно уточнить весьма существенные теоретические и прогностические вопросы, относящиеся к названной проблематике. В частности, это касается определения периода предыстории глобализации.

Основатель теории мир-системы И. Валлерстайн, обобщая различные исторические концепции, пишет о XIV-XV вв. как об исторической эпохе рождения современной капиталистической мир-системы. Для этого понадобилось совпадение многих уникальных условий, связанных с началом великих географических открытий и ослаблением универсальных империй прошлого — Китайской, Индийской. Немалую роль сыграло тогда и противостояние (Тридцатилетняя война) между католиками и протестантами в Западной Европе, не позволившее оформиться единой достаточно универсальной геополитической силе, способной выстроить систему имперского доминирования. Спасало, правда, то, что две империи — Российская и Османская, борясь между собой, в значительной степени отвлекались от тотальной экспансии в Европу. Благодаря всему этому, западноевропейцы получили уникальную возможность создать капиталистическую мир-систему, построенную на принципах и механизмах колониальной зависимости³³.

“Родовой чертой” новой капиталистической мир-системы стала универсализация. Впервые в истории названная тенденция проявлялась не столько в существовании универсальных империй древности, таких как Ассирийская, Персидская, Римская, Китайская, Вавилонская, сколько в развитии новых универсальных, прежде всего социально-экономических, отношений, связанных с началом формирования мирового рынка и поистине глобальной структуры каузальных зависимостей во всемирной истории.

Таким образом, созданная европейская колониальная система стала фактически предшественницей нынешней исторической ситуации существования богатейшей части глобальной цивилизации — так называемого “золотого миллиарда” — и двух третей нищих народов, живущих преимущественно в системе локальных маргинальных цивилизаций.

Накопленные во времена колониализма преимущества экономической капитализации и политического структурирования западноевропейских

общественных систем стимулировало становление идеологии “прогресса” и монополию западных народов на современность — Модерн. Ярким носителем новых тенденций стали США, чье развитие началось как бы с “чистого листа” истории на землях, “освобожденных” от краснокожих и свободных от традиций “старого” феодального режима, в значительной степени противостоящих формированию новых тенденций в Европе. Этим, возможно, объясняется пионерский характер американской буржуазно-демократической революции периода войны за независимость США (1775–83), которая значительно опередила европейские буржуазно-демократические революции (1848–49), однако так и не сумевшей затмить “славу” Великой французской революции (1789–94), ставшей символом нового исторического времени.

В XIX в., в целом, сохранялось представление об “универсальности исторического прогресса” и о том, что сегодняшний день наиболее “развитых” народов представляет собой день завтрашний народов “отсталых”. Эти идеологемы вошли в философскую систему О. Конта и К. Маркса и реально определяли “диагноз времени” на протяжении всего XX в. Подхваченные восточными локальными цивилизациями, они, равно как и идеи Великой французской революции, существенно дополнили культурное пространство модернизации опытом построения мировой системы социализма.

Выйдя из недр эпохи Просвещения и фундаментальных открытий, пережив опыт капитализма и социализма, универсального образования и индустриализации стран, модернизация радикально изменила систему международных отношений, создав наднациональные международные организации. Вместе с тем она подготовила современное мироощущение человека и его представление о временных и пространственных ограничениях универсальной и интернациональной коммуникации. Сформированное в условиях локальной западноевропейской цивилизации новое постмодернистское мышление все активнее входит в противоречие с традиционным современным мировоззрением большей части населения стран мира. Это порождает в мировом общественном мнении ощущение экспансии (вестернизаторской сущности) современной международной политики, во многом находящейся под влиянием локальной западноевропейской (скорее американской) цивилизации. С нашей точки зрения, вряд ли можно ожидать в перспективе бесконфликтное сосуществование появившихся у человечества качественно новых научно-технических средств и традиционных, универсальных по своей природе отношений (политических, экономических, культурных).

Новый социально-исторический смысл приобретает с завершением эпохи Модерна феномен войн. Возникнув в эпоху становления государственности как средство защиты государства в межгосударственных отношениях, войны в условиях формирования глобального сообщества все чаще

декларируются политиками как фактор и “двигатель социального прогресса”. Вместе с тем все отчетливее (по крайней мере, в своем социально-психологическом содержании) войны трансформируются из войн межгосударственных в войны гражданские, мало в чем отличные от трайбалистских (межплеменных) разборок. Можно сказать, что вследствие реализации интернационального характера завершающейся социально-исторической эпохи войны приобретают глобальный характер. Они играют роль своеобразного катализатора мирового процесса, обеспечивающего ускорение модернизации и выхода за “пределы современности” всех народов и локальных цивилизаций. В этом смысле XX в. отличился тремя мировыми войнами — двумя “горячими” и одной “холодной”.

Итак, в парадигме достижения пределов “модернизации” Восток получил право становиться Западом, но не наоборот. Однако, начиная с откровений представителей Римского клуба, сделанных в середине 1970-х гг., стало ясно, что уровня жизни развитых государств Запада “развивающийся мир”, в принципе, достичь не должен, поскольку это может привести к экономическим, экологическим и иным “пределам роста”. Поэтому на завершающем этапе “холодной войны” ведущие государства Запада начали фактически отказываться от идеи дальнейшей “универсализации исторического процесса”, понимаемой не как экспансия американской массовой культуры в глобально-тотальном масштабе, а как идеал Просвещения, связанный с равными стартовыми условиями развития для всех государств. Теперь американские социальные мыслители, такие как С. Хантингтон, стали внедрять в общественное сознание, прежде всего научных кругов, идею не универсальности, а уникальности западного исторического пути.

В XX в. монополизация западом технологий, определяющих темпы научно-технического прогресса, размыла представление об “универсальности прогресса”, который через систему патентов, тарифов Всемирной торговой организации и под вооруженной охраной того же Североатлантического альянса (НАТО) все больше становится прерогативой евроатлантического ареала глобальной цивилизации. Тем самым темпы процесса универсализации для ряда стран и регионов мира во многом стали зависимы от возможности национальной политической элиты этих стран принимать равноправное участие в делах мирового сообщества. Рассматривая интернационализацию как завершающийся этап универсализации, сегодня правомерно говорить лишь о преддверии глобализации, черты и особенности которой сполна проявятся лишь в отдаленном будущем, с развертыванием эволюционного периода универсального эпохального цикла в истории развития человечества.

С точки зрения разрабатываемого авторами подхода нынешнее “универсальное государство” (по определению З. Бжезинского) США оказывается

в чрезвычайно сложной ситуации, когда предоставляемые научно-техническим прогрессом инструментальные возможности превосходят его культурные ограничители и с ростом геополитических амбиций начинает усиливаться ощущение всемогущества и вседозволенности. Формируется представление о мире как неисчерпаемом источнике ресурсов и объекте покорения. Эйфория успеха создает нетерпеливое ожидание все новых побед. Близость желанных целей усиливает эмоциональное напряжение, но обратно пропорционально при этом снижает размерность сознания, уменьшает когнитивную сложность политического субъекта. Мышление последнего примитивизируется, проблемные ситуации видятся им упрощенно, в то время как объективно с ростом технологических возможностей задача сохранения социальной системы наоборот становится более сложной³⁴.

Ситуация для США усложняется еще и тем, что глобализация как новый этап мирового развития существенно ускоряет интернационализацию всех сфер общественной жизни³⁵, стимулируя тем самым “вызревание” (экономическое, политическое, культурное) индустриальной фазы развития стран “третьего мира”, готовых пополнить число участников глобализирующегося мирового сообщества. Все это делает мир крайне неустойчивым, непредсказуемым. С другой стороны, в силу характерных для социальной природы процессов саморегуляции и ее относительной устойчивости можно сказать, что нынешняя тенденция роста числа стран — участников постмодерного (эволюционного) мира непременно приведет к полярной тенденции — появлению модерного (инволюционного) мира. В этом смысле современный этап предьстории “реальной глобализации” как нового эволюционного периода разветвления универсального эпохального цикла может одновременно рассматриваться и как момент зарождения волны “постмодерна”, и как возникновение в ее недрах “второго модерна”. Последний, вероятнее всего, следует искать среди стран западноевропейского социокультурного ареала, переживших трансформационные преобразования в период Великой депрессии 1929-34 гг. Уже сегодня есть немало свидетельств тому, что США практически находятся в преддверии “второго модерна”.

Правда, следует признать, что разрабатываемая в рамках исторической социологии идея “второго модерна” подвергается сегодня серьезной критике. Например, профессор социологии университета Бамберга (Германия) Р. Мюнх считает ее лишь теоретическим гипотетическим построением³⁶.

И все же в рамках определяющей и долговременной перспективы мирового исторического развития глобализация может рассматриваться “как движущая сила перехода от одного типа общества к другому — от Модерна к Постмодерну, от индустриального к постиндустриальному обществу в соответствии с порядком”³⁷. Его символом, вероятно, будет глобальное общество,

которое в форме новых полисов, связанных между собой сетью коммуникаций, придет на смену национальному государству.

Становление глобальной цивилизации, как мы уже отмечали, сопровождается унификацией и стандартизацией моделей развития культуры. Национальная культурная традиция провозглашается адептами глобализма устаревшей. Однако, оставаясь фундаментом исторической традиции и ценностных систем социального контроля, национальная культура сохраняет свое значение и, как нам представляется, каждый раз будет заявлять о своем существовании в период социальных кризисов. Нынешние вспышки национализма и религиозного фундаментализма, поддерживающие различные формы терроризма, являются зримым воплощением кризиса глобального социального развития.

Иницируемая лидерами мировой политической элиты нынешняя “антитеррористическая кампания” приобретает черты глобальной по своей масштабности попытки консолидировать различные национальные интересы перед лицом угрозы “международного терроризма”. Вместе с тем, чем дальше, тем прочнее антитерроризм занимает высвободившуюся идеологическую нишу антикоммунизма как главного врага “свободного мира”. После распада СССР и социалистического мира, ухода с мировой политической арены идеологии “советского коммунизма” их место занял мусульманский мир. Став предвестником “конца истории” (по Ф. Фукуяме), он нуждается во внедрении западной модели “демократизации”.

С расширением круга участников международных отношений, нарастанием проблемы национальной и государственной идентичности, возникновением новых региональных центров силы, процесс интернационализации приобретает все большую хаотичность.

Нынешний этап достигшей своего предельного значения интернационализации формирует новые сетевые региональные коммуникации. При этом традиционные универсальные международные организации, такие как ООН, теряют свое приоритетное влияние на глобальные процессы. Реальная власть постепенно переходит на региональный уровень. А вместе с ней расширяется сеть локальных конфликтов и кризисов.

Расширение числа участников таких организаций, как НАТО и ЕС, кроме чисто технических проблем функционирования механизмов принятия решений, порождает структурно-функциональные конфликты. Пока не разработана проблема разделения сфер компетенции между США и ЕС на международной арене. Классическое понимание “раздела” сфер влияния, охарактеризованного в начале XX в. В. Лениным как стадия империализма, нуждается в существенном пересмотре, ибо таких зон приоритетных интересов на всех заинтересованных субъектов “многополюсного мира” уже явно не хватит.

В этом контексте формирование “мирового правительства” как инструмента разрешения глобальных противоречий выглядит, по крайней мере, говоря словами Хайека, как “пагубная самонадеянность”. Даже в соответствии с начальными знаниями в области организации управления, эффективность управленческих решений для сложной системы, принимаемых из одного центра власти, снижается по мере структурного и функционального усложнения объекта управления. Кроме того, процесс согласования противоречивых интересов различных “коалиций” и “групп влияния” в таком “мировом правительстве” не отработан, как не разделены в нем сферы компетенции и ответственности.

Итак, циклический по своей форме трансформационный период потребует определенной работы Хроноса, которая, несмотря на “сжатие” социально-исторического времени, может хронологически вложиться в первую половину XXI в.

При этом тенденция универсализации будет поддерживаться главным образом технологическими инновациями. Их специфика состоит в постепенном исключении человека из системы “человек-машина”. Если на индустриальной стадии исторического развития, человек, находясь в системе машин, не только управлял ими, но и был ее частью, то на новой постиндустриальной стадии человек постепенно выводится за пределы системы управления машинами. Например, в системе национальной противоракетной обороны США, развертывание которой фактически началось, решения об ответе на атаку будет принимать “машинный интеллект”. Не исключено, что “предел универсализации” будет поставлен штамповкой “человеческих” клонов, осуществляемой с использованием конвейерного метода компьютерами и роботами.

Процесс универсализации и интернационализации в глобальном масштабе “внедряет” новое язычество как форму религиозного плюрализма внеконфессиональной и внецерковной религиозности. Формирующаяся глобальная цивилизация в значительной степени безрелигиозна³⁸. Причем если в западно-христианской цивилизации достаточно интенсивно происходит процесс “дехристианизации” повседневной жизни, то в государствах исламского ареала, наоборот, актуализируется монотеистическая направленность веры. Однако обе эти тенденции в своем крайнем выражении влияют на дегуманизацию современной цивилизации.

Выживание гуманистической традиции в новую историческую эпоху “реальной глобализации” будет зависеть от перспектив нового “осевого времени”. Его черты, если их рассматривать не в эсхатологическом или эзотерическом контекстах, просматриваются расплывчато. Однако содержательный момент нового “осевого времени” в условиях глобального хаоса будет определяться задачей сохранения Души Человека.

Глава 14. Архетипы мировых религий и глобализация

Проблема соотношения духовного и материального начал человеческой истории, духовного и материалистического видения мира постоянно находится в поле зрения философской мысли. При этом в разные эпохи доминировал то один, то другой тип понимания и культурной рефлексии на уровне индивидуума, социальных групп, отдельных народов, стран, регионов и человечества в целом. Однако от эпохи к эпохе все более настойчиво нарастало непонимание губительности для человечества одностороннего видения мира. В начале XXI в. непонимание того, что экономическое поведение обусловлено сознанием и культурой, приводит к распространенной ошибке, когда даже идеальные по своей природе явления пытаются объяснять материальными причинами, хотя глубинные процессы истории обусловлены событиями, происходящими в сознании³⁹. Можно подчеркнуть, что эти явления, скорее всего, происходят в подсознании, поэтому мировой исторический процесс, с точки зрения рационального постороннего наблюдателя, часто представляется лишенным смысла.

Именно на подсознательном уровне формируется психология человеческой религиозности, формообразующей основой которой являются различные архетипы. Это понятие введено в науку К.-Г. Юнгом, который определял архетип как нерациональное бессознательное. Под бессознательным он понимал неличную душу, общую для всех людей, даже если она выражает себя посредством индивидуального сознания. Архетипическое сознание проявляет себя, прежде всего, посредством метафор. Архетипы не только распространяются традицией, языком и миграцией, но спонтанно возникают в любое время, в любом месте, без какого-либо внешнего влияния⁴⁰. Иными словами, архетип — это зафиксированный коллективным бессознательным культурный стереотип, влияющий на человеческое поведение и историю человечества.

К. Ясперс подчеркивает, что “историчность — это преобразование явления в сознательно проведенных смысловых связях”⁴¹. Именно такую масштабную картину мировой истории предложил О. Шпенглер. Созданная им

морфология истории, по сути, является одной из первых попыток показать корреляцию между развитием мировой истории и идеей архетипа.

“Культура рождается в тот момент, — писал О. Шпенглер, — когда из прадушевного состояния вечно младенческого человечества пробуждается и отслаивается великая душа, некий лик из пучины безликого, нечто ограниченное и преходящее из безграничного и пребывающего. Она расцветает на почве строго отмежеванного ландшафта, к которому она остается привязанной чисто вегетативно. Культура умирает, когда эта душа осуществила уже полную сумму своих возможностей в виде народов, языков, вероучений, искусств, государств, наук, и таким образом снова возвращается в прадушевную стихию”⁴².

У каждой культуры, таким образом, есть своя собственная цивилизация. В свою очередь цивилизация — это неизбежная судьба культуры. Переход от живой культурной традиции к мумии европейской цивилизации, с точки зрения О. Шпенглера, повторяется дважды — в период Античности (IV в.) и в период Модерна (XIX в.). В этом смысле можно говорить о локальной цивилизации, под которой понимается часть мирового цивилизационного пространства, включающая группу народов, этносов, государств, отличающихся общностью духовных, культурных, этнических, религиозных ценностей, исторических судеб и геополитических интересов⁴³.

А. Тойнби выявил 47 таких цивилизаций трех поколений. Из них живыми являются: западная, православно-христианская, исламская, индуистская и дальневосточная. Каждая цивилизация идентифицируется как связанная с определенной мировой религией: западная цивилизация — с христианством католического обряда и протестантского направления; православно-христианская — с православным обрядом; исламская — с исламом; индуистская — с индуизмом и буддизмом; дальневосточная — с конфуцианством и буддизмом. Эта типология мировых цивилизаций является более логичной, нежели предложенная С. Хантингтоном, выделившим восемь живых цивилизаций — западную, конфуцианскую, японскую, исламскую, индуистскую, православно-славянскую, латиноамериканскую и африканскую⁴⁴.

Можно попытаться описать с помощью архетипов мировых религий индуистскую, конфуцианско-буддистскую, западную, православно-христианскую и исламскую цивилизации. Первоначальный архетип каждой из мировых религий — индуизма, буддизма, христианства, ислама — зафиксирован в Священных Книгах. Однако он сформировался на основе восьми этических систем: брахманизма или индуизма, джайнизма, буддизма, конфуцианства, зороастризма, иудаизма, христианства и ислама.

Можно выделить религиозные системы, формировавшиеся восточнее и западнее горного хребта Гиндукуш. Соответственно Божество западных

религий “открыто истории”, персонифицировано, а восточные религиозные системы вообще не имеют монотеистического Божества в западном смысле⁴⁵. Это принципиальное архетипическое отличие изначально осложняет процесс формирования механизма межкультурного диалога и взаимодействия. Существенно влияет на эту коммуникацию также исторический социокультурный возраст каждой из мировых религий и соответствующих цивилизаций.

Поскольку архетип (как феномен человеческого бессознательного) проявляется в культуре и религии, то, очевидно, ему присуща и определенная социально-историческая динамика. Этой динамике межкультурного взаимодействия присущи определенные закономерности. Если сформулированная гипотеза будет верифицирована, мы сможем получить ценный научный инструментарий для прогнозирования развития современных глобализационных процессов.

Человеческая цивилизация как сложная живая система, структурные элементы которой постоянно изменяются, интегрирована в еще более сложную систему различной иерархической соподчиненности — от космических циклов до циклов жизнедеятельности поколений и отдельных личностей.

Развитие архетипов мировых религий в модели универсального эпохального цикла. Следует подчеркнуть, что на нынешнем этапе развития социологии преобладает представление о неизменности архетипических характеристик субъектов, тем самым априори теоретические модели, построенные на основе этого постулата, теряют характеристику социальной динамичности.

Мы придерживаемся принципиально иной точки зрения, которая состоит в признании историчности архетипов, следовательно, и их трансформации в процессе развития общественного организма. С помощью этого подхода, естественно, сложнее описать характеристики мировых религий, в значительной степени связанных с архетипами мировых цивилизаций.

Итак, согласно статичной модели архетипов социетальные характеристики представлены следующим образом: индо-буддистская цивилизация раскрывается через приоритет благоговения перед жизнью; конфуцианская характеризуется преобладанием этико-центристского подхода и в то же время готовностью к интерпретации традиционных ценностей в духе времени; западная цивилизация идет Римским путем; православная — это путь зачарованного странника; ислам — путь воинов Аллаха⁴⁶.

С другой стороны, в качестве научной гипотезы можно предложить концепцию динамичной модели архетипов цивилизаций и мировых цивилизаций. Прежде всего, опишем возможную корреляцию между периодами (фазами) развития цивилизации, рассматриваемого с позиций модели универсального эпохального цикла, и социетальными характеристиками цивилизации как социальной системы.

Полученные авторами в кризисном постсоветском пространстве экспериментальные данные дают основание солидаризироваться с мнением психодиагноста Г. Айзенка, который рассматривал индивидуально-психологические свойства людей как систему скоррелированных между собой психологических черт. Экстраполяция этого положения на цивилизационный организм дает основание для нижеизложенных утверждений. Для периода революции, равно как и для периода коэволюции (для которых характерен, в целом, системный кризис), вряд ли вообще возможно говорить о какой бы то ни было определенности. Тут скорее можно говорить о флуктуациях как о состоянии динамичного (меняющегося) равновесия и, следовательно, о размытости качественных характеристик рассматриваемой социальной системы.

Для инволюционного периода развития цивилизации (по Г. Айзенку) характерными качествами будут экстраверсия, эмоциональность, иррациональность, интуитивность, экстернальность, экзекутивность. Для периода эволюции — интроверсия, прагматичность, рациональность, сенсорность, интернальность, интенциональность. При этом если для критических точек развития можно сказать, что цивилизационная поведенческая реакция, в целом, непредсказуема, то с такой же уверенностью можно предположить, что наибольшая интенсивность социокультурного обмена присуща социальным системам, находящимся в эволюционной стадии развития. Понятно, что социальный организм, находящийся в инволюционной стадии развития, будет крайне невосприимчив для восприятия такого внешнего социокультурного влияния в силу своей имманентной закрытости.

В контексте предложенного авторского подхода каждая мировая религиозная система проходит в своем развитии соответствующие этапы универсального эпохального цикла, которые можно теоретически с помощью системы показателей верифицировать.

Начнем наш анализ с Восточной религиозной традиции, которая далека от персонификации Божества и обостренного чувства исторического бытия. Многие называют *индуизм*, *буддизм* и *конфуцианство* внеисторическими религиозными системами, которые имеют специфический масштаб исторического времени, либо вообще не связаны с хронотопом, а ориентированы на идею кармического цикла превращений живых существ. Родоначальником такой религиозной системы является брахманизм.

Индуизм — это, так сказать, географическое определение брахманизма. Именно “индусами” стали называть брахманов мусульмане после исламского завоевания Северной Индии. Ортодоксальный индуизм — это, по сути, религия брахманов. Казалось бы, это должна быть по определению национальная религия индусов, а не мировая религия, однако в действительности буддизм является своеобразным “экспортным вариантом” индуизма.

Этические системы буддизма и индуизма так же соотносятся между собой, как Новый и Старый Завет в христианстве, поэтому мы говорим об индобруддистской цивилизации с таким же полным правом, как и об иудео-христианской.

Эпохальные циклы развития индуизма можно представить следующим образом. Истоки религиозного учения уходят далеко в глубь веков, к еще доарийскому периоду, когда территория Северной Индии в 3000 г. до н. э. была завоевана арийскими племенами. Фактически это был революционный этап первого эпохального цикла. В это время формировался архетип вероучения — представления о бесконечности мира, о бессмертии человеческой души, о карме, о неидентичности жизни и бытия. Брахманизм оформился как кастовая религиозно-социальная система.

Инволюционная фаза первого эпохального цикла (в индуистской традиции это ведийский период) связана с адаптацией этого религиозного учения к арийским завоевателям. Осмысление брахманизма и его архетипические основы зафиксированы в Упанишадах (800 г. до н. э.).

Козволюционный этап цикла идентифицируется с формированием синтетического Пантеона индуизма, объединившего арийских и брахманских божеств. Также для него характерен начальный этап формирования буддизма. Заканчивается этот этап примерно на рубеже начала христианской эры.

Эволюционный этап цикла связан с классическим периодом в развитии буддизма и индуизма (примерно до 1000 г. н. э.), когда классический санскрит был распространен по всему Индостану. В это время записаны эпосы “Махабхарата” и “Рамаяна”. Буддизм в форме двух религиозных учений — “Малой колесницы” и “Большой колесницы” — распространяется от Тибета до Шри-Ланки.

Революционный этап второго эпохального цикла для индуизма и буддизма начался примерно со времени мусульманского завоевания Северной Индии (XIII в.), когда индусам приходилось адаптироваться к религии завоевателей, рассматривавшей индусов и буддистов как “неверных”, не верующих в единого Бога Аллаха.

Инволюционный этап второго цикла связан с британским правлением в Индии (1498–1947), когда туземные верования не принимались в расчет колонизаторами. Козволюционный поворот в развитии индуизма фактически происходит после обретения страной полной независимости и раздела Британской Индии по религиозному принципу (в 1947 г. создано мусульманское государство Пакистан). Кашмир становится зоной индусо-мусульманского противостояния. В 1990-е гг. после поражения на выборах Индийского национального конгресса индуизм стал политическим феноменом.

Религиозная индуистская партия Бхаратия Джаната с 1994 г. возглавляет правящую коалицию. Фактически на рубеже XXI в. для индуизма и буддизма актуален эволюционный этап второго эпохального цикла.

Архетип *китайской религиозной идеи*, также как и индийской, формировался в глубокой древности. Основой китайского мировосприятия стало представление о гармонии небесного, земного и человеческого. Определился также “гендерный подход” в виде архетипических представлений о мужском начале “янь” и женском начале “инь”.

Формализация китайской религиозной системы так же, как и индийской, традиционно связывается с деятельностью основателя даосизма Лао-Цзы и основоположника конфуцианства Конфуция (VI–IV в. до н. э.). Фактически это был революционный этап первого эпохального цикла. Конфуцианство в своей классической форме было и остается, прежде всего, этическим учением, проповедующим активную позицию человека в его стремлении достичь совершенства. Даосская традиция больше связана с учением о недеянии. Еще одной особенностью китайской религиозности является принципиальная возможность для китайца одновременно быть даосом, буддистом и сторонником этической системы Конфуция.

Инволюционный этап первого эпохального цикла развития китайских религиозных систем охватывает период от IV в. до н. э. до IV в. н. э. На рубеже христианской эры вживаться в китайскую цивилизацию пробовали христианские проповедники-несториане, мусульманские завоеватели, однако в инволюционной фазе эти попытки были обречены на провал.

Коэволюционный этап идентифицируется с периодом нестабильности в Поднебесной, борьбой местных царств. Эволюционный этап развития китайских религиозных учений связан с расцветом средневековой китайской культуры периода домонгольского завоевания (XIII в.) и продолжался фактически до XVII в., когда на императорском троне снова сменилась правящая династия, на этот раз Маньчжурская, правившая Китаем в 1644–1911 гг., до Синьхайской революции.

Примерно с начала XX в., со времени так называемых “боксерских восстаний” против колонизации Китая, идентифицируется революционный этап второго эпохального цикла. Образование в 1949 г. коммунистической Китайской Народной Республики можно считать началом инволюционного периода этого этапа эпохального цикла, который остается актуальным и на рубеже XXI в.

Таким образом, основное архетипическое отличие индийской и китайской религиозных систем от зороастрийской, иудейской, христианской и исламской религиозных традиций состоит в отсутствии веры в персонифицированное Божество, связанное с историческим процессом — началом и концом мира.

Проанализируем этапы развертывания универсального эпохального цикла для *христианства*. В основе архетипа развития христианства положена идея Божьего царства внутри самого человека.

Революционный этап первого эпохального цикла для этой мировой религии идентифицируется с рождением Иисуса Христа, его земным путем. Он завершается с появлением раннехристианской церковной организации примерно в III в. н. э.

Инволюционный этап связан с преследованием христиан в Римской империи, жертвенностью первых христианских общин III–IV в. Козволюционный поворот идентифицируется с признанием христианства государственной религией в Римской империи, формированием двух государственных и социокультурных центров — Западной Римской империи и Восточной Византийской империи. На западе в соответствии с доктриной Августина Блаженного (354–430) формировалась универсальная христианская церковь, которая не ориентировалась на власть слабевших императоров Западной Римской империи. На востоке, в Византии, наоборот, наблюдалось усиление имперской власти, в силу этого формировалась идеология цезарепапизма, то есть ориентации церкви на союз с государственной властью, а не на сформировавшееся на западе представление о верховенстве духовной власти над светской.

Эволюционный этап первого эпохального цикла охватывает христианизацию варварских народов, формирование новых христианских монашеских орденов, раскол церкви на вселенскую католическую и восточную православную. Фактически Западная и Восточная Римские империи теперь нашли себе преемников в лице западноевропейских романо-германских народов и славян Восточной Европы. Тем самым Христианство породило вторую родственную цивилизацию — православно-славянскую, для которой отделение от католической церкви (1024) стало, по сути, революционным этапом своего первого эпохального цикла. В дальнейшем порядок фаз циклов для католической и православной церковей фактически совпадает, однако восточная церковь объективно отстает на один полный цикл от западной, если их развитие до разделения не рассматривать как один общий цикл для двух ветвей христианства.

Однако вернемся к рассмотрению процесса развертывания эпохального цикла для *западного католического христианства*. Революционная фаза второго эпохального цикла охватывает период Крестовых походов XII–XIII вв., ставших важной вехой возрождения в Западной Европе античной культурной традиции. Инволюционная фаза второго эпохального цикла связана с усвоением новых социокультурных качеств, с апогеем развития католической церкви в сфере ее попыток установить контроль над светской властью.

Козволюционный поворот произошел с началом Реформации XVI в., он также охватывает ее антипод — Контрреформацию. Высший этап этого периода припадает на Тридцатилетнюю войну (1618–48) между католическими и протестантскими государствами, которая в основном сформировала современную политическую карту Европы. Эволюционный этап связан с постреформационным развитием католической церкви и формированием различных протестантских вероучений (квакеры, адвентисты, свидетели Иеговы, мормоны). Прибежищем этих протестантских сект стали США, тем самым заложив в фундамент американской государственности архетип мессианской богоизбранности, который почти три столетия определяет ритм развития американской истории как земного становления избранного Богом для человеческого счастья “совершенного” государства. Именно здесь следует искать истоки американского мессианского внешнеполитического курса, который после террористических атак на Нью-Йорк и Вашингтон нашел себе новое поле для деятельности в процессе глобальной войны против международного терроризма.

Революционная фаза третьего эпохального цикла для католической ветви христианства связана с событиями Великой французской революции, положившей начало секуляризационным процессам. Инволюционный период начинается с XIX в., то есть он также идентифицируется О. Шпенглером как “закат Европы”. Этот период развития цикла длился фактически до Вселенского собора 1962–65 гг., который ознаменовал собой коэволюционный поворот в развитии католической церкви в третьем эпохальном цикле. Примерно с 1978 г., начала понтификата Иоанна Павла II, можно выделить пока еще размытый и неопределенный рубеж вступления католической церкви в эволюционную фазу этого эпохального цикла, что связано с активизацией миссионерской деятельности, попытками преодолеть оскудение веры, поисками модели экуменического единства всех христианских церквей в условиях глобализации. Итак, на сегодняшний день для католической ветви христианства актуальна эволюционная фаза развития третьего эпохального цикла.

Как уже отмечалось, революционная фаза первого эпохального цикла *православной ветви христианства* связана с отделением от западной церкви и распространением на славянские народы Восточной Европы. Инволюционная фаза идентифицируется с усилением влияния Византии на религиозные вопросы в своем цивилизационном ареале. Козволюционный поворот связан с завоеванием Константинополя турками (1453) и постепенным возвышением с 1589 г. Московской патриархии. Короткий эволюционный этап развития идентифицируется с реформами патриарха Никона в XVII в., возникновением феномена раскольников-староверов, однако он заканчивается

с созданием Петром I в 1721 г. Священного Синода, установившего государственный контроль над церковью.

Революционный этап второго эпохального цикла для православной церкви начался попыткой обновления на Соборе 1917 г., он связан с мученической судьбой церкви и православной христианской веры в годы советской власти, что идентифицируются с инволюционным этапом развития православия. Козволюционный поворот связан с возрождением Веры и Церкви после краха советской власти. Итак, для православной ветви христианской религии актуальной является коэволюционная фаза второго эпохального цикла.

Ислам исторически является наиболее “юной” мировой религией. Революционный этап его развития связан с деятельностью идейного основателя пророка Мухаммеда (570–632). Его фактически завершают основные завоевания воинов Аллаха — Персии, Сирии в 638 г., Египта в 642 г., раскол мусульман на суннитов и шиитов. Окончание революционного этапа, связанного с зарождением ислама, хронологически идентифицируется через сто лет после смерти пророка Мухаммеда, а именно годом победы Карла Мартелла над арабами при Пуатье (732), что положило социокультурный предел распространению ислама в христианской Западной Европе. Контроль над Испанией арабы потеряли в 1492 г.

Инволюционный этап развития ислама связан с “остыванием” мусульман от пассионарных бросков с целью распространения веры в Аллаха. В это время закрытое мусульманское общество подверглось силовому давлению западной христианской цивилизации во время крестовых походов. Инволюционный этап также связан с осмыслением и усвоением традиций культурного мусульманского наследия. Это период творчества Авиценны, Ибн Рушда, Руми, которые сформировали высокие образцы самоидентификации верующих мусульман.

Козволюционный поворот связан с продвижением ислама на Восток. В 1206–1526 гг. он распространяется на севере Индии, расширяется влияние на Западе — в 1453 г. завоеван Константинополь и Балканский полуостров.

Эволюционный этап развития Ислама идентифицируется с самостоятельным развитием мусульманских государств до эпохи колониальных захватов европейцев, когда большинство территорий культурного исламского цивилизационного ареала оказались под контролем западных колонизаторов.

Революционный этап второго эпохального цикла развития ислама связан с попытками найти ответ на вызов модернизации, брошенный Западной цивилизацией. Формы этого ответа могли быть противоположными — от робких попыток реформировать и приспособить ислам к новым историческим реальностям до идей возврата к истинному исламу времен пророка Мухаммеда.

Фактически весь XX в. исламская цивилизация находилась в инволюционной фазе развития, поэтому попытки вестернизации, а на рубеже XXI в. — глобализации наталкиваются на джихад — вооруженное сопротивление мусульман. И это вполне нормальная реакция для нынешнего этапа развития ислама.

Итак, формирование новой социокультурной модели христианско-мусульманского взаимодействия в третьем тысячелетии должно учитывать актуальные особенности развития обеих мировых религий, ибо исторический опыт свидетельствует: период крестовых походов был связан с давлением христианской цивилизации, находившейся тогда в революционной фазе своего цикла развития, на мусульманский мир, переживавший этап закрытой, инволюционной фазы цикла. В начале XXI в. ситуация повторяется, теперь западная ветвь христианства находится в эволюционной фазе очередного цикла развития, а исламская — в несинхронной ей инволюционной фазе. Снова сталкиваются архетипы открытого и закрытого обществ.

Согласно предложенной парадигме социально-исторического анализа циклы развития мировых религий могут быть представлены таким образом:

<i>Мировая религия</i>	<i>Актуальный период цикла</i>	<i>Актуальный цикл</i>
Западное христианство	эволюционный	третий
Православие	коэволюционный	второй
Ислам	инволюционный	второй
Индо-буддизм	эволюционный	второй
Конфуцианство-даосизм	инволюционный	второй

Наиболее закрытыми для межцивилизационного диалога являются исламская и дальневосточная цивилизации, пребывающие в инволюционной стадии развертывания эпохального цикла. Поэтому не случайно развитие процесса глобализации в этих цивилизационных ареалах имеет свои существенные особенности. Мусульмане, в частности, обвиняют христиан в фактическом идолопоклонстве массовой культуре и фетишу денег, что пока является наиболее осязаемой формой глобализации.

В целом же можно констатировать, что формирующаяся Глобальная Цивилизация вступает в фазу предпоследнего цикла своего развития перед будущим Восхождением на Небеса.

Глава 15. Национальные меньшинства балканских стран в фокусе глобализации

На рубеже третьего тысячелетия, по мере вхождения новой группы стран в полосу переходных (трансформационных) процессов и начала пост-индустриального этапа их развития, в мире с новой силой заявила о себе проблема так называемых меньшинств — этнических, политических, культурных, религиозных, сексуальных и др. Корни этой проблемы уходят вглубь истории европейской цивилизации — к периоду заката Римской империи, когда ойкумена втянула в силовое поле своих интересов значительное число различных по своему этническому происхождению варварских племен. Этот процесс продолжался до тех пор, пока латиняне не стали меньшинством в море иных народов.

В средневековой Европе довольно остро стояла проблема отношения к евреям, а значительно позже, во времена национал-социалистической диктатуры в Германии (1931–45), она переросла в Холокост, ставший одной из самых трагических страниц всемирной истории.

Во времена Реформации и Контрреформации ключевой была проблема защиты интересов религиозных меньшинств. В конце концов, на пепелище костров инквизиции выросла толерантная западноевропейская политическая культура, которая с введением в новое время в Европе всеобщего и равного избирательного права гарантировала политическому меньшинству надежную законодательную защиту.

Сегодня приоритетной становится проблема защиты прав национальных меньшинств. Однако задача усложняется тем, что национально-этническая карта Старого континента не является исторически однородной — немало наций, ранее имевших свою государственность, в определенных исторических обстоятельствах оказались меньшинствами в составе других государств.

Вызов глобализации — балканский ответ. Важнейшими событиями XX в. с точки зрения социально-исторического процесса стали Великая депрессия (1929–34), оказавшая влияние на судьбу реформ в странах Западной

Европы, Северной Америки и Японии, а также трансформационные процессы, развернувшиеся в 1980–90-х гг. в странах Центральной и Юго-Восточной Европы, СССР и Китае. С нарастанием в мире трансформационных процессов все более зримо усиливается взаимозависимость государств и народов, действенности рационального компонента их психосоциетальной культуры и восприимчивости к внешним факторам и условиям развития. В международном лексиконе все более широко используются термины, связанные с понятием единого экономического, политического, правового, информационного, научно-технического пространства.

Вместе с тем на рубеже XXI в. актуализируется борьба национальных меньшинств за свои политические права, реальностью становятся вооруженные конфликты за перераспределение различных ресурсов, силовой характер приобретает международная политика. Наглядным примером тому стали войны, возникшие вследствие распада Союзной Федеративной Республики Югославия, которые вышли за локальные границы Юго-Восточной Европы и дестабилизировали весь континент.

Как никогда, пестрят контрастами результаты всемирно-исторического развития. Страны авангарда и их народы, похоже, уже сполна оценили “прелести” эпохи постиндустриальной цивилизации, когда знания и информация становятся ведущими экономическими факторами. В то же время сохраняется и даже усиливается технологическая и вследствие этого социально-культурная дистанция между авангардом и периферией новой глобальной ойкумены. Тем самым генерируются и новые противоречия, выходящие за рамки прежних представлений о социально-классовых различиях.

Примерами такого рода противоречий являются конфликты между целями и средствами индустриальной и постиндустриальной эпох общественного развития, конфликты между их стратегиями (постиндустриальной экономической стратегией, локомотивом которой стал информационно-инновационный сектор экономики, и традиционной — экстенсивно-индустриальной) и технологиями, порождающими дискуссии относительно “парникового эффекта”, “деиндустриализации неэффективных национальных экономических систем”. Не лишены оснований растущие противоречия между формирующимися полюсами богатства и бедности глобализирующегося мира. Все это стимулирует дискуссии о позитивах и негативах процесса глобализации.

Сегодня уже можно сказать о том, что заканчивается время “социально-го модерна”, основной задачей которого было приближение большинства государств и народов к формуле “достижение максимально возможного уровня развития для всех”. Достижения этого времени в своей основе базируются на морально-этическом компоненте человеческого развития — на жертвенности

“личного во имя общественного”, “частного во имя общего”, “несовершенного настоящего во имя лучшего будущего”.

Открытый Великой французской революцией (1789–94) путь “социального модерна” и интернационализации новых общественных возможностей был призван сделать универсальной (идеальной) историческую судьбу большинства наций. Национальное развитие стран в этой парадигме ориентировалось на формирование единого экономического, политического и культурного пространства во главе с титульной нацией. Устойчивость же общественной системы обеспечивал нравственный императив, согласно которому, по словам известного чешского писателя и журналиста К. Чапека, “любые чужие жертвы во имя мира не могут считаться слишком большими”. Такое интернационалистское содержание национальной идеи в целом обеспечивало способность народов к выживанию. При этом проблем с национально-культурной самоидентификацией малых народов, как правило, не возникало.

Принципиально иной становится ситуация, начиная со второй половины XX в., когда интенсивно формируются наднациональные интеграционные структуры, такие как Европейский Союз.

На рубеже XXI в. Европейский Союз оказывается в исторической роли Западной Римской империи начала нашей эры, когда у ворот богатой высоко развитой цивилизации стояли племена варваров, готовых раствориться в этой структуре, придав ей новое качество.

Один из популярных миграционных путей проходит по территории балканских стран. Балканы — пространство, где на пересечении трансконтинентальных коммуникаций вошли в прямое соприкосновение региональные системы Ближнего Востока, Евразии и Европы. Здесь вступили в прямой контакт религиозные системы ислама, католицизма и православия. К тому же, в эпоху глобализации, когда усиливается конкуренция за контроль над региональными и мировыми коммуникациями, рынками сырья и промышленных товаров, Балканы приобретают важное геостратегическое значение, сохраняя при этом значительный потенциал конфликтности в регионе.

В 1990-х гг. наиболее популярной теорией для обоснования причин распада Югославии была высказанная С. Хантингтоном концепция “столкновения цивилизаций”. Балканский регион на протяжении длительного исторического периода входил в состав различных империй — сначала Римской, затем, после ее раскола на Западную и Восточную (Византию), был поделен между этими образовавшимися центрами силы. В позднее средневековье, когда Византию завоевали турки-османы, они стали проводниками ориентального влияния на Балканах. Западная традиция была представлена

Австро-Венгерской империей. Все эти перипетии истории тормозили классическое развитие национальной идентичности и национальной государственности балканских народов.

Обозначившиеся во второй половине XX в. тенденции интернационализации на Балканах были фактически приостановлены развернувшимися процессами дезинтеграции федеративных государств, возрождением национального самосознания, реанимацией архетипов национальных символов и мифов, таких как битва на Косовом поле 1389 г.

В массовом сознании балканских народов произошел определенный сдвиг, вызванный конфликтным сосуществованием поведенческих стереотипов конца XX в. и архаических представлений о своем “коллективном Я”. Реанимированные переходными процессами национальные идеи и мифы прошлого не менее эффективно влияют на отношения того или иного народа с внешним миром и определяют характер этих отношений. Нынешний ренессанс национальных государств на Балканах можно считать компенсацией за ранее утраченные исторические шансы.

Великое прошлое античной Греции и средневековой Византии, их весомый вклад в развитие культуры Европы в целом и балканских народов в частности стимулируют *греческую* национальную гордость как колыбели европейской цивилизации и балканского лидера, который, являясь членом Европейского Союза и НАТО, уже достиг цели, к которой стремятся другие страны региона. Греция — форпост ЕС на Балканах и балканский представитель в Европе.

Румыны, как и греки, являются автохтонным народом — потомками древних даков. Эта нация гордится тем, что название государства и язык имеют римские корни.

Болгары гордятся тем, что Кирилл и Мефодий создали славянскую письменность. Но славянские корни являются не единственным ориентиром в болгарском сознании. Болгарская государственность началась с прихода на Балканы их тюркских предков из степей Северного Крыма. Третьей основополагающей линией болгарской культуры считается автохтонный фракийский элемент. Таким образом, болгарский ценностный стереотип “коллективного Я” опирается на интерпретацию своего прошлого как истории того, что нация не смогла реализоваться полностью в силу внешних причин, прежде всего через тяжелое наследие 500-летнего османского ига.

Сербское национальное сознание, несмотря на все исторические перипетии, определяет свою нацию как “чисто” славянскую по этническим корням. Это дает повод для претензий на югославянское лидерство в борьбе против восточной и западной экспансии. *Македонцы и черногорцы* также определяют себя как центр всеславянского сопротивления.

Опорой *албанского* национального самосознания является автохтонность и образ народа-жертвы, в течение нескольких веков подвергаемого экспансии более сильных государств, но все же выживающего.

Турки претендуют и на античное наследие, и на справедливую оценку вклада османской культуры в развитие Балкан. Потеряв значительную часть территории Османской империи, Турция смогла за сравнительно короткий исторический срок продвинуться в своем развитии и стать в один ряд с европейскими государствами.

Самосознание *хорватов и словенцев* все более ориентируется на интеграцию в европейскую культуру и дистанцирование от балканских региональных проблем.

В целом же в силу разобщенности и различного понимания своих интересов ответ балканских народов на вызов глобализации остается пока невнятным. Однако если рассматривать регионализацию как одну из альтернатив глобализации, то именно в этом и будет состоять балканский ответ на ведущую тенденцию современного социально-исторического развития.

Воспоминания о будущем. Для всестороннего изучения проблемы национальных меньшинств балканских стран совершим небольшой экскурс в историю.

Территорию современной *Словении* в древности населяли различные народы: кельты, норрики, иллирийцы, венеты. Земледельцы-славяне пришли сюда в VI в. Еще в ходе освоения новой территории словенцы попали под власть Аварского каганата. В 622–26 гг. они приняли активное участие в восстании покоренных аварами славянских племен во главе с князем Само. Это был, по сути, революционный период первого эпохального цикла словенской истории. Образованное в этот период княжество Карантаня просуществовало до IX в., к тому времени на этих территориях укрепилась германская феодальная власть. В 820 г. Карантаня была покорена франками. Это историческое событие идентифицируется с началом инволюционного периода.

С утверждением христианства словенцы постепенно попадают в духовную зависимость от чужого народа. Не вероисповедание, не социальное положение, а обостренное национальное самосознание и чувство собственного национального достоинства сплачивали словенцев в единую нацию. Козволюционный период первого эпохального цикла словенской истории связан с развитием национального книгопечатания в середине XVI в. Со второй половины XIX в. начинается эволюционный период национальной словенской истории — словенские промышленники, банкиры, торговцы занимали важное место в экономике Австро-Венгерской империи. Пангерманисты считали своей первоочередной задачей германизацию Словении.

На западные земли претендовала также объединившаяся Италия. Все острее вставал вопрос об объединении всех южных славян, находившихся под властью Габсбургов.

Хорваты появились в устье рек Саввы и Дравы в VI в. Революционный период первого цикла их национальной истории связан с формированием раннефеодальной государственности. В VII–XI вв. актуальным был инволюционный период национальной истории. Козволюционный поворот произошел в начале XII в., когда Хорватия вошла в состав Венгерского королевства, а глаголица стала символом национального языка и культуры. В XVI в. начинается эволюционный период истории. Граница Хорватии и Боснии стала границей между Австрийской империей и Османской Портой. Хорватское национальное сознание кристаллизовалось в борьбе с германизацией и мадьяризацией. В 1868 г. Хорватия снова стала частью Венгрии.

Сербы появились на Балканах в VI в. Революционный этап их национальной истории связан с формированием ранних государственных образований и христианизацией, которая в основном завершилась к началу IX в. С этого времени начинается инволюционный этап — сербам приходилось вести борьбу за самостоятельность с Византией и Болгарией, византийцы использовали сербов в качестве противовеса болгарам и хорватам. Козволюционный поворот в конце XII в. был вызван развитием сербской национальной государственности. Стефан Неманя основал сербскую средневековую королевскую династию. Начало эволюционного периода первого эпохального цикла относится ко времени наивысшего расцвета сербского королевства при короле Стефане Душане (1331–1355). Однако поражение на Косовом поле 1389 г. изменило ритм национальной истории вплоть до начала XIX в.

Несколько веков турецкого владычества оказали большое влияние на этническое разнообразие Балканского полуострова.

Черногория, по сути, стала осколком средневековой сербской державы, распавшейся под военным давлением турок в XIV в. Укрывшись в горах, черногорцы заплатили за свою свободу низким уровнем общественного развития, до начала XIX в. здесь сохранялся родоплеменной строй. В результате битв с турками в 1796 г. Черногория де-факто стала независимым государством.

Земли *Македонии* в результате длительных войн были разделены между Болгарией и Византией. В VIII в. славяне Македонии христианизированы. В IX в. Македония стала центром славянского просвещения. Из Солуни — южномакедонского городка на побережье Эгейского моря — вышли великие учителя славян Кирилл и Мефодий.

До конца XII в. Македония оставалась в составе Византийской империи. Позднее завоевать Македонию удалось болгарам, но в 1261 г. восстановившаяся после разгрома Византийская империя снова объединила все македонские земли. В начале XIV в. Сербия овладела Македонией, однако вскоре ее территория стала базой для расширения турецкого господства на Балканах. Турецкие власти активно способствовали притоку в Македонию мусульманского населения. Языком межнационального общения, по сути, был греческий, на греческом велось богослужение в православных храмах.

Процесс развития национального самосознания македонцев шел медленно и трудно, ведь они находились в зависимости не столько у турок, сколько у братьев по вере — греков и братьев по языку — болгар. Учреждение в 1870 г. Болгарского православного экзархата, независимого от Константинопольской патриархии, нанесло сильнейший удар по позициям Греции в Македонии. По мере ослабления греческих позиций набирает силу влияние Сербии и Болгарии. В XX в. Македонии суждено было стать детонатором балканского порохового погреба в Европе.

Босния до XII в. не имела политической самостоятельности, хотя была автономной территориальной единицей, входившей в состав ранних сербских государственных образований. В XII в. здесь распространяется богемильская ересь, которая нанесла огромный урон общественному развитию страны. В Боснии так и не сложилась значимая централизованная государственная власть. Калейдоскоп междоусобных войн и крестовых походов против еретиков, реки крови, экономическая и культурная отсталость, нищета — такова история Боснии XIII–XV вв.

В середине XV в. Боснию захватили турки. Если в Сербии, Македонии и Герцеговине после покорения турками случаи перехода в ислам отмечались в основном среди городского населения, то в Боснии добровольное принятие ислама имело массовый характер, охватывая при этом все слои населения. Босния превратилась, в сущности, в опорную базу Османской империи в Европе. Из Боснии вышли многие крупные военачальники и чиновники Османской империи (славяне по происхождению). К началу XX в. Босния и Герцеговина (южная часть страны, населенная преимущественно католиками хорватами и православными сербами) превратилась в постоянный очаг напряженности на Балканах.

Албанцы — один из древнейших народов Европы. Они являются потомками иллирийцев, которые наряду с греками, македонцами и фракийцами населяли Балканский полуостров еще в античные времена. Славяне появились на территории Албании в VI в. Находясь в составе Византийской империи, албанцы в XIII в. приняли христианство. Главными проводниками католицизма в Албании были венецианцы, имевшие влияние в

портовых городах. До XIV в. самостоятельных албанских государственных образований не существовало. К началу XV в. территория Албании была покорена турками. Князь Георгий Кастриоти по прозвищу Скандербег в 1443–68 гг. вел ожесточенную борьбу с турками. Знамя рода Кастриоти — красное полотнище с черным двуглавым орлом — стало национальным флагом албанцев.

Исторические судьбы албанцев из разных областей разнятся. Существуют два диалекта албанского языка — гегский (Северная Албания) и тоскский (Южная Албания). В северных горных районах основным занятием населения было скотоводство, на юге преобладало земледелие. Североалбанские горцы всегда были свободными земледельцами. В отличие от консервативного севера, Южная Албания стала центром зарождения национально-освободительного движения. Исламизация Албании наиболее активно происходила в XVI–XVII вв., и к началу XX в. около половины населения страны были мусульманами. До середины XIX в. вопрос о разграничении албанских и славянских земель не стоял, ибо все они находились под властью Османской империи, в составе каждого административно-территориального образования проживало смешанное население. Северо-восточные области Косово в большей степени были заселены сербами, юго-западные — албанцами.

Когда балканские народы находились в сфере влияния Австро-Венгерской империи, она проводила политику постоянного стравливания народов: чехов на венгров, венгров на хорватов, хорватов на сербов. Однако сохранить единство империи, постоянно используя вражду между народами, невозможно. Так же не было ясно, каким образом должно состояться объединение балканских народов: по воле самих народов, по воле монархов или по воле великих держав.

Принципиально новый исторический этап, который для всего балканского региона идентифицируется с революционным периодом истории, начался на рубеже XX в. Две балканские войны (1912–13), Первая мировая война (1914–18) послужили причиной первой попытки реализации идеи югославянской государственности в форме Королевства сербов, хорватов и словенцев, которое распалось в годы Второй мировой войны (1941–45). Возрождение этой идеи связано с историей Союзной Федеративной Республики Югославии, эпоха которой в целом идентифицируется с инволюционным периодом развития страны.

Однако решить национальную проблему республиканской политической элите СФРЮ так и не удалось. Интернационализм как официальная идеология не смог подменить национальное самосознание. Наряду с интернационализацией национального самосознания в стране продолжали суще-

ствовать “национальные предрассудки”, возникавшие вследствие дискриминационного отношения к национальным меньшинствам.

Межэтнический мир легко сохраняется в условиях эволюционного процветания и стабильности. При конкуренции национальных групп за дефицитные ресурсы (период коэволюции) национальные меньшинства становятся “козлами отпущения”. Подобная ситуация сформировалась на Балканах к началу 1990-х гг., когда были затронуты социальные коммуникации и границы национальной толерантности.

Дополнительные проблемы в межэтнические отношения вносит вопрос об идентификации национальных меньшинств, прежде всего обществом или его титульной нацией. Однако какими бы ни были исторические корни определенной национальной группы, как бы не воспринималась ее история обществом, изначально важна ее собственная позиция (самоидентификация). Не меньшее значение имеет и наличие в государстве и обществе возможностей для сохранения меньшинством своей национальной идентичности и самореализации, что и сейчас на Балканах представляется проблематичным. Новые балканские государства все еще продолжают (активно или пассивно) проводить ассимиляторскую политику по отношению к национальным меньшинствам, которая реализуется, в частности, в различного рода запретах говорить и печататься на национальных языках, открывать новые или сохранять имевшиеся школы для национальных меньшинств.

Процесс самоидентификации и консолидации балканских социальных организмов продолжается. Период XIX–XX вв. слишком мал, с точки зрения завершения полных циклов национальной истории, для формирования в этих государствах гражданского общества. Естественный ритм циклов постоянно нарушали войны, масштабные конфликты, широкое внешнее влияние. К тому же большую часть истории 2000-летней христианской эры балканские народы прожили в составе тех или иных империй либо чужих национальных государственных образований. Поэтому проблемы национальных меньшинств на Балканах тесно связаны и с вопросами территориальных границ, которые отождествляются народами с определенными опасностями для них, и с несправедливым отношением, как в прошлом, так и в настоящем. Все вместе это составляет важный элемент самоидентификации и фактор этнической мобилизации балканских народов.

Кроме того, всем балканским государствам в определенной степени присущи черты традиционного общества, имеющего склонность к изоляционизму и преодолению внутренних противоречий через актуализацию образа внешнего врага. Конфликтный потенциал все еще не исчерпан. Стабильность поддерживается извне — силами международных миротворцев.

Массовые этнические чистки, проводившиеся в 1990-е гг. от Боснии до Косово, не способствовали цивилизованному решению проблем национальных меньшинств. Да и Балканский регион слишком мал для амбиций по созданию “великих национальных государств”, стремящихся установить силовой контроль над соседями.

Горизонт прогноза. Общая методология прогноза для кризисного (коэволюционного) состояния, в котором ныне находится мировое сообщество, нуждается в существенной коррекции. Необходимо учитывать, что любой перечень начальных условий или причин для детерминистского вывода о будущих следствиях всегда является неполным, к тому же в условиях кризиса нелинейности одна и та же причина способна порождать неодинаковые следствия⁴⁷. Нарушение причинно-следственной зависимости приводит к ситуации, когда, казалось бы, незначительные факты-события способны порождать несоизмеримо большие последствия.

История балканского региона XX в. — периода воплощения идеи югославянской федерации сначала в форме Королевства сербов, хорватов и словенцев, затем Союзной Федеративной Республики Югославии — дает основания в целом идентифицировать ее с инволюционным периодом эпохального цикла. С начала 1990-х гг. осуществляется коэволюционный поворот, связанный к тому же с актуализацией множества национальных исторических циклов развития. Таким образом, очевидно, что Балканы в среднем на один-два полных цикла отстают от “нормального” развития европейских национальных государств. Это предопределяет специфику их участия в современных глобализационных процессах. И если очевидно, что западно-европейские государства “доросли” до задач формирования наднациональных институтов, воплощением чего стал Европейский Союз, то, с точки зрения примененного подхода, не менее очевидно, что балканские страны лишь в будущем (эволюционном) периоде развития будут готовы создать для этого объективные предпосылки.

В целом же в условиях глобализации отношение к национальным меньшинствам становится индикатором способности государства адаптироваться к императивам возрастающей иммиграционной активности неевропейских народов. Их перемещение в Европу, переживающую симптомы демографического кризиса, становится не только важным внутривнутриполитическим фактором в каждой конкретной стране Европейского Союза, но и определяет возможности конкурентоспособности этих стран на нынешнем этапе социально-исторического развития. Балканские страны в течение определенного времени еще будут отставать от магистрального движения глобализации, отрабатывая пока локальные задачи регионализации.

Глава 16. Перспективы понимания и интерпретации всемирной истории

Глобальный (цивилизационный) уровень аппроксимации модели. Применение модели универсального эпохального цикла ко всемирной истории подтверждает, что с конца XVIII — начала XIX в. берет начало очередной глобальный эпохальный цикл (восьмой, если вести отсчет от 3000 г. до н. э.). Его содержательное наполнение в целом описывают понятия индустриального и постиндустриального развития цивилизации.

Революционный (переходный) период цикла, который открыла для человечества Великая французская революция, связан с дальнейшим формированием структуры индустриального общества (буржуазные революции 1848–49 гг. и социалистические революции 1905 и 1917 гг. в России, 1949 г. в Китае, 1959 г. на Кубе и др.), соответствующим развитием промышленности и рынка. Вполне небезосновательным в свете изложенного подхода видится доминирование на протяжении XIX — первой половины XX в. идеологием, связанных с понятиями “революция”, “модерн”, “индустриальная эпоха” и т. п.

Возникновение монополий (частных или государственных) стало закономерным результатом развития стран, своеобразным социальным итогом дальнейшего инволюционного периода их истории. Однако монополизация капитала и присущий ему экстенсивный способ хозяйствования лишь ускорили истощение внутреннего потенциала стран, усиливали их борьбу за мировые рынки сбыта и сырья, стимулируя имперские амбиции и готовя почву для будущих реформ, связанных с коэволюционным (переходным) и еще более — с эволюционным (устойчивым) периодом цивилизационного развития.

Между Первой и Второй мировыми войнами, которые можно рассматривать как два этапа одной большой мировой войны, заметным явлением стала Великая депрессия 1929–34 гг. Именно от нее, по мнению авторов, ведет начало коэволюция как “новая волна” переходной (от индустриальной до постиндустриальной) эпохи мирового развития. Заменяя старую, технократическую по своей сущности, общественную модель антропоцентрической,

коэволюция открывает широкий простор для самореализации личности, ее инновационной активности.

После событий 1945–1961 гг. (Карибский ракетный кризис, правление Дж. Кеннеди в США) на глобальном уровне начали постепенно утверждаться новые тенденции, присущие эволюционному периоду восьмого эпохального цикла, достаточно детально описанные в работе А. Тоффлера “Футорошок”. Однако в конце 1980-х — начале 1990-х гг. (формальное окончание “холодной войны” противостояние сверхдержав СССР и США) новое дыхание получили коэволюционные тенденции в странах Центральной и Восточной Европы, Центральной и Юго-Восточной Азии, окончательно определив перспективы развития цивилизации в XXI в.

Рождение постиндустриальной цивилизации, связанное с бурным развитием информационных технологий, генной инженерии, названной социальными философами эпохой Постмодерна, можно условно идентифицировать с 1990-ми гг. Среди знаковых событий этого рубежа — война в Персидском заливе 1990–91 гг., распад СССР, объединение Германии, радикальная трансформация геостратегического положения в мире.

Континентально-региональный уровень реализации эпохальных циклов.

Евразия. Начало нынешнего глобального цикла частично совпадает с евразийским эпохальным циклом, который ведет свое начало со времени итальянского раннего Ренессанса. Инволюционный период последнего фактически охватывает XVII в., когда колониальная политика ведущих европейских государств изменяла “ритмику” исторического развития многих стран Азии, Африки, Америки.

Коэволюционная (переходная) фаза континентального Евразийского цикла связана преимущественно с европейской эпохой Просвещения, ведь именно идеи просвещения медленно (но неуклонно) распространялись на европейской и азиатской частях Евразии. Подтверждением этого стали реформы “Мейдзи” в Японии (1868), младотурецкая революция (1908), Синхайская революция в Китае (1911), революции в России (1905 и 1917). Эволюционный период шестого евразийского эпохального цикла одновременно связан с процессами глобализации и модернизации, формировавшимися культурно разнообразными условиями евразийского пространства.

Знаковые события цикла: Вторая мировая война (1939–45), холодная война (1949–89), создание Европейского экономического сообщества (1958), начало реформ Ден Сяопина в КНР (1978), “перестройка” в СССР (1985–91), война в Персидском заливе (1990–91), операция НАТО в Косово (1999).

Северная и Южная Америка (есть определенные основания рассматривать их как единый мегаконтинент). Актуальный, второй, американский эпохальный цикл начался революционными событиями, связанными с войной за независимость США (1775–83) и войнами южноамериканских государств за независимость от Испании (1810–22). Эта революционная эпоха завершилась событиями гражданской войны в США (1861–65).

Инволюционный этап континентального американского цикла длился приблизительно до середины XX в., он характеризовался господством военных режимов в большинстве стран Латинской Америки. Для США этот период был связан с имманентной подготовкой к выполнению роли единственной сверхдержавы. Этот статус формировался непосредственно в условиях развертывания коэволюционных (переходных) процессов в мире, представленных реформами времен Великой депрессии. Кульминационными в этом отношении стали “трансформационные” события в Центральной и Восточной Европе, вызвавшие распад СССР, и переходные процессы в Юго-Восточной Азии.

Вторая половина XX в. для стран Латинской Америки связана также с усилением проявлений коэволюционного периода, становлением демократических политических режимов, активизацией интеграционных процессов на континенте. Собственно, в этот контекст вписывается и создание до 2005 г. зоны свободной торговли от Аляски до Огненной земли. Сегодня уже можно констатировать, что мегаконтинент Америка вступает в эволюционный период цикла своего исторического развития.

Африка. С началом процесса суверенизации африканских государств (1960-е гг.) можно говорить о начале эволюционного периода второго африканского эпохального цикла. Он будет длиться еще около столетия.

Австралия. Начиная со второй половины XX в., здесь приобрел актуальность коэволюционный (переходный) период первого австралийского эпохального цикла, связанный с созданием цивилизации, имеющей европейскую идентичность.

На мировом (глобальном) уровне анализа мировой истории есть неопровержимые основания для констатации завершения в целом инволюционного периода восьмого эпохального цикла. Сегодня человечество фактически подводит итог развития индустриальной цивилизации. По мнению авторов, нет никаких сомнений в определении ключевых событий современности как проявлений коэволюционного (переходного) периода человеческого развития, за которым последуют тенденции постиндустриальной цивилизации. Последние правомерно связывать с присущими эволюционному периоду развития общества понятиями “социальный рост”, “количественное накопление”, а также со специфическими качествами, которые отражает понятие “информационное общество”.

Указанные тенденции авторы определяют как перспективные для большинства стран мира. В то же время страны, принадлежащие к авангарду мирового исторического процесса, завершают стадию постиндустриального (информационного) развития. Реализуя свои исторические достижения и используя механизмы новейших технологий, они иницируют, по сути, создание глобальной экономической системы. Эта система находится, образно говоря, в “перинатальном” (утробном) состоянии. Ее рождение — процесс нелинейный, взрывоподобный, поэтому, вероятно, он будет усиливать глобальное неравенство между странами ядра и периферии новой системы.

Радикальные геополитические изменения 1990-х гг. трансформируют систему международных отношений. После распада СССР Соединенные Штаты Америки остались единственной универсальной сверхдержавой, которая сегодня имеет доминирующее положение в мире и будет сохранять его (по некоторым оптимистичным прогнозам) до середины XXI в. Вполне можно согласиться с определением З. Бжезинского, что в мире формируются новые центры силы. Следовательно, высока вероятность того, что новая международная система, основанная на конкуренции многих центров силы, потенциально будет стимулировать многочисленные конфликты, вызывая глобальную нестабильность. Также можно согласиться с теми, кто усматривает в таких условиях вероятность открытого “конфликта между силами глобализации и агентами локализации”, представляющими в Европе шовинистический национализм, а в развивающихся странах — исламский фундаментализм. Это противоборство способно ввергнуть мировую цивилизацию в состояние “нового варварства”.

Итак, современность подтверждает нарастание вышеуказанных тенденций, наполняющих историческое содержание коэволюционного периода. В дальнейшем они будут набирать силу, готовя человечество к следующему эволюционному периоду, с которым отождествляется сущность постиндустриальной цивилизации.

Футурологическая судьба регионов.

Евразия, с одной стороны, все четче демонстрирует тенденцию к оформлению проекта “Великой Европы” — от французского Бреста до Бреста белорусского. С другой стороны, довольно вероятны срывы в процессе европейской интеграции. Этот аспект проявляет себя в проблемах формирования общей внешней и оборонной политики Европейского Союза, в вопросах решения судьбы единой денежной единицы “евро”, перераспределения экономического могущества в рамках трансатлантического сообщества и т. п. Большое значение для будущего Европы имеет судьба “сердца Евразии” — России. Укрепление федерального единства России может стабилизировать ситуацию в регионе.

Азия преодолевает следствия финансового кризиса 1997 г., вместе с тем тут будет обостряться конкуренция между Китаем, новыми ядерными странами (Индией и Пакистаном) и Японией, укрепляющей свои геостратегические возможности военно-политическим союзом со США. Однако отсутствие стабильной азиатской системы безопасности стимулирует в этом регионе континента нестабильность, генерирует длительные межгосударственные конфликты. Политические противоречия в регионе могут затормозить процесс азиатской экономической интеграции и помешать планам создания до 2025 г. Азиатско-тихоокеанской зоны свободной торговли.

Африка все еще находится во мраке бедности и локальных региональных конфликтов — “войн бедняков”. Это объективно ограничивает ее шансы в системе глобальной экономики. Опасной становится тенденция распространения этнополитических конфликтов, которые разрушили Сомали, Заир, дестабилизировали положение в зоне Великих озер. К тому же дальнейший рост численности населения может стимулировать континентальную демографическую катастрофу.

Северная Америка развивает интеграционные процессы создания североамериканской зоны свободной торговли. Демократизация политических режимов в странах *Южной Америки* создает общее политическое поле для Американского мегаконтинента. Однако процессы революционных изменений, с которыми в начале XXI в. может столкнуться Северная Америка, способны нарушить нынешние планы дальнейшего сближения Северной и Южной Америки.

Национально-государственный уровень развития социальной истории. Прежде всего подчеркнем, что глобальные и региональные тенденции социально-исторического развития состоят из тенденций развития национально-государственных образований и являются для них общими условиями, наряду с естественными факторами влияющими на историю этих стран. Отметим, что чем ниже иерархический уровень мировой системы, тем сильнее проявляет себя десинхронизация развития, которая детерминируется своими особенностями.

Например, *Украина*, которая стремится к выходу из кризиса, сопровождающего переходную коэволюционную фазу развития, постепенно будет переходить в эволюционный период развития. Его основные тенденции проявятся в течение 2000–12 гг.

Россия с момента распада СССР также находится в коэволюционной фазе эпохального цикла. Небезопасные процессы федерализации она стремится преодолеть попытками сохранения государственного единства за счет экспансии в зоны жизненно важных интересов на постсоветском пространстве. В ближайшее время будет сохраняться неопределенность

относительно возможного реформирования федеральных структур (показательны судьба российско-белорусского союза, вопрос об определении статуса Чечни), что может вызвать напряженность, которая станет испытанием мощи православно-мусульманского консенсуса, составляющего фундамент российского евразийства.

Беларусь, в отличие от Украины и России, переживает революционную фазу цикла, чем, собственно, и объясняются ее современные политические эксцессы, очень напоминающие революционный период российской истории.

Франция приближается к завершению эволюционного периода своего цикла, началом которого можно считать студенческие волнения 1968 г. Отметим, что идентификация национальных интересов с императивами Европейского Союза все еще остается проблематичной. Основные тенденции дальнейшего социально-исторического развития Франции будут определять результаты президентских и парламентских выборов 2002 г.

Германия после объединения (стимулировавшего процесс европейской интеграции) и особенно после прихода к власти красно-зеленой коалиции (1998) вплотную приблизилась к революционной фазе нового эпохального цикла. Первым симптомом этого может быть реструктуризация политической системы страны, вызванная скандалом вокруг финансирования политических партий. В целом четко проявляется тенденция постепенного отмирания традиционных политических партий индустриальной и постиндустриальной эпох, закладываются основы “партий нового типа” как порождение новых “постиндустриальных ценностей” демократии периода Интернета.

Великобритания после победы “новых лейбористов” на выборах 1997 г. вступила в заключительную фазу эволюционного этапа эпохального цикла. Усилились тенденции передачи властных полномочий с центра на места (восстановление ассамблей в Шотландии, Уэльсе, Северной Ирландии). Вместе с тем Великобритания стала ближе к Европейскому Союзу (туннель под Ла-Маншем), выкристаллизовались намерения провести референдум о присоединении к Монетарному союзу.

Италия также находится накануне революционного этапа развития. В это время могут заостриться противоречия между богатым севером и бедным югом, который оказался на перекрестке путей нелегальной эмиграции в Европу. Угрожающая и географическая близость к конфликтным зонам на Балканах, Ближнем Востоке и Северной Африке, что может превратить Италию во “фронт” при гипотетическом столкновении цивилизаций.

Китай на рубеже XXI в. находится накануне эволюционного этапа эпохального цикла, характерным признаком которого станет окончание

реформ, начатых в 1978 г., и превращение Поднебесной в один из мировых центров могущества. Это даст возможность разрешить тайванскую проблему в рамках конвергенционного процесса.

Еще один азиатский гигант — *Индия* лишь вступает в коэволюционную (переходную) фазу развития эпохального цикла, содержанием которой станет поиск согласия между индуистами и мусульманами с целью сохранения единства страны. Это даст возможность Индии стать региональным лидером и оказывать влияние на положение не только в Южной Азии, но и во всем мире.

Япония также приблизилась к коэволюционной фазе эпохального цикла. Ее содержанием станет трансформация высокоразвитого индустриального общества путем синтеза собственных традиционных и постмодернистских ценностей Запада.

Соединенные Штаты Америки вплотную приблизились к революционной фазе нового эпохального цикла. Сегодня единственной универсальной сверхдержаве, ее глобальному политическому и экономическому могуществу, а также технологическому лидерству пока ничто не угрожает. Однако все больше ощущается, что нация уже не готова платить жизнью своих солдат в локальных войнах. Это может стать одним из существенных симптомов заката. Определяющими в ослаблении гегемонии США могут быть и другие внутренние факторы. В первой половине XXI в. изменится этническая структура населения в сторону увеличения количества афроамериканцев, испаноязычных и азиато-американцев. Вполне вероятен конфликт в среде элит и нарушение деятельности двухпартийного политического механизма, что только усилит вероятный раскол финансовой олигархии. Отдельные фракции олигархии, вероятно, будут противостоять в силу разных позиций в вопросах сохранения рабочих мест в США или экспорта капитала. Эта тенденция может формализоваться в изоляционистской или экспансионистской внешнеполитической стратегии. Первые симптомы этих явлений уже проявились во время президентских выборов 2000 г., в целом соответствующий механизм может быть запущен до 2012 г.

Глава 17. Сценарии глобальной перспективы

Календари отсчитали первые годы третьего тысячелетия от Рождества Христова. В то же время эсхатологические ожидания “конца света”, по крайней мере с рациональной точки зрения, пока откладываются на неопределенную историческую перспективу. Конечно, в нынешнюю эпоху, которая все чаще трактуется как Постмодерн, объективно появляются все новые и новые симптомы, подтверждающие необратимость “финала” исторического процесса как окончательный диагноз для большинства социальных болезней человечества.

Тем не менее, обращаясь к сакральным источникам, мы видим, что, по словам Иоанна Богослова, о времени том не знают ни ангелы небесные, ни люди, а один Господь (Откровение 22:10). По индийской философской традиции, представленной циклической парадигмой развития, эпоха Кали Юга, которая длится в течение последних тысячелетий, будет охватывать еще продолжительное время, ведь в описании бесконечности времени индийские мыслители говорят о “дне творца Брахмы”, равный 432 миллионам человеческих лет. Поскольку циклы творения и распада не имеют начала, они изменяются, подобно колесу времени⁴⁸. Тем самым линейный и циклический подходы к анализу, попытки осмысления и толкования социально-исторического времени, которые существенно влияют на эпистемологию моделей социальной реальности, оставляют открытым вопрос о времени “X”, когда нынешние земля и небо должны превратиться во что-либо принципиально иное. Пока же рационалистично настроенные социальные мыслители призывают массы не только “бунтовать”, но и жить сегодняшним днем, надеясь на лучшее, готовиться к худшему.

Итак, определенное успокоение в массовом сознании подсознательных страхов “конца истории” побуждает к освещению некоторых футурологических сценариев более или менее близкой глобальной перспективы. В частности, речь пойдет о гипотетических тенденциях развития социальной глобализации, о новой роли индивида как субъекта и объекта глобальных социально-исторических процессов.

Футурошок глобализации. В 1965 г. А. Тоффлер ввел в научный оборот новый термин “футурошок”, под которым понимались стресс и дезориен-

тация, возникающие у людей, подвергшихся большому количеству изменений в короткое время. В начале 1980-х гг. особую популярность приобрел термин “глобализация” как характеристика радикального ускорения изменений планетарного масштаба, происходящих во всех сферах бытия человека.

Еще со времени возникновения социологии как науки, то есть с XIX в., ученые вели речь о едином мировом пространстве, созданном цивилизацией рыночного обмена. При этом историки обращали внимание на объективные социально-экономические и культурно-политические процессы. Например, появление ткацкого станка в Англии привело к разорению миллионов ткачей в Индии, а Великая французская революция, по сути, открыла современную историческую эпоху. Вместе с тем, мегасоциальным агентом этих изменений выступала западная цивилизация, которая через механизмы колониального господства уничтожала проявления сопротивления развитию капитализма в традиционных локальных цивилизациях. При этом, по мнению критиков западной модели глобализации, на современном этапе представляется доминирующей тенденция к демодернизации, то есть уничтожению ростков модерна и просвещения в странах, не принадлежащих к узкому кругу “избранных”, репрезентирующих так называемый “золотой миллиард”⁴⁹. В частности, это касается инновационных технологий, которые являются пропуском в постиндустриальную цивилизацию. Поэтому, говоря о современном этапе развития глобальных тенденций, большинство ученых соглашались с мнением, что с каждым новым изменением возникает потребность в новых знаниях⁵⁰.

Таким образом, научно-технический прогресс стал движущей силой множества процессов социальной глобализации. Но при этом, например, Всемирная торговая организация фактически заставляет страны, не принадлежащие к “золотому миллиарду”, отказываться от собственных научных разработок, вследствие чего они практически навсегда отстают от ведущих стран мира. В первую очередь это касается ограниченных возможностей для общения как в традиционных формах скоростного транспорта и связи, так и через Интернет. Такое положение вещей приводит к искусственному ограничению глобального социального пространства, вследствие чего возникают существенные препятствия формированию глобального сообщества.

Прежде всего они связаны с тем, что на рубеже XXI в. фактически возник глобальный рынок, но мегаобщество еще не сформировалось. В то же время обозначилась тенденция к постепенному превращению трансатлантического цивилизационного ареала в космополитическую цивилизацию “новых кочевников”. Социальное бытие этого нового мира будет регулироваться через глобальную компьютерную сеть. Каждый гражданин со дня своего рождения станет номером в памяти компьютера. Средством социального контроля будет электронное досье на такого “космополита”, в первую очередь призванное

фиксировать наличие денег. Наличные фактически будут упразднены, распределение материальных благ планируется осуществлять через так называемую биокарту, вживляемую человеку, и его местопребывание можно будет контролировать через спутник⁵¹. Утопия Оруэлла получит реальное воплощение.

Однако постепенному усилению тенденции формирования космополитической универсальной цивилизации препятствуют не только природно-географические факторы, на роли которых, в частности, акцентировал внимание Л. Гумилев, но и социокультурные. Прежде всего они касаются архитектурной роли мировых религий во всемирной истории. Например, китайская культурная традиция убедительно подтверждает факт ассимиляции всех иноземных завоевателей. Свидетельством неизменности такого положения является более чем миллиардное население Китая. При этом дестабилизация единства КНР путем поддержки сепаратистских тенденций в перспективно конфликтных регионах Синцзяна и Тибета, а также за счет социальных противоречий между богатыми приморскими регионами и бедными срединными, может спровоцировать нестабильность во всей Евразии, которая, по мнению З. Бжезинского, является ключевой для поддержания геостратегических императивов глобального американского лидерства.

Если перенести наше внимание на другую сторону Гималаев, то в Индии, наоборот, перманентное противостояние между мусульманскими завоевателями и завоеванными индусами уже шесть веков препятствует ассимиляции между религиозными общинами. В начале XXI в., после того, как Индия и Пакистан овладели ядерным оружием, этот межцивилизационный конфликт фактически вышел на уровень потенциального обмена ядерными ударами.

Наиболее радикально западную систему ценностей, которая знает цену всему, но ничего не ценит, отрицает мусульманская цивилизация. В то же время она выступает “конкурентом” христианства в реализации проекта глобального, а не регионального распространения веры⁵². Современный ислам также является продуктом глобализации и эпохи Модерна. Как показали события 11 сентября 2001 г., он успешно использует плоды западного технологического прогресса.

Христианство и ислам раздроблены на различные конфессии, поэтому движение к экуменизму, который в условиях глобализации становится ведущей тенденцией в духовной сфере, замедляется не только через большие амбиции духовных вождей, но и вследствие исторической традиции дифференцированного существования и служения.

Осмысление истории XX в. постепенно позиционирует это время в системе координат всемирно-исторического процесса. Прежде всего, обращает на себя внимание общая пессимистическая характеристика современной социальной реальности.

Например, прогноз П. Сорокина выглядит довольно мрачным. В частности, он предсказывал наступление моральной и эстетичной анархии, отношение к человеку как к механизму, потерю морального и интеллектуального консенсуса, хаос мыслей и верований, поддержание социального порядка лишь с помощью принуждения и силовой легитимизации политического права, вырождение свободы в пустые лозунги манипуляции массами, распад семьи, господство массовой культуры, понижение качества жизни и общих жизненных стандартов, нарастание социальной патологии, доминирование апатии, бегство в частную жизнь⁵³.

В свою очередь, Э. Гидденс обращает внимание на дополнительные факторы, усиливающие субъективное ощущение риска современного бытия. Среди них он выделяет обостренное чувство угрозы через послабление магической и религиозной защиты, ясное осознание опасности вследствие более высокого уровня образования, понимание неизбежности кризисов при функционировании сложных систем⁵⁴. Универсальной становится угроза экологической катастрофы, которая, по прогнозам “Гринпис”, может наступить до 2030 г., еще до реализации стремлений к устойчивому развитию, способному примирить экономику и экологию.

Нам представляется, что благородная идея устойчивого глобального социального развития, которую как цель настойчиво пропагандирует Организация Объединенных Наций, является неосуществимой в условиях глобального трансформационного периода. Ведь период изменений различной степени и направленности переживают не только посткоммунистические, но и западные страны. В общественном сознании первых восприятие светлого демократического будущего все более напоминает настолько же мифологизированное представление мрачного тоталитарного прошлого о коммунистическом идеале, а общественные институты и социальные ценности вторых фактически оказались в состоянии критического развития. При этом конкурентная демократия вырождается в праворадикальный популизм, а “невидимая рука свободного рынка” все наглее залезает в карманы бедных.

Социальное государство на Западе пока еще выживает за счет усиления неэквивалентности экономических связей с народами, не принадлежащими к “золотому миллиарду”. Вместе с тем усиление глобального социального неравенства между центром и периферией мировой системы, одно из проявлений которого — возникновение кластеров новой бедности, в том числе на территории бывшего СССР, делает невозможной реализацию модели “догоняющей модернизации”. Борьба за выживание укрепляет социал-дарвинистское представление о процессе социальной глобализации. Система демократического политического устройства, прежде всего в ее западном варианте, переживает острый кризис. Симптомы этого явления особенно

проявились после террористических актов в США 11 сентября 2001 г., когда, как шагреновая кожа, начали сокращаться гражданские свободы⁵⁵.

Терроризм — дитя свободы, но в то же время он является ее убийцей. В этом контексте в дискуссиях о создании министерства внутренней безопасности США просматривается тенденция к организации почти тотального контроля не только над подозреваемыми выходцами из мусульманских стран как потенциальными террористами, но и над инакомыслящими внутри США. С расширением сферы компетенции спецслужб еще более виртуальным становится политический суверенитет общества, которое лишается демократических механизмов контроля над тайными властными структурами. Хотя еще один из отцов-основателей Б. Франклин подчеркивал, что те, кто боится свободы, не достойны ни свободы, ни безопасности.

Таким образом, находит подтверждение тезис о соответствии методов осуществления внутренней и внешней политики государства. То есть силовая внешняя политика Соединенных Штатов дополняется соответствующими внутренними социально-политическими механизмами массовой манипуляции.

На примере США — единственной реальной “демократической империи” эпохи глобализации — наиболее симптоматично реализуется теория “взмаха крыльев мотылька”, когда даже такой незначительный импульс в определенном месте и в определенное время способен вызвать бурю. В сфере международных отношений эта тенденция наиболее адекватно проявила себя с началом антитеррористической кампании. В этом контексте вспоминаются слова Н. Макиавелли, который предупреждал, что войны начинают, когда хотят, а заканчивают, когда могут. Поэтому обеспечивать глобальную безопасность, прежде всего Соединенных Штатов и созданного ими нового миропорядка, призвано разнообразное оружие, в том числе национальная система противоракетной обороны США. При этом, учитывая сложность этого проекта, решение в его рамках будут принимать компьютеры. Тем самым принципиальные вопросы выживания человечества будут зависеть от гипотетических логических ошибок программистов, и в случае реальной угрозы весь процесс выживания будет напоминать игру в “русскую рулетку”.

Еще более ощутимы для мировой экономики жизненные циклы экономической системы США⁵⁶. Процветание американского бизнеса в 1990-е гг. основывалось на секторе информационных технологий. Однако, как оказалось, в те годы было много бухгалтерских манипуляций, результаты которых летом 2002 г. даже дестабилизировали курс доллара и повлияли на глобальный рынок акций. Кажется, признанная Дж. Соросом аморальность рыночных механизмов становится все более абсолютной. Пока попытки поиска пути глобального спасения напоминают перестановку мебели на тонущем “Титанике”, что не может спасти “Ноев ковчег” от гибели.

Вместе с тем исторические задачи мира Модерна по созданию гомогенной социальной конструкции в виде вселенского гражданского общества вступают в противоречие с желанием обеспечить высокий уровень жизни и потребления для своих граждан, в том числе и за счет населения других стран⁵⁷. При этом очень медленно происходит процесс формирования массовых потребностей в постматериальных ценностях. Уже сейчас начинает проявляться тенденция возникновения новых потребностей общества массового потребления, которые должны изменить, прежде всего, мотивацию его функционирования. Имеется в виду возникновение системы удовлетворения в первую очередь психологических потребностей. Новые проблемы перехлестнут политические и экономические рубежи. Они будут связаны со способностью человека отличить иллюзию от реальности⁵⁸.

Обретение процессом глобализации “человеческого лица” связано с возникновением массового социального движения антиглобалистов. Его характеристика зависит от ответа на принципиальные вопросы: является ли оппозиция глобализации единственным социальным движением и можно ли его рассматривать как симптом первой глобальной революции?

Прежде всего, распространение движения антиглобалистов зависит от поиска ответов на вызовы неолиберальной модели глобализации, пропагандирующей веру в выживание наиболее адаптированных к жестким условиям конкуренции в глобальной рыночной экономике. На противоположном политическом полюсе традиционные левые выступают за замедление процесса глобализации, разрушающей социальную сферу. Однако единого ответа о пути облегчения положения большинства левые не дают. Скажем, социал-демократы предлагают реформистский путь сохранения социальных гарантий в новых условиях, а троцкисты выступают за революционные методы борьбы за социальную справедливость. Ультраправые, защищая традиционные основы национальной государственности, постепенно склоняются к расистским и ксенофобским позициям. Принимая во внимание современный демографический кризис в Европе, где сокращается численность граждан социально активного возраста, это угрожает крахом всей экономической системы.

Приверженцы так называемой “новой парадигмы” антиглобализма выступают за “глобализацию снизу”, ведь наиболее адаптированными окажутся способные к коллективным действиям. Они пропагандируют идею создания новых форм локальных и транснациональных структур, призванных противодействовать неолиберальным силам глобализации⁵⁹. Тем паче, что оснований для этого будет предостаточно. Доклад “Глобальные тенденции–2015”, разработанный в США, подчеркивает конфликтность процесса глобализации, усиление экономического неравенства⁶⁰. Вместе с тем, после 11 сентября 2001 г. некоторые средства массовой информации отождествили

движение антиглобалистов с “пятой колонной” внутри западной цивилизации, играющей на руку глобальному терроризму.

Профессор социологии Парижского университета Ж. Бодрийяр признает, что в процессе глобализации отход от демократии и неравенство будут нарастать по мере обострения демографических проблем. До сих пор традиционные противоречия разрешались через мировые кризисы. Нынешняя ситуация в перспективе может создать идеальные условия для мировой революции, если не будет пересмотрен механизм перераспределения ресурсов между глобальным гетто и привилегированным абсолютным меньшинством населения⁶¹. Прогноз таких радикальных социальных изменений выдвигает на повестку дня вопрос о новой исторической антропологии.

Антропология Постмодерна. Дальнейшее развертывание глобальных перспектив будет открывать возможности для нового антропологического взгляда на человека и человечество⁶².

Отметим, что самосознание эпохи Модерна опиралось на достижения экономики и классической социологии, которые пропагандировали ценности единого универсального прогресса для всего человечества. Вместе с тем самосознание Постмодерна идентифицируется на принципах культурной антропологии и этнологии, то есть наук, подчеркивающих неоднородность социокультурного поля человечества. Подобные методологические подходы дают основание отрицать саму идею общественного прогресса как плода деятельности всего человечества. Тем самым разрушаются основы социокультурного проекта просвещения, связанные с созданием единого Великого пространства и единого вектора Великого исторического времени. Наоборот, акцент делается на разнообразии социокультурных пространств, развитие которых лишено общего смысла. Теперь прогрессивный исторический процесс объявляется монопольной прерогативой западной цивилизации, чей путь идеолог атлантизма С. Хантингтон называет не универсальным, а уникальным. Фактически признается, что глобальная цивилизация не может возникнуть путем плюралистического развития, направленного в общее будущее, разных локальных цивилизаций. Делается вывод, что этот путь можно пройти, лишь пользуясь ценностями западной цивилизации.

В 2002 г. автор известного эссе “Конец истории?” Ф. Фукуяма издал новый труд с печальным названием “Конец человека”. В нем он подчеркивает, насколько печальна судьба человечества, оказавшегося под властью техники. На рубеже XXI в., после того, как была расшифрована одна из величайших тайн Творца — геном человека, тенденция господства технократического подхода к человеку стала наиболее опасной. Наконец, вполне возможна ситуация, когда компьютеры будут решать, кого клонировать⁶³. Правда, при этом остается открытым вопрос, будут ли иметь эти клоны бессмертную Душу

как искру Высшего Ума. Иначе может оправдаться прогноз о гипотетическом бунте клонов-биороботов против биологических людей.

Взаимозависимость социальной глобализации и изменения антропологической парадигмы проявляется в формировании основ постиндустриальной цивилизации. Причем имеются в виду не абсолютно новые технологии и знания, а трансформация самого человека, обретение им качественно новой постматериальной мотивации⁶⁴.

Другой аспект трансформации антропологической картины современного человечества связан с постепенной ценностной конвергенцией между различными локальными цивилизациями. Она имманентно порождается господствующим положением современной западной цивилизации и созданной ею массовой культуры. Это явление можно рассматривать как вирусную матрицу относительно информационной составляющей социокультурных архетипов незападных локальных цивилизаций.

Вследствие распространения массовой культуры постепенно нарушается социальный механизм взаимопонимания между разными поколениями внутри стран, принадлежащих к отдельным социокультурным типам. Например, молодежь, как свидетельствует иранский опыт, наиболее активно вестернизируется. В таких условиях конфликт поколений как двигатель социально-исторического процесса имеет шанс стать внутренним конфликтом различных цивилизационных ценностей. Такой вариант развития событий может исключить гипотетическую возможность столкновения цивилизаций.

Однако альтернативу представляет все же интенсивное развитие либеральной модели глобализации, которая стимулирует процесс размывания коллективистских основ бывших традиционных аграрных цивилизаций. При этом реально формируется образ тотального врага — западной атлантической цивилизации, постепенно “завоевывающей” другие цивилизации путем подчинения их информационно-социокультурного пространства.

Пределы будущего и истоки прошлого. С точки зрения структурно-функционального анализа, мир-система после событий 11 сентября 2001 г. приблизилась к трансформации своей структуры. Об этом свидетельствуют симптомы многих проблем мир-системы, оказавшейся в состоянии борьбы с собственным имманентным кризисом.

Одним из проявлений этой внутренней катастрофы, ее “девиантным оператором”, формирующим варианты бифуркаций, является религиозно мотивированный терроризм. Его зло дает мотив для деятельности различных социальных агентов. Вместе с тем неуместно возносить терроризм на эсхатологический уровень, на котором решаются социально-исторические проблемы высшего порядка, в частности детерминанты развития человечества. Бытие и время, писал М. Хайдеггер, взаимно детерминируют друг друга,

однако ни первое — бытие нельзя рассматривать как временное, ни второе — время, как сущее⁶⁵. Видение современного в такой же мере зависит от восприятия прошлого, как и от прогнозирования будущего.

Для различных по своим масштабам и типам социальных систем (Человечество, Общество, Цивилизация) социальное время, отражающее направленность и содержание социальных процессов, “течет” по-разному. Как видно из *рис. 3 (с. 130)*, для Человека и Человечества циклы развития социальных процессов и соответственно их социальное время проистекает из прошлого через настоящее в будущее. В то же время для Общества (национально-государственного образования) — наоборот, от будущего через настоящее к прошлому.

Полагаем, что с точки зрения разрабатываемого авторами подхода правомерно говорить о социальном релятивизме (относительности), размывающем привычный сакральный смысл, — социальная история движется от прошлого к настоящему и через него к будущему. В свете сказанного вполне понятным становится методологическое замечание российского математика и философа А. Давыдова о необходимости применения к анализу и прогнозированию социально-общественных процессов метода интерполяции, когда по прошлому, настоящему и отдаленному будущему прогнозируется ближайшее будущее⁶⁶. При этом метод экстраполяции (от прошлого и настоящего к будущему) вполне сохраняет свою релевантность для описания социально-психологических процессов и процессов социальной глобалистики. В целом же отметим, что разработка соответствующего методологического инструментария становится одной из ключевых задач новейшей исторической социологии.

В этом контексте идею “конца истории” можно рассматривать не только в парадигме сугубо линейного социального времени, но и на основах циклической концепции как рождение нового социально-общественного цикла. При этом Постмодерн оказывается не так новой исторической эпохой, как временем интенсивного проявления общественных и природных проблем нового порядка.

Постепенно исчерпывается потенциал исторической эпохи Модерн, которая решала социальные задачи, поставленные в период Великой французской революции 1789–94 гг. При этом посттрансформационный период истории, который, вероятно, наступит по истечению ближайших двух-трех десятилетий, будет направлен главным образом на социально-психологическое продуцирование новых смыслов различных видов деятельности. Раскроется смысл дифференциации человечества на различные локальные цивилизации, каждая из которых вносит свой вклад в выведение глобальной цивилизации на новую ступень развития, открывающую революционную эпоху развертывания нового социального цикла.

Библиографические ссылки

- ¹ *Чешков М. А.* Взгляд на глобализацию через призму глобалистики // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2001. — № 2. — С. 52–56.
- ² *Шликов Ю.* О гетерогенности глобалистики и стадиях ее развития // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2001. — № 2. — С. 59.
- ³ *Яковец Ю. В.* Глобализация и взаимодействие цивилизаций. — М., 2001. — С. 17.
- ⁴ См. работы *Д. Белла, А. Тоффлера, Дж. Сороса, Ю. Хабермаса.*
- ⁵ *Christian Graf von Krockow.* Der deutsche Niedergang. Ein Ausblick ins 21 Jahrhundert. — Stuttgart., 1998. — S. 77.
- ⁶ *Синцеров Л.* Длинные волны глобальной интеграции // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2000. — № 5. — С. 56–64.
- ⁷ *Яковец Ю. В.* Глобализация и взаимодействие цивилизаций. — М., 2001. — С. 6.
- ⁸ *Штомпка П.* Социология социальных изменений. — М., 1996. — С. 120.
- ⁹ *Lothar Spath.* Die new economy Revolution. — Munchen., 2001. — S. 380.
- ¹⁰ *Батиста П. Н.* Пять мифов о “глобализации” // *Латинская Америка.* — 1999. — № 7–8. — С. 5–8.
- ¹¹ *Сорос Дж.* Кризис мирового капитализма. Открытое общество в опасности. — М., 1999.
- ¹² *Кочетов Э. Г.* Геоэкономика. (Освоение мирового экономического пространства). Учебник по курсу “мировая экономика”. — М., 1999.
- ¹³ *Handelsblatt.* — 2001. — 7 June.
- ¹⁴ *Handelsblatt.* — 2001. — 11 June.
- ¹⁵ *Handelsblatt.* — 2001. — 7 April.
- ¹⁶ *Усов В.* Индийский океан. Интеграционные процессы набирают обороты // *Азия и Африка сегодня.* — 1998. — № 7. — С. 27.
- ¹⁷ *Handelsblatt.* — 2000. — 13 November.
- ¹⁸ *Васильев А.* Африка — “падчерица” глобализации. // *Азия и Африка сегодня.* — 2000. — № 1. — С. 3.
- ¹⁹ *Паскаль Бланке.* Цикл контрактует // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2000. — № 4. — С. 14.
- ²⁰ *Handelsblatt.* — 1998. — 2 Dez.
- ²¹ Там же.
- ²² *Handelsblatt.* — 2000. — 3 Juny.
- ²³ *Handelsblatt.* — 2001. — 11 Jan.
- ²⁴ *Frankfurter Allgemeine Zeitung.* — 1999. — 11 Nov.
- ²⁵ *Telbott S.* Globalization and Diplomacy. A Practitioner’s Perspective // *Foreign Policy.* — 1997. — № 108. — P. 81.
- ²⁶ *Трофименко Г. А.* Новый передел мира? // *США: экономика, политика, идеология.* — 1998. — № 3. — С. 29.
- ²⁷ *Huntington S.* The Lonely Superpower // *Foreign Affairs.* — March–April. — 1999. — P. 35–49.
- ²⁸ *Плешов О.* Исламизация как фактор развития // *Азия и Африка сегодня* — 1999. — № 9. — С. 15.
- ²⁹ *Die Zeit.* — 1999. — 11 Nov.
- ³⁰ *Василенко И. А.* Политическая глобалистика. — М., 2000. — С. 75.
- ³¹ Там же. — С. 23.
- ³² См., например: *Бек У.* Что такое глобализация? Ошибки глобализма — ответы на глобализацию. — М., 2001; *Мартин Г., Шуманн Х.* Западная глобализация: атака на процветание и демократию. — М., 2001.

- ³³ См. подробнее *Валлерстайн И.* Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. — М., 2001.
- ³⁴ *Назаретян А. П.* Цивилизационные кризисы в контексте универсальной истории. — М., 2001. — С. 121.
- ³⁵ Глобализация и Россия (круглый стол) // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2002. — № 9.
- ³⁶ *Richard Munch Die „Zweite Moderne“: Realitat oder Fiktion? Kritische Fragen an die Theorie der „reflexiven Modernisierung“* // *Kolner Zeitschrift fur Soziologie und Sozialpsychologie.* — 2002. — Heft 3. — S. 417–441.
- ³⁷ *Дилigenский Г.* Глобализация в человеческом измерении // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2002. — № 7. — С. 4.
- ³⁸ *Сиверцев М.* Межрелигиозный диалог в эпоху глобализации // *Человек.* — 2002. — № 5. — С. 76.
- ³⁹ *Фукуяма Ф.* Конец истории? // *Философия истории. Антология.* — М., 1995. — С. 256.
- ⁴⁰ *Юнг К.-Г.* Душа человека. Шесть архетипов. — К., 1996. — С. 182, 296.
- ⁴¹ *Ясперс К.* Смысл истории // *Философия истории. Антология.* — М., 1995. — С. 192.
- ⁴² *Шпенглер О.* Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. — М., 1993. — С. 264.
- ⁴³ *Яковец Ю. В.* Глобализация и взаимодействие цивилизаций. — М., 2001. — С. 17.
- ⁴⁴ *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций? // *Полис.* — 1994. — № 1. — С. 35.
- ⁴⁵ *Helmut von Glasenapp.* Die Fünf Weltreligionen. — Munchen, 1992. — S. 12.
- ⁴⁶ *Василенко И. А.* Политическая глобалистика. — М., 2000.
- ⁴⁷ *Панарин А. С.* Политология. — М., 1999. — С. 399.
- ⁴⁸ *Чаттерджи С., Дамта Д.* Индийская философия. М., 1994. — С. 36–37.
- ⁴⁹ *Панарин А. С.* Искушение глобализмом. — М., 2000. — С. 10.
- ⁵⁰ *Тоффлер А.* Футурошок. — СПб., 1997. — С. 114.
- ⁵¹ *Платонов О.* Почему погибнет Америка. — К., 2001. — С. 108–109.
- ⁵² *Nolte E.* Historische Existenz zwischen Anfang und Ende der Geschichte. — Munchen, 1998. — S. 305.
- ⁵³ *Штомпка П.* Социология социальных изменений. — М., 1996. — С. 200–201.
- ⁵⁴ Там же. — С. 117–118.
- ⁵⁵ *Darendorf R.* Die Krisen der Demokratie. Ein Gespräch mit Antonio Polito. — Munchen, 2002. — S. 98.
- ⁵⁶ *Mander J., Goldsmith E.* Schwarzbuch Globalisierung. Aus Englischen — Munchen, 2002. — S. 516.
- ⁵⁷ *Неклесса А.* Реквием XX веку // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2000. — № 2. — С. 5.
- ⁵⁸ *Хевеши М. А.* Массовое общество в XX веке // *Социологические исследования.* — 2001. — № 7. — С. 10.
- ⁵⁹ *Вебер А.* Что стоит за так называемым антиглобализмом? // *Мировая экономика и международные отношения.* — 2001. — № 12. — С. 50–56.
- ⁶⁰ *Сохань Л. В., Сохань І. П.* Час Нового Світу і Людина: Глобальні ризики цивілізації і пошук шляху. Соціологічні нариси. — К. — 2001. — С. 82.
- ⁶¹ Факты. — 2002. — 12 июня.
- ⁶² *Кром М. М.* Историческая антропология. — СПб., — 2000. — С. 7.
- ⁶³ *Fukuyama F.* Das Ende des Menschen. Aus dem Englischen. — Munchen, 2002. — S. 352.
- ⁶⁴ *Иноземцев В. Л.* Постиндустриальное хозяйство и “постиндустриальное общество”. (К проблеме социальных тенденций XXI века) // *Общественные науки и современность.* — 2001. — № 3. — С. 151.
- ⁶⁵ *Хайдеггер М.* Время и бытие. Статьи и выступления. — М., 1993. — С. 392.

Раздел IV

Европа:
испытание интеграцией

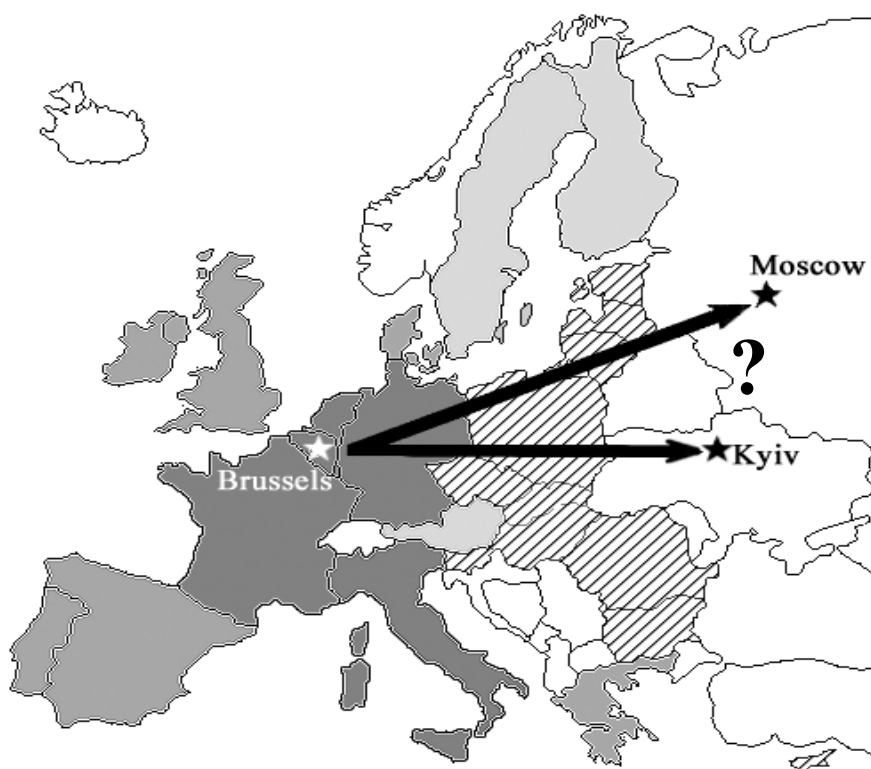

Рис. 4. Становление объединенной Европы

- 1952–57 образование Европейского объединения угля и стали (Бельгия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Германия, Франция)
- 1973–86 Северное и Иберийское расширение Европейского Экономического Сообщества: Великобритания, Дания, Ирландия (1973), Греция (1981), Испания, Португалия (1986)
- 1993–95 образование Европейского Союза (1993) и очередная волна расширения: Австрия, Финляндия, Швеция
- 2004–07 планы новой объединенной Европы: присоединение Эстонии, Кипра, Латвии, Литвы, Мальты, Польши, Словакии, Словении, Венгрии, Чехии (2004), Болгарии, Румынии (2007)

Глава 18. Объединенная Европа: социокультурные границы

Один из отцов европейской интеграции Ж. Монне на склоне своих лет подчеркивал, что если бы ему дали возможность начать этот процесс заново, он начал бы его с социокультурной составляющей единения европейских народов. Тем самым было бы расчищено “поле” для построения общего дома — единой Европы — на основе ментального единства народов.

Со второй половины XX в. именно диалог европейских культур формирует социально-экономические и политические предпосылки для развития современного Европейского Союза. При этом культура рассматривается как квинтэссенция всех видов человеческой деятельности, обычаев, верований, то есть всего материального и духовного, созданного людьми. Историческое определение культуры подчеркивает важную роль социально-исторического наследия, соответствующей традиции. Нормативный подход к культуре выделяет специфический образ жизни личности, детерминированный ее социокультурным окружением. Культурные ценности определенных социальных групп сохраняют и воссоздают социальные институты, формирующие генетический код культуры.

Под культурой также понимают поведение, которому человек научился на протяжении всех этапов своей социализации. Культура — это также организация различных феноменов с помощью использования определенных символов¹. Итак, культура неотделима от человека как социального существа.

Изменение социокультурных границ связано, прежде всего, с трансформацией соответствующих архетипов, то есть своеобразной “закодированной” пространственно-временной модели определенного социального организма. Понятно, что на этот чрезвычайно сложный процесс история должна потратить довольно много времени.

Векторы европейского интеграционного процесса. В общем, проект европейской интеграции сформировался и развивался в относительно единой социокультурной среде Западной Европы в условиях четкого разделения на либеральный Запад и коммунистический Восток.

1 января 1995 г., после вступления в Европейский Союз Австрии, Швеции и Финляндии, родилась современная “Европа–15”. Новый ЕС простирается от Полярного круга до полуострова Пелопоннес, от французского Бреста до Бреста белорусского. Его территория составляет 3,2 млн кв. км (приблизительно две третьих площади США), численность населения 366,9 млн человек, а объем ВВП в начале 1996 г. составлял 6 триллионов 210 миллиардов 100 миллионов долларов США. Ни одно из новых интеграционных формирований в мире не может сравниться с ЕС по уровню развития и зрелости объединения. Модель Европейского Союза становится привлекательным примером для всего мира.

До середины XX в. интеллектуальные проекты объединения Европы опережали интеграционные возможности государств Старого континента. Только две мировые войны и “холодная война” — в сущности, третья мировая, стимулировали процесс единения европейских государств с целью самосохранения и даже определенного опровержения пессимистического прогноза О. Шпенглера о предстоящем “закате Европы”, имеющего, по нашему мнению, объективные основания. Если рассматривать развитие единой Европы как новый проект “построения” Вавилонской башни, то есть ускоренного во времени и расширенного в пространстве объединения принципиально разных социокультурных традиций, то его провал может привести именно к такому результату. Однако мы понимаем европейскую интеграцию как живой творческий процесс цивилизационного самоусовершенствования континента с учетом чрезвычайно тесно взаимосвязанных политических, социально-экономических, правовых и духовно-культурных факторов.

Углубившись в прошлое, можно найти, по крайней мере, два духовных источника современной европейской культуры: классическую античную и духовную иудейско-христианскую традиции. Западный мир живет напряженным диалектическим соединением этих двух полюсов, его динамизм, с точки зрения российского политолога И. Василенко, объясняется этим конструктивным конфликтом.

Политические ценности Римской империи решающим образом повлияли на становление политической культуры Запада. Римская империя обеспечила коммуникации для распространения христианства. Римско-католическая традиция способствовала формированию единого правового и политического западноевропейского пространства. Протестантская культура превратила активную светскую деятельность в религиозную обязанность верующего. Развитие демократической политической культуры было санкционировано культурой религиозного участия. Вместе с тем позиция, когда вероисповедания является частным делом, открывает путь к революционному марксизму². Тем самым в определенной мере углубляется духовно-религиозный

кризис, переживаемый современным европейским человеком. Построение развитого потребительского общества “материализует” духовные потребности, наступает своеобразный период “гедонистического атеизма”. Развитие этой тенденции ускорилось вследствие глобального наступления ценностей западной цивилизации, и как результат — социокультурная пропасть между различными цивилизациями драматично увеличивается.

Политические аспекты европейской интеграции, в отличие от экономических, где всегда присутствует конкретный материальный интерес, стимулирующий быстрый поиск компромиссных решений, больше связаны с проблемами функционирования национальных государственных механизмов, с понятиями суверенитета, национальной идентификации, согласования позиций разных политических элит. Сейчас выкристаллизовались две гипотетические модели развития Европейского Союза: одна связана с формированием конфедеративного союза национальных государств, другая — с формированием федеративных Соединенных Штатов Европы. “Третий путь”, состоящий в определенном соединении этих двух направлений, пока еще не сформировался как четкий политический проект.

Важным фактором социокультурной идентификации всегда была национальная валюта. Символом формирования нового гомогенного пространства является общая денежная единица — евро. О сохранении устойчивых социокультурных барьеров свидетельствует достаточно сложный процесс разработки дизайна этой валюты. Сначала предлагалось разместить на банкнотах изображение “отцов” объединенной Европы и определить место для национальной символики. Но окончательно эти идеи не были приняты, поскольку такой подход мог бы закрепить доминирующее положение ведущих стран — членов Европейского Союза и негативно отразиться на чувствах малых народов. После длительных дебатов был избран вариант своеобразного “социокультурного компромисса”. На купюрах евро решено изображать логотипы архитектурных стилей Западной Европы, причем представлять не конкретные здания, а отдельные детали, характерные для европейских архитектурных стилей разных эпох: классицизма, романтизма, барокко, рококо, модерна.

Итак, социокультурный вектор европейской интеграции остается наименее “продвинутым” по сугубо объективным причинам, связанным с особенностями национального исторического развития. В современном Европейском Союзе сохраняется социокультурная “полярная” ось Север — Юг. Население скандинавских стран, не испытывавшее прямого влияния античной культуры, в отличие, например, от итальянцев, испанцев, греков, в определенной степени французов и немцев, своим менталитетом ощутимо отличается от жителей средиземноморских стран, которые, в свою очередь,

по этому критерию существенно отличаются от британцев. Не случайно важным направлением европейского интеграционного процесса считается формирование так называемых “европейских регионов”, которые, собственно, являются эманацией глубинных социокультурных границ на уровне локальных территориальных объединений.

На юго-востоке Европы выделяются Балканы как традиционное пересечение социокультурных влияний различных цивилизаций — Европы и Ближнего Востока. Вследствие этого в условиях переходных исторических периодов здесь формируются центры напряженности, взрывы которых на продолжительное время перераспределяют зоны влияния между разными народами, странами и цивилизациями.

Влияние глобализации на социокультурные и политические границы в Европе. Социокультурные границы устанавливают “демаркационную линию” между определенными цивилизационными организмами, странами и регионами, а также различными индивидуальными идентичностями.

Как правило, социокультурные границы, сложившиеся исторически, не всегда совпадают с политическими, которые являются отражением развития тенденций иного, чем духовность и культура, уровня. Социокультурные “демаркационные линии” более совпадают с геополитическими границами. Политические границы государств изменяются значительно чаще, чем геополитические и социокультурные.

Например, падение Берлинской стены, на протяжении 1949–89 гг. бывшей символом холодной войны и вместе с тем политической и социокультурной границей между коммунистическим Востоком и либеральным Западом, неминуемо ускорит процесс единения, по крайней мере, немецкого народа. Однако и после 13 лет, минувших со времени объединения Германии, существенная ментальная дифференциация между восточными и западными немцами сохраняется³, несмотря на титанические усилия всего немецкого общества образовать гомогенное ментальное пространство, которое было разорвано политическими границами всего лишь 40 лет. Возможно, для реализации этой цели понадобится смена трех поколений, чтобы, в конце концов, более или менее стабильно сформировались соответствующие ценностные ориентиры.

Современный Европейский Союз, с чисто политической точки зрения, становится все более гомогенным образованием. Однако сохраняются ощутимые социокультурные границы между англосаксонской и романской Европой, между северной протестантско-католической и южной, преимущественно католической, Европой.

Основу западной культуры составляет современная техногенная цивилизация, какой присущи тенденции к глобализации. Этот феномен в общих

чертах перенял характерную для европейской цивилизации традицию организационно-технической трансформации мира в угоду человеку. Это проявляется в современной геномной инженерии, которая может стать составляющей дегуманизированной социальной инженерии.

Современные информационные технологии радикально изменяют традиционные представления о социокультурных границах цивилизаций. Тем не менее, на социокультурных “переломах” формируются зоны напряженности — Ольстер, Баскония, Корсика.

Великобритания в течение 30 лет прикладывает максимум усилий к примирению Ольстера, однако формирование новой культуры толерантности между католическим большинством и протестантским меньшинством в провинции до сих пор не состоялось, о чем свидетельствуют трудности с разоружением Ирландской республиканской армии. После падения авторитарного режима Франко проблема демократического обеспечения национальной самоидентификации одного из древнейших народов современной Европы — басков стала постоянной головной болью испанского государства. Родина Наполеона Бонапарта — Корсика продолжает создавать политические проблемы для Парижа, настаивая на широчайшей автономии, которой не имеет ни одна французская территория.

Итак, мы видим, что, несмотря на определенные ощутимые сдвиги в процессе европейской политической интеграции, достаточно стабильным остается феномен локальной региональной самоидентичности, который питают существующие социокультурные стереотипы.

Таким образом, процесс глобализации оказывает существенное влияние, прежде всего, на политические границы в Европе, но для решающего влияния на социокультурные границы этой тенденции потребуется еще продолжительное время. Окончательно социокультурная глобализация станет действительным историческим фактом только тогда, когда она “ликвидирует” внешние и внутренние социокультурные границы в Европе.

“Разъединенная” Европа: этнически-религиозный фактор. Прежде всего, рассмотрим внешние социокультурные границы Европы, стремящейся стать объединенной.

Начиная с 1970-х гг., Европейский Союз четыре раза принимал новых членов:

1973 г. — Великобритания (где ведущая роль принадлежит англиканской церкви), Дания (большинство датчан исповедуют лютеранство), Ирландия (преимущественно католическая страна),

1981 г. — православная Греция,

1986 г. — преимущественно католические Испания и Португалия,

1995 г. — католическая Австрия и протестантские Швеция и Финляндия.

Таким образом, с религиозной точки зрения современный ЕС является объединением католических и протестантских народов, за исключением лишь православной Греции. Нарушение этно-религиозной гомогенности Европейского Союза может произойти вследствие очередного расширения.

На рубеже XXI в. процесс расширения стимулируется, с одной стороны, большим желанием стран-кандидатов вернуться в материнское лоно европейской цивилизации, а с другой, — объективной заинтересованностью “старых” членов ЕС в экспансии влияния, получении новых рынков, завершении процесса политического объединения Европы.

Еще продолжается дискуссия по вопросу определения геополитических границ новой объединенной Европы. Признав мусульманскую Турцию кандидатом на вступление, ЕС гипотетически остановится на социокультурной границе Сирии, Ирака, Ирана. Однако расширение на Ближний Восток, по терминологии С. Хантингтона, может спровоцировать “столкновение цивилизаций” в структуре самого Европейского Союза.

Многих аналитиков беспокоит перспектива того, что Европа получит новых соседей, которые являются политически нестабильными, этнически поляризованными и экономически отсталыми. Тем самым объективно вместо “железного занавеса” времен холодной войны может появиться “бархатный занавес”, который зафиксирует новые социокультурные границы в Европе. Политические заявления об “открытых дверях” для новых членов Европейского Союза и Североатлантического альянса могут остаться риторическими.

В течение 1990-х гг. определились две группы стран — кандидатов на вступление к ЕС. Состав первой из них, так называемой “люксембургской”, был определен в марте 1998 г., куда вошли Польша, Венгрия, Чехия, бывшая югославская республика Словения (где всегда ощущалось социокультурное влияние немецкоязычного мира), бывшая советская республика Эстония (преимущественно лютеранская) и средиземноморский Кипр (разделенный социокультурными и политическими границами между греками и турками). Вторая, так называемая “хельсинкская”, группа “абитуриентов” была названа в декабре 1999 г. — экс-советские прибалтийские республики Латвия и Литва (преимущественно католические), Словакия, Мальта (католические страны) и православные Румыния и Болгария.

За пределами планов расширения ЕС остались католическая Хорватия (по крайней мере пока что), православная Сербия (до изменения своего социокультурного кода и его адаптации к западноевропейским ценностям), “коктейль” из католиков хорватов, православных сербов и мусульман боснийцев в Боснии и Герцеговине, а также преимущественно православная Македония. До окончательного примирения Балкан говорить об их европейской интеграционной перспективе преждевременно.

На рубеже XXI в. ключевой проблемой будущего единой Европы является вопрос развития ойкуменического религиозного движения и формирования религиозной терпимости. Преодоление старых и новых социокультурных границ зависит от европейской ментальной интеграции народов, которые присоединятся в ближайшем будущем к единой европейской семье.

Национальные меньшинства и иммигранты в диалоге европейских культур. Национальные меньшинства формируют, прежде всего, внутренние социокультурные барьеры для каждой цивилизационной системы в целом и для отдельных стран в частности. Иммигранты — это, по сути, “привой” на новый цивилизационный организм ментальной традиции иной цивилизации.

В ближайшее время все европейские политики будут вынуждены считаться с объективной демографической реальностью — этническое европейское население стареет, уменьшается общее количество населения, а потребности сохранения достигнутого уровня развития и глобального влияния требуют адаптации к быстро возрастающим азиатским, африканским и латиноамериканским цивилизационным организмам.

На рубеже XXI в. Европейский Союз может оказаться в положении Западной Римской империи начала христианской эры, когда у ворот богатой высокоразвитой цивилизации стояли племена варваров, готовых интегрироваться в эту структуру и придать ей новые качества.

В целом, в условиях глобализации отношение к национальным меньшинствам становится индикатором способности определенного государства адаптироваться к императивам прогрессирующей иммиграционной активности неевропейских народов. Способность социокультурно интегрировать иммигрантов в среду европейских ценностей становится вопросом конкурентоспособности Европейского Союза в рождающейся глобальной цивилизационной системе. Хотя в чужой монастырь со своим уставом не ходят, еще не понятно, захотят ли неевропейские иммигранты окончательно утратить свою социокультурную идентичность.

Если права национальных меньшинств в целом, за некоторым исключением (цыгане, баски, корсиканцы и др.), надежно защищены европейской правовой системой, то отношение к иммигрантам, как свидетельствуют повседневные сообщения печати, довольно конфронтационно. Причины этого состоят, прежде всего, в конфликте социокультурных ценностей.

Иммигрантов можно разделить на несколько категорий: представители бывшего социалистического лагеря Восточной Европы, выходцы из бывших колоний европейских метрополий и социокультурно совершенно “чуждые”, которые ощущают на себе наиболее яркие проявления ксенофобии.

Наиболее враждебно относятся к мусульманам, которых воспринимают преимущественно как “террористов” и “исламских фанатиков”.

В условиях, когда мусульманский мир пытается адаптироваться к современным тенденциям экономической и политической глобализации, в том числе путем неадекватной реакции на унижение веры правоверных современной массовой культурой (в виде наркотиков, рок-музыки, моды или нового изобретения — “гуманитарной интервенции”), будет наблюдаться дальнейшее нагнетание напряженности между традиционной христианской и мусульманской цивилизациями.

Исходя из этого, актуальной необходимостью является налаживание диалога культур, ведь сегодняшние иммигранты завтра неминуемо станут национальными меньшинствами. Итак, социокультурная интеграция этих двух категорий людей к “титульной” нации, но с сохранением самоидентификации всех этнических групп, становится настоящим вызовом, от эффективности ответа на который зависит перспектива мирного сосуществования или столкновения цивилизаций со всеми отрицательными последствиями для формирования новой глобальной системы⁴.

В первой половине нового тысячелетия в целом может быть решена проблема культурной самоидентификации Европейского Союза. Конкретные формы этого процесса еще находятся на стадии “проектирования”.

Украина как полноценное европейское государство может состояться лишь при условии адекватного восприятия настоящих европейских реалий во всей их многомерности и стремительной динамике. Мы имеем все основания считать, что Украина может превратиться в социокультурный центр восточнославянских народов, ведь отечественная “философия сердца” не раз помогала выбрать достойный путь духовного самосохранения нации в чрезвычайно сложных исторических условиях.

Европа также может рассчитывать на реализацию своих амбициозных планов достижения нового уровня гомогенности европейского экономического, социального и социокультурного пространства, но только при условии, что будут учтены интересы всех ее стран-членов и последует адекватная реализация их культурных запросов. Не менее важная задача — преодоление как внутренних, так и внешних социокультурных границ, или, по крайней мере, создание надежных систем коммуникаций между народами.

Глава 19. Европейский парламент в контексте политического интеграционного процесса

Довольно часто, когда речь идет о Парламентской Ассамблее Совета Европы (ПАСЕ), как синоним используется понятие “Европейский парламент”. По сути, это свидетельствует об отсутствии смысловой дифференциации в понимании места, роли, функций, задач самой старой общеевропейской, прежде всего правозащитной, организации — Совета Европы, членом которой Украина является с ноября 1995 г., и его важной структуры — Парламентской Ассамблеи, с одной стороны, а с другой, — принципиально отличного института европейского политического интеграционного процесса — Европейского парламента (ЕП), первые прямые выборы которого состоялись в странах — членах Европейского сообщества в 1979 г.

В начале 1990-х гг. Европейский парламент превратился в важную представительскую и законодательную структуру Европейского Союза. Проанализируем основные этапы развития Европейского парламента.

Формирование и работа ЕП в течение первых четырех каденций.

1 января 1958 г. согласно положениям Римского договора (23 марта 1957 г.) было создано Европейское Экономическое Сообщество. С целью координации работы национальных парламентах его основателей (ФРГ, Франции, Бельгии, Нидерландов, Люксембурга, Италии) в марте 1958 г. начало свою работу Европейское собрание в составе 142 депутатов. С 1962 г. этот орган неофициально стали называть “парламентом”. Именно тогда было принято решение активизировать политическое сотрудничество стран — членов Европейского Экономического Сообщества.

Решение о проведении прямых выборов депутатов Европейского парламента на основе главных принципов парламентской демократии было принято 8 апреля 1978 г. во время встречи глав государств и правительств стран — членов ЕС. Оно было обусловлено необходимостью углубления европейской интеграции, более легитимными стали бы правовые акты обновленного ЕП, а его деятельность способствовала бы общей демократизации европейских структур, усилению европейской солидарности и идентичности⁵.

Первые прямые выборы Европейского парламента состоялись 7–10 июня 1979 г. Победу праздновали правоцентристские политические партии, европейские социал-демократы оказались в оппозиции. В зале заседаний депутаты структурировались не по национальному признаку, а по принципу партийно-политической принадлежности. Депутаты Европейского парламента были избраны на 5 лет.

В начале 1980-х гг. принято принципиальное решение о формировании Европейской валютной системы, которая определила общую монетарную идентичность ЕС. Тем самым был сделан решающий шаг к углублению европейского политического интеграционного процесса.

Вторые выборы Европейского парламента состоялись 14–17 июня 1984 г. Радикальных изменений политического ландшафта в ЕП не произошло. Официально название “Европейский парламента” было зафиксировано в Едином Европейском Акте 1986 г., определившем повестку дня интенсификации процесса европейской экономической и политической интеграции. Таким образом, был открыт путь к созданию Европейского Союза.

Третьи прямые выборы Европейского парламента прошли 15–18 июня 1989 г. С этих пор ЕП расширил свои полномочия и функции во многих сферах, в частности в политике занятости, образования, социальной защиты, транспорта, новейших технологий, экологии. Более конструктивным стало сотрудничество с другими органами ЕС — Европейской комиссией и Европейской судебной палатой.

Европарламент приложил усилия для большей открытости общественному контролю, в частности через средства массовой информации. Тем самым он стал своеобразной “политической академией” вместо “дискуссионного клуба без власти”⁶. За время этой каденции сформирован общий рынок, начат первый этап создания экономического и валютного союза (последний его этап связан с введением общей денежной единицы евро в наличный оборот), обеспечена имплементация положений Маастрихтского договора, создан Европейский Союз. Также был внедрен новый механизм взаимодействия ЕП и Европейской комиссии.

9–12 июля 1994 г. проведены четвертые прямые выборы Европейского парламента. Впервые граждане стран — членов ЕС, которые на время выборов жили и работали на территории любой другой страны — члена ЕС, могли голосовать по месту пребывания.

К тому времени определенные изменения претерпела структура Европейского парламента. Секретариат ЕП разместился в Люксембурге, институт советников — в Брюсселе, 626 депутатов (их численность увеличилась вследствие вступления в ЕС 1 января 1995 г. Австрии, Швеции, Финляндии) проводили пленарные заседания преимущественно в Страсбурге, а заседания

с участием европейских комиссаров — в Брюсселе. Депутатам ЕП запрещено иметь так называемый двойной мандат, то есть быть параллельно еще и депутатом национального парламента.

Во время этой каденции ЕП впервые частично контролировал процесс назначения персонального состава Европейской комиссии во главе с Ж. Сантером. Интенсивной стала работа европейских парламентариев по созданию законодательной базы сотрудничества в рамках общего рынка, сельскохозяйственной политики, структурных фондов, общей внешней и оборонной политики. Вместе с тем подчеркивалась ограниченность демократических форм общественного контроля над работой институтов ЕС в целом и Европейского парламента в частности.

Краткую историю развития Европейского парламента можно представить таким образом⁷:

Период	Название	Стран	Депут.	Языков	Президент	Каденция
1952–57	Общее собрание	6	78	4	П. Спаак	1952–54
					Д. Гаспер	1954–56
					Г. Фурлер	1956–58
1958–72	Европейский парламента	6	142	4	Р. Шуман	1958–60
1973–79	Европейский парламента	9	198	6	Е. Коломбо	1977–79
1979–84	Первая каденция	10	434	7	П. Данкерт	1982–84
1984–89	Вторая каденция	12	518	9	П. Пфлимли	1984–87
1989–94	Третья каденция	12	567	9	Е. Клепш	1992–94
1994–99	Четвертая каденция	15	626	11	Е. Клепш	1994–99
1999–2004	Пятая каденция	15	626	11	Н. Фонтейн	1999–2004

На протяжении всего периода деятельности Европейского парламента последовательно и системно усовершенствовалась правовая база развертывания всех составляющих европейского интеграционного процесса. В центре внимания Европейского парламента находятся вопросы расширения свобод, укрепления демократии, становления экономически процветающего, солидарного общества с крепкими социальными гарантиями верховенства права и защиты прав человека.

Правовые основы функционирования Европейского парламента.

Римский договор 1957 г. зафиксировал необходимость создания парламентского института (Ассамблеи), призванного вместе с Европейской судебной палатой координировать правовое обеспечение европейского интеграционного процесса. В состав такого органа согласно статье 137 указанного договора

должны были входить представители народов, объединенных в Сообщество. Было зафиксировано, что депутаты ЕП являются независимыми от властных структур своих государств. Местом пребывания Европейского парламента определен Страсбург. Однако Римский договор определял роль ЕП как сугубо консультативную. Европейская комиссия формально не была связана мнением парламентариев, но должна была “принимать его во внимание”⁸.

Вместе с тем Европейский парламент получил право создавать различные постоянные комитеты, заслушивать позицию экспертов, проводить парламентские слушания по актуальным проблемам. Статья 140 Римского договора обязала европейских комиссаров отвечать на запросы депутатов ЕП. Соответствующие доклады, как правило, подавались в конце периода председательства той или иной страны в структурах ЕС. Статья 144 Римского договора предусматривала ответственность европейских комиссаров перед ЕП. Отстранить их от выполнения обязанностей можно было лишь двумя третями голосов от полного кворума парламентариев. Недоверие можно было высказать только всему составу Европейской комиссии, а не отдельным ее членам.

Единый Европейский Акт 28 февраля 1986 г. частично расширил полномочия ЕП. Была определена так называемая “процедура сотрудничества”: когда Европейскую комиссию не удовлетворяют поправки европейских парламентариев, она может вернуть законопроект на повторное чтение; если и после этого ЕП настаивает на своей позиции, Европейская комиссия может принять собственную версию документа, но лишь в течение трех месяцев и единогласным решением.

Единый Европейский Акт сделал легитимным флаг ЕС — голубое полотнище с 12 желтыми звездами, расположенными по кругу, а также утвердил Европейский гимн на музыку Бетховенской “Оды радости”. Существенно расширился круг вопросов, консультации с ЕП по которым были обязательными. Прежде всего, это все вопросы относительно создания общего рынка, в частности, ЕП формирует его политическое измерение. С этой целью было принято 279 правовых актов.

Важная роль в правовом регулировании деятельности не только Европейского парламента, но и всего Европейского Союза принадлежит процедуре утверждения бюджета. Европейский парламент согласно статье 203 Римского договора имеет право отклонить проект бюджета, может изменять структуру бюджетных статей (например, между тремя основными фондами — региональным, социальным и аграрным, которые составляют две трети бюджета), но не может увеличивать общие расходы бюджета. В 1986 г. по поводу бюджетных споров Европейской комиссии и Европейского парламента решение принимала Европейская судебная палата⁹.

Значительно расширились полномочия ЕП с подписанием Маастрихтского договора (февраль 1992 г.), согласно которому 1 ноября 1993 г. был создан Европейский Союз. Этот договор определил необходимость активизации взаимодействия Европейского парламента и национальных парламентов стран — членов ЕС с целью укрепления демократического фундамента союза, расширения возможностей участия граждан в процессе принятия решений. На этой основе на протяжении 1990-х гг. интенсивно развивалось сотрудничество между фракциями национальных парламентов и паневропейскими фракциями ЕП.

В это время Европейский парламента обеспечил реализацию второго этапа создания экономического и монетарного союза ЕС, способствовал формированию основ общей внешней и оборонной политики ЕС, сформировал правовые условия для реализации принципа субсидиарности (то есть решения политических проблем на уровнях региональной и общеевропейской компетенции) и общего гражданства стран — членов ЕС в соответствии с Шенгенскими соглашениями 1985 г. Европейский парламента также впервые назначил омбудсмана, призванного следить за соблюдением прав и свобод граждан. С того времени в центре внимания Европарламента постоянно находятся проблемы обеспечения прав человека в глобальном масштабе.

Амстердамский договор 1997 г. укрепил право Европейского парламента принимать участие в процессе принятия всех решений Европейского Союза и контролировать работу его органов, в частности через бюджетный механизм и прямое взаимодействие с гражданами стран — членов ЕС.

В декабре 2000 г. в Ницце утверждена Хартия прав граждан стран — членов ЕС. В частности, расширены права на представление петиций в Европарламента. Этот институт также должен был сконцентрировать свою деятельность на обеспечении социальных и экологических прав граждан.

Подписанный договор зафиксировал принципы работы органов ЕС после приема новых стран-членов. Отметим, что одним из наиболее принципиальных вопросов нынешнего реформирования структур Европейского Союза является адаптация к будущей реальности приема новых стран-членов. Понятно, что вступление, по меньшей мере, 12 претендентов требует существенных изменений в организации работы всех институтов ЕС, в частности и Европейского парламента.

Роль Европейского парламента на современном этапе развития ЕС. Место, функции и задачи Европейского парламента в интеграционном политическом процессе в общем были определены Маастрихтским договором 1992 г., Амстердамским договором 1997 г., договором, подписанным в Ницце в 2000 г. По сути, Европарламента превратился в главный орган, призванный осуществлять демократический контроль над деятельностью исполнительной

власти — Европейской комиссии (а это 24 генеральные дирекции, 20 европейских комиссаров, 21 тыс. служащих из всех стран — членов ЕС и годовой бюджет в 87 млрд евро), а также эффективно защищать права граждан стран — членов Европейского Союза¹⁰.

Современный этап развития европейской интеграции, прежде всего, связан с реформированием институтов Евросоюза с целью углубления интеграционного процесса, с одной стороны, и обеспечения вступления новых стран — с другой. Реализация этого сложного и противоречивого процесса в значительной мере зависит от Европейского парламента, который ратифицирует договоры о вступлении в Европейский Союз стран-претендентов.

Пока тянулись сложные переговоры о приеме новых стран, настоящим испытанием для действующих структур Европейского Союза стал скандал вокруг Европейской комиссии во главе с Ж. Сантером. В декабре 1998 г. во время рассмотрения проекта бюджета на следующий год Счетная палата ЕС обнаружила факты коррупции¹¹. Вследствие этого на заседании Европарламента 14 января 1999 г. встал вопрос о вотуме доверия Европейской комиссии. Результаты голосования (293 — за доверие, 232 — против, 27 — воздержались) дали повод политическим обозревателям утверждать, что фракция европейских социал-демократов “покрывает” свой состав Европейской комиссии¹². Однако 16 марта 1999 г. под давлением отчета независимой комиссии экспертов все европейские комиссары во главе с Ж. Сантером все-таки ушли в отставку.

После кратковременных, но достаточно интенсивных политических консультаций 6 мая 1999 г. был достигнут консенсус, и Европарламент проголосовал за назначение итальянца Р. Проди на пост председателя Европейской комиссии с полномочиями до 2004 г.

Таким образом, с одной стороны, этот политический кризис доказал эффективность демократического контроля Европарламента над деятельностью Европейской комиссии, но с другой, — нанес ощутимый политический удар по европейским социал-демократам, которые впоследствии проиграли выборы в Европейский парламент в июне 1999 г.

Предвыборная кампания главным образом концентрировалась на фактах коррупции Европейской комиссии и на вопросах финансового обеспечения работы депутатов ЕП. По информации СМИ, на содержание каждого из 626 депутатов Европарламента ежемесячно расходуется 18500 DM. Это был весомый аргумент для критики деятельности евробюрократов со стороны евроскептиков. В то же время отмечалось, что не существует дешевых механизмов обеспечения функционирования демократической политической системы.

По результатам выборов 10–13 июня 1999 г. партийная структура Европарламента приобрела новый вид. 626 депутатов Европейского парламента структурировались в 9 фракций:

- 1 — Европейской народной партии (233 депутата);
- 2 — Социал-демократических партий Европы (180 депутатов);
- 3 — Либерально-демократических партий Европы (50 депутатов);
- 4 — Зеленых — Свободный европейский альянс (48 депутатов);
- 5 — Объединенных европейских левых (42 депутата);
- 6 — Союз за свободную Европу наций (30 депутатов);
- 7 — Европейских демократов (16 депутатов);
- 8 — “техническая” фракция независимых депутатов (19 депутатов);
- 9 — внефракционные (8 депутатов).

Страна	Всего	1	2	3	4	5	6	7	8	9
Австрия	21	7	7	–	2	–	–	–	–	5
Бельгия	25	6	5	5	7	–	–	–	2	–
Великобритания	87	37	30	10	6	–	–	3	–	1
Германия	99	53	33	–	7	6	–	–	–	–
Греция	25	9	9	–	–	7	–	–	–	–
Дания	16	1	3	6	–	1	1	4	–	–
Ирландия	15	5	1	1	2	–	6	–	–	–
Испания	64	28	24	3	4	4	–	–	–	1
Италия	87	34	17	7	2	6	9	–	12	–
Люксембург	6	2	2	1	1	–	–	–	–	–
Нидерланды	31	9	6	8	4	1	–	3	–	–
Португалия	25	9	12	–	–	2	2	–	–	–
Швеция	22	7	6	4	2	3	–	–	–	–
Финляндия	16	5	3	5	2	1	–	–	–	–
Франция	87	21	22	–	9	11	12	6	5	1

Незначительное преимущество правоцентристских партий создает определенное равновесие политических сил, поскольку Европейская комиссия почти полностью состоит из комиссаров левоцентристской партийной принадлежности. Таким образом, в исполнительных и законодательных органах ЕС избиратели создали определенный партийный баланс сил, учитывая же близость позиций христианских демократов и социал-демократов по проблемам и перспективам европейского интеграционного процесса, деятельность нынешнего партийно-политического состава Европейского парламента в целом законодательно обеспечивает актуальные потребности развития ЕС.

Перспективы развития Европейского парламента. Перспективы развития Европейского Союза в политической сфере зависят от взаимодействия структурообразующих элементов политической системы, а именно от деятельности правительств, парламентав, граждан.

С выходом значительной части политического процесса на наднациональный уровень остро встала проблема обеспечения демократических норм общественной жизни, ведь со времени Великой французской революции конца XVIII в. именно национальное государство и сформированное в его формате гражданское общество были гарантами соблюдения прав человека. Теперь стратегические решения вырабатываются и внедряются на надгосударственном уровне, и требуется определенное реформирование политических институтов и механизмов их взаимодействия. Исходя из этого, необходимо и дальше развивать демократические процедуры, повышать прозрачность процесса принятия решений через контроль со стороны общественности стран — членов ЕС. Именно эти проблемы стоят на повестке дня реформирования Европейского Союза.

Пока основные решения принимает Европейская комиссия, а опосредованный контроль над ее деятельностью осуществляют национальные парламента, которые утверждают представителей своих государств в этой структуре. Вместе с тем члены национальных парламента избираются теми же избирателями, которые формируют и состав Европейского парламента, поэтому формально не может быть возражений против расширения соответствующих полномочий ЕП. Развитие этой тенденции, кажется, уже стало необратимым.

Углубление европейской политической интеграции стимулирует создание общеевропейских партийных структур, благодаря чему, возможно, на выборах 2004 г. граждане стран — членов ЕС будут избирать депутатов Европейского парламента по единому партийному списку. Запланировано, что в этих выборах будут принимать участие и граждане новых стран-членов, которые к тому времени должны вступить в Европейский Союз.

Согласно Копенгагенским критериям (1993) страны — претенденты на вступление в ЕС должны иметь стабильную внутреннюю демократическую структуру, правовой порядок, защищать права человека, выполнить ряд требований по адаптации национального законодательства. Это требует постоянного диалога между европейскими парламентариями. Неминуемая процедура расширения ЕС объективно требует пересмотра численности депутатских мандатов в ЕП, процедуры принятия решений так называемым квалифицированным большинством голосов.

7–11 декабря 2000 г. в Ницце обсуждались стратегические вопросы проблем и перспектив Европейского Союза. Конечно, наиболее принципиальный

вопрос, который пока остается открытым, — конечная цель европейской интеграции. Вопрос создания Соединенных Штатов Европы по гипотетической конфедеративной модели является риторическим, поскольку большинство европейских политиков все-таки занимают позицию, что ЕС должен стать мировой сверхсилой, но не сверхдержавой.

Сложную группу вопросов представляют противоречия между “большими” и “малыми” (по численности населения) странами — членами ЕС. Последние были против пропорционального представительства в Европейской комиссии и Европейском парламенте и, соответственно, против принятия решений новым квалифицированным большинством. Однако, если не увеличить количество мандатов, например, в Европейском парламенте, то решения в новом, расширенном ЕС будут приниматься представителями только половины населения, что невозможно с точки зрения демократических процедур.

Спор разгорелся вокруг вопроса об объеме контрольных функций Европейского парламента. Германия настаивала на полном контроле ЕП над деятельностью Европейской комиссии, а Великобритания была решительно против этого. Поиск компромисса по этой принципиальной проблеме еще длится.

В результате острых дискуссий всех стран — членов ЕС и приглашенных на саммит в Ницце представителей 12 стран — кандидатов на вступление было согласовано новое распределение голосов в Европейском Совете (*табл. 1, с. 210*)¹³. Теперь квалифицированным большинством голосов решения могут приниматься при условии, что против будут голосовать не более чем семь стран. Однако новый порядок будет действовать еще очень нескоро, ведь даже при гипотетическом расширении в 2004 г. членами ЕС в зависимости от индивидуальной готовности станут сначала лишь кандидаты из так называемой “люксембургской группы” (определенные в 1998 г.) — Польша, Чехия, Венгрия, Эстония, Словения, Кипр, а вступление в ЕС стран из “хельсинкской группы” (определенных в 1999 г.) может быть отложено.

На саммите ЕС в Ницце было также согласовано увеличение численности евродепутатов с 626 до 732. Новое распределение депутатских мандатов приведено в *табл. 2 (с. 211)*. Всем нынешним членам ЕС, за исключением самой большой по численности населения Германии и самого малого Люксембурга, пришлось “поделиться” местами депутатов Европейского парламента со странами — будущими членами ЕС.

В процессе этих дискуссий выкристаллизовалась идея создания второй палаты Европейского парламента. Впервые эту идею в 1998 г. выдвинул президент Чехии В. Гавел, предложивший создать верхнюю палату из представителей национальных парламента. Похожую идею пропагандирует канцлер ФРГ Г. Шредер, который предложил создать новую модель Европейского парламента по немецкому образцу: нижняя палата — палата представителей

Страна	Население, млн чел.	Количество голосов	
		до объединения	после объединения
Германия	82,0	10	29
Великобритания	59,2	10	29
Франция	59,0	10	29
Италия	57,6	10	29
Испания	39,4	8	27
Польша	38,7	–	27
Румыния	22,5	–	15
Нидерланды	15,8	5	13
Греция	10,5	5	12
Чехия	10,3	–	12
Бельгия	10,2	5	12
Венгрия	10,1	–	12
Португалия	10,0	5	12
Швеция	8,0	4	10
Болгария	8,2	–	10
Австрия	8,1	4	10
Словакия	5,4	–	7
Дания	5,3	3	7
Финляндия	5,2	3	7
Ирландия	3,7	3	7
Литва	3,7	–	7
Латвия	2,4	–	4
Словения	2,0	–	4
Эстония	1,4	–	4
Кипр	0,4	–	4
Люксембург	0,4	2	4
Мальта	0,4	–	3

Таблица 1. Количество голосов в Совете Европы после расширения ЕС.

Страна	Депутатские мандаты	± к существующим
Германия	99	0
Великобритания	72	-15
Франция	72	-15
Италия	72	-15
Испания	50	-14
Польша	50	
Румыния	33	
Нидерланды	25	-6
Греция	22	-3
Бельгия	22	-3
Чехия	22	
Венгрия	20	
Португалия	20	-5
Швеция	18	-4
Австрия	17	-4
Болгария	17	
Дания	13	-3
Финляндия	13	-3
Словакия	13	
Ирландия	12	-3
Литва	12	
Латвия	8	
Словения	7	
Люксембург	6	0
Эстония	6	
Кипр	6	
Мальта	5	

Таблица 2. Распределение депутатских мандатов в Европейском парламенте после расширения ЕС

Европарламента и верхняя — палата депутатов от национальных парламентов, которая может иметь больше полномочий, в частности в бюджетной сфере. Тем самым можно было бы сделать решительный шаг к созданию Европейской конфедерации или федерации. Премьер-министр Великобритании Т. Блэр, наоборот, против создания верхней палаты Европарламента, за сохранение высших прерогатив за национальными парламентами.

Согласование проектов реформирования структур Европейского Союза связано с деятельностью Европейского конституционного конвента, начавшего свою работу 28 февраля 2002 г. Его главная цель — разработка проекта Конституции ЕС, которая должна сформировать баланс между федералистской идеей (или идеей конфедерации) и функциональной эффективностью¹⁵.

Вместе с тем, ускорение политических аспектов европейской интеграции стимулирует рост популярности партий, более правых, чем так называемые правоцентристы. Эта дифференциация наблюдается, прежде всего, в вопросе отношения к Европейскому Союзу. Именно на антиинтеграционных идеях набирают популярность Национальный альянс в Италии, Партия свободы в Австрии, Народная партия в Португалии, Национальный фронт во Франции, Датская народная партия, Список Фортайна в Нидерландах, Влаамский блок в Бельгии. Такое развитие событий дает основания говорить об угрозе “ультра-правого марша” по странам Европейского Союза. Отпор этой тенденции правоцентристские и левоцентристские партии могут дать лишь сообща.

Уже сегодня понятно, что ведущей темой выборов Европейского парламента летом 2004 г. будет будущее Европы как союза европейских народов. Вместе с тем продолжается процесс постепенного преобразования Европейского парламента в высший представительский, законодательный и контрольный орган Европейского Союза.

Тем самым особое значение для Украины имеют налаживание связей и интенсификация сотрудничества с Европейским парламентом, поскольку именно он должен ратифицировать все соглашения по созданию зон свободной торговли и предоставлению Украине статуса ассоциированного члена, что является стратегической целью нашего европейского выбора.

Пока в системе межпарламентского сотрудничества Верховной Рады Украины приоритет отдается Парламентской Ассамблее Совета Европы, Межпарламентской ассамблее СНГ, соответствующим структурам Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, Организации Черноморского экономического сотрудничества, Североатлантическому альянсу, а Европарламент остается на периферии интересов. Однако очевидно, что выстраивать различные формы межпарламентского сотрудничества необходимо на паритетной основе, исходя, прежде всего, из стратегических соображений реализации национальных интересов в Европе.

Глава 20. Монетарный союз ЕС и вызовы глобализации

Введение в наличный оборот с 1 января 2002 г. общей денежной единицы 12 стран — членов Монетарного союза ЕС стало не только закономерным следствием выхода на качественно новый уровень экономической составляющей европейского интеграционного процесса, но и ответом Европейского Союза на вызов современного процесса глобализации.

На протяжении второй половины XX в. эти тенденции интенсивно коррелировали, находясь в состоянии взаимозависимости, усиливали и ускоряли друг друга. Аналогичная связь между ними, безусловно, сохранится и в XXI в., который может стать временем формирования новых региональных монетарных союзов или их прототипов. Поэтому важно проанализировать исторический опыт формирования Монетарного союза ЕС, тенденции развития общей валюты евро, перспективы глобальных изменений в мировых финансах под влиянием этих явлений.

Монетарный союз ЕС в исторической ретроспективе. После Второй мировой войны движущей силой мировой экономики стали США. Этот объективный факт подтвердило превращение американского доллара в главную мировую резервную валюту. Такой статус обеспечивался использованием доллара в большом количестве финансовых операций, что давало Федеральной резервной системе США замечательную возможность компенсировать часть дефицита своего платежного баланса без любых дополнительных затрат, кроме как на эмиссию. Эти интервенции позволили Соединенным Штатам широко использовать глобальную долларовую политику в собственных национальных интересах. Началом конца монопольного положения доллара в мировой финансовой системе, в сущности, стала активизация процесса европейской интеграции.

В 1957 г. в Риме был подписан Договор о создании Европейского Экономического Сообщества, первыми участниками которого стали шесть стран. Статья 107 этого исторически важного документа содержала положение о том, что “любая страна-член рассматривает собственную политику относительно

валютных курсов как сферу общих интересов”¹⁶. С этой целью в следующем году был создан Монетарный комитет, призванный следить за валютно-финансовым и денежно-кредитным положением стран-членов и Сообщества в целом, а также за общим платежным балансом стран-членов.

Следующий этап развития европейской интеграции в финансовой сфере связан с созданием в 1964 г. Комитета президентов центральных банков стран-членов, который должен был координировать свою работу с Монетарным комитетом.

Тем временем в дела финансовые вмешались, как это часто бывает, проблемы военные. 2 мая 1964 г. инцидент в Тонкинском заливе привел к началу войны между США и Вьетнамом. На эту грязную войну пошли значительные финансовые резервы США. Высокая стоимость боевых действий дестабилизировала курс доллара, что сказалось в конце 1960-х гг.

Серьезные потрясения также ожидали европейскую финансовую систему. В мае 1968 г. французские рабочие и профсоюзы присоединились к студенческим протестам и начали общенациональную забастовку. Правительство де Голля было вынуждено пойти на значительное повышение заработной платы и существенное улучшение пенсионного обеспечения. Это социально-экономическое решение стимулировало такой рост инфляции, что 10 августа 1969 г. правительство девальвировало французский франк, поскольку политика его удержания на уровне немецкой марки наносила ощутимый ущерб французской экономике. Все это вызвало европейскую валютную нестабильность, которая объективно требовала большей координации финансовой политики.

Вместе с тем правительство Соединенных Штатов отказалось увеличивать налоги для финансирования военных действий во Вьетнаме, и как следствие — была осуществлена вынужденная дополнительная эмиссия долларов. Под действием этого решения в августе 1971 г. доллар временно теряет способность конвертироваться в золото. Нарастает мировой финансовый кризис.

В таких условиях 24 апреля 1972 г. начала функционировать “валютная змея” Европейского Экономического Сообщества. Смысл этой валютной политики состоял в централизованном определении курсов всех валют стран — членов ЕЭС между собой и относительно доллара¹⁷. Было установлено, что колебание курсов валют стран-участниц не должно превышать $\pm 2,25\%$ относительно друг друга. Кроме того, до 18 марта 1973 г. “змея” находилась “в тоннеле”, определяющемся рамками колебаний относительно американского доллара $\pm 4,5\%$. Если эта “змея” достигала установленных пределов, центральные банки должны были проводить интервенцию (куплю-продажу американских долларов), чтобы избежать дестабилизации курса.

В то же время была организована система кредитов для стабилизации финансового состояния стран-участниц. Кредиты выдавал созданный в 1973 г. Европейский фонд валютного сотрудничества. Но даже этот шаг не мог сделать однородным экономическое развитие и состояние платежного баланса стран, пользующихся “змеей”. Однако историческое значение “европейской валютной змеи” 1972–79 гг. состоит в получении важного практического опыта проведения общей валютной политики.

Финансово-экономическая ситуация усложнялась вследствие войны Египта и Сирии против Израиля (1973). Организация стран — экспортеров нефти (ОПЕК) применила эмбарго на продажу нефти странам, поддерживающим Израиль. Поскольку две трети мировой нефти поставлялось из Ближнего Востока, это дало возможность странам ОПЕК с 1973 до 1979 г. повысить цены на нефть на 475 %. Энергетический кризис императивно требовал координации европейской валютной политики на новом уровне.

Принцип функционирования “змеи” был положено в основу организации работы созданной в марте 1979 г. Европейской валютной системы. Она базировалась на “трех китах”: европейской валютной единице — экю, механизме валютных курсов и интервенций, механизме кредитования. В сущности, Европейская (монетарная) валютная система была начальным этапом создания экономического и монетарного союза.

Исторический опыт регулирования финансовых процессов на европейском пространстве положен в основу отчета председателя Европейской комиссии Ж. Делора об экономическом и монетарном союзе (1989). Он выделил три этапа в процессе создания единой валюты: усовершенствование существующих механизмов сотрудничества по курсу обмена валют, создание объединения европейских банков, установление фиксированных обменных курсов. Однако на определенном этапе европейской интеграции недостатки Европейской валютной системы начали преобладать над ее преимуществами. Встала задача политического обеспечения перехода к качественно новому этапу финансового сотрудничества — введению общей денежной единицы.

Согласно Маастрихтскому договору в 1993 г. был создан Европейский монетарный (валютный) институт, призванный укрепить экономическое и монетарное сотрудничество и координировать подготовку к заключительному этапу формирования экономического и монетарного союза¹⁸. В 1998 г. на его основе был сформирован Европейский центральный банк. Главная его задача состоит в обеспечении реализации процесса введения и функционирования общей денежной единицы евро.

Официально руководящая элита Европейского Союза выдвигает такие главные аргументы в пользу этого решения. Во-первых, по разным

экспертным оценкам, страны ЕС теряли от 15 до 30 млрд долл. ежегодно вследствие использования большого количества национальных валют на достаточно узком торговом пространстве. При этом компании, которые страховались от возможных колебаний валютных курсов, также теряли прибыль. Во-вторых, достаточно сложно сравнивать цены на однотипные товары при разном масштабе цен различных стран-производителей. Введение евро позволит сопоставлять эти стоимости, что приведет к усилению конкуренции между поставщиками товаров и услуг, особенно в условиях существующей системы электронных расчетов, которая через компьютерные сети облегчает доступ к любому товару. В-третьих, существование единой европейской валюты будет способствовать ее выходу на международные финансовые рынки и утверждению ее статуса, по крайней мере, второй резервной денежной единицы после доллара США. В-четвертых, евро радикально изменит жизнь простых граждан стран — членов ЕС. Отныне для любого гражданина ЕС поездка за границу (ведь фактически создан общий рынок рабочей силы) станет проще и удобнее, ведь он окажется в аналогичном к его стране ценовом масштабе с той же валютой в кармане¹⁹.

После принятого стратегического решения началась практическая работа по его реализации. В 1995 г. были согласованы критерии членства в будущем Монетарном союзе ЕС. В частности, уровень инфляции не должен превышать более чем на 1,5 % средний уровень трех стран ЕС с наиболее низким уровнем инфляции. Задолженность страны должна составлять менее чем 60 % от ВВП, государственный дефицит — не превышать 3 % ВВП. На протяжении двух лет должны удерживаться границы колебаний валютного курса без девальвации к валюте других стран — членов ЕС. Долгосрочные процентные ставки не должны превышать более чем на 2 % средний показатель для трех стран с наиболее низким уровнем инфляции²⁰.

Подчеркнем, что придерживаться этих жестких макроэкономических показателей будет очень непросто каждой из 12 стран — кандидатов на вступление в ЕС после 2005 г. Но без выполнения этих макроэкономических императивов вообще нецелесообразно вводить общую денежную единицу, поскольку существует реальный риск перекачки богатств из более развитых стран в менее обеспеченные, после чего может наступить крах экономической системы в целом. Поэтому дисциплина выполнения критериев членства в Монетарном союзе — это, по сути, лакмусовая бумажка готовности страны-кандидата к участию в европейском интеграционном процессе по степени экономического развития.

В то же время население высокоразвитой Германии не желало терять свою марку, которая сначала стала символом экономического чуда, а в 1990 г. привела страну к национальному единству. Однако остановить развитие

событий традиционными акциями протеста, которые организовывали ультралевые и ультраправые, уже было невозможно. Ряд немецких экономистов в январе 1998 г. подали иск в Конституционный суд ФРГ по поводу того, не причинит ли общая денежная единица евро убытков гражданам Германии. После довольно острых дебатов высшая конституционная инстанция страны подтвердила легитимность присоединения Федеративной Республики к Монетарному союзу²¹.

Итак, тогдашнее правительство канцлера Г. Коля получило дополнительные правовые основания для активизации процесса перехода к евро. Существенным препятствием на этом тернистом пути был конфликтный вопрос по избранию председателя Европейского центрального банка. Германия поддерживала кандидатуру нидерландца В. Дуйсинберга, а Франция настаивала на кандидатуре председателя своего центрального банка — Ж.-К. Трише. За борьбой персоналий просматривались не только различная стратегия деятельности главного органа Монетарного союза (его независимость от политического давления или подконтрольность политической конъюнктуре), но и конфликт интересов Франции и Германии, их борьба за влияние на принятие решений этой структурой.

Наконец, было согласовано, что Европейская система центральных банков с 30 июня 1998 г. будет состоять из национальных центральных банков и Европейского центрального банка. Ее основные задачи состоят в определении валютной политики Европейского Союза, координации деятельности системы центральных банков, задачами которой, в свою очередь, являются управление деньгами в обороте, маневр валютными резервами и их сохранение, а также обеспечение надлежащего функционирования платежных систем.

Также был утвержден директорат Европейского центрального банка, в состав которого вошли: В. Дуйсинберг — директор (Нидерланды), Ж.-К. Трише (Франция), К. Нойер (Парижский клуб кредиторов), О. Изинг (Германия), С. Хемилайнен (Финляндия), Д. Саланс (Испания), Т. Миньона (Италия)²². Директором Европейского центрального банка (ЕЦБ) на восьмилетний период (до 2006 г.) стал В. Дуйсинберг. Он проявил все лучшие качества банкира — спокойствие, трезвый расчет и неприятие политического давления, которое остается главной угрозой реальной независимости решений Европейского центрального банка.

Начало деятельности ЕЦБ синхронизировалось с пиком азиатского экономического кризиса. Ведущие игроки глобального финансового рынка высказались за усовершенствование правил игры на фондовых биржах и усиление регулирования финансовых потоков в условиях кризисных явлений. В этих обстоятельствах евро считалось фактором стабильности.

С 1 января 1999 г. Европейский центральный банк взял на себя полномочия по обеспечению функционирования Монетарного союза. В этот день евро в безналичный оборот ввели Австрия, Бельгия, Финляндия, Франция, Германия, Ирландия, Италия, Люксембург, Нидерланды, Португалия, Испания. 2 января 2001 г., выполнив макроэкономические критерии, Греция стала двенадцатой страной — членом еврозоны. За пределами Евроленда остались Великобритания, Дания и Швеция.

Еще три главные европейские финансовые центра — Лондон, Париж и Франкфурт-на-Майне — должны были определить новые правила взаимодействия. В целом продолжительный исторический путь к созданию Монетарного союза вышел на финишную прямую. Однако, по большому счету, решение одной, пусть и ключевой, проблемы перехода к общей денежной единице выдвинуло на повестку дня ряд других вопросов, связанных с адаптацией граждан Евроленда к новой валюте и с определением ее места в глобальной экономической системе.

Глобализация и мировая финансовая система: проблемы и перспективы евро. Европейский Союз объединяет 15 ведущих европейских стран с целью обеспечения благосостояния и безопасности своих граждан путем все более тесного объединения на основе общих экономических, политических и социальных целей и ценностей.

Существование ЕС способствует социальному и экономическому прогрессу, который достигается путем создания пространства без внутренних границ, углубления экономической и социальной интеграции через эффективное функционирование экономического и валютного союза. Тем не менее, проблемы с евро возникли уже в его колыбели. Война против Югославии в 1999 г. существенно понизила курс общей европейской денежной единицы относительно американского доллара. В. Дуйсинберг постоянно подчеркивает, что относительная слабость курса евро не столько стимулируется монетарной политикой, сколько является следствием медленных структурных реформ экономики ведущих стран еврозоны.

С другой стороны, слабость евро повышала конкурентоспособность европейского экспорта, что определенное время поддерживало на высоком уровне экспортные возможности ЕС на глобальном рынке и, вместе с тем, стимулировало инфляционные тенденции в Евроленде.

Очередным ударом по евро стал провал 28 сентября 2000 г. референдума в Дании о присоединении к Монетарному союзу. Еще один вызов курсу евро в это время бросили высокие цены на нефть.

Кроме того, лейбористское правительство Великобритании, не желая приобщать национальную экономику, переживающую цикл подъема, к нестабильному Монетарному союзу, постоянно откладывает решение о введении евро.

В 1999 г. Т. Блэр и канцлер ФРГ Г. Шредер подчеркивали, что Евросоюз и в дальнейшем должен выступать локомотивом либерализации мировой торговли, а европейские рынки капитала — оставаться открытыми. Поэтому проводить продолжительное время британскую национальную политику в условиях глобальной экономики будет чрезвычайно сложно.

Тем не менее, глобализация финансовой системы создает дополнительные риски для евро. Например, перманентная угроза дефолта по внешним долговым обязательствам Аргентины может отрицательно сказаться на экономике не только Латинской и Северной Америки, но и Испании, которая является активным игроком на аргентинском финансовом рынке.

Именно глобальная экономическая система превращает Европейский Союз с его более чем 370 млн человек населения в самый крупный торговый блок в мире. С этим вынужден считаться и Китай, который перед вступлением во Всемирную торговую организацию перевел 200 млрд долларов своих валютных резервов в евро²³. Стабильное евро считают положительным фактором для мировой экономики и в Японии, которая с 1990-х гг. постоянно находится в состоянии экономической рецессии, а с введением евро здесь рассчитывают на увеличение объемов инвестиционных потоков из Европы.

По состоянию на 1998 г., прямые инвестиции США за рубежом составляли 794 млрд долл., Японии — 330 млрд долл., Германии — 288 млрд долл.²⁴ Поэтому от состояния экономики этих трех лидеров зависит перспектива глобальной экономической конъюнктуры. Начиная с 2000 г., впервые с 1970-х гг. синхронизировались процессы экономического спада в США и в Японии, которые до терактов 11 сентября 2001 г. вследствие определенной инерционности мировой экономики еще недостаточно быстрыми темпами приближали угрозу глобальной экономической рецессии. Экономисты еще весной 2001 г. подсчитывали прибыли и определяли перспективы евро в рамках системы мировой торговли.

Европейский Союз после приема новых стран-членов доведет численность населения до 440 млн человек, будет иметь объем валового продукта в сумме 8,3 трлн долл., объем импорта ЕС из США будет составлять 265 млрд долл., а экспорт достигнет показателя 232 млрд долл. (расчеты проводили экономисты ФРГ в конце 2000 г.)²⁵.

Однако в то время рядовых граждан стран ЕС беспокоили более приземленные цифры. Наибольшее беспокойство вызвали технические детали обмена денег, ведь этот процесс угрожал хаосом именно в период рождественских и новогодних закупок. Кроме того, немного пугал масштаб количества купюр, подлежащих замене. По данным Бундесбанка, за 100 дней до введения евро в наличном обороте было 278 млрд немецких марок,

причем 40 % этой денежной массы находилось за пределами ФРГ²⁶. С введением евро в наличный оборот автоматически возрос общий масштаб розничных цен на большинство товаров. Это отрицательно сказалось на политических шансах правящих элит на ближайших выборах, например президента Франции весной 2002 г. и немецкого Бундестага в сентябре того же года.

Введение евро стало поворотным моментом в процессе европейской интеграции. Дж. Сорос подчеркивает, что нельзя иметь общий рынок без общей валюты, как нельзя иметь общей валюты без общей фискальной политики, включая централизованное собирание налогов и их перераспределение²⁷. Решение общих налоговых вопросов отложено на неопределенное время, ведь это способно окончательно подорвать доверие граждан ЕС к общей валюте, перечеркнуть традиционные представления о национальном суверенитете и представительской демократии.

В общем, евро — это, в сущности, пилотный проект модели финансовой интеграции для других экономических региональных группировок, таких как Ассоциация сотрудничества стран Юго-Восточной Азии — АСЕАН (которая может рассматривать свою гипотетическую общую валюту как альтернативу японской иене), Совет сотрудничества государств Персидского залива, Содружество Независимых Государств, Африканский союз. Общий рынок стран Латинской Америки (МЕРКОСУР) уже планирует согласовать свою финансовую политику до 2005 г.

Негативный опыт введения евро в наличный оборот, в случае наихудшего сценария, который надо, по крайней мере, принимать во внимание, чтобы попытаться его избежать, может надолго похоронить любые интеграционные попытки во многих региональных экономических группировках. Успех же евро, наоборот, станет настоящим прорывом к новым вершинам глобальной экономики. Свидетельством настойчивых попыток элиты стран — членов Монетарного союза зафиксировать в общественном мнении идею успешности евро стало присуждение 9 мая 2002 г., в День Европы, общей европейской валюте международной премии имени Карла Великого за весомый вклад в дело европейской интеграции²⁸.

Итак, перспективы евро тесно связаны с проблемами функционирования Монетарного союза в условиях глобальной финансовой нестабильности и, по большому счету, зависят от возможности всех субъектов, использующих евро, найти адекватные ответы даже на пока неизвестные вызовы.

Евро и доллар: первая проба сил. Одним из таких вызовов являются прогнозы по перспективам сосуществования двух важнейших мировых валют (такой статус, наверное, на определенное время также сохранят британский фунт стерлингов, швейцарский франк и японская иена) — евро и американского доллара.

Стартовые позиции для евро еще в 1999 г. были не очень благоприятными. Американская экономика доживала последние месяцы бума процветания, а страны — члены ЕС пожинали плоды нестабильности безналичного курса евро, которое испытывало давление высокого уровня безработицы и последствий косовской кампании Североатлантического альянса.

Нынешний президент США Дж. Буш в январе 2001 г. пришел к власти на волне обещаний сократить налоги, воспользовавшись профицитом (превышением доходов над расходами) американского бюджета. До 2002 г. планировали вообще ликвидировать дефицит бюджета США. Но гладко было на бумаге, да забыли про овраги. Сначала лопнул мыльный пузырь спекулятивного курса акций так называемой Интернет-экономики. Потом началась лихорадка на фондовом рынке в целом.

В таких условиях, казалось бы, замедление темпов роста американской экономики будет способствовать возвращению в Европу капиталов, которые были необходимы для стабилизации и отладки механизма функционирования Монетарного союза. Эти капиталы не помешали, ведь проблем у Европейского центрального банка было предостаточно.

Мощное давление на евро оказывает высокий уровень безработицы в странах — членах Евросоюза. Но риск сугубо монетарного влияния на искусственное создание новых рабочих мест без масштабных структурных реформ экономики достаточно высок. Вместе с тем финансирование крупных, по американским меркам, социальных программ создает бюджетный дефицит, также дестабилизирующий евро.

Дополнительный фактор нестабильности — глобальная экономическая конъюнктура. В течение всего периода 1990-х гг. в системе Всемирной торговой организации вспыхивали различные торговые войны между Соединенными Штатами и Европейским Союзом. Парадокс этой ситуации состоит в том, что, помимо глобальной конкурентной борьбы, мы имеем возможность наблюдать за достаточно тесным сотрудничеством европейских и американских товаропроизводителей. Например, высокого уровня достигла кооперация автомобильных производителей “Фиат” и “Дженерал моторс”, “Опель” и “Форд”, с 1998 г. активно действует немецко-американский концерн “Даймлер — Крайслер”. Налаживаются связи между концернами военно-промышленного комплекса ЕС и США, прежде всего в области возможных подрядов на выполнение проектов в рамках разработки национальной системы противоракетной обороны США.

В целом, нельзя отрицать возможность создания в перспективе трансатлантической зоны свободной торговли. Благоприятной основой для этого может быть налаживание более тесного сотрудничества Федеральной резервной системы США и Европейского центрального банка как главных

операторов доллара и евро. Но это, конечно, не снимает с повестки дня вопрос о конкуренции двух ведущих мировых валют.

Позиции евро в этом контексте ослабляются особенностями внутреннего социально-экономического развития Евросоюза. Экономический и монетарный союзы подтверждают существенную экономическую и социальную неоднородность стран — членов ЕС, северные страны более богаты, чем южные. Поэтому без ускоренной конвергенции между этими полюсами роль евро как катализатора политического союза может оказаться под вопросом.

Еще одна отложенная угроза стабильности евро — проблема очередного расширения Европейского Союза. До 2004 г. прогнозируется вступление в ЕС по крайней мере 10 из нынешних 13 кандидатов (кроме, наверное, Турции, Болгарии и Румынии). Хотя присоединение новых стран-членов к Монетарному союзу поставлено в жесткую зависимость от выполнения ими всех критериев, необходимых для введения евро, стоимость адаптации этих стран ляжет тяжелым бременем на бюджет ЕС, а значит, не может не отразиться на курсе общей денежной единицы.

В конце концов, настоящим испытанием для наличного евро может быть глобальный шок от самой угрозы мировой экономической рецессии. В третьем квартале 2001 г., сразу после терактов, статистические службы зафиксировали спад экономики Соединенных Штатов. В целом же критерием начала рецессии является отрицательный показатель роста в течение двух кварталов подряд. Спад экономики США немедленно скажется на ЕС и на мировой экономике в целом, что отразится и на новых рынках, в частности на украинском.

К рискам также следует отнести неопределенность относительно времени и стоимости окончательного завершения антитеррористической кампании против угрозы международного терроризма. Глобальный финансовый рынок является весьма чувствительным органом и реагирует на любые угрозы нестабильности. В таких условиях, кроме американского доллара, нужна еще одна мировая валюта, чтобы уберечь от потрясений глобальную экономику.

Глава 21. Общая внешняя и оборонная политика ЕС: проблемы формирования и перспективы реализации

Внешнюю политику традиционно рассматривают как концептуально определенный курс государства в международных делах, направленный на системное развитие, поддержание и урегулирование отношений с другими государствами на основе определенной цели и общепризнанных принципов. Как правило, главной целью внешней политики является создание благоприятных условий для реализации внутренней политики, которая, в свою очередь, существенно влияет на первую. С этой точки зрения определенным парадоксом выглядит развитие общей внешней и оборонной политики (ОВОП) Европейского Союза как интеграционной структуры стран-членов, которые в ипостаси суверенных государств, казалось бы, должны иметь собственные национальные интересы, а их довольно сложно привести к общему знаменателю. Поэтому опыт формирования и первых попыток реализации ОВОП уникален в новейшей истории международных отношений, интересен для других интеграционных объединений и, безусловно, заслуживает глубокого научного анализа.

Прежде всего, необходимо проанализировать причины этого явления. В течение всего XX в. последовательно усиливался процесс интернационализации (как важный фактор в развитии человечества в целом и отдельных наций в частности), тем самым постепенно размывались границы между “классической” внешней и внутренней политикой. Свидетельством логического воплощения этого процесса и является, с нашей точки зрения, формирование общей внешней и оборонной политики Европейского Союза. Можно сказать, что ОВОП — это, по сути, адекватный ответ стран — членов ЕС на вызов новой системы международных отношений.

Понятие системы международных отношений является важным элементом научного анализа истории мировой дипломатии. Каждая из известных систем международных отношений формируется вследствие существенных эпохальных исторических событий, создающих определенную парадигму

межгосударственных отношений, радикально изменяющих дипломатический ландшафт, генерирующих новые “правила игры”, которые в значительной мере зависят от соотношения сил на международной арене.

Таким Рубиконом, по сути, явился распад Советского Союза и СФРЮ, а также объединение Германии. Вместе с тем “переходный период” от современной системы международных отношений (с этим понятием связаны Версальско-Вашингтонская (1919–39) и Ялтинско-Потсдамская (1945–89) системы международных отношений) к постмодерной длился, начиная со времени операции “Буря в пустыни” против Ирака, захватившего Кувейт (август 1990 г. — февраль 1991 г.), и фактически до завершения операции сил НАТО против Югославии по урегулированию конфликта в Косово (март — июнь 1999 г.).

Отметим, что идея Модерна со времени Великой французской революции базировалась на формационном видении всемирной истории как процесса, призванного создать предпосылки для реализации общей судьбы человечества. Коммунисты-идеалисты усматривали ее в создании всемирной федерации советских республик, капиталисты-прагматики — в развитии либерально ориентированных свободных рыночных пространств. Тем самым, по сути, в недрах Модерна формировалась новая парадигма Постмодерна. В философском понимании этот термин обозначает определенный скептицизм по отношению к универсальным теориям. На первый план выводятся микропроцессы, центробежные тенденции, фрагментация. Вместе с тем на протяжении 1970-х гг. эксперты Римского клуба постоянно напоминали об обострении глобальных экономических, экологических, научно-технических, социокультурных проблем²⁹.

Европейский интеграционный проект по своей сути является постмодернистским, поскольку пытается преодолеть Модерн, с которым был связан национализм, и выйти на уровень толерантного согласования национальных интересов.

Воплощением тенденций актуализации общечеловеческой взаимозависимости стал процесс глобализации. Под понятием “глобализация”, как правило, понимают объективные тенденции развития мировой экономики, связанные с созданием общих рынков, объединенных идеалами свободной конкуренции и современными информационными технологиями, усиление тенденций глобального разделения труда, активизации роли транснациональных корпораций. С другой стороны, интенсивными становятся процессы политической глобализации³⁰.

В конце XX в. интеграционные структуры (Европарламент, Западно-европейский союз, Европол, Интерпол) начали выполнять важные политические функции, существенно ограничивающие национальный суверенитет и стимулирующие императивную необходимость согласования внешней и оборонной политики на новом уровне. Вместе с тем новое качество согласования

общей позиции стран — членов Европейского Союза также объективно обусловлено усилением позиций США и определением тенденций развития нескольких новых полюсов силы, которые в XXI в. будут претендовать на ведущие роли и отстаивать собственные правила игры.

Формирование правовых основ и принципов ОВОП Европейского Союза. Необходимость налаживания определенных общих механизмов согласования позиций западноевропейских стран в рамках интеграционной структуры фактически возникла вместе с формированием Европейского Экономического Сообщества. Согласно положениям Римского договора 1957 г. была введена функциональная методика нахождения компромиссных решений, прежде всего путем совещания министров иностранных дел и экспертных групп.

В период “холодной войны”, когда тотальное противостояние демократических стран Запада и социалистического лагеря во главе с СССР требовало высокой степени консолидации по внешнеполитическим и оборонным вопросам, ЕЭС демонстрировал достаточно согласованную позицию по актуальным вопросам гонки вооружений и гарантий безопасности Старого континента.

Фундаментальные изменения произошли в начале 1990-х гг., когда демократическая трансформация в Центральной и Юго-Восточной Европе стимулировала объективную потребность расширения ЕЭС, а имманентная логика процесса интеграции императивно требовала поиска новых форм взаимодействия. С другой стороны, распад СССР, ЧСФР, СФРЮ поставил сложные вопросы геополитической перестройки соседних к Западной Европе регионов. Качественно новый вызов требовал адекватного ответа.

В феврале 1992 г. был подписан Маастрихтский договор, который начал процесс создания функционального механизма общей внешней и оборонной политики Европейского Союза. На повестку дня была вынесена проблема постепенного преобразования Западноевропейского союза в структурную единицу Европейского Союза в сфере безопасности и обороны. Однако сохранялось несоответствие между провозглашенной целью усиления влияния ЕС на международной арене и неэффективным механизмом имплементации политических решений. Бывший государственный секретарь США Г. Киссинджер иронически спрашивал номер телефона лица, ответственного за провозглашенную общую внешнюю и оборонную политику ЕС. Некоторое время на этот вопрос не было логичного ответа.

Амстердамский договор 1997 г. усовершенствовал правовые основы формирования ОВОП Европейского Союза. Учрежден пост Уполномоченного по вопросам общей внешней и оборонной политики ЕС, на который избран бывший Генеральный секретарь НАТО Х. Солана (тем самым подчеркивалась последовательность в укреплении трансатлантической солидарности), создано соответствующее административное подразделение, выделено финансирование.

Таким образом, Европейский Союз вместе с политическим и экономическим фундаментом получил третью структурную опору — военную. Амстердамский договор также ввел инструмент создания “общих стратегий” с целью координации общей политики ЕС по отношению к другим странам и регионам.

Вместе с тем оставался нерешенным принципиальный вопрос процедуры принятия решений по актуальным вопросам общей внешней и оборонной политики, ведь право вето, в сущности, могло заблокировать (как это красноречиво подтвердил опыт балканского урегулирования) процесс эффективного проведения соответствующего курса. Урегулирование этого вопроса оставалось в повестке дня для дальнейших согласований. Он является ключевым для развития общих согласованных принципов внешней и оборонной политики. Конечно, определенные фундаментальные принципы, такие как наличие общих цивилизационных ценностей, расширение демократии, защита прав человека и жизненно важных интересов стран — членов ЕС, априори существовали и будут существовать как надежные ориентиры соответствующего внешнеполитического курса. Тем не менее, фундаментальной проблемой является имманентное противоречие: с одной стороны, ЕС объективно достиг функционального уровня интеграции федеративного государства (общее право на всей территории, общая денежная единица — евро, единая система структур, осуществляющих государственную власть — Европейская комиссия, Европейский парламент, Европол, реализация тенденции к проведению общей внешней и оборонной политики), с другой, — в состав ЕС входят независимые суверенные государства, имеющие собственные интересы. Поэтому Европейская комиссия может разрабатывать текст международного договора до стадии его парафирования, но подписание остается в компетенции национальных правительств и парламентов, поскольку финансовые затраты на соблюдение международных обязательств несут государства-члены³¹.

Ключевой момент “нейтрализации” указанного разногласия — налаживание взаимодействия между странами — членами ЕС по модели немецко-французского партнерства. С 1963 г. по 2001 г. прошли 77 саммитов высшего политического руководства двух государств. Париж поддерживает стремление Берлина стать постоянным членом Совета Безопасности ООН (хотя Испания и Италия выступают за ротацию новых стран-членов от Европейского Союза), на стадии реализации находится общая оборонительная спутниковая программа “Гелиос-2”. С приходом к власти в Великобритании лейбористов (1997), усиливается ось Париж — Берлин — Лондон, углубляется понимание необходимости реализации общей внешней и оборонной политики, ведь невозможно иметь сильную Европу со слабыми институтами.

В декабре 2000 г. на саммите Евросоюза в Ницце была принята новая редакция Амстердамского договора, которая реформировала механизм принятия

решений, что стало императивной предпосылкой вступления в ЕС новых стран-членов. Этот договор, в 2001 г. прошедший сложную процедуру ратификации национальными парламентами 15 государств — нынешних членов ЕС, устанавливает норму принятия важных решений двумя третями голосов от общего количества мандатов в Европейской комиссии. В частности, такой порядок голосования определен по важным вопросам общей внешней и оборонной политики, например при избрании специального уполномоченного по вопросам ОВОП, при принятии общих решений по политике ЕС относительно определенных стран³². Следовательно, чрезвычайно важным будет распределение голосов (по критерию количества населения) в Европейской комиссии нового Европейского Союза, рассчитанного на 27 стран-членов (*табл. 3, с. 209*)³³.

Таким образом, наиболее крупные и экономически мощные страны — члены ЕС сохранили за собой контроль над принятием всех стратегических решений. В то же время правовые основы формирования и реализации общей внешней и оборонной политики ЕС еще продолжительное время будут находиться в стадии перманентных изменений согласно императивам развития европейского интеграционного процесса.

Приоритеты общей внешней и оборонной политики ЕС. Фундаментом общей внешней и оборонной политики Европейского Союза являются общеевропейские ценности, императивы сохранения мира и защиты прав человека.

На определение основных направлений внешнеполитической активности стран — членов Европейского Союза в течение 1990-х гг. существенно влияли общие тенденции развития фактически постмодерной системы международных отношений. Масштабные региональные конфликты на Балканах, Ближнем Востоке, Кавказе, Северной Африке императивно требовали активизации общей внешней и оборонной политики ЕС. Среди безусловных приоритетов ОВОП можно выделить следующие:

— защита глобальных интересов, общих ценностей стран — членов Европейского Союза;

— обеспечение благоприятных условий для расширения ЕС;

— укрепление европейской безопасности, оборонной идентичности с одновременным сохранением трансатлантической солидарности;

— эффективное участие в решении острых межэтнических, межконфессиональных конфликтов на Балканах, Средиземном море, Ближнем Востоке, Кавказе и Корейском полуострове;

— налаживание стабильных отношений с постсоветскими странами, прежде всего с Россией и Украиной;

— реализация общего курса относительно стран Азии, Африки и Латинской Америки;

- обеспечение эффективных гуманитарных международных операций;
- нераспространение ядерного оружия, разоружение и контроль за оружием массового уничтожения;
- гарантирование “внутриполитических аспектов” (борьба с нелегальной иммиграцией, организованной преступностью, торговлей наркотиками) ОВОП;
- содействие международному сотрудничеству с целью обеспечения мира, демократии и защиты прав человека;
- защита окружающей среды.

В то же время по каждому из названных ключевых направлений реализации ОВОП аналитики наблюдают довольно существенные противоречия в позиции прежде всего ведущих стран — членов ЕС, а именно ФРГ, Франции, Великобритании, Италии. Наиболее влиятельные государства не спешат подчинять свою внешнюю политику единому подходу. Например, Франция и Великобритания выступают с различных позиций относительно особой роли США в Европе. Италия в свое время высказывала существенные предостережения по поводу военной операции в Косово.

Много разногласий у ведущих стран ЕС наблюдается по проблемам ближневосточной политики. Хотя со времени принятия соглашения в Осло в 1993 г. Евросоюз выступает самым крупным спонсором палестинской автономии, Франция достаточно активно поддерживает палестинцев в арабо-израильском конфликте, акцентируя внимание на самостоятельной роли посредников ЕС, Германии более близка позиция Израиля. Великобритания вместе со США настаивает на продлении санкций против Ирака, Франция из коммерческих соображений выступает за отмену ограничений на связи с Багдадом.

Лишь в конце 1990-х гг., с принятием Пакта стабильности для Юго-Восточной Европы, Европейский Союз, по сути, впервые проявил слаженную общую политику по отношению к странам Балканского региона, открыв для них европейскую интеграционную перспективу. В апреле 1999 г. с участием ЕС и средиземноморских стран была подписана Хартия мира и стабильности для региона Средиземного моря.

В то же время общие документы, как правило, обходят конфликтные противоречивые вопросы, что подтверждает в целом компромиссный характер общей внешней политики ЕС, но ставит под сомнение ее эффективность. Ярким примером этого стала проблема приема в ЕС новых государств.

Испытание ОВОП императивами расширения ЕС. Официально Европейский Союз проводит двойственную политику — расширения за счет принятия новых стран и углубления экономических и политических аспектов интеграционного процесса между странами — “старыми” членами ЕС.

Реальное начало расширения Европейского Союза на восток — это экспорт стабильности. Вступление в крепкий союз развитых стран — главная цель стран “молодой демократии”, которые ищут гарантий мира и стабильности. Вместе с тем прием новых стран-членов, пребывающих на разных этапах прежде всего экономического развития, ослабит гомогенность Евросоюза и создаст новые препятствия на пути формирования идеальной мечты еврооптимистов о создании Соединенных Штатов Европы. Прием в Европейский Союз еще около 13 стран создаст огромные институционные и конституционные проблемы, требующие радикального пересмотра нормативной базы ЕС.

После расширения Евросоюза острее почувствуется недостаток общей культурной идентичности. Это может существенно усложнить проведение общей внешней и оборонной политики. Уже на переговорном этапе относительно приема новых стран-членов процесс расширения проходит достаточно медленно по объективным причинам. Двенадцать официальных кандидатов (“люксембургская группа” (1998) — Польша, Чехия, Венгрия, Словения, Эстония, Кипр и “хельсинкская группа” (1999) — Словакия, Болгария, Латвия, Литва, Румыния, Мальта), а также потенциальный кандидат — Турция (перманентные противоречия с Грецией могут еще долго усложнять путь Анкары в ЕС) находятся на разных этапах сложного процесса подготовки к вступлению в ЕС. Сейчас можно лишь констатировать, что после реального расширения Европейского Союза реализация ОВОП может еще больше усложниться.

Общая оборонная политика ЕС и трансатлантическая солидарность. Начиная со второй половины XX в., система европейской безопасности имеет сложный интегрированный трансатлантический характер.

Вопрос усиления европейской оборонной идентичности абсолютно не нов для Североатлантического альянса. Еврогруппа НАТО была создана еще в конце 1968 г. (за ее рамками из европейских стран — членов НАТО осталась лишь Исландия, Франция возвратилась в ее состав в 1995 г.). Новые качества эта проблема приобрела в условиях формирования современной системы европейской безопасности, ведь едва ли можно построить действительно эффективную систему безопасности для каждой страны — члена ЕС эксклюзивно.

В начале 1990-х гг. началась деятельность немецко-французского Европейского корпуса, в сентября 1998 г. действует немецко-датско-польский военный корпус, в мае 2001 г. объявлено о создании общего польско-чешско-словацкого корпуса. Эти тенденции, по сути, являются первым шагом к созданию в недалеком будущем единой европейской профессиональной армии. Однако пока что финансовые затраты стран — членов ЕС на оборону на несколько порядков меньше, чем провозглашенные амбиции.

Начиная с 1996 г., ЗЕС проводит собственные командно-штабные учения, но пока что не имеет в своем распоряжении вооруженных сил, которые можно

было бы использовать без санкции НАТО. Поэтому возник проект создания до 2003 г. собственных сил быстрого реагирования численностью 60 тыс. человек, которые может возглавить финский генерал Г. Хегглунд. Однако в течение 1999–2001 гг. Турция, обеспокоенная своей отстраненностью от формирования общей внешней и оборонной политики ЕС, блокирует возможность использования силами ЗЕС военного потенциала и ресурсов НАТО.

Необходимо отметить, что не в интересах ЕС противопоставлять свои оборонные структуры Североатлантическому альянсу. Этого не случится до тех пор, пока будут существовать стабильные трансатлантические связи. Усиление европейской оборонной идентичности является залогом дальнейшего эффективного функционирования НАТО, ведь операции под флагом единой Европы будут проходить по стандартам Альянса. Западноевропейский союз рассматривается как “шарнир” между ЕС и НАТО. Начиная с 2000 г., ЗЕС фактически выполняет эту функцию в миротворческой операции на территории Косово, хотя военно-политическая роль США на Балканах все еще остается определяющей.

Важное значение в процессе формирования и реализации общей внешней и оборонной политики ЕС имеет трансформация позиции стран-членов, которые традиционно придерживаются политики нейтралитета. Например, Австрия, в 1955 г. провозгласившая политику постоянного нейтралитета, в 1995 г. стала членом Европейского Союза и признала необходимость координации своей политики безопасности с ЕС. Фактически вступление в НАТО для Вены — лишь вопрос времени, он значительно упростится после присоединения к этому военно-политическому блоку Словении и Словакии. Формально внеблоковая Швеция подчеркивает готовность в случае необходимости изменить свой статус. То же касается и Ирландии, хотя Дублин будет иметь некоторые проблемы с участием в будущих силах быстрого реагирования Евросоюза, учитывая фактический статус военного нейтралитета. Вместе с тем общая оборонная политика требует больших финансовых затрат, что стимулирует в определенных политических кругах негативное отношение к ОВОП.

Утверждая, что европейская оборонная инициатива — неудачный проект, евроскептики подчеркивают, что сегодня люди не захотят гибнуть за единую Европу. Возможно, они не захотят вообще за что-либо гибнуть, но объективная реальность будет побуждать к этому.

Важное направление оборонного интеграционного развития — усиление военно-промышленной кооперации. Практика сотрудничества доказала, что в условиях обострения конкуренции на мировом рынке высокотехнологических вооружений наиболее эффективна кооперация двух-трех участников. Например, реализуется проект истребителя “Еврофайтер”, немецкая фирма “Краусс — Маффей”, британская “ГКН”, французская “ГИАТ” принимают

участие в проекте производства “европейского танка”, немецкий концерн *Daimler — Chrysler Aerospace (DASA)* и французская *Aerospace Matra* принимают участие в создании Европейского аэрокосмического концерна³⁴. Среди практических шагов по формированию общей оборонной политики назовем попытки постепенного установления контроля Европейского Союза над экспортом оружия европейских производителей.

Возможно, учитывая гипотетическую перспективу реализации эффективной общей оборонной политики, Евросоюзу не следует прятаться под американским щитом, поскольку это усугубит его технологическую и информационную зависимость от Соединенных Штатов. Усиление автономии европейского ВПК пока что не ставит под сомнение американское техническое лидерство. К тому же, новые формы набирает трансатлантическое сотрудничество европейского и американского ВПК, о чем свидетельствует налаживание связей между *DASA* и *Northrop Grumman*³⁵. Положение радикально не изменится, пока годовой военный бюджет США будет равняться суммарным затратам на оборону шести следующих по этому показателю государств мира. Поэтому строить сегодня безопасность в Европе без участия США — утопия. Будущее трансатлантической солидарности определяющим образом зависит от отношений Европейского Союза и Соединенных Штатов Америки.

Новые тенденции развития отношений между ЕС и США. Американский стратег З. Бжезинский справедливо отмечает, что геостратегическая заинтересованность США в Европе огромна. Военное присутствие на Старом континенте дает возможность США решать главную геостратегическую задачу — контроль Евразии³⁶. Вместе с тем европейцы, жалуясь на американскую гегемонию, в течение десятилетий “холодной войны” чувствовали себя комфортно под американским “военно-политическим зонтиком”. На рубеже XXI в., когда США усиливают свою роль единственной сверхдержавы, для Вашингтона важна сильная Европа, способная взять на себя львиную долю финансовой и военно-политической ответственности за укрепление трансатлантической безопасности.

Однако объединенная Европа не может извечно мириться с американским патронатом, в то же время она не может конкурировать с США по уровню военно-политического могущества. Кроме того, Соединенные Штаты имеют в Европе надежных союзников (Великобритания, в некоторой степени Германия), которые выступают за сохранение в ближайшей перспективе американского присутствия. Администрация Буша намеревается сохранить в Европе 100-тысячную военную группировку, хотя согласно новой военной доктрине главным приоритетом Пентагона становится Юго-Восточная Азия.

Объективные тенденции развития трансатлантических отношений выносят на повестку дня риторический вопрос: неужто теперь Европа станет

самостоятельной политической силой, гипотетически способной действовать даже вопреки интересам США? Окончательно утверждать это еще рано.

Даже Франция, которая является одним из наиболее активных адвокатов усиления европейской идентичности НАТО, не выступает против нового качества трансатлантических связей, переживших испытание косовской кампанией Альянса, когда администрация Б. Клинтона интересовалась мнением своих западноевропейских союзников в последнюю очередь. Эта операция фактически восстановила решающую роль США в современной европейской системе безопасности, создала определенные сложности для государств — членов ЕС как в экономическом плане (падение курса общей денежной единицы евро), так и в политическом, показав декларативность общей внешней и оборонной политики, которая в решающий момент оказалась почти неэффективной.

С избранием в 2001 г. президента Дж. Буша определились новые вопросы в повестке дня европейско-американских отношений. Республиканская партия США настаивает на приоритетности американских интересов. Это нашло свое воплощение в скандале вокруг американской системы глобального электронного мониторинга “Эшелон”, которую европейцы считают инструментом промышленного шпионажа, ведь еще древнекитайские стратеги подчеркивали важность знания настоящих целей не только врагов, но и союзников.

Однако наиболее дискуссионным стал вопрос о развертывании американской национальной системы противоракетной обороны (НПРО). Вашингтон мотивирует свое решение выйти из режима Договора о системах противоракетной обороны (1972) желанием адаптировать собственную систему безопасности к принципиально новым требованиям эпохи широкого распространения ядерных и ракетных технологий.

Конечно, никто не воспринимает всерьез обеспокоенность американцев по поводу “ракетно-ядерного потенциала” полуголодной КНДР или обессиленного десятилетием международных санкций Ирака. В действительности большую опасность от непрогнозируемых режимов Ближнего Востока должна ощущать именно Европа (по прогнозам экспертов, до 2010 г. 80 % территории ЕС будет под угрозой ракетного удара с Ближнего Востока или Северной Африки), а не расположенная через два океана Америка. Следовательно, ссылки на КНДР, Ирак и др. — это лишь формальный повод одним шагом решить несколько проблем. Во-первых, приблизиться к решению стратегической задачи обеспечения лидерства единственной сверхдержавы в XXI в., усилить позиции США в силовом диалоге с потенциально новыми центрами силы — Россией, Китаем, Индией, в определенной степени Пакистаном, владеющим первой “исламской” атомной бомбой, сохранить лидерство в трансатлантическом сообществе; а во-вторых, — решить проблемы рецессии американской экономики путем масштабного финансирования военно-промышленного комплекса.

Напомним, что инициатор стратегической оборонной инициативы (СОИ) Р. Рейган в 1983 г. предлагал израсходовать на этот проект на протяжении 18 лет 70 млрд долл. Инициатива Дж. Буша еще окончательно не подсчитана, но, по прогнозам аналитиков и ведущих подрядчиков из концернов *Boeing*, *General Dynamics*, *Lockheed Martin*, *Northrop Grumman*, *Raytheon*, до 2006 г. эта сумма гипотетически может составить от 200 до 300 млрд долл.³⁷ Большинство членов Демократической партии США довольно скептически относятся к проекту НПРО как из сугубо финансовых соображений, так и вследствие отсутствия гарантий эффективности данной системы (перенесение оружия в космос под контроль компьютеров потенциально может лишить человечество возможности принимать решение о войне и мире). Газета *The New York Times* метко назвала будущую систему НПРО потенциальной “линией Мажино”, которая так и не защитила Францию от агрессии фашистской Германии.

В июне 2001 г., во время первого европейского турне, Дж. Буш подчеркнул возможность создания европейско-американской системы ПРО. Возможно, при техническом участии России и Украины (системы “С-300” и “Кольчуга”), хотя негативный опыт с проектом транспортного самолета Ан-70 дает повод для сомнений. Понятно, что в ближайшие годы этот вопрос, наряду с традиционными проблемами конкуренции на глобальном рынке, будет ключевым испытанием готовности США к лидерству в мире совместно с европейцами.

Основные направления общей политики ЕС относительно России и Украины. Учитывая расширение Европейского Союза в ближайшей исторической перспективе, когда тысячи километров его границ станут общими с Украиной и Россией, отношения Брюсселя с Киевом и Москвой приобретают стратегически важное значение. Поэтому Украина и Россия — пока единственные страны, по которым приняты соответствующие общие стратегии Европейского Союза. Названные документы приглашают присоединиться к определенным мероприятиям и позициям, принятым в рамках общей внешней и оборонной политики³⁸.

Соглашения о партнерстве и сотрудничестве (1994) создали правовое поле отношений ЕС с Украиной, с одной стороны, и Россией, с другой. В то же время в отношениях Европейского Союза с Москвой и Киевом просматриваются существенные различия. Интеграция даже демократической и процветающей России невозможна, учитывая ее континентальное измерение и собственное самосознание. Украина официально провозгласила стратегической целью вступление в Европейский Союз.

Отказ в принятии в ЕС Украине и России (имеющим больше европейских цивилизационных качеств, чем, например, Турция) будет выглядеть недостаточно логичным, если членом Евросоюза станет Турция, имеющая общие границы с Сирией, Ираном и Ираком. Вместе с тем ЕС не желает

сталкиваться с существенными экономическими и политическими проблемами в случае ускоренной интеграции Украины. С другой стороны, тесное сотрудничество Киева с Москвой является частью сближения с ЕС, поскольку способствует экономическому развитию Украины.

В то же время Украина и Россия не могут быть “исключены” из Европы. Обе страны входят в “Великую Европу” от Бреста до Владивостока. Стабильная Европа возможна лишь при условии, что через геополитический центр ее территории не будет проходить “бархатная” линия раздела на членов Евросоюза и бедную периферию.

Европейский интеграционный процесс бросает вызов России, поскольку Балтийское море может превратиться во внутреннее “озеро” ЕС, а Калининградская область — в анклав, окруженный территорией стран — членов Европейского Союза.

Россия уже имеет общую границу с ЕС после вступления в 1995 г. Финляндии. В целом, скандинавские страны настаивают на более широком привлечении России к сотрудничеству с европейскими интеграционными структурами, хотя, например, Швеция достаточно остро критикует Москву за военную операцию в Чечне.

Россия относится к усилению европейского влияния в НАТО с пониманием, хотя возражает против создания близ Калининграда совместного немецко-датско-польского Балтийского корпуса. С приходом к власти в 2000 г. В. Путина, внешняя политика России направлена преимущественно на прагматичную защиту собственных национальных интересов³⁹. Российская политическая элита объективно заинтересована в успешности экономических реформ, иначе пропасть между Россией и ЕС может стать непреодолимой, что будет препятствовать равноправному сотрудничеству. В повестке дня отношений Росси и ЕС остаются проблемы политического урегулирования чеченской проблемы, обеспечения свободы слова, перевода торговых расчетов из доллара в евро⁴⁰.

Европейский Союз, этот небольшой западный полуостров Евразийского континента, испытывает потребность в континентальном размахе Российской Федерации, дабы получить возможность участия в глобальной игре⁴¹. Но ради возрождения России Евросоюз никогда не пойдет на конфликт с США.

В феврале 2001 г. во время визита в Москву генерального секретаря НАТО Дж. Робертсона Россия предложила Альянсу рассмотреть проект создания общей системы нестратегической противоракетной обороны Европы. Украинская сторона считает, что США должны ратифицировать Меморандум о правопреемстве Договора по ПРО (1972), а также документы по разграничению стратегической и тактической ПРО, подписанные в Нью-Йорке 26 сентября 1997 г. Тогда Украина могла бы сотрудничать с США, Россией, НАТО и ЕС с целью создания системы противоракетной обороны для Европы⁴².

В мае 1996 г. Западноевропейский союз признал Украину важным партнером. Украина высказала готовность предоставить свой контингент в будущие европейские силы быстрого реагирования. Вместе с тем она не может рассчитывать на статус ассоциированного члена ЗЕС, пока не подпишет Соглашение об ассоциированном членстве в Европейском Союзе. Желание Украины получить “четкий сигнал” о перспективах своего вступления в Евросоюз, что Киев рассматривает как мотивацию для реформ, ЕС считает преждевременным, учитывая необходимость разрешения множества проблем на длинном пути европейской интеграции. В то же время Общая стратегия подчеркивает, что двери для Украины остаются открытыми, как широко — зависит в значительной степени от нее самой. В 2004 г. заканчивается срок действия соглашения о партнерстве и сотрудничестве с ЕС, придет время разработки новой правовой базы взаимодействия, а это значит, что при условии прогресса в системном реформировании Украина сможет начать переговоры об ассоциированном членстве в Евросоюзе.

Задачи ОВОП в XXI в. Говоря о среднесрочном будущем общей внешней и оборонной политики Европейского Союза, сошлемся на аналитическую разработку Forward Studies Unit, сделанную 1999 г. по заказу Европейской комиссии. Прогнозируется пять возможных альтернативных сценариев развития Европейского Союза до 2010 г. Коротко они выглядят следующим образом.

Первый прогнозирует ЕС в составе 28 стран-членов и около 12 стран — кандидатов на вступление.

Второй пророчит членство 30 стран в ЕС, но без тесного политического союза.

Третий предусматривает проблемное соседство ЕС с окружающей международной средой, замедление процесса расширения ЕС, сложность с реализацией ОВОП.

Четвертый останавливается на перспективе углубления институционального кризиса Европейского Союза вследствие “перегрузки” проблемами принятия новых членов и нестабильности Монетарного союза.

В конце концов, пятый, “сценарий Кассандры”, “заката Европы” — наиболее пессимистичный и предусматривает возможность блокирования процесса расширения ЕС и нарастание сложности в процессе реализации европейского интеграционного курса.

Остается лишь надеяться, что наиболее пессимистичные прогнозы не реализуются, если “старые” и “новые” члены Европейского Союза обнаружат достаточно политической воли и мудрости, чтобы найти ответ на вызов формирования и реализации общей внешней и оборонной политики, которая составляет ядро будущего политического союза.

Глава 22. Испытание общей внешней и оборонной политики ЕС “международным антитерроризмом”

Общая внешняя и оборонная политика Европейского Союза является закономерным следствием современного этапа интенсивного развития европейского интеграционного процесса. Вместе с тем это ответ стран — членов ЕС на вызов новейших тенденций политической глобализации, которые, в частности, связаны с перераспределением влияния между ведущими субъектами новейшей, фактически постмодерной, системы международных отношений. После масштабных терактов в США 11 сентября 2001 г. произошли существенные изменения геополитических и геоэкономических реалий нашей эпохи. В этом контексте интересным предметом для анализа представляется роль Соединенных Штатов и Европейского Союза в современных международных отношениях в целом, и, в частности, в решении актуальных проблем борьбы против международного терроризма.

Рассмотрим важнейшие аспекты формирования механизмов общей борьбы против проявлений международного терроризма с точки зрения определения новых ролей ключевых игроков на международной арене, развития ситуации в кризисных “горячих точках” близ Европы, а также важнейших проблем внутриполитического обеспечения потребностей антитеррористической кампании.

Геополитические и геостратегические границы антитеррористической кампании. Институционализация ОВОП Европейского Союза связана с началом практической реализации соответствующих положений Маастрихтского договора (1992), последующего Амстердамского договора (1998) и договора, подписанного в Ницце (2000), определивших правовые рамки координации усилий объединенной Европы в условиях формирования новых правил игры на международной арене. Параллельно этот сложный процесс проходит испытание через решение противоречивых региональных, в первую очередь балканских и ближневосточных, проблем.

Именно в начале 1990-х гг. в процессе распада СФРЮ Европейское сообщество оказалось перед вызовом новых стратегических угроз процессу

интеграции и безопасности, с одной стороны, а также, с другой, — перед невозможностью адекватно реагировать на эти тенденции четкой общей позицией. Так было, в частности, во время боснийской войны (1992–95) и последующего дейтонского урегулирования балканских проблем.

Опасная ситуация фактически повторилась в 1999 г., когда европейские страны — члены НАТО обнаружили свою военно-политическую и, в определенной степени, дипломатическую неготовность собственными силами решить косовскую проблему. Тогда в трагический балканский конфликт в решающий момент вмешались Соединенные Штаты. К тому времени следствиями продолжительного международного кризиса в сердце Европы стали падение курса общей европейской денежной единицы евро (к тому времени еще безналичной) и частичная утрата веры европейских политических элит в свою способность консолидированными усилиями эффективно решать по крайней мере континентальные проблемы, не говоря уже о глобальных.

На этот вызов нужно было дать адекватный ответ. Прежде всего встал вопрос о поиске компромисса между внешнеполитическими интересами ведущих стран — членов Европейского Союза (Германии, Франции, Великобритании, Италии, Испании). Причем если Лондон остается наиболее близким союзником Вашингтона в Европе, то Париж, продолжая голлистские традиции, часто оппонирует американской гегемонии. В таких условиях Берлин как стратегический союзник Лондона, Вашингтона и Парижа старается находить компромиссную линию, прокладывая более или менее четкий фарватер дипломатии Европейского Союза на международной арене. В частности, так было во время принятия стратегически важного решения по влиятельной фигуре, отвечающей за конкретный внешнеполитический курс ЕС. Назначение бывшего Генерального секретаря НАТО испанца Х. Соланы Верховным координатором общей внешней и оборонной политики Европейского Союза (июнь 1999) постепенно сдвинуло с мертвой точки трудный процесс согласования действий и дипломатической активности ЕС.

Первым индикатором испытания ОВОП стала косовская миротворческая операция. Для ее проведения, например, правительству “красно-зеленой” коалиции в ФРГ пришлось выдержать серьезные дебаты по поводу участия вооруженных сил в миротворческой операции за географическими пределами ответственности НАТО. Тем не менее, принципы реальной политики, связанные с императивами укрепления стабильности на Балканах, возымели преимущество в ходе острых внутривнутриполитических дебатов в Германии. После начала косовской миротворческой операции положение в Юго-Восточной Европе постепенно нормализовалось.

Наконец, общими усилиями США и ЕС удалось свергнуть режим С. Милошевича в Югославии и привести к власти в Белграде демократическое

правительство, провозгласившее европейскую ориентацию. 17 ноября 2001 г. прошли выборы в ассамблею Косово. Этот орган местного самоуправления еще три года не имеет права односторонне провозгласить независимость края. Но это, в сущности, всего лишь паллиативное решение. Внешние гарантии целостности Союзной Республики Югославия пока что срабатывают, но их недостаточно. С другой стороны, Черногория последовательно планирует провести референдум по вопросу независимости. Евросоюз посылает сигналы о нежелательности очередного пересмотра государственных границ балканских стран, но реально противодействовать этому не в состоянии.

Еще одним серьезным препятствием на тернистом пути к мирным и стабильным Балканам как геостратегически важному региону объединенной Европы на границе со Средиземноморьем и Ближним Востоком стал македонский вопрос. После принятия общего решения о единоличном командовании Европейского Союза очередной миротворческой операцией “Амбер фокс” положение в Македонии частично стабилизировалось. 19 ноября 2001 г. после продолжительных дипломатических усилий и жесткого прессинга (речь шла о фактическом внедрении режима санкций) парламент Македонии в конце концов проголосовал за внесение существенных изменений в конституцию страны, в частности легализовал расширение границ использования албанского языка, создание этнических албанских подразделений полиции. Тем самым ЕС объективно помог албанцам, которых македонцы все еще считают террористами, методом войны и силового давления на государственные структуры достичь своих целей.

Опосредствованным признанием этого стало объявление о том, что Гаагский международный трибунал начинает расследование военных преступлений, совершенных с февраля 2001 г. на территории Македонии. Хотя срок действия мандата сил НАТО в этой стране заканчивался 26 декабря 2001 г., внутривнутриполитическая нестабильность, стимулированная приближением парламентских выборов и распадом коалиционного правительства национального единства, побудила президента Б. Трайковского настаивать на пролонгации времени пребывания миротворцев НАТО в Македонии еще по крайней мере на три месяца. Наконец в начале декабря 2001 г. на встрече министров иностранных дел стран — членов Североатлантического альянса было принято решение продолжить срок действия мандата в Македонии до 26 марта 2002 г.

В целом, нестабильность на Балканах, которая фактически сохраняется в условиях сложного этапа расширения Европейского Союза и введения в наличный оборот общей денежной единицы евро, может снова перерасти в серьезный вызов безопасности объединенной Европы, ведь ни один из взрывоопасных балканских вопросов еще окончательно не урегулирован.

Итак, если беспристрастно посмотреть на эту ситуацию, то общая политика ЕС в контексте борьбы против реальной угрозы терроризма на Балканах выглядит как минимум странной. С одной стороны, правительства стран — членов ЕС не желают очередного пересмотра границ балканских стран силовыми методами, с другой, они не видят механизмов недопущения создания по крайней мере еще двух независимых балканских государств — Косово и Черногории. При этом независимое албанское государство Косово гипотетически будет претендовать на македонские территории, заселенные албанцами. Территориальный распад Македонии, в свою очередь, теоретически может существенно дестабилизировать положение в Юго-Восточной Европе, поскольку к судьбе этой страны равнодушны Греция — член ЕС и НАТО, а также Болгария, претендующая на членство в обеих структурах. Кроме того, албанцы небезосновательно надеются на поддержку Турции. А это, учитывая нерешенный кипрский вопрос и жесткую позицию Афин, которые ставят свою поддержку процесса расширения Европейского Союза в зависимость от приема Кипра, может надолго заблокировать прием в ЕС новых стран-членов.

Как видим, стабильность на Балканах является ключевой для геостратегических перспектив развития объединенной Европы. Поэтому военно-политический контроль над этим регионом, свидетельством эффективности которого стала операция по уничтожению инфраструктур глобальной террористической сети “Аль Каида” на территории Боснии и Герцеговины, а также Косово, позволяет отдалить непосредственную террористическую угрозу от самого сердца Европейского Союза. Тем не менее, открытым остается вопрос о цене военного присутствия стран ЕС и НАТО на Балканах.

Одним из возможных вариантов укрепления региональной геополитической стабильности является расширение НАТО. Состоявшийся 21-22 ноября 2002 г. в Праге саммит Североатлантического альянса принял решение об определении очередного круга кандидатов на вступление в этот мощнейший военно-политический блок. В частности, при условии подтверждения намерений вступления в НАТО национальными референдумами своих стран на позитивное решение могут рассчитывать Эстония, Литва, Латвия, Болгария, Румыния, Словакия, Словения (к 2004 г.) и Македония, Албания, Хорватия (после 2007 г.). Тем самым еще укрепятся гарантии безопасности и стабильности, которые НАТО и ЕС обеспечивают Юго-Восточной Европе.

Еще одним эпицентром напряженности в непосредственной близости от Европы и источником перманентной террористической угрозы является Ближний Восток. На протяжении 2000–01 гг. Верховный комиссар ЕС по вопросам ОВОП Х. Солана довольно активно подключался к попыткам ведущих мировых сил восстановить ближневосточный мирный процесс.

Это было особенно очевидно в условиях, когда администрация Дж. Буша сначала дистанцировалась от систематических дипломатических усилий с целью достижения окончательного варианта урегулирования палестинско-израильского конфликта. Однако Израиль часто обвиняет Евросоюз как самого крупного финансового спонсора палестинской автономии в предубежденности, поэтому не воспринимает его посреднических усилий.

Пока что Ближний Восток не в меньшей степени, чем Балканы, составляет угрозу безопасности ЕС. Это подтвердила очередная вспышка насилия в регионе в декабре 2001 г. и в течение всего 2002 г., когда Израиль при активной поддержке США ответил на теракты палестинцев-самоубийц всей мощью своей военной машины. Началась очередная фаза перманентного цикла насилия.

Вместе с тем балансирование на рубеже полномасштабной войны между Израилем и радикальными силами в мусульманском мире, поддерживающими палестинскую освободительную войну, такими как Ирак и Иран, способно разрушить шаткую глобальную антитеррористическую коалицию, созданную Соединенными Штатами после 11 сентября 2001 г., именно на решающем этапе уничтожения террористической инфраструктуры не только на территории Афганистана, но и в других нестабильных регионах.

Серьезные дипломатические осложнения вызывает вопрос определения дальнейших целей антитеррористической кампании, ведь вашингтонская администрация планирует к лету 2002 г. закончить активную военную фазу антитеррористической операции в Афганистане, переведя ответственность на международные стабилизационные силы — ISAF. При этом в Центрально-азиатском регионе, учитывая его ключевую роль для геополитического контроля Евразии (в силу значения его нефтегазового потенциала и пересечения интересов сразу четырех ядерных сил — России, Китая, Индии и Пакистана), будет сохранено американское военное присутствие.

Влиятельные круги в Вашингтоне (так называемые “ястребы” во главе с вице-президентом Д. Чейни и советницей президента по вопросам национальной безопасности К. Райс, которым противостоят “голуби” во главе с государственным секретарем К. Пауэллом) легитимной целью дальнейшей антитеррористической кампании считают прежде всего Ирак. Великобритания безоговорочно поддерживает США в этом стратегическом вопросе, однако Германия и Франция, наоборот, считают, что с выбором новых целей не следует спешить. В частности, канцлер Германии Г. Шредер подчеркнул, что предоставление сил бундесвера для поддержки действий США в Афганистане не значит, что они автоматически будут применены в других антитеррористических операциях, хотя в течении первого квартала 2002 г. подразделения химической защиты бундесвера принимали участие в общих с амери-

канцами военных учениях в Кувейте. Аналогичную позицию занял и президент Франции Ж. Ширак. Осторожность немецкого и французского лидеров вполне можно понять, ведь обоим в ближайшее время ждет борьба на парламентских и президентских выборах. В таких внутривластных условиях широкомасштабные военные операции за пределами зоны ответственности НАТО, да еще и с непрогнозируемыми результатами слишком рискованны.

В конце ноября 2001 г. Россия, продолжительное время блокировавшая попытки введения предложенных США и Великобританией так называемых “разумных санкций” против Ирака, согласилась пролонгировать действие режима программы “Нефть за продовольствие” до 30 мая 2002 г., после чего по требованию Вашингтона должен быть усилен контроль за поставками товаров двойного назначения.

Начало иракской фазы антитеррористической операции по крайней мере до символического окончания специальных операций в Афганистане (объявление о смерти или аресте Бин Ладена и успешная деятельность переходного правительства страны) представляется откровенной авантюрой. Гарантированным союзником США в гипотетической масштабной войне против Ирака в определенных условиях может быть лишь Кувейт, который не будет ощущать себя в безопасности, пока у власти в Багдаде находится С. Хусейн.

В то же время влиятельная военная элита Турции серьезно обеспокоена тем, что в случае масштабной антитеррористической операции США против Ирака падет режим С. Хусейна, а это может спровоцировать распад государственных структур и фактическое провозглашение независимости Курдистана, что не отвечает стратегическим национальным интересам не только Турции, но и соседних Ирана и Сирии.

В случае проведения антииракской операции соседний Иран будет ощущать себя следующей мишенью и в худшем случае может попытаться блокировать военные операции в Персидском заливе. Ситуация еще более усложнилась в начале 2002 г., когда силы безопасности Израиля при содействии ЦРУ США перехватили в Красном море иранское судно с грузом оружия для палестинцев. Посредником в этой операции была шиитская террористическая группировка “Партия Аллаха — Хэзболла”, поддерживаемая Тегераном, которая воюет с Израилем с юга Ливана. Кроме того, на протяжении января 2002 г. Белый дом предупреждал Иран об опасности вмешательства в афганские дела при попытках ограничить американское влияние в регионе. Нарастание напряженности в условиях острой внутривластной борьбы реформаторов и клерикалов в Тегеране может окончательно дестабилизировать положение. Легко прогнозируемый в таких условиях скачок цен на энергоносители, в свою очередь, вполне может окончательно поставить на колени глобальную экономику, которая и без того уже находится в состоянии

рецессии, или, по крайней мере, усложнить реализацию оптимистичных прогнозов экономического роста США и ЕС, ожидаемого с 2003 г.

Нельзя исключать и возможность того, что инициативу начала масштабной войны возьмет на себя С. Хусейн, если он будет загнан в тупик и посчитает единственной возможностью сохранения власти консолидацию арабского мира с формальной целью борьбы за создание независимой Палестины. Общая нестабильность может спровоцировать падение существующих умеренных властных режимов в таких мусульманских странах, как Саудовская Аравия, Египет, Йемен, Иордания, даже Сирия. Тогда пессимистичные прогнозы о столкновении цивилизаций могут стать печальной реальностью. Однако европейская дипломатия прилагает максимум усилий, чтобы ситуация не развивалась по наихудшему сценарию.

С другой стороны, геостратегическим вызовом для антитеррористической коалиции стало декабрьское 2001 г. заявление президента Дж. Буша об одностороннем выходе США из режима Договора о системах противоракетной обороны (1972). Россия достаточно спокойно отнеслась к этой проблеме, ведь ее ракетно-ядерный потенциал пока способен преодолеть любую из возможных при нынешнем уровне развития технологий систему НПРО. Вместе с тем Китай, который после вступления в ВТО менее связан условиями дипломатических императивов, реагировал более критично, ведь его ядерный потенциал даже ограниченная НПРО нивелирует. Обеспокоены Индия (которая в январе 2002 г. испытала ракету “Агни-2”, способную поражать цели по всему периметру Индийского океана, включительно с базой США на острове Диего-Гарсия), а также Иран и КНДР, активно работающие над реализацией ракетных программ.

В таких запутанных геостратегических условиях Соединенные Штаты фактически без консультаций с большинством европейских союзников, возможно, за исключением Великобритании, приняли решение, изменяющее стратегическую конфигурацию системы глобальной безопасности. Развитие НПРО в недалекой перспективе неминуемо склонит глобальный баланс сил в пользу США. Вместе с тем НАТО останется ключевым инструментом решающего американского влияния на трансатлантический диалог. Тем самым больше шансов стать помощником “шерифа”, которым уже де-факто являются Соединенные Штаты, имеют страны — члены ЕС, если будет продолжаться процесс их внешнеполитической и оборонной консолидации, а не Россия.

Напряженной остается ситуация в Южной Азии. Дестабилизация угрожала выйти из-под контроля после нападения на индийский парламент в середине декабря 2001 г. кашмирских боевиков, расквартированных в Пакистане. Индия в ответ отозвала посла из Исламабада и обвинила пакистанские власти в предоставлении убежища террористам. Президент Пакистана П. Мушарраф

нашел поддержку в Китае. Впоследствии Индия и Пакистан создали фактически новую “великую китайскую стену” на общей границе, сконцентрировав там значительные военные подразделения.

В свою очередь Пекин, учитывая перспективу развития НПРО США, которая может защитить и Тайвань, собирается наращивать собственный ракетно-ядерный потенциал. В то же время китайские стратеги не идут на открытое обострение отношений с Вашингтоном, что подтвердил февральский 2002 г. визит в КНР президента США Дж. Буша. Укрепление геостратегического могущества Китая серьезно беспокоит Индию, она принимает адекватные шаги, на которые по мере своих возможностей отвечает Пакистан. При этом террористические группировки различной направленности — от кашмирских боевиков до уйгуров, которые борются с китайцами за независимость Восточного Туркестана — становятся еще более существенным региональным дестабилизирующим фактором.

Тем самым дуга нестабильности от Балкан через Ближний Восток и Центральную Азию распространяется на Южную Азию. Так, по некоторым расчетам, в случае развертывания системы национальной противоракетной обороны США ракеты, запущенные с территории стран-изгоев, большинство из которых расположены в непосредственной близости от границ Европы, могут сбиваться и падать на страны — члены ЕС, что значительно усложнит трансатлантическую солидарность. Это радикально ухудшает общее стратегическое положение с глобальной безопасностью и негативно сказывается на формировании геостратегических интересов ЕС.

Имманентные противоречия формирования ОВОП в условиях антитеррористической операции. Кроме вышеизложенных проблем с определением курса ЕС на международной арене, общая внешняя и оборонная политика Европейского Союза характеризуется рядом существенных внутренних противоречий. Формирование консолидированного внешнеполитического курса усложняется не только объективными различиями национальных интересов 15 стран — нынешних членов ЕС, но и латентными противоречиями, которые часто становятся явными, между большими и влиятельными на международной арене странами (Германия, Франция, Великобритания, Италия) и государствами объединенной Европы, имеющими меньшую территорию и численность населения.

Объективно существуют еще более серьезные проблемы самоидентификации стран — членов ЕС на международной арене, сложившиеся исторически. Так, нейтральные Австрия, Швеция, Финляндия, Ирландия не являются членами НАТО, поэтому априори имеют возможность взаимодействовать с Североатлантическим альянсом преимущественно в рамках программы “Партнерство во имя мира”, чего явно недостаточно для эффективного

перманентного функционирования механизма ОВОП в контексте укрепления трансатлантической солидарности. Вместе с тем финский генерал Г. Хеглунд в 2003 г. должен возглавить будущие силы быстрого реагирования ЕС.

Пока еще длится сложный процесс согласования распределения сфер компетенции, финансов и ресурсов между НАТО и будущими новыми подразделениями Европейского Союза. В частности, Турция, которая является членом НАТО, но не принадлежит к числу стран — членов ЕС, обеспокоена перспективой отстранения от принятия решений в рамках общей оборонной политики Евросоюза, поэтому Анкара до сих пор блокирует решение вопроса о доступе будущих европейских сил быстрого реагирования к стратегическим ресурсам Североатлантического альянса. Кроме того, между Турцией и Грецией сохраняются серьезные противоречия по вопросу вступления Кипра в ЕС. Афины настаивают на быстром варианте принятия Никосии, Анкара в таком случае грозит аннексировать турецкую часть острова Афродиты, а в ответ греки обещают вообще заблокировать процесс расширения Европейского Союза. В начале декабря 2001 г., впервые со времени кризиса, связанного с поставкой российских систем С–300 на Кипр (в конце концов они были развернуты на греческом острове Крит), возобновились прямые переговоры между лидерами греческой и турецкой общин Кипра, однако до сих пор выход из тупика не найден. Максимум, на что согласны греки, — это федерализация Кипра, но турки настаивают на создании мягкой конфедерации. Дипломаты ЕС надеются, что более богатая греческая часть острова просто экономически поглотит турецкое государственное образование, признанное лишь Анкарой. Но такой сценарий развития событий пока еще представляется чересчур оптимистичным. Турецкие и греческие дипломаты также планируют до 2004 г. решить сложные вопросы демаркации границы на островах Эгейского моря. Активную посредническую деятельность в этом процессе осуществляет Евросоюз.

В целом, параметры формирования ОВОП после терактов 11 сентября 2001 г. оказались в новой реальности, характерная особенность которой — радикальное изменение правил игры. США прилагают максимум усилий, чтобы защитить свой статус глобального лидера даже от гипотетических угроз. Страны ЕС, конечно, сразу высказали готовность оказать содействие Соединенным Штатам в борьбе против угрозы международного терроризма. Великобритания, Германия и Франция фактически приняли на себя функции инициаторов и координаторов разработки общей позиции ЕС по этой актуальной международной проблеме.

Особую дипломатическую активность, направленную на формирование и укрепление антитеррористической коалиции, проявил премьер-министр Великобритании Т. Блэр. В течение октября — ноября 2001 г. состоялись

две встречи на высшем уровне (Гент и Лондон), посвященные проблеме борьбы против терроризма. В частности, был согласован перечень структур и организаций, которые Евросоюз официально признает террористическими.

Кристаллизация общей позиции ЕС ускорила после 7 октября 2001 г., когда США начали бомбардирование территории Афганистана. После создания по результатам переговоров в Петербурге постталибского правительства Афганистана во главе с проамериканским пуштунским лидером Х. Карзаем 22 декабря 2001 г. состоялась его инаугурация. Новое переходное правительство должно обеспечить созыв традиционного афганского межплеменного собрания, на котором изберут власть, действующую до всеобщих выборов. Именно в это время Афганистан в идеале должен получить львиную долю международной финансовой помощи на возрождение экономики, от чего, собственно, будет зависеть успех всего проекта. По результатам токийской встречи стран-доноров Евросоюз выделил Афганистану 500 млн евро. Гарантами безопасного развертывания этого процесса призваны стать международные стабилизационные силы.

В бельгийском городке Лаекен 14–15 декабря 2001 г. состоялся саммит ЕС, на котором все страны-члены поддержали идею отправки в Афганистан миссии по поддержанию мира. Однако между ФРГ и Великобританией возникла короткая дискуссия по поводу того, кому будет подчиняться контингент бундесвера в Афганистане. В конце концов, Германия отказалась от командования. По решению Совета Безопасности ООН в Кабуле и других стратегически важных городах страны на протяжении конца декабря 2001 — января 2002 г. были размещены международные стабилизационные силы во главе с британцами, которые собирались возглавлять их в течение первых трех месяцев операции.

Кстати, начиная с 9 января 2002 г., миротворцев бундесвера в афганскую столицу по контракту доставляли украинские транспортные “Русланы”. Они также принимали участие в доставке гуманитарных грузов. Это важное направление налаживания дальнейшего диалога между Украиной и Евросоюзом по актуальным вопросам международной политики и глобальной безопасности.

Итак, в контексте развития антитеррористической кампании страны — члены ЕС сосредоточились на таких ключевых вопросах:

- определение объемов военно-политической помощи США и масштабов гуманитарной помощи Афганистану;
- усовершенствование законодательства по борьбе против терроризма в странах — членах Евросоюза (в частности путем унификации правового толкования понятия “терроризм”, разработки единых правил ареста и суда обвиненных по таким делам);

— создание механизма контроля за международными банковскими операциями (радикальные предложения включают отмену банковской тайны) для устранения источников финансирования террористической деятельности;

— усиление координации деятельности разведывательных служб стран — членов ЕС и государств-партнеров;

— координация усилий по борьбе против международного терроризма не только на уровне ЕС, но и в отдельных регионах (в рамках этих инициатив 6 ноября 2001 г. в Варшаве была проведена встреча 16 центральноевропейских стран, развивается диалог Европейского Союза со средиземноморскими странами).

Тем не менее, с самого начала провозглашенной Дж. Бушем войны против глобального терроризма ведущую роль в этом процессе играют США. НАТО с самого начала операции в Афганистане находилось, так сказать, в глубоком резерве. Конечно, усилиям Соединенных Штатов была оказана безусловная военно-политическая поддержка, но открыто сообщалось лишь о замене над Балканами американских самолетов системы АВАКС, перидислоцированных из Центральной Азии, европейскими.

Вместе с тем, наиболее влиятельные европейские страны — члены ЕС и НАТО постепенно определялись с объемами своей конкретной военной помощи США. В частности, Великобритания предложила 4800 солдат, Германия — 3900, Италия — 2700, Франция — 2000, Нидерланды — 1400, Чехия — 300, Дания — 100, Польша — 300 и Испания — 300⁴³. Кроме того, Болгария, с начала 2002 г. ставшая непостоянным членом СБ ООН, также приняла решения об отправке в Афганистан 20 военных специалистов по вопросам химической защиты. Окончательные квоты определялись на основе согласованной с афганским правительством максимальной общей численности контингента в 4800 солдат⁴⁴.

Можно сделать вывод, что Европейскому Союзу в условиях проведения глобальной антитеррористической кампании удалось активизировать процесс формирования общей внешней и неотъемлемой от нее оборонной политики, в частности путем создания эффективных механизмов координации всех направлений международной деятельности. Тем самым ОВОП постепенно, но неуклонно набирает четкие очертания, а дипломаты стран — членов ЕС все чаще придерживаются консолидированного внешнеполитического курса.

Внутренняя безопасность стран — членов ЕС в контексте борьбы против терроризма. Кроме внешнеполитических аспектов борьбы против терроризма, большинство стран — членов ЕС сталкивается с проблемами обеспечения внутренней безопасности.

Процесс глобализации интенсивно размывает демаркационную линию между вопросами сугубо внешней и “классической” внутренней политики. На рубеже XXI в. внешняя политика по сути становится продолжением внутренней политики дипломатическими или силовыми средствами. При этом эффективность внешнеполитических усилий ЕС в значительной мере зависит от успешности проведения общих мероприятий, направленных на решение проблем внутренней безопасности.

В этом контексте острой остается проблема органической интеграции в европейское гражданское общество многочисленной мусульманской общины, которая демографически постоянно возрастает, особенно в Германии, Франции и Великобритании, то есть в странах, активно поддерживающих США в антитеррористической борьбе.

Так, в середине декабря 2001 г. немецкая юстиция на основании нового антитеррористического законодательства запретила деятельность ряда экстремистских мусульманских организаций на территории объединенной Германии. В частности, речь шла о кельнской структуре “Халифат”, пропагандировавшей демонтаж светского государства в Турции. Кстати, различные курдские экстремистские группировки были запрещены еще во время истории с выдачей в 2000 г. Анкаре лидера Курдской рабочей партии А. Оджолана. Ряд мусульманских структур запрещен в Великобритании.

Однако только силовыми действиями не решить проблему имманентного “столкновения цивилизаций” внутри демократических западных обществ. Возникает вопрос адаптации прежде всего нового поколения мусульманских эмигрантов к западным цивилизационным ценностям. Задача состоит в том, чтобы мусульманская молодежь, живущая в состоянии перманентного культурного шока, не идентифицировала себя с исламскими фундаменталистами, а социокультурно ощущала себя европейскими мусульманами. К сожалению, до сих пор она все еще остается нерешенной. Исламские анклавные структуры в крупнейших городах ведущих стран ЕС, по сути, остаются ячейками, оторванными от повседневной жизни гражданского общества, которое дало им приют, но в силу цивилизационно-религиозных различий не интегрировало их в свои структуры.

Нельзя откладывать решение этой проблемы, поскольку в ближайшие десятилетия большинство стран — членов Европейского Союза столкнутся с острым демографическим кризисом, что потребует еще более широкого привлечения эмигрантов из стран с принципиально иной, чем западная, цивилизационной идентичностью.

Первым таким тестом может стать вопрос о вступлении исламской Турции в ЕС, что связано с целым комплексом сложных и противоречивых проблем, над решением которых еще даже не начинали работать.

Проблемы общей внешней политики ЕС и в дальнейшем будут все активнее влиять на сугубо внутривластные вопросы, связанные как с развитием экономики, так и с обеспечением внутренней безопасности.

Локальные конфликты несут угрозу не только посткоммунистической Европе, но и западной части континента. В условиях борьбы против международного терроризма и под сильным внутривластным давлением в октябре 2001 г. Ирландская республиканская армия в конце концов согласилась выполнить соглашение о сдаче оружия. В то же время баскские террористы, наоборот, активизировали свою деятельность. Неопределенной остается ситуация на Корсике, хотя правительство Л. Жоспена предложило этому острову широкую автономию в рамках Французского государства.

Исходя из этого, большинство представителей политической элиты стран — членов ЕС убеждены, что нельзя почитать на лаврах достижений европейской интеграции, надо работать над разрешением конфликтов. В частности, этому должна способствовать более действенная и эффективная общая внешняя и оборонная политика Европейского Союза, к реализации которой должны приобщиться другие геополитически важные региональные страны-лидеры, такие как Россия, Украина, Турция, которые пока не входят в ЕС, но объективно включены в зону интересов Евросоюза. В частности, Т. Блэр уже внес предложение о выходе сотрудничества НАТО с Россией за рамки программы “Партнерство во имя мира”, фактически на уровень ассоциированного членства. По крайней мере, с Россией собираются более тесно консультироваться по вопросам борьбы против терроризма, проведения миротворческих операций и нераспространения оружия массового уничтожения.

С другой стороны, нейтральные Швеция и Финляндия, наоборот, предложили расширить сотрудничество по вопросам борьбы против терроризма в рамках программы “Партнерство во имя мира”, в частности посредством налаживания эффективного сотрудничества между национальными ведомствами, ведающими вопросами гражданской обороны.

Кроме вопросов стратегической стабильности, обусловленных борьбой против терроризма, сложный комплекс правовых и политических проблем требует принятия более жестких правовых норм законодательства ЕС, направленных против терроризма.

В этом контексте, например, “Международная амнистия” подчеркивает, что правовая экспертиза ряда законопроектов вызывает обеспокоенность возможными нарушениями Европейской хартии прав человека. Аналогичную критику эти предложения вызывают в Совете Европы. Президент ПАСЕ В. Швиммер подчеркнул, что процесс экстрадиции подозреваемых в терроризме из стран — членов ЕС, где отменена смертная казнь, в США создает правовые коллизии. Кроме того, Соединенные Штаты были подвергнуты

критике за жесткие меры военного правосудия по отношению к пленным талибам на американской базе Гуантанамо на Кубе.

Наряду с этим свидетельством усиления координации действий правоохранительных органов стран ЕС стала обоюдная выдача ряда известных террористов. Например, Великобритания в конце концов удовлетворила требование Франции о выдаче алжирского исламиста, причастного к организации ряда взрывов в парижском метро еще в 1995 г. Мадрид и Париж усилили сотрудничество в борьбе против баскских экстремистов и корсиканских сепаратистов.

Проблема эффективности антитеррористического законодательства неразрывно связана с соблюдением прав человека. Открытыми остаются вопросы, как долго будет применяться чрезвычайное законодательство и по каким критериям определяется степень угрозы⁴⁵. Четкость антитеррористического законодательства ЕС чрезвычайно важна не только с точки зрения защиты внутренней безопасности, но и в международном контексте, поскольку в соответствие с этими правовыми нормами обязались привести свое законодательство и страны, не являющиеся членами ЕС, в частности Украина.

Процесс формирования общей внешней и оборонной политики ЕС выдержал испытание двумя глобальными международными кризисами — косовским и нынешним антитеррористическим. Они показали слабые стороны координации внешнеполитических и оборонных усилий, тем самым создав поле для последовательного применения дипломатических методик с целью разрешения актуальных вопросов повестки дня кризисного менеджмента и формирования новой системы международных отношений с одним полюсом силы и подчиненными региональными центрами.

Библиографические ссылки

¹ Кребер А., Клакхон К. Культура. Обзор концепций и определений. — М., 1964.

² Василенко И. А. Политическая глобалистика. — М., 2000. — С. 149–154.

³ Gabriel O., Rattinger H. Wirklich ein Volk? Die politische Orientierungen von Ost und Westdeutschen im Vergleich. — Opladen, 2000. — S. 711.

⁴ Василенко И. А. Диалог цивилизаций: социокультурные проблемы политического партнерства. — М., 1999.

⁵ Laufer Thomas. Die Europäische Union und ihr Parlament. — Bonn, 1994. — S. 142.

⁶ Schoendube Claus. Blick hinter die Kulissen des Europäischen Parlaments. — Bonn, 1993. — S. 118.

⁷ Laufer Thomas. Die Europäische Union und ihr Parlament. — Bonn, 1994. — С. 137.

⁸ Ильин Ю. Д. История и право Европейского Союза. — Х., 1998. — С. 31.

⁹ Ильин Ю. Д. История и право Европейского Союза. — Х., 1998. — С. 33.

¹⁰ Der Spiegel. — 1999. — № 12. — S. 180.

¹¹ Süddeutsche Zeitung. — 1998. — 18 Dez.

- ¹² Der Spiegel. — 1999. — № 3. — S. 23.
- ¹³ Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 2000. — 12 Dez.
- ¹⁴ Der Spiegel. — 2001. — № 23. — S. 18.
- ¹⁵ *Schmitz Thomas*. Integration in der supranationalen Union. Das europäische Organisationsmodell. — Baden-Baden, — 2001. — S. 518.
- ¹⁶ Путівник по євро. — К., 2001. — С. 10.
- ¹⁷ *Копійка В. В., Шинкаренко Т. І.* Європейський Союз: заснування і етапи становлення. — К., 2001. — С. 145.
- ¹⁸ Die Vertragstexte von Maastricht. — Bonn, 1992 — S. 88.
- ¹⁹ Путівник по євро. — К., 2001. — С. 21.
- ²⁰ *Titmeyer H.* Europäische Währungsunion und Politische Union — das Modell mehrerer Geschwindigkeiten // Europa-Archiv. — 1995. — № 16. — S. 457.
- ²¹ Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 1998. — 3 April.
- ²² Suddeutsche Zeitung. — 1998. — 4 Mai.
- ²³ Handelsblatt. — 2001. — 2 Nov.
- ²⁴ Suddeutsche Zeitung. — 1998. — 2 Juli.
- ²⁵ Wirtschaftswoche. — 2001. — № 18. — S. 34.
- ²⁶ Известия. — 2001. — 12 сент.
- ²⁷ *Сорос Дж.* Криза глобального капіталізму. Відкрите суспільство під загрозою. — К., 1999. — С. 202.
- ²⁸ Голос України. — 2002. — 11 трав.
- ²⁹ *Гвишиани Д. М.* Римский клуб. История создания. Избранные доклады и выступления. — М., 1998.
- ³⁰ *Василенко И. А.* Политическая глобалистика. — М., 2000. — С. 360.
- ³¹ *Ильин Ю. Д.* История и право Европейского Союзу. — Х., 1998. — С. 144.
- ³² Handelsblatt. — 2000. — 12 Dez.
- ³³ Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 2000. — 12 Dez.
- ³⁴ Handelsblatt. — 2000. — 12 April.
- ³⁵ Handelsblatt. — 2000. — 26 April.
- ³⁶ *Бжезинский З.* Великая шахматная доска. Господство Америки и его геостратегические императивы. — М., 1999. — С. 76.
- ³⁷ Der Spiegel. — 2001.. — № 19. — S. 172.
- ³⁸ Спільна стратегія ЄС щодо України // Розвиток та розширення ЄС під час головування Франції. Перспективи для України. Матер. зустрічі експертів. — К., 2000. — С. 88.
- ³⁹ Концепция национальной безопасности Российской Федерации // Российская газета. — 2000. — 17 января.
- ⁴⁰ Frankfurter Allgemeine Zeitung. — 2001. — 18 Mai.
- ⁴¹ Україна між Росією та Заходом. Стратегія на початок XXI століття. Матеріали круглого столу. — К., 2000. — С. 15.
- ⁴² *Горбулін В.* Доля Договору ПРО і стратегічне партнерство України // Дзеркало тижня. — 2001. — 7–13 квіт.
- ⁴³ Focus. — 2001. — № 46. — S. 282.
- ⁴⁴ Der Spiegel. — 2002. — № 2. — S. 114.
- ⁴⁵ *Wilfried Loth.* Das europäische Projekt zu Beginn des 21. Jahrhunderts. — Leverkusen., 2001. — S. 240.

Заключительное слово

На рубеже третьего тысячелетия человечество вступает в новый этап своей истории, связанный с формированием глобального цивилизационного организма. Различные локальные цивилизации, многочисленные и небольшие нации, социальные институты, группы и отдельные социальные игроки, которые являются клетками рождающегося глобального социума, будучи субъектами этого процесса, вносят свой вклад в Великую коэволюцию вполне интернационализированного мира.

Зарождающаяся новая социально-историческая жизнь невероятно усложняется, становится динамической, еще более противоречивой, непостоянной и рискованной. Цена ошибочных решений чересчур высока. Мощная динамика трансформационных процессов порождает так называемый “эффект взмаха крыла мотылька”, когда в определенном пространственно-временном континууме он может вызвать ураган. Возникает особая потребность в точных тактических и стратегических прогнозах.

Традиционный методологический инструментарий социальных наук, ориентированный на анализ социальной статистики, фактически становится непригодным для описания и толкования бушующей социальной динамики. Не случайно сейчас происходит интенсивный поиск новых теоретических и концептуальных подходов к осмыслению такого сложного явления, как глобализация.

Формирование глобалистики происходит на наших глазах. В англоязычном мире, который является активным проводником тенденций, способствующих возникновению глобальной цивилизации, почти ежедневно появляются десятки работ, посвященных различным аспектам этой проблематики. Однако настоящая революция в изменении парадигм научного мышления пока еще не произошла. Ученые все еще пытаются продолжать мыслить глобально, а действовать локально.

Кризис на посттрансформационном пространстве марксистской теории, призывающей не только объяснять мир, но и изменять его к лучшему, стал одним из симптомов наступления эпохи Постмодерна. Вместе с тем большой нарратив с его просветительно-позитивистским пафосом масштабных социально-инженерных проектов, как свидетельствует западноевропейский опыт, также тяготеет к обочине научного дискурса. На основных магистральных направлениях вместо расширения границ научного сознания все чаще применяют мастерскую манипуляцию сознанием.

В этих условиях на Западе все более популярными становятся социальные теории с префиксами нео- и пост-. Неомарксизм, постструктурализм, неофункционализм, неопозитивизм и др. направления социальной мысли дают поводы для схоластических дискуссий по широкому кругу проблем, понятных лишь узкому кругу

специалистов. Как видим, фактически этот дискурс все еще происходит в пределах традиционных научных парадигм.

С другой стороны, изменение интеллектуального климата в странах посттрансформационного пространства стимулирует появление новых для них междисциплинарных исследований. В сущности, социальные науки в мире постепенно начинают выходить из состояния “ньютонической физики” рубежа XX в., которая после открытия делимости атома пребывала в кризисе. Тогда зарождение новых парадигм в математически точных науках происходило благодаря формированию более широкого предметного поля междисциплинарных исследований. Сегодня науки о человеке как вершине Божьего творения начинают вырастать из детского возраста. Новейшие открытия в области генетики, расшифровка генетического кода человека, попытки клонирования поднимают ряд сложных этических, философских, религиозных проблем.

Симптомы определенного “взросления” социальных наук также прослеживаются в “экспансии” междисциплинарных методологических моделей. Например, синергетика постепенно превращается, по сути, в новую философию истории, открывающая перспективы для современных интерпретаций и концептуальных обобщений. Возможно, именно они призваны толковать нового человека, новый мир и новое небо. Свое место в этом процессе займет и теория социальной относительности.

Идея цикличности в социальных науках, конечно, имеет свою богатую историю. Она существенно влияет на различные концептуальные подходы к исследованию общества. Ведь только с формированием современного европейского человека линейность в восприятии социально-исторического времени и общественного развития как односторонне направленного процесса становится “модной” в научных кругах. На современном этапе развития цивилизации, с усилением новых тенденций глобализации, приходящих на смену бывшим господствующим тенденциям интернационализации, воплощение указанной “линейной парадигмы” представляется довольно упрощенным подходом к формированию “золотого миллиарда”, якобы призванного “прагматически” использовать естественный и социальный потенциал остальных двух третей человечества.

Циклическое видение социально-исторического процесса создает, по нашему мнению, более адекватную научную картину прошлого, современного и даже будущего общественного развития. В то же время циклическая модель открыта для междисциплинарного синтеза.

Новые синтезы знаний, по нашему мнению, могут быть продуктивными при условии укрепления междисциплинарных связей между теоретической социологией, социальной философией, психологией и историей. Одним из возможных подходов в этом случае может быть модель социального цикла общественной истории.

По нашему мнению, формирование адекватных современной эпохе методологических подходов, научных гипотез и теоретических обобщений наиболее продуктивно на основе именно этой модели. Ныне продолжается процесс “выписывания” ее составляющих, наполнения категориальным аппаратом и отработанными критериями идентификации определенных фаз цикла. Вместе с тем ознакомление с текстом этой книги, по сути, вводит читателя в круг актуальных интересов авторов, ведет в их научную лабораторию.

Верификацию научной гипотезы, достаточно сжато изложенной в первом разделе книги, мы осуществили на примере анализа проблем и тем, находящихся в эпицентре общественного внимания. Речь идет о трех направлениях анализа, а именно: судьба национального государства в условиях развертывания нынешних глобальных тенденций; испытание локальной цивилизации на фоне интенсификации интеграционных процессов; формирование глобального цивилизационного организма.

В частности, Украина на рубеже XX–XXI вв. обрела политическую независимость в сложный момент мировой истории. Два столетия интенсивного индустриального развития приблизили время исчерпания многих естественных ресурсов. Эта печальная тенденция была осознана еще в начале 1970-х гг., когда доклады членов Римского клуба убедительно доказали, что “пределы роста” все-таки существуют. С этой точки зрения, мир нуждался, говоря словами последнего генсека КПСС М. Горбачева, в действительно “новом мышлении”. Но этот термин стал красивым публицистическим приемом, а не импульсом к адекватным действиям.

Выход из кризиса теоретически был возможен по двум сценариям. Первый, по нашему мнению, актуален и сегодня. Он связан с переосмыслением парадигмы экстенсивного индустриального развития, когда экономический рост развитых стран обеспечивался преимущественно привлечением новых ресурсов за счет беднейших народов. Это направление развития сформировалось в эпоху колониализма, оно обеспечивалось идеологическими мифами о “цивилизационной миссии белого человека” и евроцентристским видением всемирной истории. Пришло время перехода от иудейско-протестантского религиозного мышления, связанного с идеологией монополии на “богоизбранность” определенных наций, к возрождению гуманистического потенциала мировых религий периода “осевого времени” (по К. Ясперсу).

Смысл нового подхода к решению многих духовных и социальных проблем состоит в признании факта равнозначной ценности всех монотеистических религий. Многие известные теологи (например, еще в советские времена А. Мень) справедливо подчеркивают, что Бог разными языками обращался к народам. Соответственно на основе этих Священных текстов (Библия, Коран, Тора) сформировались христианство, ислам, иудаизм. Кроме того, Будда у буддистов или Вишну у индуистов, по сути, тоже представляют монотеистическую идею, которая имеет собственную богатую ценностную традицию. Именно возрождение универсализма существующих мировых религий, признающих равенство ответственности людей перед Высшим Разумом (даже если агностики назовут его коллективным бессознательным), с сохранением единства в разнообразии и взаимной толерантности, открывает духовный путь к глобализации “с человеческим лицом”.

При этом локальные цивилизации будут вести между собою диалог, а не силой пытаться оградиться от экспансии, прежде всего, западной цивилизации, которая, по мнению многих, старается всех загнать в одно прокрустово ложе. Сохранение культурно-цивилизационного разнообразия не менее важно для выживания человечества, чем защита многообразия биологических видов. Однако этот гуманистический сценарий формирования глобальной цивилизации требует от тех, кто его берет, большой самодисциплины в мыслях и действиях, отказа от гедонистического стиля жизни и даже определенного аскетизма.

Второй, “прагматический” сценарий, который сейчас и реализуется, более легко и более привычен. Поскольку двум сверхдержавам, как и двум медведям, тесно в одной берлоге, более слабая из них должна исчезнуть. Таким образом, СССР, который во время “перестройки” неудачно попытался вернуться на “столбовую дорогу цивилизации”, распался. Открылась уникальная возможность для геостратегического передела мира, чем США и воспользовались. Вместе с тем Соединенные Штаты смогли на определенное (исторически короткое) время установить контроль над большинством критических точек, определяющих общее развитие. Однако, наверное, не следует преувеличивать дальнейшую перспективу завоеванных преимуществ, ведь нынешний статус США — наибольшее, о чем может мечтать государство — является предельной вехой для данного цикла развития.

Украина после распада СССР, завоевав желанную свободу и стараясь сосредоточиться на собственных проблемах, кажется, тоже утратила (но временно!) способность глобального видения ситуации. А на “большой шахматной доске” современности тот, кто не способен наперед просчитывать хода других игроков, обречен оставаться аутсайдером. Такое положение вещей будет сохраняться до тех пор, пока будет продолжаться силовая борьба за “командные высоты” в процессе глобализации. Пока что принцип сетевой коммуникации различных субъектов, равных среди равных, не воплотился в современные международные отношения.

Вместе с тем тотальной силе имманентно присуща собственная Ахиллесова пята. Анализ тенденций развития политических, экономических, культурных процессов в США выявляет наличие “предреволюционных признаков”: кризис политической системы (эпопея с подведением итогов выборов 43-го президента США в 2000 г.); появление в американском обществе черт тотальности после террористических актов 11 сентября 2001 г. (жесткий социальный контроль, принесение гражданских свобод в жертву безопасности, расистские принципы контроля за иностранцами); нарастание экономической рецессии; подрыв доверия к честности “протестантского духа капитализма” (корпоративные скандалы 2002 г.); углубление противоречий между США и ЕС (трудности с формированием антииракской коалиции осенью 2002 — зимой 2003 г.).

Конечно, могущественная военная машина США может победить Ирак. Даже в случае “блицкрига” можно избежать ситуации, когда всемирная история, начавшаяся, как известно, в Междуречье Тигра и Евфрата, будет иметь шанс там и закончиться. Исторические аналогии между нынешним “имперским глобализмом” США и глобализмом времен Римской империи заставляют вспомнить, что первая классическая империя пала не только под натиском “варваров”, но и вследствие внутренней эрозии. В этом контексте ближайшее десятилетие (до 2012 г.) может стать действительно поворотным моментом всемирной истории.

Новая великая американская революция XXI в. имеет шанс стать таким же эпикальным событием, как Великая французская революция конца XVIII в. Ее смысл, наверное, будет состоять в изменении модели внутреннего развития США, а значит и поведения на международной арене. Американцы, как и большинство народов различных локальных цивилизаций, находятся перед вызовом символического ценностного выбора, который станет поворотной точкой в судьбе глобальной цивилизации. Великая козволюция может вывести человечество на новую ступень духовного и социального развития.

Рекомендованная литература (авторские публикации, идеи и содержание которых нашли свое отображение в книге “Великая коэволюция”)

1. *Afonin E., Martynov A.* Archetypes of the world religions in the conditions of Globalization // Globalization / Haldia Government College. — Kolkata [India], — 2002.
2. *Afonin E., Martynov A.* Prospects of the “World-system” interpretation of World History // Globalization / Haldia Government College. — Kolkata [India], — 2002.
3. *Afonin E., Martynov A.* National minorities of Balkan countries in the focus of Globalization // Proceedings of the 3-rd International Symposium ‘National minorities. Political action in Europe (the period after ‘cold war’). Csanty (Greece), 16–19 August 2001. — Csanty, 2001.
4. *Афонин Э. А., Мартынов А. Ю.* Архетипы мировых религий в условиях глобализации // Матеріали міжнародної конференції “Людина і культура в умовах глобалізації”. Київ, 26–27 жовт. 2001 р. — К., 2001.
5. *Афонин Э.* Инновационная деятельность: между “наковальной” традиций и “молотом” новаций // Посредник. — 1996. — 11 сент.
6. *Афонин Э. А.* Збройні сили України: соціальні та соціально-психологічні проблеми. — К., 1994.
7. *Афонин Э. А., Бандурка О. М., Мартинов А. Ю.* Суспільний розвиток від Різдва Христового. — К., 2000. — (Сер.: відкрита дослідницька концепція; Вип. 1).
8. *Афонин Э. А., Мартинов А. Ю.* Бельгійський варіант для української перспективи // Віче. — 2001 — № 4.
9. *Афонин Э. А., Мартинов А. Ю.* Глобальный аспект социально-исторического развития // Практична філософія. — 2001. — № 2(3).
10. *Афонин Э. А., Мартинов А. Ю.* Перспективи “Світосистемної” інтерпретації все-світньої історії // Вісн. Харк. Нац. Ун-гу ім. В. Н. Каразіна. — 2000. — № 487.
11. *Афонин Э. А., Мартинов А. Ю.* Проблема моделювання в міждисциплінарних дослідженнях // Обрії комунікації. Матер. VIII Харк. міжн. Сковородинських читань. Харків, 28–29 верес. 2001 р. — Х., 2001.
12. *Афонин Э. А., Мартинов А. Ю.* Соціально-історичний суб’єкт за часів глобалізації: проблема типології та розвитку // Практична філософія. — 2001. — № 3 (4).
13. *Афонин Э. А., Мартинов А. Ю.* Судьбы восточнославянских народов в глобальном контексте: методологические проблемы социологического прогнозирования // Матер. междунар. конф. “Геополитические и геоэкономические проблемы российско-украинских отношений (оценки, прогнозы, сценарии)”. Санкт-Петербург, 22–24 янв. 2001 г. — СПб., 2001.
14. *Афонин Э. А., Мартинов А. Ю.* Проблема свободи та порядку в контексті все-світньої історії // Практична філософія та правовий порядок. Зб. наук. ст. — Х., 2000.
15. *Афонин Э. А., Сенченкова Т. В.* Процеси ідентифікації особистості в кризовій ситуації суспільства // Україна: проблеми суспільства перехідного періоду. (Матер. доповідей та повідомл. II шк. молодих соціологів України). Бердянськ, 12–18 верес. 1994 р. — Бердянськ, 1995.
16. *Афонин Э. А., Сенченкова Т. В.* Соціостативна ідентифікація та проблеми соціальної стратифікації // Проблеми розвитку соціології на сучасному етапі. (Теоретичні та методологічні питання): Матер. міжнар. наук.-практ. конф. Київ, 31 трав. — 4 черв. 1993 р. — К., 1994.

17. *Афонін Е.* Від особистісних змін через суспільну трансформацію до зміни соціальної політики // Соціальна політика і соціальна робота. — 1997. — № 1(2).
18. *Афонін Е.* Від підкорення та завоювання світу до гармонії співіснування з ним // Віче. — 2002. — № 6. — Рец. на кн.: *Сохань Л. В., Сохань И. П.* Время Нового Мира и Человек: Глобальные риски цивилизации и поиск, Социологические очерки. — К., 2001.
19. *Афонін Е.* Деякі аспекти суспільної трансформації та державної соціальної політики в Україні // Соціальна політика і соціальна робота. — 1996. — № 1.
20. *Афонін Е.* Розвиток України: макросоціальний підхід // Віче. — 1996. — № 1.
21. *Афонін Е.* Тенденції розвитку українського суспільства перехідної доби (соціально-психологічний вимір) // Українське суспільство: моніторинг соціальних змін (1994–1999 рр.): Інформ.-анал. матер. — К., 1999.
22. *Афонін Е.* Україна — Європа — Світ: шляхом коеволуції // Вісн. Харк. державного ун-ту “Соціологічні дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи”. — 1999. — № 433.
23. *Афонін Е., Душ І., Яковлева Т.* Україна і світ: проблеми міжнародної співпраці та колективної безпеки: Бібліогр. ст. укр. період. вид. (1991-1999 рр.). — К., 1999.
24. *Афонін Е., Мартинов Ю.* Архетипи світових релігій в умовах глобалізації // Віче. — 2002. — № 3.
25. *Афонін Е., Мартинов Ю.* Об’єднана Європа: соціокультурні кордони // Методологія, теорія і практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Зб. наук. праць учасників Харк. соціологічних читань. — Х., 2001.
26. *Бандурка О. М., Древаль Ю. Д.* Парламентаризм в Україні: становлення і розвиток. — Х., 1999.
27. *Бандурка О. М., Петрова К. Я., Удодова В. І.* Державне регулювання економіки: Підруч. — Х., 2000.
28. *Бандурка О. М., Тягло О. В.* Курс логіки: Підруч. — К., 2002.
29. *Бандурка А. М., Друзь В. А.* Психологія влади: Учеб. пособие для вузов. — Х., 1998.
30. *Бандурка А. М., Друзь В. А.* Этнопсихология: Учеб. пособие. — Х., 2000.
31. *Мартинов А.* Поняття “соціального” в історичному контексті // Нова парадигма: Альманах наукових праць. — Вип. 28. — Запоріжжя, 2002.
32. *Мартинов А.* Футурологічні сценарії глобальної перспективи // Нова парадигма: Альманах наукових праць. — Вип. 27. — Запоріжжя, 2002.
33. *Мартинов А. Ю.* Європейський Союз у сучасній системі міжнародних відносин // Україна і Європа (1990–2000). — К., 2001.
34. *Мартинов А. Ю.* Монетарний союз ЄС і виклики глобалізації // Людина і політика. — 2002. — № 2.
35. *Мартинов А. Ю.* Спільна зовнішня і оборонна політика ЄС в умовах боротьби проти міжнародного тероризму // Вісник Київського міжнар. ун-ту. — Вип. 1. — 2002.
36. *Мартинов А. Ю.* Спільна зовнішня та оборонна політика Європейського Союзу: проблеми формування та перспективи реалізації // Людина і політика. — 2001. — № 5.
37. *Мартинов А. Ю.* Энергетическая зависимость Украины в Условиях глобализации // Российско-украинский альманах “Энергетические проблемы российско-украинских отношений”. — СПб., 2001.

Приложения

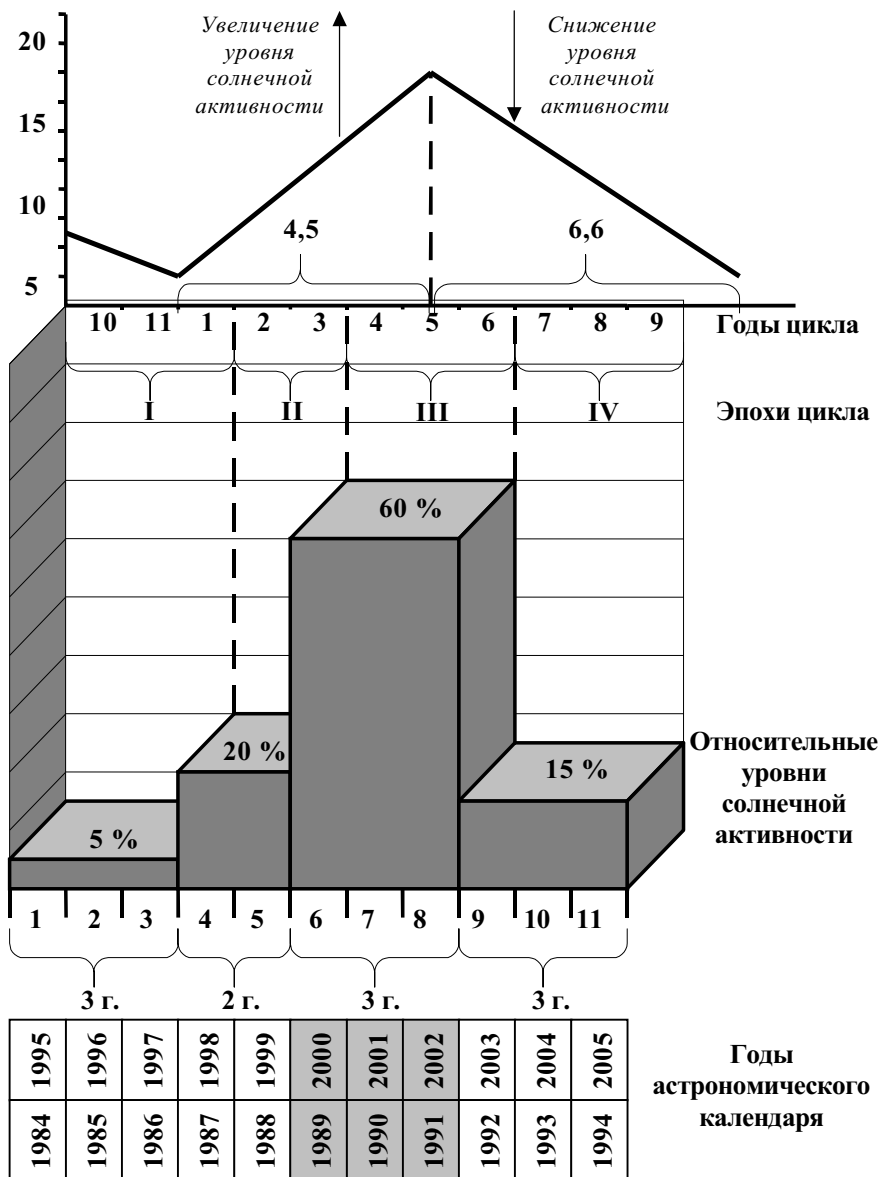

Рис. 5. Фактор солнечной активности и прогноз его влияния на социально-исторический процесс

Протоколы заседаний (2000–01) междисциплинарной научно-исследовательской рабочей группы по проблемам социальной глобалистики

Новое время порождает новые организационные формы научного сообщества. По инициативе Украинского общества содействия социальным инновациям создана рабочая группа междисциплинарных научных исследований по проблемам социальной глобалистики, которая на протяжении 2000–01 гг. провела ряд заседаний, на которых заслушивались и обсуждались наиболее интересные доклады отечественных и зарубежных ученых. В работе группы приняли участие как известные отечественные ученые, так и молодые исследователи:

Арсенко Анатолий Григорьевич — кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института социологии НАН Украины (г. Киев);

Афонин Эдуард Андреевич — доктор социологических наук, профессор, действительный член Украинской технологической академии, президент Украинского общества содействия социальным инновациям (координатор проекта, г. Киев);

Бандурка Александр Маркович — доктор юридических наук, профессор, ректор Харьковского национального университета внутренних дел, народный депутат Украины (г. Киев, Харьков);

Бурлачук Леонид Фокич — доктор психологических наук, профессор, член-корреспондент АПН Украины, заведующий кафедрой медицинской психологии факультета социологии и психологии Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Киев);

Васютинский Вадим Александрович — кандидат психологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии масс и организаций Института политической и социальной психологии АПН Украины (г. Киев);

Гуменюк Татьяна Константиновна — кандидат искусствоведения, доцент кафедры теории и истории культуры Национальной музыкальной академии Украины им. П. И. Чайковского (г. Киев);

Деденко Иван Кириллович — доктор медицинских наук, президент НПЦ “Сорбция” (г. Киев);

Донченко Елена Андреевна — доктор социологических наук, заведующая лабораторией психологии масс и организаций Института политической и социальной

психологии АПН Украины (г. Киев), победитель конкурса АПН на лучшую монографию 2001 г. (Архетипы социальной жизни и политика. — К., 2001);

Еленский Виктор Евгеньевич — кандидат философских наук, главный редактор журнала “Людина і світ” (г. Киев);

Ефименко Владимир Михайлович — кандидат физико-математических наук, заместитель директора обсерватории Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Киев);

Картюк Лариса Анатольевна — научный сотрудник лаборатории психологии масс и организаций Института политической и социальной психологии АПН Украины (г. Киев);

Кац Марк Давыдович — доктор технических наук, профессор, действительный член Украинской технологической академии и Международной академии информатизации, заведующий кафедрой компьютерных технологий Института повышения квалификации руководящих кадров промышленности Украины (г. Северодонецк, Луганская область);

Кизима Владимир Викторович — доктор философских наук, профессор Центра гуманитарного образования НАН Украины (г. Киев);

Кистерский Леонид Леонидович — доктор экономических наук, директор Института международного делового сотрудничества (г. Киев);

Климчук Наталия Васильевна — научный сотрудник Института политической и социальной психологии АПН Украины (г. Киев);

Кокешинский Олег Аркадьевич — вице-президент Атлантического совета Украины (г. Киев);

Коробов Владимир Кузьмич — кандидат социологических наук, доцент, главный редактор журнала “Константы” (г. Херсон);

Кривуля Александр Михайлович — доктор философских наук, профессор Харьковского национального университета внутренних дел, председатель Харьковского городского общества философов (г. Харьков);

Криводубский Валерий Николаевич — кандидат физико-математических наук, сотрудник обсерватории Киевского национального университета имени Тараса Шевченко (г. Киев);

Лозовой Виктор Алексеевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории культуры Национальной юридической академии Украины имени Ярослава Мудрого (г. Харьков);

Макаренко Александр Сергеевич — доктор физико-математических наук, профессор Института прикладного системного анализа Национального технического университета “Киевский политехнический институт” (г. Киев);

Мальшико Николай Иванович — кандидат юридических наук, профессор Национального университета культуры и искусств Украины (г. Киев);

Мартинов Андрей Юрьевич — кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории Украины НАН Украины (секретарь проекта, г. Киев);

Овчаров Анатолий Александрович — кандидат социологических наук, старший научный сотрудник лаборатории психологии масс и организаций Института политической и социальной психологии АПН Украины (г. Киев);

Пелин Александр Владимирович — кандидат философских наук, доцент кафедры социальной работы Ужгородского национального университета, председатель Закарпатской областной группы медиации, заместитель председателя Ассоциации социологов Закарпатья (г. Ужгород);

Рябико Виктор Владимирович — доцент, заместитель директора главного информационно-вычислительного центра Министерства промышленной политики Украины, вице-президент Украинского общества содействия социальным инновациям (г. Киев);

Саламатов Владимир Александрович — кандидат психологических наук, сотрудник Национальной академии государственного управления при Президенте Украины (г. Киев);

Семенченко Андрей Иванович — кандидат технических наук, главный консультант Института стратегических исследований при Администрации Президента Украины (г. Киев);

Тишко Сергей Витальевич — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории культуры Национальной музыкальной академии им. П. И. Чайковского (г. Киев);

Хлобыстов Евгений Владимирович — кандидат экономических наук, заведующий отделом Совета по изучению продуктивных сил Украины НАН Украины (г. Киев);

Фролов Павел Дмитриевич — кандидат психологических наук, заведующий лабораторией имиджмейкерства и рекламы Института политической и социальной психологии АПН Украины (г. Киев);

Чачко Ада Семеновна — доктор педагогических наук, профессор, действительный член Международной академии информатизации, профессор Национального университета культуры и искусств (г. Киев);

Чечнев Борис Алексеевич — кандидат философских наук, член Национального союза журналистов Украины, редактор еженедельника “Закон и бизнес” (г. Киев).

В заседаниях междисциплинарной рабочей группы по проблемам социальной глобалистики также принимали участие сотрудники Института социальной и политической психологии АПН Украины, который поддержал инициативу Общества и гостеприимно предоставил помещения своего института для заседаний.

Протокол № 1

19 сентября 2000 г.

Присутствуют: *Афонин Э. А., Арсеев А. Г., Васютинский В. А., Донченко Е. А., Еленский В. Е., Ефименко В. М., Картюк Л. А., Кизима В. В., Климчук Н. В., Козышинский О. А., Криводубский В. Н., Макаренко А. С., Мальшико Н. И., Мартынов А. Ю., Овчаров А. А., Саламатов В. А., Тишко С. В., Хлобыстов Е. В., Фролов П. Д., Чечнев Б. А.*

Повестка дня:

Информация об организации работы междисциплинарной научно-исследовательской группы по вопросам социальной глобалистики.

Докладчик — *Афонин Э. А.*

Слушали:

Афонин Э. А. ознакомил присутствующих с персональным составом рабочей группы проекта. Сообщил, что организаторы готовы взять на себя координационные функции. Конечно, каждый участник проекта имеет собственную мотивацию к участию в проекте. Основа сотрудничества — глобальный подход к анализу социальных явлений, порождаемых в ходе развития и взаимодействия различных типов социальных систем (Человек, Общество, Цивилизация). Речь идет об исследовании, охватывающем период двух тысяч лет от Рождества Христова.

Во время нашего сегодняшнего общения предлагаю сосредоточить внимание на временных ориентирах совместной деятельности, ее приоритетах и задачах.

Вопросы и обсуждение:

Васютинский В. А. Встает вопрос: какова цель этого проекта?

Афонин Э. А. Если попытаться ответить коротко, то цель проекта состоит во внедрении принципиально новой практики компаративистики. В чем ее суть? Чем именно она будет отличаться от довольно распространенной на Западе практики, например, кросс-культурных исследований? На первый взгляд эту разницу едва ли можно обнаружить. Предлагаются одни и те же, ныне использующиеся, методики и процедуры. Тем не менее, рассматриваемые объекты должны подлежать дополнительному анализу с точки зрения их онтогенеза. Иными словами, в ходе сравнительного анализа различных социальных явлений принимать во внимание такую фундаментальную характеристику, как “социально-психологический возраст” социальных объектов, социальное поведение которых анализируется. Социальный возраст объектов определяется путем применения циклических подходов и, в частности, представлений о структуре “универсального эпохального цикла”, который разрабатывается наряду с системой социетальных показателей, составляющих в целом, по мнению разработчиков, пакет необходимого инструментария для осуществления релевантного анализа и прогноза социального поведения Человека, Общества и Цивилизации.

Донченко Е. А. Наверное, речь идет о разработке интегральных показателей для кросс-культурных исследований. Стратегической целью проекта может стать построение своеобразной карты психосоциотипа конкретных стран, что будет иметь большое значение, и не только в геополитическом контексте.

Афонин Э. А. Можно сказать и так: в рамках проекта планируется также разработать систему интегральных (социетальных) показателей, с помощью которой можно будет осуществить эффективную классификацию различных социальных объектов, в том числе создать, условно говоря, психосоциальную карту стран мира, подобно тому, что в свое время сделал Д. Менделеев в химии. Собственно, результат таких исследований может быть положен в основу многочисленных дальнейших разработок, которые будут иметь уже сугубо прикладное значение, в частности в сферах социальной политики (гармонизация бюджетных социальных расходов, установление оптимального возраста выхода на пенсию, оптимизация образовательных стратегий и др.), науки, экономики, бизнеса, рекламы и пр.

Донченко Е. А. Можно ли что-либо сказать о конкретных популяционных измерениях с использованием интегральных показателей?

Афонин Э. А. Британские психологи дважды осуществляли популяционные измерения (в 1946 и 1962 гг.) с использованием бинарных шкал экстраверсия/интро-

версия (Г. Айзенка), но получили противоположные результаты и, не сумев их объяснить, прекратили дальнейшие попытки.

На социологической выборке, репрезентирующей взрослое население Украины, в 1992 г. мы осуществили популяционное измерение социетальных показателей с использованием авторской методики. Один из показателей равнялся числовой пропорции 62:38. Интересно, что каждая возрастная когорта населения имела такую же пропорцию. Удалось также уточнить (по состоянию на время измерения) возрастную структуру населения Украины: определить кризисные точки онтогенетического развития личности и, соответственно, границы возрастных когорт, а также количество социальных циклов, которые проживает украинец на протяжении полноценной жизни.

Экспериментально установлено, что системный кризис в Украине берет свое начало в 1994 г., в сущности, именно с этого времени социетальные показатели начинают испытывать определенные изменения. Эта динамика, по данным мониторинга, продолжается, что дает нам базовый материал для изучения и прогнозирования переходных процессов в Украине.

Кизима В. В. Если рассуждать о перспективах проекта и его нацеленности на измерение социетальных характеристик стран мира, то, думаю, нужен немного иной подход. Почему не рассматривать только Украину? Глобальные показатели во всех ракурсах изучает ООН. В Польше, я знаю, серьезно занимаются глобальными проблемами, и уже многое сделано. Не пытаемся ли мы снова изобретать велосипед? В чем комплексность проекта? Как осуществлять поиск стыковых моментов между разными специальностями? Уместно ли заниматься эмпирикой ради нее самой? Из Вашей книги “Общественное развитие от Рождества Христова” понятно, что задача участников проекта будет состоять в подтверждении или опровержении гипотетической схемы исторических циклов. Кстати, я не вижу доказательности концепции. Если все будет сосредоточено только на подтверждении этой концепции, априори закладывается определенная идеология. Хотя замысел интересный: собрать в один круг специалистов разных отраслей науки.

Афонин Э. А. К авторской концепции мы шли от эмпирики. Действенность заложенного в ней циклического подхода подтверждает и работа П. Штомпки “Социология социальных изменений” (1992), где автор относит к родоначальникам теории цикличности социального развития Н. Данилевского, О. Шпенглера, П. Сорокина. Наш результат выглядит несколько новым. Возможно, определенной проблемой остается полнота обоснования цикла общественного развития. С другой стороны, будущее будет определять глобализация.

Кстати, сейчас мы готовим статью “Бельгийский прототип для Украины”, в которой обосновывается особая роль Украины в Восточной Европе. Украина является своеобразным создателем умеренных традиций. Конечно, мы выбираем масштаб исследования, выходящий за пределы человеческой жизни, поэтому сложно проверить его истинность. С другой стороны, глобальный масштаб даст выход на определенные технологии, которые можно будет предложить для украинской стратегии.

Донченко Е. А. Да, важная черта исследования — его комплексность.

Афонин Э. А. Сегодня нет ни одного общественного института, который не находился бы в состоянии трансформации. Возможно, “четырёхактная” модель цикла весьма упрощена.

Кизима В. В. В истории можно найти подтверждения любой концепции. Дело не в искусственно созданном количестве актов цикла. Существуют и другие модели. Нашей целью может быть выбор оптимальной.

Васютинский В. А. Еще никто не осуществлял анализ социального развития от Рождества Христова. Кто будет обобщать результаты специальных исследований? Есть ли ученый, способный это сделать?

Афонин Э. А. Хочу сослаться на И. Валлерстайна. Едва ли найдется один такой ученый. Мы не стремимся создать глобальный результат, в котором свести все результаты исследований в какой-либо один конструкт. Каждое направление исследований, очевидно, будет требовать своего координатора, точнее, инициатора — локомотива исследования, инициируемого и осуществляемого практически одними и теми же научными работниками. Единым может быть лишь методический арсенал и, если хотите, методологический фундамент исследования.

Донченко Е. А. Изначально необходимо навести категоричный, предметный, понятийный порядок в базовой концепции. Нашей целью может стать построение научной концепции XXI века. Циклический подход был разработан давно, в частности, выдающимися теософами. Мы идем к синтезированному знанию. Создание карты психотипов — важная задача, в этом, по моему мнению, может состоять суть проекта. Кстати, кроме идеи повторения (цикличности) уместно ввести предложенную еще К.-Г. Юнгом категорию синхроничности. Тогда можно будет исследовать, как ведут себя определенные институты при переходе от цикла к циклу.

Афонин Э. А. Абсолютно согласен с необходимостью соблюдения принципа синхроничности при осуществлении анализа социальных явлений. Яркий пример — три славянских народа, два из которых (Россия и Украина) находятся в однотипном переходном процессе коэволюции, а третий (Беларусь) переживает всем нам хорошо известную революцию, предопределяющую поведенческий тип лидера, навряд ли это или нет.

Донченко Е. А. Характер эпохи обязательно накладывает свой отпечаток на все компоненты социума. Задача состоит в том, чтобы научиться управлять именно организационными процессами. Это моя идея относительно проекта. Как ее реализовать в предложенном составе участников, я себе не представляю.

Кизима В. В. Надо акцентировать внимание на переходных моментах.

Донченко Е. А. Да, именно тогда архетипическое находится на поверхности социальной жизни. Надо изменить тип научной организации проекта, поскольку сейчас мы не имеем на него заказчика.

Афонин Э. А. Да, заказчика еще надо, образно говоря, “воспитывать”.

Васютинский В. А. Возможна ли самоокупаемость проекта?

Афонин Э. А. Вопрос получения денег под проект представляется в целом проблематичным. На каком-то этапе мы можем, например, объединить свой проект с проектом, развернутым Всемирным банком, однако он сугубо экономический. Наш проект (по крайней мере, пока что) по своей сущности преимущественно гуманитарного направления.

Еленский В. Е. Я исследую новые религиозные движения и хотел бы увидеть свое место в рамках проекта. Что происходит с религией после коммунизма?

Ни одна из социальных теорий религиоведения (глобализации, приватизации, секуляризации) не описывает реальность достоверно. Все теории поддаются сомнению. Пытаюсь определить, чем я могу быть полезен проекту, и чем проект может пригодиться для меня. Например, в сфере религии мы можем дойти до “осевого времени”, а вот дальше пройти будет трудно. Даже до времени Реформации мне в одиночку не дойти. В новых религиозных течениях мы не видим ничего кардинально нового, чего не было бы в начале христианской эры.

Афонин Э. А. Хочу подчеркнуть, что в проекте можно детализировать любые, не только религиозные, аспекты.

Еленский В. Е. Так сказать: проверяем друг друга результатами своих исследований.

Афонин Э. А. Да, это даст возможность эффективнее двигаться в прикладном направлении.

Макаренко А. С. Хочу дать свой комментарий к нашей дискуссии. Глобальный и эмпирический уровни исследования не исключают друг друга.

Относительно масштаба. Никто не отменял предложения мыслить глобально, а действовать локально. Новым результатом будет полное осознание того, что сейчас происходит в сфере глобалистики в целом. Заказчиков проекта надо воспитывать.

Относительно методики. Если предложенная модель проекта не будет работать, ее все равно надо верифицировать. Моя собственная модель не противоречит циклическому подходу. Создана компьютерная модель геополитического прогноза, она дает интересные результаты даже в простых вариантах. Модель построена на идее самоорганизации, определенная цикличность тоже присутствует.

Васютинский В. А. Как известно, еще в 1970-е гг. были разработаны прогностические модели, тем не менее ни одна из них не сбылась.

Афонин Э. А. Исходя из общего настроя, складывающегося при обсуждении, и определяя возможные формы нашей дальнейшей работы, отмечу, что в течение определенного времени мы могли бы проводить заседания группы, на которых репрезентировать теоретические подходы и практические результаты своих исследований.

Климчук Н. В. Что в проекте приоритетно: исследование цикличности развития человечества в целом или цикличности развития Украины?

Афонин Э. А. Трудно сказать, что приоритетно.

Климчук Н. В. В работе В. Новодворской “Мой Карфаген обязан быть разрушен” особое внимание уделено тому, с какого момента цикла начинается развитие нации. Нет одновременного начала. По аналогии со спортивным соревнованием: бегуны бегут каждый по-своему, а славяне вообще еще не дошли до стадиона. У каждой из предложенных 50 стран есть свой цикл развития.

Афонин Э. А. Да, Украина и Россия проявляют схожие тенденции, а Беларусь — иные. Относительно участников проекта, то каждый может исследовать свое приоритетное направление.

Фролов П. Д. Тогда целостный проект может распасться.

Афонин Э. А. Наш проект будет напоминать постмодерное общество, которое каждую минуту тяготеет к развалу, но не разваливается, если находит в себе силы стимулировать инновацию и коммуникационную динамику. По моему мнению,

целесообразно расширять круг участников, чтобы иметь возможность сравнивать результаты исследований. Может, А. Арсенко познакомит нас с некоторыми школами глобалистики?

Арсенко А. Г. Существуют различные школы. Например, довольно популярна школа “мир-системного анализа”. Ее основателя И. Валлерстайна обвиняют в марксистской ориентации. Возможно, мы рановато отказались от марксистского подхода. Социально-экономический контекст остается ведущим. Современный капитализм не удовлетворяет никого, даже США, что доказывают бунты против глобализации, начиная с прошлогоднего в Сизтле.

Сейчас ключевой вопрос: появится новая концепция социального развития или капитализм потащит всех за собой в могилу? Вначале нужно разобраться с существующими школами глобалистики, а затем создавать свою, украинскую. В мире ежегодно появляются тысячи публикаций по проблемам глобалистики, а мы пребываем в информационном вакууме. Сначала надо решить организационные моменты, в частности, подключиться к Интернету. Хватит оставаться хуторянами. Хорошо, что есть энтузиасты, но если делать дело не на любительском уровне, надо иметь финансирование и информационную базу. Иначе мы снова будем добросовестно заблуждаться. Дело, как правило, как начинается, так и заканчивается.

Афонин Э. А. Я несколько оптимистичнее настроен относительно информационного обеспечения и готов кое-что предложить. Мы планируем до конца текущего года создать web-сайт, на котором проводить конференции по глобалистике, предоставлять информацию по этим вопросам, публиковать библиографию, тексты научных статей, резюме, чтобы раскрывать проблематику для наших коллег в Украине. Вопрос в том, где найти финансы на информационную поддержку.

Арсенко А. Г. Давайте учитывать реальность: содержание Интернет-страницы стоит минимум 50 долларов США в месяц.

Афонин Э. А. Политикам подобные исследования не нужны, тут я исчерпал свой оптимизм. Многие прагматики отказывались от финансирования, потому что не видели перспективы.

Макаренко А. С. Если проект будет институционализирован, многие вопросы можно будет решить.

Афонин Э. А. Хочу напомнить, что проект начал свою жизнь по инициативе Украинского общества содействия социальным инновациям. Эта негосударственная общественная организация предоставляет юридическое право привлекать необходимые для реализации проекта средства. Дело в инициативе каждого из организаторов исследования готовить проекты и подавать заявки на гранты. Что касается информационного обеспечения западными публикациями, то здесь можно использовать только что открытые для украинских исследователей ресурсы системы EBSCO.

Климчук Н. В. Репрезентировался ли (и как) проект (концепция) “Общественное развитие от Рождества Христова”?

Афонин Э. А. Книга разослана в ведущие библиотеки Киева и областные универсальные научные библиотеки Украины, мы также направили ее в национальные и парламентские библиотеки 60 стран мира. Поступили положительные отзывы, но нет ни одного предложения о сотрудничестве. Очевидно, сейчас это не самый оптимальный путь продвижения проекта.

Климчук Н. В. Нужно найти правильный язык презентации. Для достижения успеха необходимо изложить проект кратко и популярно.

Афонин Э. А. Проект по вопросам глобалистики трудно изложить популярно. Тем не менее, я считаю, что проблема состоит не в стиле изложения текста. Западные фонды воспринимают такие исследования теоретическими спорами. Относительно украинских возможностей, то здесь можно получить деньги из партийных финансов, а можно популярно изложить проект и не получить на него денег.

Кизима В. В. Да, есть определенное недоверие к прогнозам. Во время избирательной кампании одинаковые сценарии с разными фамилиями продавались разным партиям.

Афонин Э. А. Проведенный недавно в Верховной Раде Украины европейский семинар по проблемам независимых парламентских исследований показал, что каждое третье исследование в Украине конъюнктурно.

Климчук Н. В. Да, действительно ощущается дефицит объективных данных.

Арсеенко А. Г. Для продвижения на рынок трансгенных растений был подкуплен даже персонал Всемирной организации здоровья.

Кизима В. В. Возникает задача создания новой исследовательской группы по глобалистике. Сейчас речь идет не о конкретных задачах, нужно дать возможность высказаться всем, не ограничиваясь концепцией цикличности. Каждый пришел сюда не случайно. Когда увидим уровень участников, тогда станет понятным, в какую сторону ориентировать проект. Сначала надо сформировать исследовательскую группу, а уже на следующем этапе определять содержание проекта.

Афонин Э. А. Верное замечание. Конечно же, организаторы не навязывают собственную линию. Нужно определить периодичность нашей работы. Возможно, одного-двух заседаний в месяц достаточно, чтобы решить наши стартовые задачи, чтобы группа не распалась, а укрепилась.

Относительно финансов. Мы не можем предложить сразу результаты, нужно обеспечить информационный ресурс, а дальше пойдет цепная реакция. За короткое время проработаем протокол сегодняшнего заседания, у вас он должен быть для анализа.

Кизима В. В. Возможное название проекта: “Опережающее развитие для Украины”.

Афонин Э. А. Давайте определим время нашей следующей встречи.

Карпюк Л. А. Наша лаборатория психологии масс и организаций занимается теорией социальной эволюции. Это наш хлеб. Поэтому мы рады видеть вас даже дважды в неделю.

Афонин Э. А. Можем проводить заседания до конца года один раз в месяц.

Постановили:

Признать инициативу Э. А. Афолина полезной и продолжить работу группы в формате периодических встреч для организации тематических научных докладов и их обсуждения.

Председатель заседания
Секретарь заседания

Э. А. Афонин
А. Ю. Мартынов

Протокол № 2

24 октября 2000 г.

Присутствуют: *Афонин Э. А., Арсеев А. Г., Кизима В. В., Кокошинский О. А., Макаренко А. С., Малышко Н. И., Мартынов А. Ю., Саламатов В. А., Тишко С. В., Чечнев Б. А.*, а также сотрудники Института социальной и политической психологии АПН Украины.

Повестка дня:

Доклад “Новые подходы к моделированию некоторых процессов в глобалистике”.
Докладчик — *Макаренко А. С.*

Слушали:

Макаренко А. С. Тема моего сегодняшнего доклада: “Новые подходы к моделированию некоторых процессов в глобалистике”. Рассмотрим такие его составляющие:

1. Вопросы, стоящие перед глобалистикой.
2. Моделирование: уровень достижений.
3. Новые задачи.
4. Результаты реализации.
5. Перспективы.

1. Вопросы, стоящие перед глобалистикой. Глобалистика исследует макро-системы. Основные проблемы анализа: определение предпосылок для так называемого устойчивого развития, анализ тенденций регионализации, толкование понятия “цивилизация” (в марксистском понимании — общественно-политическая формация), прогнозирование будущего индустрии, образования и информационного общества, переживающего этап становления.

Понимание обозначенного комплекса проблем совершенно разное: представление об одних проблемах уже достаточно сформировано и адекватно, другие еще не решены и ожидают своего времени. Одна из нерешенных проблем — обеспечение устойчивого общественного развития.

В современную историческую эпоху общей тенденцией развития становится глобализация. Целесообразно проанализировать, чем она отличается от предшествующих общественных доминант, ведь “ходят слухи”, что сегодня регионализация работает против глобализации.

До сих пор однозначно не решен вопрос, что такое цивилизация, чем одни цивилизации отличаются от других. Нам кажется, что существующие сегодня в данном аспекте формальные признаки более узкие, чем сама проблема.

По крайней мере, понятно одно: информационное общество как бы “производит” глобализацию, в частности, через систему образования.

2. Моделирование: уровень достижений. Истоки исследования проблем глобалистики связаны с именами Дж. Форестера, Д. Медоуза и др. В то время создавались комплексы моделей, предоставляющих определенную феноменологическую основу для прогностики. Однако эти прогнозы распространялись на непродолжительную перспективу. С развитием научных представлений возникала потребность в значительно более сложных моделях, хотя их выстраивание требовало обеспечения многими параметрами.

Автор предложил совершенно новый класс моделей для рассмотрения вопросов глобалистики. Для лучшего понимания структуры моделей речь пойдет о простейшем варианте модели, которая создавалась для прогнозирования геополитических проблем.

Сложность большой социальной системы обуславливает проблему выбора внешних и внутренних параметров для построения математической модели. Определенные элементы могут описываться по разным шкалам, поэтому важно задать число, описывающее такие элементы.

В основу простейшего варианта разработанной модели положены интегральные показатели Кляйна, характеризующие такое абстрактное понятие, как “мощь государства”, которое интегрирует, соответственно, площадь территории, экономические, военные показатели, а также показатели доверия населения к власти. Поначалу описываемая модель создавалась для биполярного мира времен “холодной войны”. Со временем она была усовершенствована согласно изменениям природы и состояния элементов системы. Модель может быть настроена на определенные временные рамки (дискретное время) или на бесконечное время.

Важнейшим свойством модели являются связи между элементами системы, на основе которых создается матрица связей между государствами. Связи считаются константными, если изменения системы не успевают влиять на трансформацию ее связей. Задаются параметры, учитывающие состояние каждого элемента и связи между его составляющими. В нашей модели цивилизация трактуется как постоянный объект системы в целом, а формация — как постоянное состояние. Серьезной является проблема фрагментации информации, ведь большие системы имеют свои подсистемы и т. п.

Существует пласт моделей, созданных на основе принципов ассоциативной памяти, которые по свойствам подходят для моделирования вышеперечисленных систем. Реализация таких моделей осуществляется по аналогии с нейронными сетями. Один из принципов построения основан на “обучении” такой нейроноподобной системы. Специальная процедура формирует связи между элементами. Не буду приводить здесь математические формулы (см. ссылку), отмечу лишь, что рассчитывается средний коэффициент действия определенного элемента и его влияние на другие. Если влияния нет, то такой элемент не учитывается. Обучение модели осуществляется через дискретные промежутки времени предшествующих исторических моментов, а затем начинается процедура прогнозирования будущих отношений. Таким образом модель деятельности мозга переносится на большую социальную систему.

3. *Новые задачи.* Главная из задач, которые способна решать наша модель, — геополитический прогноз. Для характеристики состояния мощи государств рассматривались периоды Первой и Второй мировых войн, а также ситуация перед распадом СССР и Восточного блока. На основе этих начальных образов модель обучалась связям, после чего можно было задавать различные вопросы, например о том, к какому блоку в перспективе присоединится то или иное государство.

Созданное позже новое поколение моделей дает возможность учитывать динамику изменения ситуации, проигрывать вероятные варианты развития событий. Однако даже простейшие модели способны давать вполне корректные (приближенные к реальности) результаты, скажем, относительно тяготения Беларуси к России, а Австрии — к НАТО, о месте Украины в системе международных отношений и т. д.

Изменение связей между государствами трансформирует стратегию решения определенных задач. На более высоком уровне математического анализа формируются иерархические модели соответствующих систем.

4. *Результаты реализации.* Модель может действовать в области социальной психологии для определения внутрисистемных (каузальных) связей. Она пригодна также для классического экономического анализа. Модель использовалась и для прогнозирования результатов выборов.

5. *Перспективы.* Вернемся к проблемам глобалистики. Устойчивое развитие имеет два направления: экономическое, цель которого — максимализация прибыли, и экологическое, экономящее природные ресурсы для следующих поколений.

Модель позволяет различать эволюционный и революционный пути развития. Согласно модели переход системы через определенный барьер является эволюцией, а переход с уничтожением существующего барьера, вследствие чего возникают новые связи, — революцией. При этом страдает та часть населения, которая была носителем этих связей. Если система революционизирует, она, наконец, приходит к устойчивому состоянию, при котором может происходить дальнейшее эволюционное развитие.

Отметим, что самое сложное — интерпретация состояний элементов, закладываемых в модель, и понятное их представление. Оптимальные средства для представления результатов и их интерпретации — так называемые геоинформационные компьютерные системы, производящие карты, схемы, графики, которые наглядно демонстрируют геополитические расклады.

Вопросы и обсуждение:

Афонин Э. А. Как я понял, ваша модель способна обучаться. Доминирующая на протяжении двух веков со времен Великой французской революции тенденция — интернационализация — уже исчерпала себя, превращаясь в новую форму — глобализацию. Как модель учитывает современные изменения на глобальном уровне?

Макаренко А. С. Существуют варианты модели, структура которых изменяется в ходе трансформации.

Афонин Э. А. Как модель учитывает влияние на социальную систему естественных факторов, отражающих действие больших космических циклов? Как система может учесть те реалии, которые не воспринимаются непосредственно органами чувств и выступают для сознания как вещи сугубо абстрактные? Как учитывается переходная эпоха развития человечества, имеющая нелинейный характер?

Макаренко А. С. Это состояние характеризует переход от одного аттрактора (постоянного состояния) к другому. Можно отойти от одного состояния, потом к нему вернуться, но при этом оно изменяется. Возможен переход через определенный барьер между состояниями — бифуркация развития. Свои циклы имеет и модель, ход которых может зависеть и от естественных, в том числе космических, факторов, причем эти влияния могут учитываться в модели не явно, автоматически в процессе обучения.

Афонин Э. А. Рассмотрим, к примеру, революцию 1917 г. Поначалу она имела довольно четкие основные параметры, которые соответственно осознавались и декларировались. Затем возникли процессы инверсии, припавшие на период “новой экономической политики”, которые многие лидеры революции отказывались воспринимать. Спустя некоторое время общество снова возвратилось к “генеральной

линии” развития. В этом историческом факте мы видим хрестоматийный пример нелинейного процесса. Аналогичный (нелинейный) характер имеет, на наш взгляд, нынешняя трансформация. На протяжении последнего десятилетия были периоды, когда тенденции изменялись, как показывает наш мониторинг, даже на протяжении одного календарного года. Как с помощью Вашей модели исследовать, что именно происходит во время переходного этапа общественного развития?

Кизима В. В. Вы требуете большего, чем может дать модель.

Афонин Э. А. Вопрос в том, дает ли эта модель нетривиальное знание?

Макаренко А. С. Если построить более сложную систему, то наша модель вполне способна дать ответ на поставленные вопросы. Кроме того, по опыту работы с моделью складывается впечатление, что она включает в себя и новые нетривиальные знания, которые не осмысливались при ее построении.

Кизима В. В. Сомнительно, что можно построить модель “на все случаи жизни”.

Арсенко А. Г. Задача моделирования — предвидение перспектив. Как учесть субъективный фактор? Например, в 1991 г. многие ученые утверждали, что Украина по всем показателям напоминает Францию. Сегодня мы видим, что это далеко не так.

Кизима В. В. Но мы были частью другого государства.

Арсенко А. Г. Здесь опять-таки действовал субъективный фактор. Пришел М. Горбачев и быстро разрушил эту систему. Недавно он признал, что поставил перед собой цель уничтожения коммунизма и всю жизнь к ней шел. Каким же образом учесть в модели колоссальное значение субъективного фактора?

Макаренко А. С. Модель уже сегодня учитывает, на мой взгляд, определенные властные возможности личности, потенциал ее влияния на принятие решения и т. д. А совсем недавно я построил модели, учитывающие ментальность и внутреннее мировоззрение индивидуума явным образом. Это, например, позволяет рассматривать с научной точки зрения возможные сценарии исторического развития.

Арсенко А. Г. Во время Бородинской битвы Наполеон был болен насморком. Р. Рейган однажды пошутил, что отдал приказ о ядерном нападении на СССР. Как прогнозировать подобные действия человека, держащего палец на ядерной кнопке? Как не ошибаться, что иногда случается, при проведении контент-анализа выступлений государственных деятелей? Ведь фактически мы анализируем мысли тех, кто пишет речи политикам.

Макаренко А. С. Прогностическая модель всегда выстраивается для определенной ситуации, изменение которой требует разработки новой модели. Нецелесообразно слишком усложнять модель. Моделирование — наполовину наука, а наполовину — искусство. Моделирование поведения и поступков лидеров (особенно логически немотивированных) — очень сложная проблема. Но предложенные модели даже в простейшем варианте позволяют рассматривать последствия таких поступков (или различные варианты развития событий).

Афонин Э. А. Было бы здорово разместить модель на web-сайте. Может ли программа выделять новые субъекты, возникающие во время кризисов?

Макаренко А. С. Это в принципе возможно, ведь при нарастании напряжения возможны разрывы связей. Мы разработали вариант компьютерной программы, который можно использовать через Интернет, и в ближайшее время откроем такой сайт.

Кизима В. В. Можно ли постоянно добавлять новые параметры к модели, чтобы она могла, например, спрогнозировать результат выборов?

Макаренко А. С. Да, но реализация связана с техническими и финансовыми проблемами. Ввод, обработка и сохранение информации требуют много ресурсов. Кроме того, невозможно забыть модель высокой степени вероятности. В ситуации хаоса можно определить наиболее вероятный сценарий развития событий и рассчитывать соответствующие риски и потери.

Кизима В. В. Но это можно сделать экспертными методами.

Арсеенко А. Г. Опубликован ли результат вашей разработки?

Макаренко А. С. Было несколько публикаций в сугубо научных изданиях (см. ссылку). Возможно, в расширенном варианте это будет сделано Атлантическим советом Украины.

Афонин Э. А. Интересна идея размещения адаптированной к задачам проекта “Общественное развитие от Рождества Христова” версии модели на web-сайте. Широкое использование такой модели вполне отвечает времени и послужит мощным средством рекламирования возможностей подхода.

Чечнев Б. А. Существует другая методика прогнозирования. Вы говорите на языке математической логики: “если..., то...”. Но как быть в следующей ситуации? Однажды могущественный Ксерокс заплакал перед своим могущественным войском от мысли, что всей этой мощи не будет уже через одно поколение. Я в свое время заинтересовался стратегическим прогнозированием китайских императоров на основе книги “И цзин”, где прогноз делается без знания параметров. Учитывается даже случай, который есть вторым именем Бога. Поэтому, думаю, было бы уместно собрать различные прогностические традиции. Эзотерика, например, снимает в условии “если”. История подтверждает высокую эффективность использования живого знания.

Афонин Э. А. Эзотерика действительно становится незаменимым знанием, особенно во время переходных периодов. Возможно, Владимир Викторович Кизима сделал доклад на эту тему на одном из следующих заседаний?

Кизима В. В. Уместно будет послушать психолога, который по юнговской традиции “снимает” противоречие Запад — Восток.

Председатель заседания

Э. А. Афонин

Секретарь заседания

А. Ю. Мартынов

Литература

1. Макаренко А. Модели глобальных социо-экономических процессов. Принципы построения. — К., 1993. — 40 с.
2. Макаренко А. С. О построении моделей глобальных социо-экономических процессов типа ассоциативной памяти // Докл. АН Украины. — 1994. — № 12. — С. 85–87.
3. Levkov S., Makarenko A. Geopolitical relations in post USSR. Europe as a subject of mathematical modeling and control // Proceed. IFAC/IFORS/IMACS Int. Symp. Large Scale Systems: Theory and applications. — London, 1995. — Vol. 2. — P. 983–987.
4. Makarenko A., Klestova Z. New class of global models of associative memory type as tool for considering global environmental change. NATO Advanced Research Workshop: Environmental Change, Adaptation and Security. — Budapest, 1997. — 9–12 Oct.

5. Добронюгов А., Левков С., Макаренко А., Никшич Д. В нейросетевом подходе в анализе геополитических процессов // Докл. АН Украины. — 1997. — № 5. — С. 94-98.

6. Makarenko A. New Neuronet Models of Global Socio-Economical Processes // Gaming / Simulation for Policy Development and Organisational Change / J. Geurts, C. Joldersma, E. Roelofs eds. — Tillburg, 1998. — P. 128-132.

7. Makarenko A. Models with anticipatory property for large socio-economical systems // Proc. 16-th World Congress of IMACS, Lausanna, Switzerland, 2000. — 21-25 Aug. — P. 10.

Протокол № 3

21 ноября 2000 г.

Присутствуют: Афонин Э. А., Арсеенко А. Г., Донченко Е. А., Кизима В. В., Косошинский О. А., Макаренко А. С., Малышко Н. И., Мартынов А. Ю., Саламатов В. А., Тишко С. В., Чечнев Б. А., а также сотрудники Института социальной и политической психологии АПН Украины.

Повестка дня:

Доклад “Фрактальная психология — путь к взаимоуважению и новой вере — вере в сакральность единичного пути”.

Докладчик — Донченко Е. А.

Слушали:

Донченко Е. А. Недавно в точных науках появилось новое понятие — “фрактал”. Оно означает структурную единицу сложной самоорганизующейся нелинейной системы типа “молнии”, “береговой линии” и т. п. Понятие “психофрактал” может репрезентировать структурную единицу мировой души или общечеловеческой психики. В ней содержится психогенетичный код коллективной и индивидуальной психики. Носителями психофрактала есть как отдельные индивиды, так и социум. Каждый носитель психики имеет в своем фонде ген своей жизни и ген жизни человечества. Так случилось, что ген жизни человечества, оторвав от субъекта, узурпировали и разнесли по миру различные религии, а содержание специфических генов, начиная с послеосонового времени, все более абсолютизировалось и рационализировалось.

Сегодня мы видим последствия разорванности целостности психического: межрелигиозные и межконфессиональные недоразумения, межгосударственные конфликты, сентябрьская американская трагедия 2001 г., которая начала войну цивилизации, человеческие психогенные отклонения и др. Человечество оказалось на грани самоуничтожения. Пришло время создания новой веры, новой парадигмы общей жизни человечества. Фрактальная психология не несет новой идеи, она лишь снова возвращает человечество к проблеме души. В каждом обществе, у каждого человека есть своя собственная душа — фрактал, частица мировой души, которая требует собственного воплощения и ради отрабатывания которой человек имеет тело, а социум — определенную социальную структуру и определенные отношения между ее элементами. Но душа каждого, кроме собственного гена саморазвертывания, имеет общий общечеловеческий ген самовывживания, к которому человечеству необходимо вернуться, о котором просто необходимо вспомнить.

Пафосом фрактальной психологии, разрабатываемой нами, являются показания и доказательства опасности как абсолютизации собственного пути определенным

субъектом (пример — Америка и мир), так и невостребованность, утрату общих корней (архетипов коллективного бессознательного) и общих ценностей, благодаря которым возможен срединный путь между специфическими социокультурными и политическими ценностями на пути Земной любви.

Вопросы и обсуждение:

Кизима В. В. Кто авторы фрактальной психологии, какие закономерности она раскрывает?

Донченко Е. А. Подтолкнула меня к этой идее новая наука — соционика. Относительно закономерностей, то это и первостепенная роль феномена “отношения”, и ведущие механизмы, этапы, особенности реализации души, и истоки невротизации (в том числе — информационных) социумов и человека и т. д.

Саламатов В. А. Как фрактальная психология понимает термин “развитие”?

Донченко Е. А. Развитие — это наполнение определенной емкости, форма которой задана в момент рождения человека или в момент “сборки” социума. Развитие происходит нелинейно, конфликтно, тяжело, но только наполнение своей емкости дает человеку ощущения счастья, а социуму — успешность.

Афонин Э. А. А что Вы понимаете под успешностью?

Донченко Е. А. Успех во фрактальной психологии — это отработка собственной души, а не следование ожиданиям окружающей среды.

Арсенко А. Г. Что дает осознание людьми и социумами собственной фрактальности?

Донченко Е. А. Возрастание толерантности друг к другу, уважение пути другого, воспитание срединного способа общения и взаимопонимания, уменьшение межличностных и межгосударственных конфликтов и многое другое.

Председатель заседания
Секретарь заседания

Э. А. Афонин
А. Ю. Мартынов

Протокол № 4

19 декабря 2000 г.

Присутствуют: *Афонин Э. А., Арсенко А. Г., Кизима В. В., Кокошинский О. А., Макаренко А. С., Малышко Н. И., Мартынов А. Ю., Саламатов В. А., Тишко С. В., Чечнев Б. А.*, а также сотрудники Института социальной и политической психологии АПН Украины.

Повестка дня:

Доклад “Общественное развитие от Рождества Христова: рабочая концепция исследовательского проекта”.

Докладчик — *Афонин Э. А.*

Слушали:

Афонин Э. А. О. Шпенглер в работе “Закат Европы” задает риторический вопрос: не лежат ли в основе каждого исторического процесса качества, присущие индивидуальной жизни. Попытка ответить на этот вопрос подводит нас к проблеме

построения новой концепции общественно-исторического развития, которая может дать возможность преодолеть современный парадигмальный кризис системы социальных наук в целом и социологии в частности.

Поскольку жизнь человека и, в частности, его психическое развитие являются, по сути, циклическим процессом, каждый из этапов которого имеет собственные психосоциальные комплексы, вполне правомерными представляются и подходы к объяснению общественно-исторического процесса с точки зрения развертывания определенных социальных циклов. Эта идея не нова. К ней обращались российские исследователи Л. Гумилев, Н. Данилевский, Н. Кондратьев, П. Сорокин, британец А. Тойнби, немец О. Шпенглер и многие другие.

Понятие цикла воспринимается как повторение определенных этапов социального развития. При этом продолжительность каждого из циклов, по нашему мнению, неповторима, ведь неповторимы и условия развития. Можно говорить лишь об определенных нормативах для конкретных циклов, которые могут иметь социокультурную специфику в разных странах. О. Шпенглер, например, разделяет историю развития закрытых культур на 1200-летние периоды. Существуют циклы доистории, собственно истории и постистории. Экономические циклы, по Н. Кондратьеву, охватывают 60 и 120-летние периоды. Таким образом, уже существует определенное поле возможностей для создания адекватной периодизации, отвечающей по сути задачам классификации истории развития человечества.

Вместе с тем возникает вопрос: зачем создавать новую систему классификации, ведь их уже существует довольно много? Во-первых, кризисные явления, с которыми время от времени сталкиваются народы (страны) и человечество, сопровождаются многочисленными человеческими жертвами, и их количество с развитием научно-технического процесса значительно возрастает. Во-вторых, существенно сокращаются временные интервалы, в течение которых общественное развитие можно назвать относительно устойчивым, бескризисным. В-третьих, с развитием общественного знания время от времени складываются условия для его переосмысления, уточнения и т. п.

Главное преимущество, ожидаемое разработчиками от новой классификации, — существенно более высокий по сравнению с предшествующими аналогами уровень эффективности при составлении прогнозов социального развития. Есть надежды, что этот показатель достигнет 80 %. Это придает нашему подходу в полной мере продуктивное качество. Более адекватное описание будущего даст возможность усилить эффективность стратегии общественного развития и откроет практические возможности для применения социально-инженерных технологий, потребность в которых становится все более очевидной.

Наша система классификации построена на системе возрастной психологии. При этом понятие социального мы относим не только к обществу, но и к образующему его элементу — человеку, равно как и к человечеству в целом, временной срез которого репрезентирует доминирующее цивилизационное сообщество (международное сообщество).

Идеальным ориентиром и вместе с тем единым практическим основанием для всех типов социальных субъектов и вместе с тем объектов (Человек, Общество и Цивилизация) является, по нашему мнению, универсальный эпохальный цикл, дающий возможность использовать достижения естественных наук и математики.

Не будем идти от древнегреческого мыслителя Аристотеля, сошлемся на швейцарца Ж. Пиаже, который, изучая интеллектуальное развитие человека, в XIX в. разработал концепцию психологии деятельности. Любое поведение предполагает как энергетический, так и структурный или когнитивный аспект — все, что в жизни здравый смысл называет “чувством” и “умом”. Рассматривая их как две “способности”, дополняющие друг друга, мы можем условно выделить две разновидности поведения, одна из которых направлена на людей, а вторая — на идеи или вещи. При этом каждая разновидность находит и когнитивный, и аффективный аспекты действия, которые всегда объединены в реальной жизни и никоим образом не являются самостоятельными способностями.

Многие психологи констатировали делимость и, вместе с тем, взаимосвязь эмоционально-аффективной и интеллектуальной сфер. Взаимосвязь реально существующую, но продолжительное время психологам не удавалось ее раскрыть.

Эта задача была решена советским психологом Д. Элькониним (1971) в рамках теории деятельности, которая развивается в системе “ребенок в обществе”, состоящей из подсистем “ребенок — вещь” (ребенок — общественный предмет) и “ребенок — взрослый” (ребенок — общественное отношение). Рассматривая ведущий вид деятельности человека, он обнаружил скрытое (выходящую на поверхность во время так называемого психологического кризиса) диалектическое противоречие между двумя его аспектами — операционно-техническим (“интеллектуально-структурным”, по Ж. Пиаже), связанным с развитием подсистемы “ребенок — вещь”, и эмоционально-мотивационным, связанным с развитием подсистемы “ребенок — взрослый”. В общей последовательности ведущих деятельностей в ходе жизненного цикла человека соответственно чередуются деятельности с приоритетным развитием то одной, то другой стороны.

Система “ребенок в обществе” (термин ввел А. Леонтьев) отражает закономерные изменения, происходящие как в личностном развитии ребенка, так и в сфере его деятельности, его коммуникативного и предметного планов. Причем на каждом этапе развития изменяются не только психологические черты ребенка, но и вид деятельности, который вдобавок прогрессирует как таковой. Условно говоря, на протяжении жизни человека неоднократно изменяются ключевые акценты “что” на “как”, создавая так называемые узловые и поворотные моменты развития.

Психологическая литература достаточно детально и согласованно описывает развитие личности до 17 лет, последующие возрастные периоды исследованы намного хуже. Примененная нами методика позволила восполнить имеющиеся пробелы и верифицировать на примере Украины циклы психического развития личности после 17 лет. В частности (по состоянию на 1992 г.) установлено, что граница пенсионного возраста в Украине должна составлять в среднем 63–64 года (вместо существующих 55 лет — для женщин и 60 — для мужчин). Таким образом, критика со стороны Международной организации труда относительно занижения в Украине границ выхода на пенсию представляется правомерной.

Если сравнить результаты исследований швейцарского психолога Ж. Пиаже и советских психологов, то разность исследованных ими границ возрастных когорт составляет в период социализации около 1,5–2 лет. С точки зрения нашего концепта причины этой дельты мы видим главным образом в отличиях, вызванных различными “фазами” общественного развития стран Запада и Востока.

Вопросы и обсуждение:

Саламатов В. А. Какие основания для сравнения концепций Ж. Пиаже и Д. Эльконина, ведь у них совсем разные тезаурусы? Насколько методологически корректно переходить от детской психики на уровень социетальной психологии? Как соотносятся между собой когнитивное, коммуникативное и предметное?

Афонин Э. А. Наша цель не психологическая, а социологическая. В нашем случае когнитивное является идеальным отражением предметного (вещественного). Общение мы рассматриваем как отдельный вид деятельности. Представляется неуместным углубляться в терминологические схоластические споры, поскольку сам подход требует определенного уровня обобщения, универсализации.

Возвращаясь к вопросу О. Шпенглера, мы должны положительно ответить на него, ведь личностный онтогенез действительно напоминает по форме социально-историческое развитие. Для моделирования этого процесса вводится понятие “универсальный эпохальный цикл”, основными этапами которого выступают рождение (революция), становление (инволюция), сосуществование (коэволюция) и развитие (эволюция). Соответственно структурируются два нормативные (инволюция, эволюция) и два переходные периоды (революция, коэволюция), составляющие своеобразный контрверз.

Интерпретация примененной структуры цикла осуществляется нами по модели психического развития личности, обобщенной в монографии советского психолога Д. Фельдштейна: революция — узловой пункт развития, коэволюция — поворотный; инволюция — реализация позиции “Я и общество”, эволюция — “Я в обществе”. Такое объяснение дает возможность наполнять концепцию содержательно. Началом полного цикла есть революция. На инволюционном этапе актуализируется развитие по модели “Я и общество”.

Проиллюстрирую. В психологии управленческой деятельности Н. Кузьмина выделяет коммуникативный, гностический, конструктивный (планирование) и организационный виды деятельности, причем последние три представляют предметный план управленческой деятельности. Анализ развития этих планов в СССР в 1980-е гг. свидетельствует о приоритетном развитии коммуникативного компонента и все более нарастающей потребности развития предметного плана, в частности гностического компонента. Сегодня понятно, что последний актуализируется именно с трансформационными процессами в странах СНГ.

Определенные аргументы в пользу выделения двух типов нормативных периодов — инволюции и эволюции — предоставляет социальная статистика. По информации ЮНЕСКО и Госкомстата Украины, показатели социально-профессиональной дифференциации в странах западноевропейского ареала и в Украине (как и в других республиках бывшего СССР) составляют соответственно 70 тыс. и 30–40 тыс. Это, на наш взгляд, вызвано различными типами социальных процессов — эволюции и инволюции. Если эволюционный тип социальных процессов дает прогрессирующую дифференциацию социальной структуры, прагматическое и рациональное мышления и в целом интенсивный способ хозяйствования, то инволюционный тип социального развития, наоборот, — упрощение социальной структуры, мифологизированное сознание и экстенсивное хозяйствование. Соответственно: максимальная степень свободы индивида на Западе и ограничение его интересами коллектива на Востоке.

Донченко Е. А. Я считаю, что именно в переходные периоды на поверхность выходит все ментальное.

Афонин Э. А. Это действительно так. Добавлю лишь, что переходный период — это не линейный переход из пункта А в пункт Б, это многообразная флуктуация, изменение направления движения между пунктами перехода. Именно эти процессы усложняют адаптацию населения стран так называемой трансформации (коэволюции) к западноевропейской системе ценностей. Условно говоря, одновременно существуют две разные нормативные шкалы. Поэтому оптимальным был бы междисциплинарный подход.

Например, М. Хайдеггер сравнивает выражения Протагора: “Человек есть мера всех вещей” и Р. Декарта: “Человек — мера идеального” (см.: *Хайдеггер М.* Современное слово. — Минск, 1998. — С. 370). Привлекая профессиональных филологов, необходимо осуществить контент-анализ текстов, сопровождающих общественное развитие. Много проблемных вопросов в демографии, систематические наблюдения за которой ограничены последними двумя столетиями. Требуется профессионального подхода верификация экономических показателей. Поэтому мы приглашаем исследователей различных областей знания, глубже раскрыть содержание интегральных (социетальных) показателей, а не вести речь о среднестатистической температуре по больнице.

Председатель заседания
Секретарь заседания

Э. А. Афонин
А. Ю. Мартынов

Протокол № 5

16 января 2001 г.

Присутствуют: *Афонин Э. А., Арсеев А. Г., Кизима В. В., Макаренко А. С., Мальшико Н. И., Мартынов А. Ю., Саламатов В. А., Чечнев Б. А.*, а также сотрудники Института социальной и политической психологии АПН Украины.

Повестка дня:

Доклад “Концептуальные подходы в сфере социальной глобалистики”.

Докладчик — *Арсеев А. Г.*

Слушали:

Арсеев А. Г. В начале доклада приведу основные тезисы послания президента Американской социологической ассоциации Дж. Феогена “Социальная справедливость и социология: повестка дня на XXI столетие”. В частности, он выступил с резкой критикой глобального капитализма, который дорого обходится миру. Во-первых, увеличивается разрыв между богатейшими и беднейшими на социальной лестнице. Во-вторых, ускоряется маргинализация народов мира. Оценка стоимости глобального капитализма — за пределами ортодоксальной экономической науки. В-третьих, обостряются экологические проблемы, от которых лишь откупаются, не решая их радикально. Вывод, который делает Дж. Феоген: социология должна активно решать проблемы социальной справедливости, иначе она станет нерелевантной истори-

ческой ситуации. Необходимо приобщиться к перестройке неравноправных властных отношений. Популярным становится контрсистемный подход в социологии.

Термин “глобализация” происходит от слова “глобус”, то есть обозначают системный подход к рассмотрению вопросов. Это слово появилось в словаре английского языка в 1961 г. В 1987 г. в мире выходило около 1600 журналов на 55 языках по проблемам глобализации. В конце 1990-х гг. этот термин вошел в моду. Даже Президент Украины в одном из выступлений использовал понятие “глобальные задачи Украины”, будто локальные уже решены.

Социолог Тигранян разместил на своем сайте свыше 870 определений понятия “глобализация”. Свою периодизацию предлагает, в частности, З. Бжезинский: интернационализация экономики, затем интеграция и, наконец, глобализация, или постинтеграция — то есть единая мировая экономика. Ее становление связано с распадом СССР и возникновением системы глобального капитализма. Ф. Фукуяма, находясь в эйфорическом состоянии, даже написал эссе “Конец истории?”, но сразу же возник вопрос: что, либеральный капитализм уже будет временами застоя “а-ля Брежнев”?

По нашему мнению, глобализация — это ускорения всех современных процессов, происходящих на основе достижений новейших информационных технологий. Хронологические границы зарождения — после Второй мировой войны — связаны с научно-технической и информационной революциями. Другие усматривают начало глобализации в начале развития капитализма, то есть 600 лет тому.

Причины глобализации. Перед Первой мировой войной возрастание объемов торговли было впечатляющим. В роли железных дорог, по взносу в становление индустриального общества, после Второй мировой выступают информационные коммуникации.

Информационная революция значительно ускорила оборот капитала. Если до 1990-х гг. 90 % капитала было связано с торговыми расчетами, а 10 % — со спекулятивным капиталом, то сейчас положение изменилось до противоположного. Это дает определенные экономические преимущества США, ведь теперь ежедневно из кармана в карман переходит 1,5 трлн. долл., на одних процентах можно неплохо заработать. Продолжается борьба за власть между тремя центрами — США, Европейским Союзом и Японией. Последняя уже десять лет не может выйти из экономического кризиса. Европу существенно поставили на место после косовской кампании.

Когда говорят об азиатском экономическом чуде, часто забывают, что оно созрело в условиях авторитарной власти, которая не шла в долговую кабалу к МВФ, а интенсивно эксплуатировала свою рабочую силу.

З. Бжезинский подчеркивает, что США превратили Европу в свой протекторат, причем такие асимметричные отношения должны сохраняться на протяжении XXI в. Европа должна нести большой груз ответственности за совместную оборону. Европа сейчас пытается создать европейскую армию, однако и здесь существует ряд нерешенных проблем. Например, 30 % молодых испанцев после получения образования не работали ни одного дня.

Глобализации сверху противостоит глобализация снизу, то есть возникают различные альтернативные трансатлантические движения.

Школа “мир-системного” анализа И. Валлерстайна выделяет три мира. К первому, ядру, входят развитые страны так называемого центра. К ним принадлежат 29 стран — членов Организации экономического сотрудничества и развития, хотя они тоже различаются по уровню богатства. Потом идет полупериферия, или второй мир, то есть бывшие социалистические страны, которые пытаются, обогащаясь, приблизиться к уровню Центра. Когда в 1993 г. бывший президент США Р. Никсон побывал с визитом в России, он заявил: со вторым миром мы покончили навсегда, теперь остались лишь богатые и бедные. К периферии принадлежат беднейшие страны мира.

Глобализация приносит богатство богатым и горе бедным. На протяжении 1990-х гг. США обогатились, как Крез. Если в 1990 г. ВВП США составлял около 2 трлн. долл., то в 2000 г. — уже 8 трлн. долл. Однако социальные программы сокращаются, происходит демонтаж государства общего благосостояния, усиливаются настроения социального дарвинизма, ведь ресурсов планеты на всех не хватает.

М. Тэтчер заявляла М. Горбачеву: зачем вам столько населения? Ведь экономически активного населения в СССР только 15 %, поэтому вас никто не будет колонизировать. Единственный резерв — дешевая и пока что довольно квалифицированная рабочая сила.

Противостоять США фактически невозможно, это доказывает их отношение к мероприятиям против глобального потепления. Американцы не желают поступаться и толикой своего комфорта ради выживания человечества.

Движущие силы глобализации. Главнейший субъект этого процесса — транснациональные корпорации, деятельность которых стимулирует интернационализацию и интеграцию. Первой ТНК была Ост-Индская компания. Ситуация изменилась, когда государство начало обеспечивать интересы многонациональных корпораций. ТНК “Газпром” даже не входит в число 500 крупнейших транснациональных компаний мира.

После краха социализма большой капитал, как констатируют профессиональные союзы, взял социальный реванш. Численность среднего класса в США такова, как и накануне депрессии 1929 г. Произошли изменения в организации труда. Чтобы сохранить привычный уровень жизни, приходится работать больше. Остро стоит вопрос, как удержаться на работе. Когда речь идет о повышении уровня оплаты труда, ТНК говорят о возможности перенесения производства в страны с дешевой рабочей силой. Изменение структуры рабочей силы ослабило профсоюзы. Вместо лозунга: “Пролетарии всех стран, соединяйтесь” теперь говорят: “Пролетарии всех стран, глобализуйтесь”.

Еще один субъект глобализации — МВФ и Мировой банк, созданные для обеспечения американской гегемонии. Это достигается голосованием по принципу доли взноса в устав банка.

Всемирная торговая организация — структура господства богатых стран. США активно используют механизм экономических санкций. Украина стремится к вступлению в ВТО, но по требованиям этой организации можно иметь лишь годовой запас зерна, гарантирующий свободу торговли. Как это может сказаться на продовольственной безопасности Украины, понятно.

НАТО — попытка создать военную составляющую процесса глобализации.

Существуют контрконцепции — рационализация, локализация, глокализация (где выгодно — интегрируемся, где нет — вспоминаем о национальных интересах).

Вопросы и обсуждение:

Афонин Э. А. Кажется, у Вас есть собственная концепция. Какую прогностичность она имеет?

Арсенко А. Г. Я не верю в возможности социальной инженерии.

Афонин Э. А. Тогда речь пойдет о мистерии.

Арсенко А. Г. Мне близка школа мир-системного анализа И. Валлерстайна. Он сам никогда не был марксистом. В США существует довольно влиятельная школа неомарксистов, они справедливо подчеркивают, что в наше время общественные и гуманитарные науки становятся идеологическим прикрытием правящих режимов. Наибольшей иллюзией Модерна было обещание превратить в Центр всю периферию. Сбывается пророчество К. Маркса, что глобальный капитализм приводит к абсолютному обеднению большинства.

Мальшико Н. И. Существуют ли правовые основы глобализации?

Арсенко А. Г. Была попытка в рамках ООН разработать Кодекс поведения ТНК, но в условиях макдональдизации общества она была неудачной. К сожалению, еще нет альтернативного сценария развития человечества. Именно поэтому поиск путей выживания мировой цивилизации в XXI в. — первоочередная задача науки.

Председатель заседания
Секретарь заседания

Э. А. Афонин
А. Ю. Мартынов

Протокол № 6

27 февраля 2001 г.

Присутствуют: *Афонин Э. А., Арсенко А. Г., Ефименко В. М., Криводубский В. Н., Мальшико Н. И., Мартынов А. Ю., Саламатов В. А.*, а также сотрудники Института социальной и политической психологии АПН Украины.

Повестка дня:

Доклад “Развитие научных традиций А. Чижевского в контексте социальной глобалистики”.

Докладчики — *Криводубский В. Н., Ефименко В. М.*

Слушали:

Ефименко В. М. напомнил некоторые астрономические понятия. В астрономии важна проблема исследования и прогнозирования солнечной активности. Возраст Солнечной галактики составляет приблизительно 16 млрд лет. Наиболее распространенная теория ее происхождения — теория большого взрыва. Процесс образования и гибели звезд длится непрерывно и по сей день. При этом наблюдается следующая тенденция — чем больше звезда, тем скорее она сгорит. Тогда появляется так называемая “сверхновая” звезда и начинается новый цикл. Он может длиться до 5 млрд лет.

Важность Солнца для планеты Земля определяется, прежде всего, тем, что это светило предоставляет нам разнообразную энергию. Цикличность солнечной активности была открыта в 1841 г., солнечные вспышки — в 1859 г., к этому времени относится и зарождение гелиофизики.

Для деятельности Солнца характерны два принципиальных момента. Во-первых, Солнце как главный источник энергетики земных процессов существенным образом влияет на ход явлений в неживой природе и биосфере земли. Во-вторых, для Солнца характерна цикличность деятельности, его влияния, что создает объективную основу для прогнозирования большинства опасных природных и социально-политических явлений. Цикличность солнечных процессов отображает в себе общие космические факторы. По принципу индукции эти причины определяют временную организацию процессов на Земле и вокруг нее. Совокупность выявленных наукой солнечных ритмов включает ритмы с периодами от минут до сотен и тысяч лет.

Учитывая особое значение Солнца для земной жизни, важно точно прогнозировать периоды солнечной активности. Она измеряется числами Вольфа (Международная служба Солнца определяет число Вольфа круглосуточно) и закономерностями 11-летнего цикла. Магнитный цикл составляет 22 года, за это время изменяется полюсная полярность. К другим важным показателям солнечной активности относятся вспышки и изменения длины ультрафиолетовых волн.

Исследовано влияние названных показателей. Короткие ультрафиолетовые волны, в частности, формируют погоду, магнитное поле на поверхности Солнца влияет на ионно-магнитную сферу Земли, солнечная активность определенным образом влияет на стимулирование землетрясений.

При исследовании влияния Солнца на социально-политическую активность мы наблюдаем определенное несоответствие методов наблюдения Солнца и исследований динамики социальных изменений. На человека на физиологическом уровне, прежде всего, влияют электромагнитные поля как потоки заряженных частиц. Это подтверждает теорию, что каждый человек родился под определенной звездой.

Особого внимания заслуживает влияние Солнца через всю совокупность механизмов, которые им контролируются, на общественную жизнь. Солнечная активность — одна из основных внешних причин, порождающих социальную цикличность. Социальная вспышка провоцируется солнечным влиянием через механизм “модификации нервной возбуденности”. Риторический вопрос: не стоит ли перед политиками задача для обеспечения стабильности заблаговременно устранять внутренние факторы напряженности, чтобы они не совпали с внешним влиянием Солнца и не привели к потрясениям? В прошлом году закончился 22-й цикл солнечной активности, сейчас она возрастает. По прогнозам, 23-й цикл может быть аномально мощным.

Информацию о мониторинге солнечной активности можно получить в обсерватории Киевского национального университета имени Тараса Шевченко по телефону: +38 (044) 216-26-30.

Криводубский В. Н. доложил о проблеме озонового слоя.

Максимум озоновой защиты концентрируется на высоте 20–45 км, высота однородной атмосферы — 8–10 км. Озон разрушается под влиянием ультрафиолетовых лучей. Процесс восстановления происходит одновременно с процессом разрушения. Важно динамическое равновесие между ними, ведь 10 мм озона защищают все живое на планете от космической радиации.

Начиная с 1981 г., над Антарктидой наблюдается уменьшение озонового слоя. Главными “врагами” озона являются газы фреоны. Когда в Антарктиде полярная ночь, процесс разрушения озонового слоя замедляется. Эффект сезонный, однако максимум

солнечной активности стимулирует этот негативный процесс. Ключевой остается проблема прогноза. Опаснейшее последствие для человека — ослабление иммунитета.

Вопросы и обсуждение:

Арсенко А. Г. Влияет ли на озоновый слой искусственное облучение?

Криводубский В. Н. Да, влияет, например Чернобыль. Важное значение имеют коммерческие интересы корпораций.

Афонин Э. А. Как коррелируются циклы солнечной активности и циклы Н. Кондратьева? Может, теория Н. Кондратьева сегодня не работает?

Ефименко В. М. Мы не можем говорить о том, чего не знаем. Цикл можно придумать, но сложно сказать, чем он вызван физически.

Афонин Э. А. Конечно, научная гипотеза еще нуждается в верификации. Нам кажется, что характеристика эпохального цикла в целом адекватна. Ключевым остается вопрос корреляции между солнечной активностью и социальными процессами.

Председатель заседания
Секретарь заседания

Э. А. Афонин
А. Ю. Мартынов

Протокол № 7

13 марта 2001 г.

Присутствуют: *Афонин Э. А., Арсенко А. Г., Кизима В. В., Косошинский О. А., Мартынов А. Ю., Макаренко А. С., Николаенко Д. В., Саламатов В. А., Хлобыстов Е. В.*, а также сотрудники Института социальной и политической психологии АПН Украины.

Повестка дня:

Доклад “Процессы освоения территорий и их интерпретация: типология районов и границ постсоветского пространства”.

Докладчик — *Николаенко Дмитрий Васильевич*, доктор географических наук, профессор Санкт-Петербургского университета.

Слушали:

Николаенко Д. В. В январе 2001 г. в Санкт-Петербурге прошла международная конференция, посвященная геополитическим и геоэкономическим аспектам российско-украинских отношений. Формируется профессиональное, не связанное с какими-либо организациями, сообщество специалистов.

Автор доклада специализируется на теории социокультурных систем (СКС). Основной предмет исследования теории связан с процессами освоения территорий. Используются понятия “социокультурная система”, “социокультурная среда” и др. Теория построена на принципах многополярного мира. Она показывает, что освоение территорий в различных культурах с давних времен носит синергетический характер. По мере освоения территорий культурное разнообразие мира увеличивается, а не нивелируется. Глобализация категорически не означает нивелиации, появляется лишь некое общее информационное (идеологическое) поле, не имеющие ничего общего с закреплением территории за определенными культурами.

Теория СКС ориентирована на прикладные вопросы, а не на постановку и решение идеологических задач, хотя неизбежно вторгается в эту область.

Одним из приложений теории является анализ транспортных потоков, чем докладчик занимался в 1999–2000 гг. В частности, теория применяется для анализа девятого транспортного коридора: Хельсинки — Санкт-Петербург — Москва — Новороссийск — Одесса — Астрахань. Исследовательские задачи связаны с прогнозированием грузопотоков и проектированием освоения трассы. Специфика подхода — в учете исторической и культурной неоднородности освоения территорий, пересекаемых транспортным коридором. Это помогает в долго- и краткосрочном прогнозировании грузопотоков и разработке эффективных инвестиционных проектов по трассе этого транспортного коридора.

Анализ освоения территорий ведется на основании метода пространственно-временных матриц (ПВМ). Суть метода — в сборе информации по определенным (до 50) параметрам для конкретных территорий. В основу коллекционирования информации взяты именно территории. В итоге создается информационная база, позволяющая проследить долговременные тенденции освоения каждой территории в связи с общими эволюционными процессами. Это важно для инвестиционного анализа, оценки инвестиционных проектов.

На основе методологии ПВМ удалось более корректно описать пространственные процессы по трассе транспортного коридора. В частности, выявлены так называемые триггерные районы, то есть районы, способные иметь как приемлемые, так и противоположные состояния: открытость — закрытость, процветание — разруха и т. п. Триггерный район влияет на территорию, на несколько порядков большую по площади, чем он сам. Характерна ритмичность перемен противоположных состояний таких районов. Она описывается достаточно строго при анализе процессов освоения территорий за период 150–200 лет.

Пример триггерного района — Чечня (Грозный и Гудермес как транспортные центры). Транспортные потоки, проходящие через эти центры, периодически резко меняются. Это влияет на транспортную сеть очень большого района, начинается сетеразрушение. Данный процесс описывается в терминах морфологии транспортных сетей. Триггерные районы могут быть закрытыми долгое время. Есть и другие потенциальные триггерные районы, например в Украине: Харьков — Белгород.

Время реализации проекта девятого транспортного коридора — 20–25 лет. На его реализацию влияет политическая стратегия постсоветских государств, в частности, дешевле и эффективнее использовать Одесский порт, однако Россия отдает приоритет Новороссийскому порту. Украина постепенно выпадает из энергопроизводственных цепочек, созданных в СССР. Снижается уровень ее экономического развития, появляются депрессивные районы, население которых становится поставщиком дешевой и бесправной рабочей силы, для Российской Федерации. Миграционная политика России во многом направлена на генерирование именно таких миграционных потоков.

Для всех буферных зон характерна ритмика “созидание — разрушение”, связанная с тем, что периодически экономика таких зон подвергается разрушениям. Происходят и беспрецедентные миграционные процессы. В течение исторически короткого времени население такого района может почти полностью обновляться.

Такие процессы имеют ритмический характер. Например, в Крыму связка “разрушение — созидание” повторялась с начала XVIII в. до настоящего времени пять раз.

Федерализация Украины — путь к изолированной региональной экономике, понижению уровня жизни населения. Причина в том, что социально-экономические районы современной Украины складывались исторически длительное время, к тому же как часть единого государственного пространства сначала Российской империи, а затем СССР. Их трансформация в рамках независимого государства Украина вызывает ряд непредвиденных и сложных проблем. Следует понимать, что трансформации такого рода — процесс исторический и длится десятки лет.

Вопросы и обсуждение:

Кизима В. В. Кто авторы теории СКС, какие закономерности эта теория раскрывает, каков ее категориальный ряд? Как учитываются административные факторы?

Николаенко Д. В. Автор теории СКС — Д. Николаенко. В докладе раскрыто далеко не все содержание теории. Например, социокультурный район имеет собственную структуру, микротриггеры и т. д. Административные границы исторически изменчивы и в современном виде не отвечают границам социокультурных районов разного таксономического уровня. Административные границы на протяжении столетия могут изменяться от 2 до 6–7 раз в зависимости от расположения территории, а социокультурные районы существуют столетия.

Хлобыстов Е. В. Как в рамках СКС можно объяснить динамику экологических катастроф?

Николаенко Д. В. Техногенные катастрофы наиболее часто происходят на границах социокультурных районов. Наиболее опасный вариант — стык трех районов. Примером является Чернобыльская АЭС, расположенная именно на стыке трех социокультурных районов. Думаю, статистический анализ техногенных катастроф на большой территории за достаточный промежуток времени подтвердит предположение о повышенной опасности именно территорий на стыках социокультурных районов. Мы делали такой статистический анализ только выборочно.

Афонин Э. А. Как с теорией СКС соотносится принцип цикличности развития?

Николаенко Д. В. Теория СКС описывает циклические процессы освоения территорий своей терминологией, которая может не согласовываться с терминами других теорий. Например, циклы Н. Кондратьева в терминах нашей теории не определяются.

Афонин Э. А. Можно ли говорить о различных стадиях развития СКС?

Николаенко Д. В. Да, освоение территории — эволюционный процесс. При его анализе очень четко прослеживаются различные стадии. Извне они могут очень различаться, но все-таки это единый процесс.

Арсенко А. Г. Сомнительно, что для принятия стратегических решений достаточно ограничиться теорией СКС. Нужно учитывать геополитические факторы. Только междисциплинарный подход адекватен для решения проблем прогнозирования.

Николаенко Д. В. Абсолютно верно. Теория СКС описывает только один из аспектов реальности, который надо учитывать при принятии стратегических решений. Особенно важен этот аспект при долгосрочных инвестиционных проектах, таких как транспортные коридоры, магистральные трубопроводы и др. Геополитика, в сущности, — это частный случай рассмотрения процессов освоения территорий.

Дело только в том, что в ней гипертрофируется последний период времени, он рассматривается слишком истерично. Как говорит наш коллега немецкий профессор Клотер: “Геополитика — занятие профессионального труса”.

Афонин Э. А. Проводилось ли масштабирование СКС?

Николаенко Д. В. В теории СКС проводится анализ территорий на различных таксономических уровнях: микрорайоны (площадь до 5–8 тыс. кв. км), мезорайоны (до 10–15 тыс. кв. км), социокультурные районы (до 30 тыс. кв. км и более). Разработана сетка районов российских СКС. Все работы проведены на эмпирической базе. Анализ проводился методом пространственно-временных матриц. Впереди большая работа по уточнению границ районов, но их количество и таксономическое соподчинение определены.

Макаренко А. С. Неясно соотношение между понятиями “социокультурная среда” и “цивилизация”.

Николаенко Д. В. Термин “цивилизация” очень неопределенный, есть множество его трактовок. В рамках теории СКС мы исходим из своих терминов с более четким содержанием. В частности, социо-культурная среда имеет основной признак, связанный с невозможностью расширять свой *homeland*. Например, в Японии и Корее периодически возникают империи, есть почти постоянная и большая диаспора, но расширения *homeland* нет. В этом отношении социокультурные среды резко отличаются от СКС.

Саламатов В. А. Как теория СКС коррелирует с социальными теориями?

Николаенко Д. В. Теория СКС, как и любая теория, затрагивает только определенный срез реальности. Строго говоря, между различными социальными и социокультурными теориями противоречий нет. Нужно четко определять область применения каждой теории. Все они могут быть хороши в своей корректно определенной области. Важны и задачи, поставленные перед теорией ее творцами. Например, в теории СКС мы не столько отвечаем на вопрос, почему происходит какое-либо событие, сколько рассматриваем процессы на уровне функциональной связи, то есть как происходит это событие.

Председатель заседания
Секретарь заседания

Э. А. Афонин
А. Ю. Мартынов

Протокол № 8

15 мая 2001 г.

Присутствуют: *Афонин Э. А., Донченко Е. А., Павленко Ю. В., Саламатов В. А., Мальшико Н. И., Мартынов А. Ю., Чечнев Б. А.,* а также сотрудники Института социальной и политической психологии АПН Украины.

Повестка дня:

Доклад “Исторические циклы в истории цивилизации: концептуальные подходы”.

Докладчик — *Павленко Юрий Витальевич*, доктор философских наук, сотрудник Института мировой экономики НАН Украины.

Слушали:

Павленко Ю. В. Идея о том, что исторический процесс можно адекватно понять лишь через изучение отдельных, циклически развивающихся сообществ людей, не нова. Применительно к отдельным государствам (“династиям”), мы находим ее у арабского мыслителя XIV в. Ибн-Халдуна, по отношению к отдельным народам — у итальянского философа XVII — начала XVIII в. Дж. Вико. Подобные мысли применительно к выделению и объяснению логики развития связанных общей духовной культурой групп народов (античных, христианских, мусульманских) встречаем у американского исследователя середины XIX в. Д. Дрепера, а затем — у Н. Данилевского, который отверг единую нить развития человечества. Он отрицал, что история является прогрессом некоего общего разума, некой общей цивилизации. Такой цивилизации, по Н. Данилевскому, нет, существуют только отдельные цивилизации.

Взгляды О. Шпенглера во многом близки позиции Н. Данилевского. Они одинаково категорично отрицают единство мировой истории и утверждают, что отдельные культуры (культурно-исторические типы), подобно животным и растениям, рождаются, достигают определенной ступени развития и умирают естественной или насильственной смертью. Однако критерии выделения таких культур у них различны. Н. Данилевский утверждает, что выделяемые им культурно-исторические типы соответствуют большим этноязыковым общностям, тогда как для О. Шпенглера такого рода культурно-цивилизационные единства определяются не этническими, а некими культурно-духовными основаниями трансцендентного плана.

В отличие от предложенного Н. Данилевским, более близком шпенглеровскому и тойнбианскому ключе единство цивилизационного целого во второй половине XIX в. понимал К. Леонтьев, придавая ему не этноязыковое, а духовное значение. Он противопоставил “византизм”, общая идея которого, по его мнению, складывается из нескольких отдельных идей — религиозных, государственных, нравственных, философских и художественных, — аморфному, ни в чем конкретно не выраженному “славянству”. В таком смысле цивилизационное целое выглядит как общность принципиально более высокая, чем макроэтническая, не только не сводимая к последней, но и способна перекрывать и охватывать народы различного этноязыкового происхождения. Понимание цивилизации Н. Данилевским как оформленного единства, основанного на этноязыковом родстве народов культурно-исторического типа, противостоит ее трактовке К. Леонтьевым как реализованной в истории самодостаточной системы базовых принципов социокультурного бытия безотносительно к тому, какие народы в нее входят.

Также различными, хотя внешне похожими, были и представления двух великих мыслителей об этапах развития цивилизационных целостностей. Н. Данилевский решает этот вопрос при помощи метафоры рождения, развития, максимального раскрытия своих задатков, старения и гибели биологического организма, в этом к нему весьма близок О. Шпенглер. К. Леонтьев моделирует фазы развития цивилизаций, скорее, по аналогии с развитием форм духа, хотя не избегает и вполне биологических сопоставлений. По его мнению, как и всему существующему, триединый процесс: 1) первоначальной простоты, 2) цветущего объединения и сложности и 3) вторичного смесительного упрощения — свойствен и жизни человеческих обществ, и целым культурным мирам — цивилизациям. Идея К. Леонтьева о “вторичном смесительном упрощении” как характерной черте исчерпавшей свои творческие силы культуры

вполне созвучна шпенглеровскому пониманию цивилизации как стадии, когда живое заменяется механическим.

О. Шпенглер, сравнивая исторические судьбы выделяемых им “великих культур”, отмечает, что каждая из них переживает возрастные этапы отдельного человека: у каждой культуры имеются свои детство, юность, зрелость и старость. В целом же он выделяет пять основных этапов в жизни культур:

1. *Зарождение*. Культура зарождается внезапно, из неясных глубинных брожений и процессов, в момент, когда трансцендентный “прафеномен” оформляется в реализуемую культурой систему “прасимволов”, наиболее адекватно проявляющихся на первых порах в мифологии и орнаментации.

2. *Рост* — процесс становления, формирования и подъема культуры, ее саморазвития как свободной реализации системы “прасимволов” во всех сферах человеческой деятельности, вплоть до исчерпания возможностей этой системы, до того момента, когда на ее основе ничего нового, свежего, оригинального возникнуть уже не может.

3. *Расцвет* наступает, когда культура достигает зрелости как максимального раскрытия своих внутренних возможностей. Но с этого момента ее духовные потенции исчерпываются, и она переходит от творческого созидания к механическому расширению. По О. Шпенглеру, это и означает ее перерождение в “цивилизацию”.

4. *Упадок* — стадия утрачивающей творческий дух городской цивилизации. “Огонь души угасает” и начинается эпоха техники, экспансии, милитаризма и захватнических войн. Цивилизация не творит ничего в духовном отношении нового и возвышенного, а лишь стремится к внешним приобретениям. Такое общество внутренне мертвеет и закаменеет.

5. *Гибель*. Она может быть либо насильственной и фиксируемой (античность), либо означать полную застой и окостенение (Китай), когда цивилизация стоит, как сухое дерево, до тех пор, пока какая-либо внешняя сила ее не уничтожит. К такому состоянию, по мнению О. Шпенглера, и приближается духовно исчерпавшийся, механистический и утилитарный Запад.

О. Шпенглер в еще большей степени, чем К. Леонтьев или Н. Данилевский, решительно отказывается рассматривать всемирную историю в целом, не только в ее стадийности и поливариантности развития, но даже в аспекте синхронного и диахронного взаимодействия основных “культур” (что в известной степени учитывалось двумя названными русскими мыслителями). В результате всемирная история как таковая исчезала вообще.

Согласиться с этим было трудно. Взаимосвязь между отдельными цивилизациями в пространстве и времени, их синхронные и диахронные контакты в XIX в., а тем более в XX в., мало у кого вызвали сомнения. Эти реалии хорошо описывались в рамках методологических установок гегельянства, эволюционистского позитивизма или марксизма. Однако, избрав принципиально иную установку, отрицающую всемирную историю как некую конкретную реальность, О. Шпенглер логически пришел к отрицанию (точнее — игнорированию) междивизиональных взаимодействий.

Принципиально иную позицию в этом вопросе занял А. Тойнби, разработавший концепцию саморазвития автономных, внутренне целостных, однако взаимодействующих между собой в мировом историческом процессе цивилизаций. Если Н. Данилевский и О. Шпенглер настаивают на обособленности и взаимонепроницаемости

культур (цивилизаций), то А. Тойнби, особенно в последние десятилетия своего творчества, ищет основы общечеловеческого единства, рассматривая историю как процесс, содержащий в себе отдельные цивилизационные циклы, но выводящий (особенно в наше время) через взаимодействие отдельных цивилизаций к подлинной общечеловеческой истории. В этом смысле, тем более при акцентации на единстве человеческого духа, внутренней природы людей с такими ее атрибутами, как сознание и свобода выбора, учение А. Тойнби гораздо ближе по духу идеям И. Гердера.

Различия во взглядах А. Тойнби и О. Шпенглера уходят корнями в основы их философского мировоззрения. За спиной немецкого теоретика стоит столетняя эволюция иррационализма в Германии, оформившегося к концу XIX в. в “философию жизни”. Культура у О. Шпенглера выступает как единый живой организм, трансцендентной сущностью которого является мистически ощущаемый “прафеномен”. Отсюда логично следует, что основная онтологическая субстанция — “жизнь” (аналогичная шопенгауэровской “свободе”), по отношению к которой отдельные индивиды, являясь не более чем производными от нее функциями, ничего не значат. Культура зарождается, развивается и гибнет безотносительно к их волеизъявлению; более того, само это волеизъявление детерминировано состоянием (фазой жизненного цикла) этого “прафеномена”. В противовес этому А. Тойнби, воспитанный в духе либерального англиканства, разделяет христианское учение о человеке, наделенном свободной волей и возможностью сознательного выбора своей линии поведения. Отсюда уже не трудно перейти к идее человеческой свободы, творчества и ответственности в истории.

В понимании человека А. Тойнби близок к персоналистам (Н. Бердяев, поздний Л. Шестов, К. Ясперс, Г. Марсель, Э. Мунье, Ж. Лякруа, П. Пикер, Э. Брайтмен). Для него человек “заброшен в мир”, но при этом сохраняет внутреннюю, личностную, неразрывную связь с Богом. Деятельность человека направлена в мир, но происходит из трансцендентного духовного Абсолюта. Это дает человеку уверенность в жизни, позволяет занять активную позицию в отчужденном, не подлинном мире, ощутить себя причастным к первосущности бытия. Для А. Тойнби, как и для персоналистов, человек является, прежде всего, причастным Богу духом, индивидуальным, свободным в своем выборе, активным и творческим, но обреченным действовать в отчужденном, извращенном мире. Таким образом, реальны, в высшем смысле этого слова, Бог и человеческие души, результатом объективации которых выступает мир культуры, данный в своем бытии как ряд автономных цивилизаций.

Если для О. Шпенглера культура основывается на безличном трансцендентном иррациональном “прафеномене”, то А. Тойнби понимает культуру и цивилизацию как продукт свободной реализации (в рамках конкретных, объективно сложившихся условий) духовной первосущности людей. Отсюда следует, что судьба любой цивилизации зависит от самих людей, наделенных относительно постоянной во все исторические эпохи подсознательной сферой, сознанием (зависящим уже и от культурно-исторической среды) и свободным выбором. Свобода выбора, данная людям от рождения, и определяет, в конечном счете, судьбы отдельных цивилизаций.

Для О. Шпенглера ход истории мыслится предопределенным некими надличностными витальными силами, в то время как для А. Тойнби и других мыслителей персоналистского направления, судьба любого общества зависит от самих составляющих его людей как духовных субъектов, творцов, наделенных свободой выбора.

В историю вплетены некоторые феномены, которые могут быть описаны как собственно процессы (биологические, экономические, лингвистические и т. д.). Однако процессы безличны, а история — личностна; в ней присутствуют все атрибуты драмы: любовь, антагонизм, сделка, вражда. Сущностью истории, трансцендентной относительно эмпирически данного бытия, согласно воззрениям английского мыслителя, и является свободное взаимодействие и сотрудничество Бога и Человека. Закон и Свобода в истории идентичны для него в том смысле, что свобода человека оказывается законом Бога, который идентичен любви.

Для А. Тойнби цивилизации выступают в качестве локальных культурно-исторических образований, выделившихся из нерасчлененной массы первобытных обществ. Они не ограничиваются рамками той или иной местности, но охватывают весьма значительные территории — от границ отдельной страны (Египет) до целого географического региона (античное Средиземноморье, Индостан) или даже выходят за его пределы (мусульманский мир). Такие цивилизации демонстрируют целостную структуру последовательных, причинно-следственным образом взаимосвязанных явлений. Цивилизация представляет собой социально-политическую и культурно-мировоззренческую систему автономных, но постоянно взаимодействующих друг с другом и окружающей природной средой социальных (государственных, национальных) организмов, жизнь каждого из которых может быть понята лишь в контексте определенной цивилизации.

В концепции А. Тойнби, в конечном счете, цивилизации оказываются “взаимопроницаемыми”, потому что онтологической (“метафизической”) первореальностью им признается отдельная личность (“человеческая душа”), а не иррациональный “прафеномен” культуры. Достижения предшественников переходят к преемникам и развиваются ими, в то время как менее развитые общества могут заимствовать достижения у более преуспевших соседей. Этим реабилитируется понятие всемирной истории, понимаемой уже через саморазвитие и взаимодействие вначале первобытных обществ, а затем и отдельных цивилизаций.

Схема цивилизационного цикла А. Тойнби весьма близка к схеме немецкого философа. В истории каждой цивилизации он фиксирует следующие этапы:

1. *Рождение* — оформление некоторых групп людей в первичное жизнеспособное государственное сообщество.

2. *Рост* — процесс культурного и общественного развития, в ходе которого раскрываются внутренние потенции сложившейся системы и отдельных людей как ее конкретных носителей.

3. *Надлом* — внутренний раскол общества, потеря высших идеалов и общих целей, свидетельствующие о кризисе.

4. *Разложение* — усиление конфронтации в обществе, вызванной отчужденностью “верхов” и “низов” при распространении экспансионизма и войн, ставящих цивилизацию перед угрозой внешнего удара.

5. *Гибель* — обычно в результате внутреннего коллапса, сочетающегося с ударами извне.

Однако понимание внутреннего содержания этапов и их последовательности в двух сравниваемых концепциях совершенно различно. Цивилизация, понимаемая в качестве системы взаимодействующих социальных организмов, в своем развитии оказывается детерминированной взаимосвязью последних, а их состояние определяется творче-

ским потенциалом элементарных составляющих — людей, так сказать, их “качеством”. Особенно это относится к элите, представителям “творческого меньшинства”, организуя “ответы” социумов на “вызовы” извне. Судьба цивилизации, таким образом, в первую очередь зависит от того, как долго “творческое меньшинство” составляющих ее компонентов (социальных организмов) продуцирует удачные “ответы” на “вызовы” внешнего мира. И далее, каким образом “ответы”, даваемые различными входящими в цивилизацию сообществами, взаимодействуют друг с другом. “Творческим меньшинством” является правящее меньшинство, в котором творческая способность человеческой природы находит удобный случай выразить себя в эффективных действиях на благо всех членов общества. Такая элита ведет за собой “инертное, нетворческое большинство”, полагающееся на заслуженный авторитет лидеров, на которых, в сущности, возлагается вся ответственность за судьбу общества. Это близко, но не тождественно понятию о пассионариях Л. Гумилева, поскольку для последнего пассионарность суть категория биоэнергетическая, а не морально-духовная.

А. Тойнби, опираясь на юнговскую концепцию коллективного бессознательного, считал, что представители “творческого меньшинства” путем интроверсии (сравните бердяевское “трансцендирование” в противовес “объективации”) способны к познанию внерациональных онтологических ценностей и истин, смутно ощущаемых и другими людьми. Поэтому они и способны увлечь за собой массы, возглавив и направив их “жизненный порыв” (в бергсоновском смысле) во имя достижения общей цели, обеспечивая тем самым оптимальный “ответ” общества на “вызов” бытия.

Правящее меньшинство признается “творческим” лишь в том случае, когда оно является носителем неких высших духовно-нравственных ценностей, на базе которых и строится живой контакт между “ведущими” и “ведомыми”, он принципиально невозможен в случае применения насилия первыми по отношению ко вторым. Насильственность как раз и является сутью “нетворческой” деятельности, демонстрируя бездуховность применяющей силу группы, которая в таком случае именуется “господствующим меньшинством”.

Перерождение “творческого меньшинства” в “меньшинство господствующее” демонстрируется серией неудачных “ответов” на внешние “вызовы”, что и определяет надлом соответствующей цивилизации. Под “господствующим меньшинством” исследователь подразумевает правящее меньшинство, которое управляет в меньшей степени благодаря привлекательности, нежели силе. Промахи утрачивающей творческий потенциал элиты (перерождающейся во властвующее сообщество), оказывающейся не способной справляться со своими обязанностями и в то же время не желающей расставаться с властью и привилегиями, приводят общество в состояние кризиса. Ответом на недовольство масс становится создаваемая властями военно-бюрократическая машина принуждения — “универсальное государство” как аппарат насилия, обеспечивающий власть “господствующего меньшинства”. Это означает “начало конца”.

На завершающем этапе своего творческого пути А. Тойнби подчеркивал именно идею общечеловеческого единства, понимаемого, прежде всего, в религиозном, но также и в историко-политическом (для современности и будущего) ключе. Отдельные цивилизации представлялись ему теперь синхронно и диахронно взаимосвязанными ветвями единого древа истории, стремящимися в отдаленную, но уже просматривающуюся перспективу окончательного духовного единения.

В движении ко “всемирной вере” на основе Любви, благодаря которой будет достигнута гармония между Человеком и Универсумом, поздний А. Тойнби усматривает смысл истории. В этом убеждении он близок к таким ведущим западным мыслителям XX в., как П. Тейяр де Шарден (с его концепцией “точки Омега”) и К. Ясперс, а также к общей традиции русской религиозной философии — “философии всеединства”, представленной у В. Соловьева или С. Булгакова. Таким образом, и в философии истории А. Тойнби это выражено особенно отчетливо, установка на осмысление судеб отдельно взятых локальных или региональных цивилизаций, чье историческое движение подчинено принципу циклизма, вовсе не противоречит идее конечного единства всемирной истории. Последняя и проявлялась преимущественно через такие цивилизации.

Все вышеизложенное позволяет перейти к рассмотрению отдельной цивилизации как дискретной единицы исторического процесса. Каждая цивилизация, если следовать тойнбианской традиции, является уникальной самодостаточной полиэтничной социокультурной системой, понимание которой требует как учета ее стадийного положения и причастности к определенному пути развития, так и осознания ее неповторимости, особенных характерных черт и признаков, которые не могут быть дедуктивно выведены из общетеоретических соображений.

Цивилизационный подход органично дополняет стадийное и полилинейное понимание исторического процесса. В историю вносится элемент дискретности, и она моделируется как живая динамическая суперсистема взаимодействия саморазвивающихся социокультурных систем, которые с момента преодоления первобытного состояния выступают в качестве отдельных локальных и региональных цивилизаций и цивилизационных ойкумен. Последние имеют свои пространственно-временные координаты и проходят определенные фазы развития, в рамках которых выразительно проявляется содержательное и стилистическое единство различных общественных и культурных форм.

Развитие конкретной цивилизации можно связывать с раскрытием потенциальных возможностей, содержащихся в ее базовых прафеноменах, парадигмах или архетипах, природа которых требует дальнейшего изучения. Изменчивое постоянство системы таких архетипически-парадигмальных форм (раскрывающихся через идеообразы и категории культурно-цивилизационной традиции) и обеспечивает внутреннее единство проявлений отдельной цивилизации на протяжении ее истории. Вместе с тем, в культуре каждой цивилизации мы обнаруживаем и некое поле напряжения принципиально противостоящих, полярных принципов. В качестве примеров можно назвать открытое Ф. Ницше и разрабатывавшееся далее В. Ивановым противостояние аполлоновского и дионисийского начал в античности, принципы даосского и конфуцианского мировосприятия и жизнедеятельности в традиционном Китае, парадоксальные, но вполне органичные, сочетания крайних проявлений мистицизма и эротизма в традиционной индийской культуре, а также христианской аскезы и вполне свободного (в духе поздней античности) образа жизни в Византии.

Конкретное понимание всемирной истории и культуры возможно лишь через рассмотрение цивилизационной дискретности в уникальности и своеобразии проявления соответствующих социокультурных феноменов как саморазвивающихся, преимущественно под знаком циклизма, во взаимодействии друг с другом целостностей. Рассмотрение истории как системы саморазвития и взаимодействия отдельных, соотне-

сенных между собой в пространстве и времени цивилизаций следует вести именно в соответствии с принципами стадиальности и полилинейности исторического движения. Без этого история утрачивает единство, превращается в конгломерат замкнутых в себе и отчужденных друг от друга социокультурных систем, что демонстрирует концепция О. Шпенглера. А это не может удовлетворить нас, особенно сегодня, когда единство истории человечества стало самоочевидным. На первый план выдвигается проблема осмысления движения человечества к дискретному (прежде всего в цивилизационном, но также и других — этническом, государственно-политическом и пр. отношениях) единству, к формированию глобальной всемирной макроцивилизационной системы.

Вопросы и обсуждение:

Афонин Э. А. Каким образом линейный и циклический подходы связаны с задачами прогнозирования?

Павленко Ю. В. Я мало верю в возможность однозначных прогнозов, особенно если мы не предполагаем, что данным процессом кто-то управляет. Линейное видение истории настолько абстрактно, что применять его к реальной жизни некоего конкретного сообщества нет никаких оснований. Однако на уровне общей философии истории оно достаточно продуктивно. Применительно же к задачам конкретного, но долгосрочного социального прогнозирования циклический подход мне представляется весьма продуктивным. Однако следует помнить, что при всех увлеченных тенденциях (даже если они определены более-менее точно) человек, “субъективный фактор”, может изменить всю “спрогнозированную картину”.

Донченко Е. А. У меня вопрос о цикличности развития не только отдельных цивилизаций, но и человечества как такового.

Павленко Ю. В. В циклизм всей человеческой истории можно только верить (как в античности) или не верить (христианство, эволюционизм, марксизм). При всех подстерегающих мир бедах, мы едва ли доживем до “конца истории”, а каким он будет — нам знать не дано.

Донченко Е. А. Что пролегал между гибелью одной и рождением другой цивилизации?

Павленко Ю. В. Универсального закона я здесь не вижу, кроме того, что происходит качественная трансформация идейно-ценностных, а значит и всех прочих, социокультурных основ жизни людей. Если посмотреть в реальной истории, то в одних случаях между старой погибшей и новой, возникающей на ее месте, цивилизациями может быть провал в несколько сотен лет (Хараппа и Индийская цивилизация), а в других блоки прежней цивилизации входят и реорганизуются непосредственно и очень быстро (христианский Ближний Восток в мусульманский мир). Известны случаи медленного перерастания одной цивилизации в другую (античность и Византия).

Афонин Э. А. В каких стадиях цикла роль личности является определяющей?

Павленко Ю. В. В начальной, когда закладываются основания системы, далее — на переломном этапе, когда система вступает в точку бифуркации, и в финальной, когда отдельные герои, “последние римляне” (как Боэций, если, конечно, такие найдутся) обеспечивают каналы духовной преемственности цивилизации гибнущей с будущей, опирающейся на достижения предшествующей. В истории же мировой цивилизации как таковой роль личности принципиально возрастает с “осевого времени”.

Мартынов А. Ю. Как вы смотрите на перспективу “второго осевого времени”?

Павленко Ю. В. К. Ясперс считал, что с эпохи Возрождения началось как бы “второе осевое время”, и с этим трудно не согласиться, но лишь применительно к западной цивилизации. Окажется ли глобализация и все, что с ней связано, предпосылкой для глобальной духовной трансформации — будет ясно через 2–3 столетия.

Афонин Э. А. Как в период Постмодерна соотносятся новация и инновация?

Павленко Ю. В. Постмодерн, по моему убеждению, свидетельствует об исчерпании духовных потенциалов породившей его цивилизации. Нечто подобное переживали в свое время античность, Индия и др. Но у нас Постмодерн — не более чем недоразумение, глупая мода недоучившихся юнцов. У нас не было и нет той культуры, о которой на Западе говорят как о Модерне, с присущими ей рационализмом, личностной самодостаточностью, развитым чувством индивидуальной моральной ответственности и пр. Так о каком Постмодерне у нас может идти речь? Лишь о том, что читает мизерная часть молодежи у переводных авторов и их отечественных эпигонов.

Афонин Э. А. А будет ли у нас вообще когда-нибудь рационализация?

Павленко Ю. В. Боюсь, что нет. Наша и западная цивилизации развиваются на различных идейно-ценностных основах, причем там — последовательно, а у нас — через срывы и катастрофы. У каждой цивилизации есть своя рациональность, но совсем не западного типа.

Председатель заседания
Секретарь заседания

Э. А. Афонин
А. Ю. Мартынов

Протокол № 9

18 сентября 2001 г.

Присутствуют: *Афонин Э. А., Арсеев А. Г., Донченко Е. А., Кизима В. В., Саламатов В. А., Мартынов А. Ю.*, а также сотрудники Института социальной и политической психологии АПН Украины.

Повестка дня:

Обсуждение перспектив дальнейшей работы.

Постановили:

1. Продолжить работу группы, сместив акценты в сторону организации дискуссий по актуальным вопросам современности.
2. Периодичность встреч — в зависимости от потребности и ситуации, но не реже одного раза в месяц.
3. Форма встреч — дискуссии по актуальным проблемам, включительно с обсуждением важных научных докладов. Возможно, найти под проект заинтересованного спонсора.
4. Результаты аналитической работы группы доводить к сведению общественности. Решить для этого необходимые организационные вопросы.

Председатель заседания
Секретарь заседания

Э. А. Афонин
А. Ю. Мартынов

Материалы дискуссий (2001–02)

Интернет-форума на web-сайте социологического факультета
Харьковского национального университета
им. В. Н. Каразина

Содержательным продолжением работы междисциплинарной научно-исследовательской рабочей группы по проблемам социальной глобалистики и вместе с тем своеобразным экспериментом стали Интернет-дискуссии, организованные на сайте социологического факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина по адресу: <http://www.sociology.kharkov.ua/afonin/ukr/index.asp>.

Что такое Интернет-форум?

Термин “форум” происходит от латинского *forum* и имеет несколько значений: 1) площадь в древнем Риме, на которой проходили народные собрания, устраивались ярмарки и осуществлялось правосудие; 2) место выступлений и высказываний; 3) широкое представительское собрание, съезд. У восточных славян аналогичной формой народных собраний было Вече.

Современный Интернет-форум — это виртуальная площадь, место, которое свободно посещают с целью обсуждения, дискуссии и принятия решений по вопросам, актуальным (интересным) для участников. Управление форумом осуществляет модератор, который инициирует проблемные темы обсуждения, стимулирует ход дискуссии и вместе с тем следит за соблюдением участниками определенных правил обсуждения проблем.

Основные правила Интернет-форума:

- уважительное отношение к персоналиям (действующим и историческим);
- направленность высказываний участников исключительно на темы дискуссии;
- приоритет инновационного поиска неосвещенных аспектов дискуссии;
- ориентация на тезис: “Диалог — это общение на уровне выявленных противоречий”;
- готовность к широкому сотрудничеству с учеными, политиками и рядовыми гражданами.

Форум профессора Афонина — это не персонифицированный диалог с ним, а место для открытого и свободного освещения позиций и для дискуссии по актуальным темам сегодняшнего дня.

В основу форума положен опыт, приобретенный на протяжении последних двух лет группой украинских ученых — представителей различных областей знаний, которые объединяются вокруг идей “социальной глобалистики”. Участники группы составляют ядро экспертов форума.

Форум открыт для участия ученых-исследователей, преподавателей вузов и студентов, политиков и практиков-управленцев, банкиров и предпринимателей, всех пользователей Интернета, кого интересуют темы форума, кто хочет быть услышан как единомышленниками, так и оппонентами.

Вече — славянский прототип форума (историческая справка)*

Термин “вече” происходит от корня “ве” — вещать, ему отвечают латинские *colloquium, parlamentum*. Так назывались народные собрания для обсуждения и решения важных общих дел.

Пространство и время, в рамках которых действовал вечевой быт. Вече ведет свое начало от родового строя. Именно таким образом проявлялось участие народа в общественных делах.

Вече в славянской культуре не имеет ничего общего с другой формой народного участия в общественных делах, например английского парламента и его последователей на Европейском континенте. Участие народа в Палате общин Великобритании сложилось под влиянием сильной королевской власти. Представители городов и графств собирались не сами — их созывали короли, причем для обсуждения и решения только тех вопросов, ради которых они были созваны. В древности такое участие в королевской думе воспринималось скорее как обязанность, чем право. Члены Палаты общин высказывались не с позиции своих личных интересов, они представляли общины, которые их направили, их голос был олицетворением всей общины.

Расцвет вечевой деятельности в Киевской Руси приходится на период ее феодальной раздробленности. Выделяют два периода истории Киевской Руси: период Киевского государства, когда вече “молчит”, и период феодальной раздробленности, когда оно “говорит”, и даже достаточно громко. По мнению летописца, жившего в конце XII в., вече было всегда. Лишь татарское иго решительно разрывает историю вече.

Следы вечевого собрания, последние отголоски древнего быта сохранились до начала XV в. Конец XV и начало XVI в. можно считать временем, когда новые условия общественного строя достигли значительной зрелости и перешли в новое общественное сознание.

* Историческая справка составлена по изданиям:

1. Греков Б. Д. Киевская Русь. — М., 1939;
2. Історія Києва. — К., 1986;
3. Каргер М. К. Древний Киев. — М., 1958;
4. Киев. Энциклопедический справочник. — К., 1985;
5. Сергеевич В. И. Вече и князь. — М., 1867.

Вечевые порядки. Народ и князь — два сосуществующих элемента общественного быта Киевской Руси: с одной стороны, народ не может жить без князя, с другой, — тот же народ составляет главную силу князя. Князь не формирует вече, оно является первобытной формой и существует во всех городах, на всех просторах княжеской Киевской Руси. Где были князья, там было и вече. Участие в вече было правом всех свободных граждан, а не их обязанностью. Никто не был обязан посещать вечевые собрания, тем не менее, каждый имел право присутствовать на них, ограничение касалось лишь детей. В соответствии с действующим на то время семейным правом дети не могли иметь своей воли, а находились под родительской опекой: при жизни родителей дети не имели права принимать участие в народном собрании.

Народ принимал участие в общественных делах не по призыву князя, который сам избирается вечем, а в силу личного права. Народ не ограничен в предмете своего мышления, он обсуждает любые вопросы и сам приводит в исполнение свои решения. Характер веча определяется двумя условиями: слабостью княжеской власти и обычным в первобытном обществе могуществом личной воли граждан.

Вечевые собрания не были периодическими, они созывались по потребности. Вече могло быть созвано как самим народом, так и князем. Без народного желания вече не проходило. Обычным способом созывания на вечевое собрание был колокольный звон. Определенного места проведения вечевых собраний не было, в частности, в Киеве собирались на Торговище, во дворе Святой Софии, на Ярославовом дворе и у Туровой Божницы.

Для принятия вечевых решений было не достаточно простого большинства, необходимо было или единогласное мнение всех, или такое подавляющее большинство, которое заставило бы умолкнуть всех инакомыслящих. В случае разделения позиций приверженцы разных партий сходились в разных местах, таким образом, одновременно могло проходить несколько вечевых собраний, которые или вступали в бой, или приходили к общему мнению. Продолжительность веча определялась не временем, а предметом. Вече созывалось не на определенный промежуток времени, а для решения вопроса, и продолжалось до тех пор, пока вопрос не был улажен. Если одного дня было мало, вече собиралось на следующий день.

Порядок совещаний был словесным, без определенной формы. Сначала тот, кто созвал вече — князь или представитель народа, предлагал вопрос, после чего начиналось совещание. Все люди имели равное право высказываться самим и слушать других. Когда требовало дело, решение веча записывалось.

Предметы ведения веча. Главнейшей задачей веча было избрание князя. Доказательствами существования избирательного права является народное сознание, которое обнаруживается в фактах повторного избрания, и условия избрания, которые не предоставляли князю права распоряжаться престолом после смерти. Между вечем и избранным князем заключалось соглашение. Избрание было временным, но без заранее определенного срока, после окончания которого оно утратило бы силу. Решение было действительным до тех пор, пока обе стороны придерживались условий избрания, пока царило согласие между народом и князем. Такой временный и вместе с тем бессрочный характер избрания подтверждают пункты условий, по которым князь получал стол “до своего живота” или даже “и с детьми”.

Итак, вече не только принимает решение об избрании князя, но и обеспечивает его всем необходимым для осуществления полномочий.

С процессом избрания князя неразрывно связана законодательная деятельность веча, ведь по своему содержанию это был законодательный акт, определяющий соответствующую форму государственного устройства. Соглашение между народом и князем в древней Руси называлось “ряд” или “подряд”. Ряд, определяющий права и обязанности князя, скреплялся крестным целованием князя и народа.

Вече также решало вопросы войны и мира. Народ сам объявляет войну, заключает мир и требует этого от князя, принимает участие в управлении ходом военных действий, в частности, определяет место битвы, момент нападения и т. п. Для ведения войны силами всей волости князь должен получить согласие веча.

Этими тремя аспектами — избрание князя, законодательная деятельность и решение вопросов войны и мира — практически исчерпывается компетенция веча. Все полномочия по управлению и судопроизводству, назначению должностных лиц, верховенства на войне передавались князю. Вече не было даже верховным апелляционным судом, однако в исключительных случаях, когда решения обычных судов оказывались недостаточными, как высшая власть волости вече предоставляло защиту гражданам.

Характер власти, данной князю. Князь был высшим представителем исполнительной власти и избирался для обеспечения порядка. Избрание князя — первый шаг к выделению государственного права из той первобытной и пестрой совокупности частных и гражданских прав, неограниченным владельцем которых чувствовал себя каждый свободный гражданин.

Князь постоянно участвует в принятии вечевых решений, но приводит в исполнение только те, на которые дает свое согласие. Таким образом, ему принадлежит не только правительственная и судебная власть, но и участие в законотворчестве.

Взаимоотношения князя и веча. При возникновении разногласий между князем и вечем на стороне князя могла быть более или менее значительная часть веча, которая составляла его партию. Могущество князя зависело от количества людей, поддерживающих его. Если преимущество было на стороне партии противников князя, он лишался стола.

Личность князя была неприкосновенной, как бы далеко не заходила вражда между ним и вечем. Хотя все же бывали случаи, когда князя осуждали к временному заключению, а его имущество грабили.

Во взаимоотношениях князя и веча обнаруживаются те же признаки единения и вражды, которые пронизывают всю древнюю жизнь.

Дискуссии Интернет-форума

1. Антитерроризм

Период: 27 ноября – 24 декабря 2001 г.

Участников: 7

Сообщений: 27

Постановка проблемы

Среди западноевропейцев и представителей постсоветских стран сегодня нередко звучит тезис о наличии связи между терроризмом и революцией (например Великая французская революция, народничество, революции в России, Китае, на Кубе и т. д.). Если эта мысль верна и по своей природе терроризм действительно связан с таким феноменом социально-исторического развития, как “революция”, то возникают

Вопросы

1. В чем состоит суть идеи антитерроризма, положенной в основу нынешней военной кампании США?

2. Есть ли, по Вашему мнению, общие черты между современной идеей антитерроризма и известной в новейшей истории идеей антикоммунизма?

3. Есть ли что-либо общее между терроризмом и антиглобализмом как движением, которое возникло в молодежной среде преимущественно западноевропейских стран, переживших последние трансформационные изменения во времена Великой депрессии (1929–34)?

4. Возможна ли, на Ваш взгляд, сегодня социальная революция?

5. Будут ли иметь перспективы бомбовые атаки на Афганистан?

6. Психологи утверждают, что по поступкам человека можно определить его характер. А можно ли определить характер и цель антитеррористической кампании, исходя из нынешних действий США?

7. В чем заключается смысл понятий “терроризм” и “антитерроризм”?

Рекомендованная литература

1. *Афонін Е. А., Бандурка О. М., Мартинов А. Ю.* Суспільний розвиток від Різдва Христового = Social development AD / Укр. тов-во сприяння соц. інноваціям, Атлантична рада України, Відділ інф.-бібл. забезпечення Апарату Верховної Ради України; Пер. з укр. *В. В. Кухтіна.* — К.: Парлам. вид-во, 2000. — 312 с. (Сер.: Відкрита дослідницька концепція; Вип. 1). — Текст паралельно укр. та англ. мовами.

2. Декларация о мерах по ликвидации международного терроризма, утвержденная резолюцией 49/60 Генеральной Ассамблеи ООН от 9 декабря 1994 г.

3. Декларация в дополнение Декларации о мерах по ликвидации международного терроризма, утвержденная резолюцией 51/210 Генеральной Ассамблеи ООН от 17 декабря 1996 г.

Дискуссия

1. В чем состоит суть идеи антитерроризма, положенной в основу нынешней военной кампании США?

Идея антитерроризма: *Маргарита К.* [30.11.01]

Я считаю, что действия США и примкнувших стран трудно назвать борьбой с терроризмом. Это скорее истребление группы людей, имеющих право на свои убеждения и идеи. А каковы эти идеи, за что они борются, никто выяснить не потрудился,

никто не предложил выслушать их. Зачем искать компромисс с воинственно настроенными, грубыми людьми?

Так как терроризм складывается из действий самых разных групп людей по всему миру, то бесполезно постоянно наносить бомбовые удары по тем или иным точкам. Возможно, надо сначала изучить деятельность как можно большего количества этих организаций, их цели, требования, источники финансирования (зачем нужны разведка и спецслужбы?), а затем создать всемирную организацию по вопросам терроризма. Трудно сказать, нужно ли применять силовые методы по отношению к ним. Необходимо отделять этих людей, группы друг от друга и ликвидировать источники финансирования. Также необходимо информировать широкие слои населения о том, что такое идея терроризма и в ее чем опасность для общества.

Re: Эдуард Афонин [01.12.01]

Действительно, когда задумываешься о начавшейся антитеррористической акции, возникает много дополнительных и справедливых вопросов. Например, расценивать ли иницированную США акцию как эффективное социальное действие, направленное на преодоление или минимизацию явления терроризма в мире? Если это так, то, полагаю, предпринятые действия должны принести определенный результат по снижению или локализации явления терроризма в мире (акция ведь глобальная!). Пока же трудно говорить об этом. Только за прошедшее с начала акции незначительное время мы имели достаточно широкое распространение бактериологического оружия, не прекращаются акты насилия на Ближнем Востоке, продолжается конфликт в Чечне.

Конечно, справедливо в этой связи напомнить также о начавшемся процессе формирования мира в Афганистане. Но при этом нельзя не задать вопрос: какой ценой достигается такой (пока еще весьма призрачный) мир? Как при этом понимать акцию с массовым расстрелом военнопленных в Афганистане? Уж очень она похожа на победы СССР в Великой Отечественной войне, когда нелегкие победы добывались в угоду правителю “любой ценой” (ведь “за ценой не постоим!”). Какова же сегодня (в эпоху “расцвета прав человека”) цена человеческой жизни в Афганистане, на Балканах, на Ближнем Востоке, в Пакистане, Индии (Кашмир), Индонезии?..

Re: Re: qwerty [05.12.01]

У американского фантаста А. Бестера есть произведение “Тигр! Тигр!”. В нем речь идет о супервзрывчатом веществе, минимальные дозы которого способны вызвать катастрофические разрушения. Катализатором, вызывающим взрыв, выступает мысленный импульс, направленный на разрушение. Главный герой романа преднамеренно распространяет кусочки этого вещества по всему миру, дабы предотвратить даже мысль о насилии. В этом смысле терроризм — способ “насаждения” либерализма.

Террористическая акция в США — это манифест либерализма. Показательно, что организаторы терактов до сих пор не найдены, как и способ, которым была произведена атака. Есть информация, что террористы были вооружены ножами для резки бумаги. На самом деле и ножа не нужно, и голыми руками можно совершить достаточно масштабный теракт. А руки эти могут принадлежать кому угодно, не помогут никакие меры безопасности. Демократия (я склонен трактовать ее как “власть толпы”) неосуществима в таких условиях. Сколь угодно малое меньшинство может посредством терактов диктовать свою волю большинству, шантажировать его. Так или иначе, большинство будет вынуждено прислушиваться к мнению несогласных.

К сожалению, Дж. Буш и иже с ним этого не понимают и ведут себя подобно великану, размахивающему исполинской дубиной в надежде попасть в ужалившую его осу. Ситуация не только нелепа, но и опасна: великан крушит все вокруг.

2. Есть ли, по Вашему мнению, общие черты между современной идеей антитерроризма и известной в новейшей истории идеей антикоммунизма?

Антитерроризм и антикоммунизм: *Николло О.* [28.11.01]

Антифашизм и антикоммунизм сегодня действительно скачкообразно трансформировались в нечто третье — антитерроризм. Который, как и любое “анти”, весьма сложно будет совместить не только с принципами морали, но и с какими-либо принципами вообще. Ибо здесь, выражаясь терминологией Гегеля, речь идет о “своем другом”, — об определении с точностью “до наоборот”. Соответственно, отсутствуют четкие определения того, что считать терроризмом, пригодные для использования на уровне международного права.

Поэтому возникают законные опасения, что в случае с антитерроризмом США и их союзники могут попасть в ту же ловушку, в которую они уже попадали в эпоху антикоммунизма, когда маккартисты считали “врагом Америки” любого, кто мешал окончательному поражению коммунизма, и, наоборот, “другом Америки” — любого “своего негодяя”, полезного в этом деле. Более того, учитывая, что эта “антитеррористическая конструкция” создается под девизом “кто не с нами...”, не исключен вариант, когда “хорошие террористы” (для обозначения которых, наверняка, подберут более приемлемый эвфемизм) будут стравливаться с “плохим” по той же схеме, по которой во время холодной войны “плохих коммунистов” противопоставляли “хорошим” (типа И. Броз Тито или “еврокоммунистов”).

Вместе с тем, параллели между коммунизмом и терроризмом неуместны, так как терроризм — не идеология и не стиль жизни, которым можно противопоставить собственные специфические интересы. Терроризм существовал и до трагических событий 11 сентября, только тогда он не ассоциировался с определенными политическими “актерами”, которые более-менее четко определились лишь во время конструирования “антитеррористического альянса”. Само же конструирование подразумевает неизбежные в таких случаях компромиссы. Но компромиссы ради нанесения решающего удара по врагу имеют в виду точное определение враждебного субъекта. Для либералов — это не только коммунисты, но и антикоммунисты, которых они считают “тоталитарными монстрами”. Для консерваторов — это как фашисты, так и антифашисты, достойные того, чтобы от них “вычистить университеты”.

Терроризм — не конкретный субъект, а специфичный феномен, который сводится: а) к отсутствию “целомудрия” в выборе средств и методов борьбы и б) к превращению борьбы в самоцель. Имея дело с таким неопределенным неприятелем, имеющим принципиально неопределенные цели, важно не сыграть его “картами”. Но как выйти из такой “антиборьбы” с минимальными компромиссами, неизвестно. Ибо а) чистое “анти” несет в себе изрядный заряд мазохизма, то есть негативной самоидентификации; б) тут принципиально невозможна борьба на полное поражение, а возможен лишь сам процесс борьбы с непредсказуемыми последствиями.

Re: Э. Афонин [01.12.01]

Точно подмечена возможность попадания инициаторов антитеррористической кампании в собственную ловушку. Ведь со времен маккартизма в США река че-

ловческого развития унесла немало воды и войти “в туже воду” сегодня меньше шансов, чем понять то, что Америка и мир-система изменились, и довольно-таки существенно. Паневропейский (западноевропейский) мир, который наиболее “контрастно” представляют США, заложив основы будущего информационного общества, решил свою историческую задачу и сегодня стоит на пороге новых вызовов и испытаний. Кризис развития и потребность обновления, перед которыми сегодня вплотную находятся США, не знает аналогов по своей масштабности. И все же параллели, высказанные О. Шпенглером, здесь пока не уместны. Еще рановато говорить о “закате Европы”. Европейская традиция еще сполна “поработает” в странах бывшего СССР, не говоря уже о Китае, Индии, странах Востока и Юга в целом.

Нам представляется, что явление, получившее в истории название Великой депрессии (трансформации), вряд ли исчерпает себя в пределах паневропейского ареала стран, равно как и Великая французская революция не исчерпала себя в пределах Франции, а была подхвачена Востоком и Югом. Современные трансформации (похожие и в то же время отличные от тех, которые испытывал мир в период “революционного невроза”) с такой же заразной силой, как и французская революция, получают свое мощное развитие в XXI в., превращая этот мир в мир информационный, символический, постмодернистский.

Вспоминается доклад, который сделал в феврале 1995 г. в Москве Л. Ларуш — директор американского Шиллеровского института, автор программы СОИ. Будучи демографом, он высказал довольно-таки “мрачный” прогноз, который сводится к следующему. Грядет обвальное сокращение населения Земли (на три четверти в течение жизни одного поколения, т. е. в течение около 30 лет), если человечество не предпримет экстраординарных мер по укреплению “физической экономики”. Понятие “физическая экономика” — по сути своей то же, что и характерная для индустриальной эпохи СССР “плановая экономика”.

Доказательства Л. Ларуша были настолько убедительны, что невольно сделали меня его союзником. И вместе с тем, что-то во мне противилось. Сегодня уже более понятно, что именно противостояло всецелому принятию тревожного прогноза американского исследователя. Это понимание того, что и отдельный человек, и общество (национально-государственное образование), и человечество в целом — все эти социальные системы имеют два нормативно устойчивых состояния социального развития. Именно этот аспект не был учтен в реализованном Л. Ларушем подходе. Но даже если внести поправку в демографический прогноз Л. Ларуша, то и новая цифра (одна четверть населения Земли, или 1,5 млрд человек) ужасает своим размахом.

Какие же должны произойти процессы в человеческом мире, чтобы унести такое число жертв? Очевидно одно — это общественно-исторические процессы, к которым можно отнести и упоминавшиеся революции, и новые трансформационные процессы, расширяющие ареал стран с “рыночной экономикой”. Говоря о последних, мы не должны забывать и о возможности “возвращения” (на новом уровне развития) определенной группы стран в лоно стран, “исповедующих принципы физической экономики”. К их числу, с нашей точки зрения, могут уже в ближайшее время приобщиться США и другие страны паневропейской цивилизации. Понятно, что названным (революционным по своему характеру) процессам сегодня противостоит западный консерватизм, имеющий правоцентристскую окраску. Наиболее ярко этот процесс заявил

о себе в современной Австрии (см.: *Валлерстайн И.* Альбатрос расизма: социальная наука, Йорг Хадер и сопротивление // Социс. — 2001. — № 10. — С. 36–48).

Новый импульс объективных по своей природе революционных процессов невозможно погасить, равно как и невозможно приостановить глобализацию процессов трансформации. Можно лишь говорить о “новой точке баланса” противостоящих друг другу процессов, которые, очевидно, смещаются в сторону доминирования последних. Невозможно также приостановить сопутствующее этим процессам перераспределение ресурсов и доступа к ним со стороны нарастающего числа активных участников мирового общественно-исторического процесса. В этих условиях возможно лишь практически решать задачу минимизации негативных последствий исторических преобразований. При этом следует принимать во внимание, что издержки в условиях более чем полувекового результата научно-технического прогресса могут быть намного серьезнее, чем их знала история Первой и Второй мировых войн.

Есть ли альтернативы? Да, есть!

3. Есть ли что-либо общее между терроризмом и антиглобализмом как движением, которое возникло в молодежной среде преимущественно западноевропейских стран, переживших последние трансформационные изменения во времена Великой депрессии (1929–34)?

И “терроризм”, и “антиглобализм” — экспансивные реакции на жесткие формы социального доминирования: *Александр Пелин* [27.11.01]

Чрезмерное увеличение социальных дистанций закономерно проявляется в одной из подобных форм протеста. На уровне явлений они выглядят как одинаково крайние реакции при осознании дефицита средств одной из взаимодействующих сторон. На уровне же процессов общим для них является противостояние “особенного” (национального) и “всеобщего” (глобального).

Оба этих явления принадлежат к особому типу конфликтов, которых не было в эпохи Первой и Второй мировых войн. Там конфликты были на одном уровне: между “индивидуальным” и “индивидуальным” (обиженными монархами), “особенным” и “особенным” (государственными интересами). Нынешние конфликты гораздо опаснее развалом мировой целостности.

Re: *Э. Афонин* [01.12.01]

Как прагматика с детства, меня всегда мучает вопрос: как? Как, например, противостоять угрозе развала мировой целостности и сохранить преемственность человеческого развития, Александр?

Re: Re: *А. Пелин* [02.12.01]

Я родился в России, что означает — обречен быть романтиком. Переехав в Украину, почувствовал, что такое прагматизм и даже утилитаризм. Прожив 13 лет в Закарпатье, хорошо вижу границу между украинским прагматизмом и европейским рационализмом. Я хорошо помню Вас, Эдуард Андреевич, по институту социологии и уверен, что Вы скорее рационалист, а не прагматик. Сохранить мировую целостность — предоставить возможность существования западноевропейским рационалистам, центральноевропейским прагматикам, восточноевропейским романтикам и восточной спонтанности.

Как это сделать, пишется уже тысячелетиями. Кажется, у Стендаля в “Пармской обители” чувства, устав бороться с разумом, уступили место долгу, то есть

почти “по Марксу”: для сохранения целостности (системности по Берталанфи) необходимо придерживаться логики опосредования. Мораль — продукт конфликта между эмоциями и разумом. Умение видеть эти опосредующие звенья — условие адекватного понимания логики развития и нашего с Вами спасения. Я об этом докладывал на пока единственной конференции САУ. Тезисы опубликованы. Сейчас только остается добавить, что деятельность по любой другой логике разрушительна для целостности, включая и мировую.

Усиление явлений терроризма и кризис современного мира: Э. Афонин [03.12.01]

Мне кажется, довольно удачно подмечено А. Пелиным, что на примере современного антитерроризма мир имеет дело с крайними формами проявлений социального протеста. Но если протест против глобализации, что, похоже, раскрывают сами его участники (например, направляя свои действия против планов ВТО), то:

1. Против чего направлен современный террор?
2. Если допустить мысль о наличии кризиса мир-системы, то каким образом терроризм связан с этим глобальным кризисом?
3. Возможны ли сегодня другие широкомасштабные проявления социального протеста (кроме проявлений терроризма) и какие?

Re: А. Пелин [05.12.01]

1. Скорее всего, терроризм — явление безадресное. Спецификой терроризма является отсутствие ясного видения сторон конфликта. Есть только ощущение несправедливости и радикальные санкции против системы в целом.

2. Ощущением глобальной несправедливости. У террористов нет конкретного врага, поэтому они наказывают всех — от президентов до невинных детей.

3. Не только возможны, но и существуют давным-давно. Например, теперешний “молодежный пофигизм”. Он отличается от движения хиппи практически отсутствующей показухой. Это не театр, который наблюдался в 1960-е годы, это молчаливый саботаж старшего поколения и его продукта — современного общества.

А для более предметного разговора по поставленным вопросам необходимо перевести диалог в рамки социальной технологии. Этими рамками выступают:

- 1) измерение социального дискомфорта;
- 2) оценка видения социальными группами источника дискомфорта;
- 3) оценка вероятности видения в качестве источника дискомфорта социального конфликта;
- 4) оценка ясности видения сторон конфликта;
- 5) оценка степени вовлеченности сторон в конфликт;
- 6) описание фреймов сторон конфликта.
- 7) оценка процедур выбора санкций сторонами конфликта, посредниками и свидетелями конфликта.

Иными словами, надо понять, какую информацию используют террористы для выработки “адекватных средств воздействия”, каким образом они трансформируют эту информацию в “средства борьбы”, каким образом из средств борьбы продуцируются методы, из методов — технологии, из технологий — результаты, как они воспринимают достижение и недостижение результата. Попробуйте по этой схеме описать любой случай девиантного поведения, увидите сколько аналогий может быть у терроризма в условиях глобального кризиса.

4. Возможна ли, на Ваш взгляд, сегодня социальная революция?

Re: *Алексей Крысенко* [4.12.01]

Если говорить о возможности социальной революции сегодня, следует локализовать топологические рамки ее возникновения, распространения или влияния. Социальная революция в классическом понимании, как смена или трансформация социальной структуры и системы социокультурных институтов, возможна лишь в отдельных кластерах глобальной мир-системы. А именно там, где процесс развития или становления международных практик бытия значительно глокализован, присутствует плодотворная почва для всякого рода нигилистических процессов.

Как мне кажется, в обществах с устоявшейся системой внутренних преобразований и регенераций (современные постиндустриальные общества) социальная революция не возможна *a priori*. Причиной этого можно назвать пресловутую идею массового постмодернистского сознания, следствием существования которого является фрагментация социального бытия и вычленение отдельных его направлений в самостоятельные единицы. В результате чего возможная, а иногда кажущаяся неизбежной, социальная революция протекает (вполне прогнозируемо) в нескольких направлениях. Другими словами, назревшая социальная революция дробится на культурную, научно-техническую, гендерную, сексуальную, революцию в мире моды и др. Трансформация составляющих и структурообразующих элементов отдельных революций происходит по вполне эволюционному сценарию социально-политической эпистемологии.

Re: Re: *Э. Афонин* [11.12.01]

Жалею, Алексей, что никто не откликнулся на Вашу точку зрения. Позвольте в связи с высказанной Вами позицией спросить: возможна ли “революция культурная, научно-техническая, гендерная, сексуальная и др.” вне контекста социальной революции, возникающей время от времени как момент развития человека, цивилизации и общества? Если все же настаивать на утверждении о невозможности в дальнейшем социальных революций, то:

а) не достигло ли в таком случае человечество пределов своего развития?

б) имеет ли перспективы развития сам человек — первоисточник социальных изменений, оказывающих влияние на различные сферы жизнедеятельности общества?

в) каковы, в частности, перспективы довольно-таки распространенной на Западе науки антропологии (в том числе социальной антропологии)?

5. Будут ли иметь перспективы бомбовые атаки на Афганистан?

“Антитеррористическая операция”: *qwerty* [01.12.01]

Террор порождает террор. Если террором занимается государство, тем более, группа государств, то террор перерастает в геноцид. Терроризм не имеет границ. Поэтому было бы наивным полагать, что последовательных антитеррористов остановят государственные границы. Тем более, что адептам антитерроризма не всегда нужны доказательства для выдвижения обвинений, ведь у них есть экономическая, политическая и военная мощь.

Расширение антитеррористической операции: *Олег Мазурик*, Одесса [06.12.01]

Расширение масштабов антитеррористической операции, вовлечение в нее новых стран — наиболее вероятный сценарий по многим причинам: непримиримость позиций воюющих сторон; небезосновательный рост антиамериканских настроений

в мире; воинственно настроенное высшее руководство США, поддерживаемое американским народом; необходимость борьбы с терроризмом; интересы “третьих” сил и др. (украинских миротворцев прибавится).

Re: Э. Афонин [09.12.01]

У меня тоже, Олег Владимирович, ощущение, что вряд ли антитеррористическая операция ограничится пределами Афганистана. И все же: какие из территорий, на Ваш взгляд, наиболее вероятны для расширения антитеррористической операции? Единственна ли цель (антитерроризм) у нынешней кампании, и какие возможны сопутствующие цели участников антитеррористической операции?

6. Психологи утверждают, что по поступкам человека можно определить его характер. А можно ли определить характер и цель антитеррористической кампании, исходя из нынешних действий США?

Характер: qwerty [05.12.01]

Попытался ответить, взывая к разуму, и не смог: поэтому ответ — даже не ответ, а так — реплика, эмоциональная и пристрастная.

При оценке действий США почему-то вспоминаются странные эволюции Дж. Буша в день терактов: траектория его перемещений была столь же причудлива, сколь и бессмысленна, это напоминало движения боксера в глубоком нокадауне: находясь фактически без сознания (медик поправил бы — в состоянии сумеречного сознания), ходит и делает вид, что все в порядке. Если продолжить аналогию с боксом, то дальнейшее поведение США подобно действиям поверженного чемпиона, у которых обычное дело — обещать поквитаться (хотя с кем? и как?), кричать о недозволенных приемах и т. д. Ситуация с США существенно усугубляется тем фактом, что истинные организаторы терактов неизвестны (или были неизвестны на момент бомбардировки Афганистана, что “для прокурора” одно и то же), и “чемпион” начинает громить потенциально виновных, руководствуясь принципом “сила есть — разбиваться некогда”. Я охарактеризовал бы поведение США как истерику. Истерику тем более опасную, что США обладают мощным военным и экономическим потенциалом. Допустимо сейчас, на этом форуме, высказывать пристрастную оценку и не особо пытаться оперировать рациональными аргументами: от моего мнения зависит только реакция посетителей форума и последствия — их ответы. Но недопустимо политикам, от чьих решений зависят судьбы и жизни тысяч людей, вести себя подобным образом и ставить интересы, сиюминутные и корыстные, соображения мести выше интересов человечества. Предполагаю, что если бы на посту президента США находился А. Гор, то действия США были бы на порядок взвешенней.

Re: Э. Афонин [05.12.01]

Прежде всего, хочу поблагодарить Вас, коллега, за выдержку. Ведь всем нам сегодня порой не хватает времени и выдержки (а точнее, культуры рассудка), чтобы не перейти в дискуссии на уровень примитивного общения. И все же, ставя вопрос, хотелось глубже взглянуть на проблему терроризма и антитерроризма, возможные (публичные и непубличные, скрытые) мотивы и цели широкомасштабных действий инициаторов антитеррористической кампании. Ведь не секрет, что реальная внешняя политика и ее дипломатическое обеспечение — вещи, мягко говоря, не тождественные. Именно поэтому было предложено всем нам выступить в роли проектантов потенциально возможных внешнеполитических целей антитеррористической кампании.

Первым возможным шагом к такой работе мог бы стать анализ внешних поведенческих реакций США и других участников конфликта. Конечно же, более надежной основой для заявленных целей нашей работы мог бы стать экономический, политический и более многоплановый социальный анализ ситуации. Был бы очень признателен коллегам-экспертам, которым разосланы приглашения, за подключение к дискуссии.

Re: Re: А. Пелин [08.12.01]

1. На мой взгляд, нам не хватает ученых, пользующихся строгими научными технологиями, и общедоступности эмпирических научных фактов. Без этих двух вещей все наши форумы будут превращаться в наукообразную болтовню. А это еще опаснее, чем уровень “примитивного общения”.

2. Как взглянуть на проблему терроризма и антитерроризма глубже?

Предположим, что терроризм и антитерроризм — особые виды деятельности. Для продвижения вглубь нам всем необходимо признать операциональное видение деятельности. Для меня как практического социолога это просто необходимо. Я исхожу из того факта, что деятельность может осуществляться под действием как рациональных, так и иррациональных мотивов, быть последовательной и “скачущей”, ситуативной. Для всех проявлений деятельности я пока опираюсь на один вариант продуктивного видения — выделения измеряемого сектора. Измерение сектора происходит при помощи двух категорий: потребности и опасения. “Деятельность — результат баланса между потребностями и опасениями”. Векторами потребностей и опасений из абстрактных возможностей (как из пирога) “вырезается” сектор деятельности для интересующего нас субъекта, например, террориста.

3. Это еще далеко не все. Если Вы согласны с таким подходом к проблеме терроризма на уровне моего видения деятельности, можем углублять наш подход согласованием таких важнейших понятий, как “риск” и “свобода”, “конфликт”, “противоречие” и “проблема”. Если Вы не согласны, давайте обсудим продуктивность вашего видения фундаментальных понятий. Мы должны обсуждать вопрос на понятном языке в рамках согласованных фреймов. Иначе мы не научное сообщество, а амбициозные дилетанты с дипломами научных сотрудников.

Проектировать возможные внешнеполитические цели антитеррористической кампании без подшлифовки наших фреймов и понятий — все равно что тыкать пальцем в “пирог наших возможностей” до тех пор, пока он станет несъедобным. Руководствуясь абстрактными возможностями, мы будем похожи на людей, разбрасывающих камни. Никто не может лишить двурукие существа этой возможности, но это глупость. Руководствоваться надо не абстрактными возможностями, а актуальной потребностью, рассчитанной на основе системы жестких необходимостей и альтернатив.

7. В чем заключается смысл понятий “терроризм” и “антитерроризм”?

Опыт московской логической школы: А. Пелин [09.12.01]

Как учитывать содержание конкретных понятий? Этот вопрос был задан В. Саламатовым участникам рабочей группы проекта “Социальное развитие от Рождества Христова”. Он же предположил, что “методологически целесообразным было бы исходить из традиций московской школы логики, рассматривать конкретные понятия только в контексте”. Этот вопрос был обойден и “заговорен” другими участниками. Жаль. Мне как ученику Евгения Казимировича Войшвицко и Юрия Александровича Петрова этот вопрос кажется ключевым. Любимая “фишка” Ю. Петрова,

которая мучила нас 20 лет назад — “эффективно заданное понятие”. Сейчас я просто благодарен московской логической школе за науку. С ее позиций понятие терроризма, предложенное Л. Крысиным, — неэффективно для решения некоторых практических антитеррористических задач.

Террор [фр. *terreur* от лат. *terror* — страх, ужас]: 1. Угроза физической расправы с кем-либо по политическим или иным мотивам, а также сама такая расправа. 2. Запугивание с угрозой насилия или с его фактическим применением. Не вдаваясь в детали, я имею честь утверждать: “Террор — технология, трансформирующая фундаментальные стороны взаимодействия субъектов”. В основе этой технологии лежит метод сужения сектора деятельности. Завышая любыми средствами опасения своих реципиентов, террористы способны полностью блокировать их активность. Надо быть максимально корректными в определениях. Нельзя путать терроризм как процесс и терроризм как деятельность. Терроризм как угроза или запугивание — это виды деятельности. Бороться с одним видом деятельности при помощи другого малоэффективно. Для фундаментальной борьбы с терроризмом необходимо выходить на уровень процесса. Процесс, в отличие от тенденции, поддается операционализации. В книге, рекомендованной участникам форума, речь идет о тенденциях, то есть о том, что пока неизвестно как операционализировать. Поэтому терроризм и антитерроризм, определяемый как вид деятельности (угрожающей или запугивающей) — непродуктивен для его радикального искоренения. Давайте попробуем эффективно задать понятия, т. е. эффективно для решаемых нами задач. Эффективности понятий вообще, с точки зрения московской логической школы, не существует.

Ре: А. Пелин [10.12.01]

Я не согласен с *Jean-Francois Lyotard*, считающим логические требования “...террором, мягким или жестким: “Будьте операциональными, т. е. будьте взаимосоразмерными или убирайтесь””. Логическое и рациональное = последовательное, лишенное так называемого “скачущего мышления”. Логик и языков может быть сколько угодно. Главное, чтобы они были продуктивны для конкретных задач. Так что, не только единомышленники, но и оппоненты, вперед сквозь облака языковых нарративных, денотативных, прескриптивных, дескриптивных частиц к многообразному пониманию террора.

Эффективно заданное понятие “терроризм”: А. Пелин [20.12.01]

Эффективность задаваемого понятия можно увеличить при помощи выделения уровня восприятия мира.

1. Исходный уровень восприятия мира хорошо описан М. Фуко в “Мире вещей”. Мир дан нам многообразным в своей предметной “пригнанности” и “конфликтности” и т. д. Основными методами освоения предметного мира являются аналогия и симпатия (антипатия).

На предметном уровне весьма эффективно задано понятие “террор” на сайте, посвященном обеспечению безопасности жителей Волгограда и области: террор — это война. Естественно, что эффективным средством преодоления террора как войны не может быть ничего другого, как “создать заслоны террористам”. Все абсолютно логично: террор — война, войне — заслон.

2. Второй уровень — научный. Определения даются строго на вербальном уровне через “существенные признаки”: ужас, угроза, запугивание и т. п. Но все эти

признаки не что иное, как структурные элементы идеализированной модели человеческой деятельности. Ужас — результат, угроза и запугивание — средства. Сюда можно добавить цель, например, “выведение из равновесия”. Можно подогнать и другую идеализированную модель, например детерминистскую, и до бесконечности спорить о дефинициях причин, поводов, условий и свобод. Насколько эти идеальные модели продуктивны для решаемых нами задач?

Задачи, как я понял из приложений форума, обозначены Декларацией ООН по ликвидации международного терроризма от 9 декабря 1994 г. и дополнением от 17 декабря 1996 г. Понятие “террор” всюду подменяется более интенсивным понятием — “террористический акт”. В чем разница между “террором” и “террористическим актом”, не дает ответа даже изучение криминальных кодексов Российской Федерации, Республики Беларусь, Украины и других стран. Обращает на себя внимание то обстоятельство, что одни и те же деяния в ст. 205 УК РФ и ст. 289, 290 УК РБ называются терроризмом, а в ст. 258 УК Украины — террористическим актом. На основании таких процедур имеем понимание как “реконструкцию личностных измерений объективации деятельности”, которое Ю. Петров называет просто: тарабарщина. Закономерный результат такой тарабарщины — отсутствие эффективных средств преодоления терроризма как социально опасного явления. Декларации ООН требуют от государств безоговорочно осудить и “ликвидировать международный терроризм во всех его формах и проявлениях”. Хочу заметить, что ликвидации могут быть подвержены только предметы, но не социальные процессы. Таким образом, для борьбы с терроризмом как с социально опасным процессом неэффективны определения терроризма как вида деятельности (акта) и любые интенсивные аналогии.

3. Третий уровень — “глобальный”. Из собственного опыта моделирования социальных процессов понял, что операционально процесс выглядит как бесконечно малая величина. Чем глобальнее изучаемый процесс, тем меньше его количественно измеряемая величина. Терроризм — такой же глобальный процесс, как освобождение, помощь, влияние, подчинение, присвоение и поглощение. Он давно является составной частью социальной технологии, которой пользуется каждая вторая семья. Он пронизывает всю социальную жизнь, но замечают только его экстремальные выбросы. Терроризм как социальный процесс можно приводить в необходимый баланс либо при помощи проявления реальных носителей конфликта, либо путем размывания оценки ситуации в качестве конфликтной, либо методами, более эффективными, чем бомбежки.

Re: Э. Афонин [21.12.01]

Согласен, постановка вопроса о выборе эффективного понятия, отражающего социальное явление, — вещь весьма продуктивная. Думаю, сегодня человечество переживает достаточно сильные тенденции изменяющихся смыслов. Виной тому служат процессы “Великой трансформации”, получающие все более широкое распространение в мире. Не исключено, что, будучи “оплодотворенными” политиками мира (мировой политикой), эти тенденции могут на наших глазах превратить мир-систему (глобальный уровень) в полигон для испытания технологий, связанных с феноменом изменяющихся смыслов. Уже сегодня эта динамика достаточно велика, чтобы эффективно удовлетворять эгоизм современной политики и политиков, мыслящих категориями “Великих экспериментов” и готовых к манипулированию мировым общественным

мнением (и сознанием). В этом состоит один из серьезнейших социальных рисков, опасность которого превосходит угрозы, исходящие от технических новшеств.

Re: Re: А. Пелин [21.12.01]

Полностью согласен с Вами в вопросе амбиций и эгоизма “мировых” политиков. Кроме того, на мой взгляд, они “застряли” в технологическом сциентизме. Считаю, благодатной почвой для эгоизма служит миф о сложности и неоднозначности взаимопонимания между людьми. Лучшим средством разрушения этого мифа стало бы ясное понимание этих, казалось бы, безнаказанных эгоистов.

В ближайшее время я мог бы предложить некоторые несложные логические упражнения, предоставляющие возможность целостного видения социальных процессов. Первое упражнение — определение террора из контекста.

Определение террора из контекста: А. Пелин [21.12.01]

Для того, чтобы дать контекстуальное определение террора, необходимо:

1. Найти наиболее близкие понятия.
2. Сравнить их в едином контексте.
3. Определить особенности контекстуальных определений.
4. Выделить общие моменты.
5. Построить идеальную модель.

На мой взгляд, понятия, наиболее близкие к понятию “террор”: 1) война; 2) месть; 3) “черная самореклама”.

Желающие могут добавить к этому списку свои понятия, а 24 декабря дадим определение террора из контекста. Я знаю, как это делается. Недавно в Ужгороде на конференции по социальному насилию мне удалось эффективно определить понятие “социальной силы”. Продуктивность таких определений фантастическая.

Re: А. Пелин [24.12.01]

Определение террора из контекста близких к нему понятий.

1. Понятия, наиболее близкие к понятию “террор”: “черная самореклама” (Герострат), месть, шантаж, революция, война, контрреволюция, геноцид.
2. Общим признаком этих понятий является “опасение”.
3. Особенности лежат в плоскости определенности и активности субъектов и реципиентов взаимодействия.

4. Единичные признаки в плоскости целеполагания.

Смысл понятия “террор” вытекает из такого рода матрицы:

“черная самореклама”: субъект (определенный, активный), реципиент (неопределенный, пассивный), цель — известность;

месть: субъект (определенный, активный), реципиент (определенный, пассивный), цель индивидуальная — компенсация, цель социальная — профилактика нежелательных поступков;

шантаж: субъект (неопределенный, активный), реципиент (определенный, пассивный), цель — влияние на поступки реципиента;

террор: субъект (неопределенный, активный), реципиент (неопределенный, пассивный), цель — влияние на поведение реципиента.

Как видим, террор как способ деятельности легко спутать с шантажом, который может отличаться только определенностью реципиента и целевыми установками, предполагающими более системный характер влияния на реципиента.

Еще более определенным понятие “террор” выглядит в контексте особенностей взаимодействия, где обе стороны выступают активным началом:

революция: субъект (определенный, активный), реципиент (неопределенный, активный), цель — трансформация, ограниченная жесткими временными рамками;

война: субъект (определенный, активный), реципиент (неопределенный, активный), цель — подчинение неуправляемых;

контрреволюция: субъект (неопределенный, активный), реципиент (определенный, активный), цель — репродукция утраченной системы социального доминирования;

геноцид: субъект (неопределенный, активный), реципиент (неопределенный, активный), цель — уничтожение неуправляемых.

Как видно из двух матриц: революция “перекликается” с “черной саморекламой”, война — с мстостью, контрреволюция — с шантажом, а геноцид — с террором.

Таким образом:

1. Как только факт террора доказан, и реципиент имеет возможность активизироваться, неизбежен геноцид всех, кто способен иметь отношение к нему (в чем мы скоро сможем убедиться на восточном фронте Третьей мировой войны).

2. Факт террора надо доказать. Это значит, что надо отличать его от шантажа, саморекламы и революции.

На самом деле террор со стороны отдельных лиц или бандитов — крайне редкое явление. Поэтому человечество до сих пор еще живо. Ошибки тут недопустимы

Строгий анализ на основе эффективно заданных понятий показывает, что под определение террора как сознательного и систематического ограничения жизненного пространства реципиента при помощи увеличения интенсивности опасений попадают некоторые СМИ. Большинство СМИ ограничивают жизненное пространство людей неумышленно. Установить факт “информационного” террора (хотя, террор — явление информационное по самой своей природе) позволяют современные средства анализа (прежде всего контент-анализа).

Сегодня 24 декабря. Завтра в Ужгороде выходной. Мы все вместе с католиками встречаем католическое Рождество. В рождественские вечера хочется верить, что глобальной катастрофы человечество сможет избежать.

2. Социальные инновации

Период: 14 января — 8 мая 2002 г.

Участников: 7

Сообщений: 35

Постановка проблемы

В работе “Культурная экспансия и экономическая глобализация” доктор экономики и философии К. Саломон исследовал причины удвоения объема производства продукции в расчете на одного рабочего в США за период 1909–49 гг. В частности, опираясь на результаты исследования, автор доказал, что лишь 12 % этого прироста было обеспечено за счет увеличения вложений труда и капитала. Основным “акселератором” производства, обеспечившим лавину (88 %) часть прироста, стал открытый автором “остаток” или инновационный компонент производства.

Указанные тенденции, по мнению автора, были присущи лишь трем экономическим центрам мира — США, Западной Европе и Японии. В остальных, развивающихся, странах соотношение между трудом и капиталом, с одной стороны, и нововведениями — с другой, совершенно противоположное.

Вопросы

1. Согласно ли Вы с выводом К. Саломона, что новейшие экономические тенденции неактуальны для стран переходной экономики, переживающих трансформационные изменения?

2. Изменяется ли инновационный потенциал стран в процессе общественного развития, в частности во время социальных трансформаций?

3. Какие социальные факторы влияют на уровень инновационного потенциала страны?

4. Правомерно ли говорить об инновационной специфике стран? Если да, то в чем состоит инновационная специфика Украины, России, стран паневропейского ареала?

5. Что такое “социальные инновации”?

6. Можете ли Вы спрогнозировать возможные социальные инновации в Украине после последних (31 марта 2002 г.) парламентских выборов?

Рекомендованная литература

1. Саломон К. [Саломон Клаудио Марио, доктор экономики и философии Католического университета Аргентины (Буэнос-Айрес)] Культурная экспансия и экономическая глобализация // Мировая экономика и международные отношения. — 2000. — № 1. — С. 105–115.

2. Тоффлер А. Футурошок. — СПб., 1997. — 464 с.

3. Щедровицкий П. На пути к новой экономике. — <http://dp.ru/northwest/innovacii.php3>.

Дискуссия

1. Согласно ли Вы с выводом К. Саломона, что новейшие экономические тенденции неактуальны для стран переходной экономики, переживающих трансформационные изменения?

Новейшие тенденции в странах переходного типа: Владимир Коробов [14.01.02]

Вывод, что новейшие тенденции не присущи странам переходного типа (постсоветским, например) кажется несколько категоричным. Инновационный потенциал Советского Союза был очень высоким. В постсоветских странах сохранилась социальная инерция. Интеграция постсоветских стран, в частности России и Украины, в евроатлантическое пространство привела к внедрению в этих странах социальных инноваций западного происхождения. Социокультурный тип наших стран очень близок к западноевропейским цивилизациям. В экономике, культурной жизни и социальных отношениях в Украине и других постсоветских странах есть много интересного и полезного, инновационного и перспективного. Само переходное состояние предусматривает высокий потенциал инновационности общества, высок он и в нашей стране. Инновационность — черта, присущая нашей культуре и ментальности, которая иногда переходит в негатив — неукорененность, слабость традиции. Десятилетие независимости Украины — это короткая история инновационного поиска новых путей развития. Большая часть прибылей — за счет инноваций, новых схем экономического развития. Образ жизни, его качество — не очевидны,

они осознаются в контексте социальных изменений и культурных традиций. Качество жизни и его уровень (материальная обеспеченность, бытовые стандарты и т. п.) — не одно и то же. Уровень динамичности нашего общества намного выше показателей изменений в Старом и Новом мире. В конце концов, важна точка зрения, позиция. С точки зрения европейца, мы находимся на периферии мирового развития, но в мировом контексте мы довольно сильны, наш уровень довольно высок, и мы развиваемся достаточно динамично. Мы просто особенные, и этого не надо бояться. Мы особенны настолько, насколько можно быть особенными в глобальном мире.

Re: *Эдуард Афонин* [17.01.02]

Мне тоже хочется возразить К. Саломону. Но, заняв позицию отстраненного и непробужденного наблюдателя рационального типа, понимаешь, что мысль К. Саломона все же имеет определенный смысл. Говоря, например, об Украине, мы едва ли сможем сегодня убедительно доказать вывод об устойчивости проявившейся в последнее время тенденции экономического роста. Вспомните хотя бы аргументы, высказанные недавно инициаторами так называемого “комитета 2005”, что вследствие износа основных фондов металлургического производства и других базовых отраслей экономики, которые, собственно, и обеспечили Украине временный экономический рост, вполне возможен экономический спад до 2005 г. Из приведенного анализа следует, что нынешний экономический рост Украины полностью исключает инновационную компоненту производства, которое все еще остается “в статусе потенции”.

Re: *Андрей Мартынов* [18.01.02]

Новейшие экономические тенденции объективно вовлекают в свое силовое поле все социальные системы. Они занимают место в глобальной экономической системе как центр или резервация. Например, индейцы Амазонии страдают от разрушения своей естественной среды, а все мы — от глобального потепления. В общем, радикальные инновации в одной сфере часто поднимают общесистемный баланс, в результате инновации разрушают “старый порядок” еще до создания нового. Такие “трансформационные изменения” часто дискредитируют сам инновационный подход, ведь консерватизм в таких условиях представляется здоровым иммунитетом системы на угрозу хаоса. Ключевым проблемным вопросом при этом остается разработка социальных технологий, способных найти оптимальный баланс между консерватизмом, эффективностью и инновациями.

Инновации — альтернатива адаптации: *Александр Пелин* [27.01.02]

Я согласен с выводом К. Саломона, потому что инновации — альтернатива адаптации. Страны с переходной экономикой находятся в состоянии адаптации к новым условиям. В глобальных масштабах они не могут и адаптироваться, и развиваться одновременно. Но, как известно, сова Минервы вылетает ночью. Великие открытия делаются с помощью веревки, посошка и куска сургуча. Главное — чтобы наши Кулибины не интегрировались в продвинутую экономику раньше, чем успеют принести пользу своей.

Re: *Э. Афонин* [21.02.02]

Александр, говоря об инновации как альтернативе адаптации, не отделяете ли Вы ее от процессов развития, которые, по моему мнению, будут набирать силу с обретением признаков постоянства всей социальной системой украинского общества, экономика, политика и культура которого базируются на понятии социального?

Re: Re: Сергей Евстратов [28.02.22]

Эдуард Андреевич, а дискуссия действительно интересная! Посмотрим на страны СНГ. Есть вопрос: а можно ли их рассматривать как страны с действительно переходной экономикой? Чаще всего приходит мысль, что это — не более чем миф... Экономика осталась традиционной — советского образца. Незначительная косметика за счет экзотики малого бизнеса, примесей псевдособственности, разрешенных спекуляций — пеноподобные образования. Экономически страны СНГ живут за счет старого ресурсного багажа. Новое практически не создается, а если и создается, то в традиционном ключе. Инноватика — системный инвариант. Поскольку он был ранее, то по инерции продолжает существовать и сейчас. Государственные органы об инноватике всерьез не пекутся. Негосударственные — индифферентны или импотентны. “Новая” инноватика, вероятно, возможна в результате эффекта “жареного петуха”, когда, по Б. Грызлову, всерьез припечет с “проблемой 2005 г.”. Тогда, вероятнее всего, или будет включен печатный станок, или включатся механизмы “мобилизационной экономики”, в том числе, не исключено, в редакции небезызвестного Лаврентия Павловича.

Re: Re: Re: А. Пелин [06.03.02]

Я исхожу из классического номинализма И. Канта, утверждавшего, что не существует “треугольника вообще”, “лошади вообще” и “развития вообще”. Реально существуют множество конкретных видов развития. Например, согласно учению русского ученого-эволюциониста А. Северцева, существует несколько путей эволюции: ароморфозы, идиоадаптация, дегенерация.

Ароморфозы (от греч. *airo* — поднимать, повышать и *morfe* — форма) представляют собой крупные эволюционные изменения, которые приводят к общему подъему уровня организации. К ним ученые относят возникновение фотосинтеза, появление многоклеточных организмов, полового размножения, четырехкамерного сердца у птиц и млекопитающих, цветка и плода у покрытосеменных растений.

Идиоадаптации (от греч. *idios* — своеобразный и от лат. *adaptare* — приспособлять) — мелкие эволюционные изменения, благодаря которым организмы оказываются приспособленными к определенным условиям среды обитания, но при этом не происходит общего подъема уровня организации. К идиоадаптациям относят изменения клюва у птиц разных видов одного рода, связанные с типом пищи и способом ее добывания, разнообразные типы окраски животных, обтекаемая форма тела у ряда водных животных, различные типы конечностей у насекомых и млекопитающих.

Дегенерации (от лат. *degenerare* — вырождаться) представляют собой эволюционные изменения, которые ведут к упрощению организации. Обычно дегенерации сопровождаются исчезновением ряда органов в связи с приспособлением к паразитическому или прикрепленному образу жизни. Например, у некоторых паразитических червей нет кишечника, слабо развита нервная система. В то же время у них очень высокая плодовитость, которая обеспечивает сохранение и процветание видов. У некоторых паразитических усоногих рачков нет кишечника, конечностей. У ряда паразитических растений отсутствуют листья, корни, но имеются присоски.

Ароморфозы, идиоадаптации и дегенерации тесно связаны между собой. Развитие в форме ароморфоз происходит реже, чем идиоадаптации. Путем ароморфоз возникают крупные систематические группы. Идиоадаптации и дегенерации определяют появление более мелких систематических групп. Каждая крупная систематическая

группа организмов возникает путем ароморфоз. Дальнейшая эволюция идет по пути идиоадаптации или дегенерации. Особи крупной группы заселяют разные места обитания, у них начинаются формироваться приспособления к конкретным условиям среды. В составе крупной группы возникают более мелкие систематические группы.

Говоря об альтернативности социальных инноваций процессам социальной адаптации, я отделяю социальные инновации не от процессов развития вообще, а только от определенных разновидностей социального развития. Например, социальное развитие в форме дегенерации (с упрощением системы социального воспроизводства и образования) наиболее явно обладает признаками адаптации и минимально инновационно. Более дифференцированное “видение” социального развития продуктивнее синкретичного, т. к. позволяет оценить социальную стабилизацию.

Политическая стабилизация может оплачиваться ценой экономической идиоадаптации, социальной дегенерацией и, наоборот, экономическая дегенерация может оплачиваться политической идиоадаптацией. Говорю это не абстрактно. Есть жесткие факты, подтверждающие мою точку зрения. Например, в данный момент, анализируя социальные процессы избирательной компании, хорошо вижу политическую природу и социальную цену успеха блока “Наша Украина”. Возможно, что именно отсутствие достаточно дифференцированного взгляда на развитие мешает украинским аналитикам оценить новые технологии, которые применяются против Украины. А времени на ответ практически уже нет. Остается только адаптироваться к тем условиям, в которые нас поставили более продвинутые зарубежные политтехнологи.

Но самое главное — спасибо за хороший вопрос. Такие вопросы заставляют взглянуть на проблему, как говаривал Л. Гумилев, во втором приближении, дифференцируя одну из сторон анализа. Хотелось бы увидеть и еще более высокий уровень дифференциации, т. е. третий уровень приближения в подходе к развитию и социальным инновациям. Пока это единственный метод истончения мышления. Надеюсь на помощь коллег, не желающих, идиоаптируясь, плыть по течению.

Инновации и инновационные процессы в посттрансформационном обществе: Э. Афонин [06.03.02]

Весьма метко и уместно подмечено С. Евстратовым, что ни в Украине, ни в России еще не сложилось необходимое понимание важности инновационного компонента развития стран, осуществляющих переход от индустриальных основ существования к постиндустриальному периоду своего развития. А вместе с тем сегодня происходят кардинальные (общесистемные, социетальные) изменения социальной природы наших стран. Согласно этим изменениям как бы “зеркально” (относительно своего прошлого) изменяются и поведенческие реакции, характеризующие жизнедеятельность их обладателей — социальных организмов. Так, например: направленность внимания с окружающего мира, мира внешних объектов, их материальной сущности (экстраверсия) переключается на явления внутреннего собственного мира, его духовную сущность (интроверсия); иррациональное отношение к внешнему миру сменяет рациональный способ восприятия разнообразных его состояний; эмоциональная риторика сменяется скупой прагматичностью; установка на абстрактные идеалы (интуитивность) вымещается приоритетами земных ценностей (сенсорность); принципиально меняются особенности переживания ответственности — с относимой вовне (экстернальность) к адресованной себе (интернальность); нацеленность в целом

на процесс и “жесткая зависимость” от обстоятельств (экзекутивность) сменяется одержимостью результатом и независимым поведением (интенциональность) и т. д. Именно в этой фазе развития наши страны (как и другие страны, находящиеся под воздействием трансформационных процессов) имеют наибольшие из всех возможных в их жизненном цикле развития (если не считать периодов революций) радикальные изменения. Однако такие изменения носят в целом объективный характер и мало зависят от воли и непосредственного участия разнообразных социальных факторов. Они лишь “высвечивают” фарватер, по которому, как по каналу, идет затем общественный корабль. И, если я правильно понимаю А. Пелина, мы с ним созвучны в том, что относим социальную инновацию к разряду явлений, место которых в зоне действия социального субъекта (индивида, группы), т. е. в периоде социальной стабильности.

С приближением фазы стабильности нарождающиеся в ходе трансформационных процессов новые социально-поведенческие характеристики Украины и России как целостных социальных организмов (Г. Спенсер) будто указывают нам на необходимость обратить серьезное внимание на такие ключевые понятия, как креативность и креативный потенциал общества. Вместе с тем новая социальная природа наших стран дает нам естественные основания — инновацию и инновационную активность социальных субъектов, — положив которые в основание наших общественных зданий, только и можно рассчитывать на их устойчивое экономическое, политическое, культурное и духовное развитие. Все очевиднее (по крайней мере, для пытливого наблюдателя) инновация и инновационные процессы становятся тем основанием, которое своим “вращательным движением”, напоминающим знакомое движение гироскопа или обыкновенной детской юлы, создает инерцию (устойчивость) посттрансформационного развития стран. Ярчайшим примером такого развития стали страны пан-европейского ареала — США, страны Западной Европы и Япония.

Re: А. Пелин [06.03.02]

Конкретный пример трансформации поведения в области приграничного сотрудничества — у нас в Закарпатье. Абсолютно все субъекты этой самой деятельности рапортуют об увеличении объема внешних инвестиций. Этот факт воспринимается как убедительный индикатор стабилизации наших отношений с соседями. Когда очередь дошла до меня, я добавил ложку дегтя в бочку стабилизации и процветания, сказав всего две фразы: “Инвестиции — кровь “старой экономики”, измеряемой индексом Доу-Джонса. Кровь новой экономики, измеряемой индексом НАСДАК, — инновации. Игнорируя этот факт, мы подменяем интеграцию в Европу на адаптацию”. Думаю, что участникам форума не стоит знать, что я услышал в ответ на мою реплику, можно догадаться. Сейчас я уверен, что без достижения “критической массы” авторов-креаторов никаких радикальных успехов не достичь. Сейчас смешно вспомнить, как верили в то, что собственник (хозяин) радикально изменит темпы нашего развития. Но собственники оказались простыми актерами, подражающими ролям из других спектаклей. Без достаточной массы собственных креаторов-режиссеров мы обречены на адаптацию к чужим спектаклям.

Re: Re: Э. Афонин [07.03.02]

Мне кажется, не стоит горячиться по поводу проблем, возникающих в ходе продолжающейся трансформации. Рефлексируя прежде всего свое собственное поведение (т. е. проявляя характерную новому времени интраверсию и интернальность), мы быстрее

выберемся из кризисной ямы трансформации. Предлагаю проявить конструктивность и попытаться заглянуть вовнутрь трансформационного процесса, рассмотреть его структуру, конфигурацию, определив в них источниковую базу будущей инновации.

По данным мониторинга, осуществляемого нами с 1992 г. при поддержке фирмы “Социс-Геллап”, трансформационный процесс в Украине можно представить состоящим из двух полупериодов. Первый — период деклараций, романтизма и прорыва в новое. В нем есть критические точки трансформации: политическая (с кульминацией в 1991 г.), экономическая (с кульминацией в 1992 г.) и, наконец, системная (начавшаяся в 1994 г. и достигавшая своих пиковых значений в 1995, 1996, 1998 гг.). Второй — период инверсии, характеризующийся нарастанием возвратных процессов, охватывающих все сферы жизнедеятельности (политику, экономику, науку, образование и др.) и проявляющихся в форме авторитарности.

С историческими аналогами инверсионных (возвратных) процессов и тенденций, а также свойственными им формами авторитарности человечество активно начало сталкиваться после Великой депрессии 1929–34 гг. Различные по своей силе и специфике проявления авторитарности имели место, например, в Германии, Италии, Испании, Франции, США, Чили. Сегодня эти процессы все активнее набирают силы в России, Украине и других странах постсоветского пространства.

Во многом, вероятно, эти возвратные тенденции формируют механизм социальных противоречий, разрешение которых подобно второй попытке, второму выбору (если первый выбор связывать с фазой декларации государственной независимости Украины) выведет-таки общество на “магистральный путь” общественного развития, для которого инновация и инновационный процессы станут двигателем дальнейшего общественного развития и основанием устойчивого социального роста. При этом, кажется, не следует рассматривать возникающий на фоне возвратных тенденций авторитаризм с точки зрения морального критерия прошлого. Он сполна исчерпал себя в предшествовавший (советский) период развития, уступив место критерию рациональности (*rationality*). Вспомним хотя бы настроения людей в фашистской Германии. Основная масса мало задумывалась над тем, какой ценой оплачивалось благополучие немецкого бюргера. Лишь после поражения Германии во Второй мировой войне рядовые немцы осознали весь ужас авторитарной немецкой государственной машины. Проводя некоторые аналогии с этим примером, можно предположить, что и наши страны в целом повторят тот же исторический феномен.

Закономерным пределом развития моделируемой таким образом ситуации станет, очевидно, новый механизм социального контроля, во многом опирающийся на институты гражданского общества. Бюрократ нового времени нуждается и в новом механизме социального контроля, радикально изменяющего авторитарную вертикаль на институты представительской демократии. Отдавая себе отчет, скажем, что из всех видов начатых в странах бывшего СССР реформ (конституционной, экономической и административной) пока что не нашлось места для реформы социального контроля, который подобно идее гражданского общества становится крайне важным инструментом обуздания коррупции, поразившей постсоветскую властную элиту и бюрократию.

Re: Re: Re: А. Пелин [09.03.02]

Абсолютно не сомневаясь в квалификации фирмы “Социс-Геллап”, хочу констатировать: россияне продвинулись дальше. Наличие в социальной жизни двух

альтернативных процессов (трансформации и авторитаризма) опасно инверсией. Этот процесс хорошо разработан у нашего российского коллеги А. Ахиезера. Инверсия опасна вечными кругооборотами: авторитаризм — оттепель — авторитаризм. Эти псевдоинновации напоминают эмоциональный маятник: плохо — хорошо — плохо. Эмоции, как и псевдоинновации, позволяют априори динамичному субъекту адаптироваться в условиях бессмысленной социальной статики. Пошумели и разошлись, а кажется, что продвинулись в новое. Успокоились и хорошо.

Где выход из вечной инверсии? По мнению А. Ахиезера, в медиации. Медиация — посредничество. Таким образом, действительной социальной инновацией можно считать только те процессы, которые являются результатом опосредования альтернатив (трансформации и авторитаризма). Противопоставление гражданского общества и бюрократии — только первый шаг в направлении действительной социальной инновации, а должен быть осязаемый продукт. Как долг, формирующийся в альтернативе рациональности и эмоциональности, как стоимость, формирующаяся в альтернативе производства и потребления. Такого продукта в Украине пока не видно.

Что касается социального контроля, то семантика этого словечка легко просматривается из его фонетики: “контр” (противоположная) “роль”. Оно “загоняет” нас в парадигму, где господствуют ролевые (игровые) приоритеты, но не продуктивная деятельность. Авторитаризм воспроизводится именно в таких “ролевых парадигмах”. Роль авторитета не берется кем-либо из прихоти, а объективно производится в условиях дефицита достойных соавторов, низкой частоты контактов и др.

2. Изменяется ли инновационный потенциал стран в процессе общественного развития, в частности во время социальных трансформаций?

Инновационный потенциал стран объединяет постоянство и способность постоянно изменяться: В. Коробов [15.01.02]

Каждое общество, как и каждый человек, имеет потенциал, который история измеряет как постоянную величину. Определенные ограниченные возможности общества или нации, государства раскрываются с определенной неопределенностью. Но ни одно общество не способно дать человеку, гражданину, личности больше того, чем оно имеет, чем оно может иметь (перефразируя известную истину о женщинах). Общество имеет границы своих возможностей, оно исторически, культурно и социально, экономически ограничено. Поэтому инновационный потенциал общества — в историческом смысле — ограниченная, постоянная величина. Тем не менее, в этих границах инновационные изменения общественной жизни, вероятно, пульсируют в своем неумолимом ритме. Инновационный потенциал общества постоянно изменяется, и эти изменения приобретают особенно хаотичный вид во время социальных трансформаций. Беспорядочно накапливаются и спонтанно действуют безобразные и химерические комбинации/конфигурации разнонаправленных и непохожих факторов (детерминант) общественного развития. Украина — это неопределенность. Инновационный потенциал очень высокий, и мы уважаем свою страну за ее грандиозные возможности, которые раскрываются с очень высоким уровнем неопределенности.

Re: А. Мартынов [18.01.02]

Конечно, инновационный потенциал в процессе развития изменяется. Вообще потенциал по определению не может быть стабильным. При наличии ресурсов и бюджета времени его можно аккумулировать, а можно растратить. Инновационный

потенциал может изменяться даже на протяжении жизненного цикла нескольких поколений. Если определенная научная школа не заложила фундамент под инновационную активность своих преемников, то есть нарушила цепь наследственности знаний, то инновационный прогресс может прекратиться. В условиях социальной трансформации инновационный потенциал оказывается на распутье. В сущности, это — “открытая возможность” как реализовать шансы, так и утратить их. Например, в Украине изобрели технологию записи информации на лазерных дисках, но не закрепили этот инновационный приоритет за собой. Так будет до тех пор, пока все общественные институты не будут налажены, как хороший музыкальный инструмент, для исполнения сложных мелодий эпохи инновационных изменений.

Социальные инновации происходили на фоне угасания производственных:

А. Пелин [27.01.02]

У меня есть результаты исследований предпринимателей Закарпатья с огромным “лонгэтиодом”, согласно которым потенциал производственных инноваций предпринимателей был максимальным в начале 1980-х гг., утилитарные мотивы деятельности того периода были минимальными. Начиная с 1980-х, и до 1998 г., когда были сделаны последние измерения, потенциал производственных инноваций предпринимателей уменьшался пропорционально возрастанию утилитарных потребностей. Между 1989 и 1991 гг. эти две кривые пересекаются и зеркально меняются местами. Именно в это время состоялся выброс недисциплинированности. Я считаю, что имею графическое изображение революции, которая состоялась в нашей стране между 1989 и 1991 гг. Социальные инновации происходили на фоне угасания производственных.

3. Какие социальные факторы влияют на уровень инновационного потенциала страны?

Историческая судьба: *В. Коробов [15.01.02]*

На инновационный потенциал страны (общества), прежде всего, влияет ее историческая судьба, социокультурное наследство. Именно она определяет ограниченность инновационности общества.

Re: *Елена Донченко [24.01.02]*

Социум, переживающий период так называемых трансформаций (или системного кризиса, социальных изменений и т. п.), может порождать, но не может поддерживать и реализовывать действительно инновационные идеи. Это обуславливается многими факторами, среди которых главный тормоз — не экономические, а психосоциальные особенности переходных периодов. Эти особенности лежат в разных социальных сферах, пространствах, плоскостях, но все-таки создают единое поле невозможности, атмосферу в качестве, несовместимой с инновационным творчеством, климат социетальной смуты и вместе с тем суеты. Журналистское, писательское или поэтическое творчество может даже переживать расцвет в такие периоды.

Для инноваций высшего порядка, например экономических, социально-политических или морально-этических, нужны другие психологические условия. Уверена, что сегодня надо говорить не просто об инновациях, а об инновациях, которые отвечали бы главным потребностям нашего времени — сохранению остатков экологии природы и человеческой ответственности перед будущими поколениями. С этой точки зрения не важнейшей ли инновацией было бы открытие законов взаимопонимания между разными психокультурами на нашей планете?

В период разрушения психосоциальной структуры общества, когда бурлит anomia, переворачивается система ценностей, основная творческая энергия расходуется на адаптацию к новым социально-политическим и экономическим запросам и заказам, говорить об интеграции и тем более самореализации человеческих ресурсов трудно, ведь известно, что только интегрированная психика (как социетальная, так и индивидуальная) может создать качественный инновационный продукт. Сегодня мы стали свидетелями функционирования больной психики и видим много соответствующих продуктов в политической, экономической и морально-этической сферах.

Для трансформационных периодов характерны эгоцентристские тенденции выживания, конкуренции, завоевания и т. п. Кто был никем, тот станет всем. Бывшие маргиналы становятся олигархами. На индивидуальном уровне можно увидеть много “талантов” (вспомните хотя бы историю с банком “Украина”). Но для настоящих инноваций, которые приносили бы пользу обществу, человечеству и имели характер открытия, в наше время талантливого индивида будет маловато. Не сможет это сделать и экономическая или политическая мафия, так как ее организационной детерминантой (я уверена, что не только в Украине) является самообогащение и залог самосохранения.

Хаосу присущи центростремительные эгоцентрические тенденции, несовместимые с нравственно-адекватными инновациями. Для инноваций нужны здоровые макро- и микросреда, группы, в которых индивид чувствует себя защищенным, понятным и поддержанным. Сегодня и малые группы, как частицы большого общества, подточены изнутри упадком ценностей, доверительных взаимосвязей и, главное, отсутствием той организационной детерминанты, которая способна обеспечить процесс инновационного творчества. Сегодня нет коллективов талантливых профессионалов, которые были бы поддержаны властью, деньгами и социальными заказами. То есть инновации требуют социоцентрического мотива, который может появиться позже, когда сформируется социальная структура, наладятся межорганизационные связи, откроются каналы инвайронментального контроля и обеспечения инноваций.

Инновации нуждаются в носителях таких психологических качеств, как интуиция и рациональность. Переходная жизнь требует других качеств — иррациональности (психической, психологической и социальной гибкости) и сенсорики (силы воли, способности к конкуренции, интригам и т. п.). Личности с развитой интуицией (способные к генерации идей) и рациональностью (способные к доведению этих идей до реализации) в современной Украине стали маргиналами (а это, в основном, именно ученые и “самородки”, способные к инновациям). Власть, как и все в кризисном социуме, занята самосохранением и не заинтересована в инновациях. Инновации нового, высшего качества возможны в зрелом, сбалансированном социуме, базой которого является наличие и взаимопонимание между его основными психосоциальными структурами — социальным интеллектом и социально-адекватным управлением, которые учитывали бы все факторы социальной динамики — как явные (те, что можно увидеть и “пощупать” — организационные, осознаваемые), так и неявные (самоорганизационные, незосознаваемые).

Инновации — кровь новой экономики: А. Пелин [27.01.02]

Понятие инновационного потенциала страны очень напоминает мне какие-то абстрактные “закрома Родины”. Я не знаю, что такое “инновационный потенциал страны”. Возможно, это наши мечты о динамическом развитии? Если это так, то на них

влияет такой социальный фактор, как бегство от реальности. Если это инновационные потребности отдельных людей, корпораций и регионов, то наиболее положительно на них влияют информационные потоки, а отрицательно — бесконтрольные инвестиции. Инвестиции — кровь старой экономики, измеренной индексом Доу-Джонса, а инновации — кровь новой экономики, измеряемой индексом НАСДАК. Думаю, социальные факторы связаны с инновациями приблизительно так же, как эти два индекса.

Re: С. Евстратов [05.04.02]

Александр, думаю, что Вы абсолютно правы относительно нечеткой детерминации самого базового понятия. Без хорошей математики вопрос сей долго будет оставаться во власти гайдароподобных экономистов, способных словоблудием создать необходимый интеллектуальный миф, эффект правдоподобия. Кроме того, для организации инновационного процесса необходимо формирование системы “сциентистского права”, которая хоть как-то могла бы регулировать инновационный процесс, защиту от бюрократов, с одной стороны, и от экстремистов типа Гайдара — с другой.

Словоблудие и операционализация понятий: А. Пелин [05.04.02]

Сергей! Рад слышать единомышленника. Словоблудие — отличное словечко. Альтернатива ему — операционализация понятий. Понятия должны работать, а не украшать. Система, контекст, матрица. Какая разница? Нам кажется, что мы понимаем друг друга. На самом деле каждый из нас строит свой собственный мир. Изучая диалоги политологов Украины, я обнаружил, что западноукраинские политологи отличаются от харьковских и крымских более согласованной системой понятий. На Востоке что ни политолог — то творец. Говорят совершенно на разных языках, объединяются время от времени вокруг мифов и разочаровываются. Инновации затруднены из-за отсутствия универсальности, корпоративности. Научное сообщество должно бы создавать такие универсальные поля для общения. Но, к сожалению, мы уже 10 лет всего лишь на пути к этому. Очень нужны научные школы с более-менее однозначным пониманием понятий: динамика, статика, инновация, адаптация и др. из этого “смыслового гнезда”.

Re: С. Евстратов [05.04.02]

Александр! Спасибо за поддержку. Достаточно длительные попытки налаживания конструктивных диалогов в квазинаучной среде дали очень небольшой процент положительных результатов. Иногда создается впечатление, что ученые, а особенно гуманитарии, прямо-таки бегут от проблемных тем, но с удовольствием занимаются спекулятивными или начетническими. Пытался неоднократно просить психологов и социологов поработать над анализом этих феноменов. Результат — ноль. Очень часто проявляется синдром “непризнанных гениев”, мифопоклонничество типа “Запад — это хорошо *a priori*, а свое подождет”... И Вы правы в своем наблюдении, что такая трансцендентность в весьма сильной степени присуща “восточникам”, причем не только харьковским или крымским, но и питерским, и, видимо, московским. В сущности, разномастным “социальным инноваторам”, как “западным”, так и “восточным”, глубоко наплевать на тот “социум”, вокруг которого сыр-бор.

В 1997 г., в эпоху расцвета безработицы в Крыму, мне довелось вместе с бригадой крымчан поработать в качестве “рабов” в Москве, у иорданца — владельца торговой фирмы. Вместе с крымчанами бок о бок трудилась бригада ребят с Западной Украины, простых работяг, вынужденных поехать в самый центр столь нелюбимой “западниками” Москальщины. У нас с ними не было спорных вопросов.

До сих пор, как в России, так и в Украине одно и то же: смертность превышает рождаемость, отключают тепло, электроэнергию, падает производство, стагнирует наука и т. д. Впереди — “проблема 2005 г.” — пик износа техники. Научному сообществу есть чем заняться. Кто и как их объединит? Сколь выражен может быть синергетический эффект? Мне, кажется, понятно, почему западноукраинским (или прибалтийским) исследователям проще оптимизироваться — в силу возможности локализации. В их творчестве инновационные интенции — непосредственны к выражению. Но это — на первом этапе, пока еще миф новизны свеж, а социальную ответственность никто не нормирует. Потом наступает этап тяжелой конструкционной работы, возможно, с элементами социальной ответственности. Возможно, действительно, “восточникам” следует поучиться у “западников” умению концентрироваться и кооперироваться...

Разные содержания “инновационной проблематики”: *С.Евстратов* [05.04.02]

Не кажется ли Вам, Александр, что, в силу “глубокого своеобразия” постсоветского этносоциального пространства, сам понятийный базис “инновационной проблематики” имеет у нас совершенно иные смыслы, чем на Западе? А попытки старо-новых отечественных обществоведов (которым, как мне кажется, нет никакого дела до реальных проблем реального социума) проинтерпретировать и обосновать (или раскритиковать) все, что угодно (текущему моменту) — не напоминают ли они некоторые интеллектуальные игрища ради игрищ? Почему, когда дело доходит до дела, интеллектуалы, как правило, с большим трудом сплачиваются для серьезной конструктивной работы, но, в то же время, с удовольствием бросаются в разнообразные авантюрные и спекулятивные проекты?

Re: А. Пелин [05.04.02]

Сергей, мне удалось по-новому взглянуть на социальное время и пространство. Даже доклад об этом сделал в Харькове. В реальном социальном пространстве могут жить только мужественные люди, так как в нем — одни проблемы. Большинство наших гуманитариев бегут из настоящего времени либо в прошлое (в ностальгию и откровенную ложь), либо в будущее (идеологию и фантазию). В настоящем времени способно находится очень небольшое число наших коллег. Не все они способны на инновации. Большинство — борцы за справедливость. У многих перед глазами не социальные системы, а авторитеты. Отсюда — игры в авторитеты и “непризнанных гениев”. От игры до дела доходят только в экстремальных, авральных ситуациях.

Судя по моим исследованиям 1500 крымчан, они в значительно большей степени паттерналисты, чем закарапаты и беларусы — западники. Место инноваций “забито” сезонными качелями: от зимней спячки через весенние поиски партнеров, летнюю интенсивную работу до осеннего “комплекса Дон Жуана” (по тестам — уникальное сочетание синего и красного цветов). И так из года в год.

У западников большая готовность к новому, но они и более поверхностны. Уровень концентрации не выше, чем у восточников. На мой взгляд, ограниченность ресурсов Запада мобилизует западников чуть сильнее, чем восточников. Каков должен быть уровень “беда” для того, чтобы восточники мобилизовались, наверное, лучше знает Щедровицкий. Мобилизация при помощи деловых игр — неплохой метод, но не массовый. Западников хорошо и массово мобилизуют поездки на заработки. Нет пророка в отечестве своем, но, попав в чужие края, мигранты мобилизуются так, что становятся локомотивами инноваций.

Объединить усилия для интеллектуального прорыва в новое может только доверие научному сообществу со стороны властей и общества. На самом глубинном уровне доверие достигается либо системой и регулярированностью, либо жертвованием самого ценного, например, личной свободы. При нашем индивидуализме больше подходят жертвы. Может ли Восток в принципе чему-либо научиться у Запада?

Что же такое социальный объект: *С. Евстратов* [05.04.02]

Полагаю, что возможен процесс взаимного обучения “Восток — Запад”, конвергенция в хорошем смысле... Плохо, когда в качестве догмата провозглашается миф “Запад — это хорошо, а вот Восток...” Впрочем, это наша давняя традиция. Вопрос в том, какие, собственно, процессы при этом происходят, что и как при этом изучается. Не кажется ли Вам, что мы, проводя дискуссии по такой важной теме, как “социальные инновации”, впадаем в некоторый “методологический блуд”: анализируем социальные процессы, не определив базовое понятие теории — что же такое социальный объект, о движениях которого мы говорим, и для которого ищем инновационные технологии?

Re: А. Пелин [05.04.02]

Сергей, на мой взгляд, само выражение “социальный объект” некорректно. Рассматривать человека в качестве объекта — все равно, что убить его для более удобного разглядывания под микроскопом. Оставим эту терминологию для естествоиспытателей-ботаников и социальных позитивистов. Я воспринимаю только живые, активные социальные субъекты. В качестве мертвых объектов они интересны не для социологов. Уже из такого подхода следует, что корректна только такая парадигма, в которой есть место социальной активности, выбору, воле и другим человеческим качествам.

Социальное пространство и время не тождественно физическому. Но для того, чтобы легче представить их различия, приходится опираться на некоторые аналогии. Нулевая точка в системе координат социального пространства — вера, доверие. Маленькая вера (был когда-то такой фильм) — означает узкое социально-экономическое пространство. Азиатский способ производства держится на маленькой вере, т. е. ограничен множеством самых близких лиц (родственниками, членами тейпа), которых нельзя обманывать. Любая социальная инновация в этом пространстве связана с фантастическим риском, вплоть до самопожертвования. Горящее сердце Данко, например. Западное социальное пространство не требует героических усилий. Там ценой доверия выступает система, а не героический прорыв. Пока у нас нет такой системы, как на Западе, мы можем ожидать социальных инноваций ценой героических усилий предпринимателей, администраторов и общественных деятелей. Насколько это безнравственно? Наверное, настолько же, насколько безнравственно посылать батальоны в бой без арподготовки. Так, например, погиб под Харьковом мой дед. Его командиры оправдывали то наступление без поддержки необходимостью разведки огневых средств противника. Может, и “перестройке” найдут оправдание?

Re: Re: С. Евстратов [05.04.02]

Александр! Согласен с Вами относительно некорректности прямых объектных дефиниций в анализе столь специфичных процессов, как социальные. Вместе с тем, как физик, хотел бы подчеркнуть полезность использования ряда методологических приемов, практикуемых, например, в физической теории, где также рассматриваются весьма сложные процессы. Как бы Вы отнеслись к предложению принять участие в инициации и реализации ряда проектов междисциплинарного типа?

Re: Re: Re: А. Пелин [05.04.02]

Не все то, что в теорию полезло, для практики полезно. Перспектива же — дельта между ожиданиями и реальным результатом. Видишь дельту — есть перспектива. Не видишь — увы. А в общем, я верю в то, что физика скоро будет тащить модели из социальных наук. Принять участие в инициации и реализации... Фраза ни к чему не обязывает. Поэтому — нет проблем.

4. Правомерно ли говорить об инновационной специфике стран? Если да, то в чем состоит инновационная специфика Украины, России, стран паневропейского ареала?

Секуляризация жизни — предпосылка социальных инноваций: А. Мартынов [18.01.02]

Инновационную специфику имеют не только страны, но и локальные цивилизации, банальный пример — США и Япония. Вообще, конфуцианско-буддистская цивилизация в XX в. нашла оптимальное соотношение между социальными инновациями и традициями. Львиная доля научных (и социальных) инноваций концентрируется в западном христианском ареале. Это тоже не случайно. Секуляризация жизни является предпосылкой для любых инноваций. В социальных системах, где пространство бытия осталось сакральным (ислам), инновации вводятся с большим сопротивлением от самого архетипического кода цивилизации. По моему мнению, инновационная компонента производства испытывается не так в условиях экономического роста, как во время кризисов. Если накопленного потенциала хватает для выхода на новые рубежи, значит, экономическая система страны имеет перспективу. Если нет — мы можем лишь посочувствовать себе.

Если допустить...: А. Пелин [27.01.02]

Если допустить, что инвестиционные преимущества этнических групп Закарпатья совпадают с инвестиционными и инновационными преимуществами их далеких соотечественников, то можно говорить о такой специфике: немцы в 1995 г. желали вкладывать инвестиции в образование, русины — в недвижимость и землю, румыны — в “быстрый бизнес” и торговлю, россияне — в оригинальные и рискованные проекты, цыгане — в банк под проценты. Других преимуществ не помню. Эту гипотезу можно легко проверить панелькой.

5. Что такое “социальные инновации”?

Что такое “социальной инновации”: С. Евстратов [05.04.02]

Всем участникам дискуссии. Глубокоуважаемые коллеги! Не кажется ли Вам, что в нашей дискуссии наступил важный момент, а именно представляется целесообразным осуществить все же экспликацию самого базового понятия нашей дискуссии: что же такое эти самые социальные инновации? Инновации, новое — все это сопряжено с тем или иным экспериментом. Выходит, что в нашем случае рассматривается проблематика: экспериментов в социуме? С социальными объектами-субъектами? С людьми? Каков этико-юридический базис этого экспериментирования? Так называемые “социальные инновации” последнего десятилетия принесли неисчислимы беды нашему народу. Последствия этих деструктивных процессов мы еще не в состоянии оценить в полной мере. Полагаю, что в научном сообществе должен, наконец, выработаться иммунитет к авантюрам, упакованным в “сциентистские обертки”...

Re: А. Пелин [06.04.02]

Сергей, я не знаю, как можно осуществить экспликацию понятия, но думаю, что эксплицировать (от лат. *explicatio* — развертывать, объяснять) удобнее поступки, деятельность, а не понятия. Понятие “социальные инновации” надо определить. Для этого необходимо предложить другое понятие, которое вместе с первым максимально покрывает весь континуум. Таким понятием может быть, например, “индивидуальные инновации”, т. к. социальное и индивидуальное — альтернативы, создающие сплошной массив (континуум). Между этими полюсами находятся особенности (границы), через указание которых можно эффективно задать понятие “социальные инновации”.

Значительно повысить эффективность определения можно при помощи другого варианта создания континуума. Альтернативой инновациям является адаптация. В отличие от дилеммы “социальное — индивидуальное”, дилемма “инновация — адаптация” даже более продуктивна. Так как “индивидуальная адаптация” — более естественный вариант деятельности, чем “социальная адаптация”, которая, в свою очередь, нравственнее, чем “индивидуальная инновация”, а та нравственнее “социальной инновации”, которая является крайней формой деятельности. Когда невозможна индивидуальная адаптация, возникает необходимость ее социальной формы, если и это невозможно, то приходит очередь индивидуальным инновациям. Наиболее яркий пример индивидуальных инноваций — предпринимательство. По мнению Зомбарта, Шумпетера и других “классиков” предпринимательства, больше всего предприимчивость распространена у мигрантов, для которых “чужбина пуста” и там есть условия для принудительной предприимчивости. Для некоторых и этой формы деятельности мало. Такие загнанные в угол человечки становятся “пророками в отечестве чужом” и т. д. Поэтому трудно сказать, что аморальнее — массовые эксперименты в форме массовых инноваций или причины, порождающие мигрантов и несчастных в своем же отечестве. Следовательно, социальные инновации — крайняя форма деятельности в условиях дискомфорта.

6. Можете ли Вы спрогнозировать возможные социальные инновации в Украине после последних (31 марта 2002 г.) парламентских выборов?

Каковы прогнозы социальных инноваций в Украине после состоявшихся 31 марта 2002 г. парламентских выборов? С. Евстратов [05.04.02]

Уважаемые коллеги! Несколько дней назад в Украине завершились очередные выборы. По мнению П. Симоненко, их результаты могут катализировать новые деструктивные процессы в обществе, вызвать центробежные тенденции. Некоторые из них, наверняка, будут преподнесены в жанре социальных инноваций. Можно ли уже сейчас составить некоторые прогнозы?

Как научить общество считаться с настоящими социальными инновациями независимо от того, нравятся они или не нравятся? А. Пелин [06.04.02]

Деструктивные процессы уже идут, и П. Симоненко — активный участник этих процессов. Их база — противостояние безнадежного протеста, идущего от “электората блока В. Ющенко” и активного протеста со стороны “электората КПУ и СПУ”. Первые, согласно моим исследованиям в Закарпатье, — черно-желтые, а вторые — красно-черные. Между этими двумя группами “протестантов” существует дружеский сине-фиолетовый электорат “За ЕДУ!” и фиолетово-красный “электорат СДПУ(о)”.

Для тех, кто использует цвет в социологических исследованиях, эта картина не нуждается в интерпретации. Если бы не сине-фиолетовые, то деструктивным процессам не понадобился никаких катализаторов. Так что самая мощная социальная инновация — интеграция дружелюбного синего и фиолетового (сине-красного) электоратов вокруг скороспешно созданного блока “За ЕдУ!” и СДПУ(о). Эта инновация — ответ на вызов, брошенный “нашистами” коммунистам. Возможно, что инновация не самая удачная, но рожденная от законных “папы” и “мамы”. Самое грустное, что “родители” не хотят признавать свое “дитя” и стремятся его съесть, подобно Хроносу. Как научить общество считаться с действительными социальными инновациями, независимо от того, нравятся они или не нравятся?

Re: Снейк [03.05.02]

Уважаемый Александр, мне кажется, Вы затрагиваете только один аспект проблемы поствыборной ситуации. Вы рассматриваете “синий” электорат как положительный исключительно по формальному признаку: мол, если не “протест”, значит, хорошо, значит, “инновация” (термин, который к концу дискуссии перерос в некую иконку положительности, однозначный “плюс”). Видимо, невольно, но Вы повторяете логику “заедущей” агитации. К тому же, мне кажется, нет полных оснований использовать термины “деструктивные процессы” и “действительные инновации” в качестве абсолютно однозначных. Может, это будет выглядеть с моей стороны излишним релятивизмом, однако эти понятия имеют (по крайней мере, в контексте Ваших сообщений) слишком идеологический подтекст.

Re: Re: А. Пелин [08.05.02]

Уважаемый Снейк, Вы правы: я затронул только один момент поствыборной тематики. Но я не Мольер, создающий из реальной жизни однозначно понимаемые схемы персонажей, не режиссер Голливуда, одевающий хороших ребят в белую шляпу, а плохих — в черную. Если Вам показалось, что я идеализирую “синий” электорат, то это вполне приемлемо сформулированное недоразумение. Один из моих ужгородских коллег заявил, что я “продался заедистам”. На самом деле это далеко не так. Электорат блока “За ЕдУ!” не “синий”, а “сине-серый”. Сочетание синего цвета с серым означает не просто дружелюбие, а достаточно безответственное дружелюбие. Более безответственным является только электорат блока “Единство” — “серо-синий”.

Более пассивного электората, чем у “заедистов”, не найти (красный цвет на последней позиции). И много еще чего со знаком “минус” можно найти в этой инновации. Однако у нее есть такой “плюс”, который превращает тривиальную “заедущую” агитацию в идеологию сопротивления в интеллектуальной войне. Фрагменты интеллектуальной войны, концепцию которой разработали Тоффлер и Пауэр, активно проявляются после не очень удачной “Бури в пустыне” не только в Украине, но и во Франции, Голландии и Великобритании. Украинская инновация в форме “заедущего” буфера между Сциллой и Харибдой правых и левых имеет больше плюсов, чем “убийственная инновация” в Нидерландах (убийство Пима Фортейна). Сопротивление по-французски (конфликтотенному Ле Пену) кажется более удачным, чем украинское. Однако при более глубоком анализе “украинская защита” от интеллектуальной атаки более эффективна. Надеюсь, теперь более понятно, что я имел в виду, употребляя такие выражения, как “деструктивные процессы” и “действительные инновации”. Деструктивные процессы имеют место, но есть и продуктивные инновации сопротивления им.

3. Новые религии: наступление новации или консерватизм традиций

Период: 3 апреля — 7 мая 2002 г.

Участников: 10

Сообщений: 28

Постановка проблемы

В статье “Обзор циклических концепций социально-исторического прогресса”, опубликованной в 1927 г. в американском научном журнале *Social forces*, П. Сорокин обратил внимание читателя на циклический характер политических и религиозных изменений. Такую же мысль отстаивал в своей теории Т. Кампанелла, который писал: “Религии и секты (в своих изменениях) имеют специальный цикл. Как республики, которые пришли на смену монархиям, через стадию тирании или аристократии, или олигархии, или политеи, или демократии, или другими способами снова сменяются монархиями, так и религия, дезорганизованная со стороны ереси, заменяется атеизмом, который после многих несчастий снова приводит к возрождению религии”.

Итак, как подчеркивает, ссылаясь на мнение Дж. Вико, П. Сорокин: в истории религий наблюдается циклическое движение. Начинаясь из единства (папства или теократии), оно проходит различные стадии или формы — от ереси к атеизму, а потом снова приходит к единству. Эти три стадии (теократия, ересь и атеизм) повторяются в истории язычества, мусульманства и христианства (см.: Социс. — 1998. — № 12. — С. 6–7).

Вопросы

- 1. Если “новое — это хорошо забытое старое”, то в чем суть понятия “новые религии”?*
- 2. Правомерно ли, по Вашему мнению, относить к новым религиям саентологию, стоунхедж и прочие?*
- 3. Какие факторы являются причиной появления новых религий?*
- 4. В чем конкретно проявляют себя новые религии? Можно ли определить господствующие тенденции и перспективы?*
- 5. Есть ли, по Вашему мнению, основы для зарождения сегодня новой мировой религии?*

Рекомендованная литература

1. *Афонін Е. А., Мартинов А. Ю.* Архетипи світових релігій в умовах глобалізації // Віче. — 2002. — № 3. — С. 70–74.
2. *Грабовець О. В.* Християнство в соціосинергетичному контексті // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства: Збірник наукових праць. — Харків, 2001. — С. 113–118.
3. *Кабанес О., Насс Л.* Бог и революция // *Фулье А.* Психология французского народа / *Фулье А., Кabanес О. и Насс Л.* Революционный невроз. — М., 1998. — (Б-ка социальной психологии). — Отд. 7. — Гл. 1. — С. 519–534.
4. “Националізація” церкви: украдені перемоги // *Грищенко О. А.* “Своя мудрість”: Національні міфології та “громадянська релігія” в Україні. — К., 1998. — С. 76–79.
5. *Рязанова Л.* Релігійний ренесанс: спроба соціологічної діагностики // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2001. — № 4. — С. 114–125.

Дискуссия

1. Если “новое — это хорошо забытое старое”, то в чем суть понятия “новые религии”?

Новые религии: *Natalya* [03.04.02]

Новые религии — новые технологии погружения наподобие саентологии Хаббарда.

Re: *Людмила* [03.04.02]

“Новые религии” — понятие, которое операционализирует комплекс новейших явлений в религиозной жизни человечества. Поскольку последние — постоянный фермент человеческого развития, то “новым” можно назвать все то, что отрицает старое, традиционное. В свое время “новой” религией стал буддизм (на фоне брахманизма), христианство (по сравнению с иудаизмом), протестантизм (отрицая католицизм) и т. п. В современном понимании “новые религии” — это религиозные феномены, которые возникли в середине XX в. Они не имеют локальной ограниченности, национальных границ. Они — всемирное явление. Но эти религии “новые” не только по временным характеристикам, они несут в себе черты нового миропонимания.

Старое и новое: *Дмитрий* [03.04.02]

На мой взгляд, можно выделить три разновидности новых религий: 1) религии, старые по своей сути, но новые в конкретных культурных условиях (для Украины, например, это буддизм, индуизм), те, которые, будучи вырванными из историко-культурного контекста, оказались “новыми” для иного контекста; 2) религии, декларирующие возврат к старым ценностям и/или по-новому интерпретирующие традиционные догматы (для них подходит богословский термин “ереси”); 3) действительно новые религии, лидеры которых (впрочем, зачастую апеллируя к традиции) создают новые догматы, культ, всевозможные “священные” писания. Именно благодаря последним мы и обязаны всплеску нетрадиционной религиозности и повышенному вниманию к себе. Волна новой религиозности (впрочем, следует, вероятно, рассматривать три волны, к которым иногда добавляют учение Рерихов и теософию Е. Блаватской (см., например: *Балагушкин Е. Г.* Нетрадиционные религии в современной России. — М., 1999), зародившаяся после Второй мировой войны в Японии, в 1970-х гг. распространилась в США и Западной Европе, и в 1990-х гг. докатилась до стран социалистического лагеря.

2. Правомерно ли, по Вашему мнению, относить к новым религиям саентологию, стоунхедж и прочие?

Саентология: *Natalya* [03.04.02]

Саентология — это новая секта и пример того, как можно управлять поведением людей, способных во что-либо верить.

Что такое религия: *Олег* [06.04.02]

Ответить на этот вопрос невозможно без обращения к понятию “религия” вообще. На мой взгляд, саентологию нельзя считать религией, поскольку в ней отсутствует религиозный культ. Да, есть ряд действий, выполняемых последователями Хаббарда, которые можно было бы с натяжкой отнести к обрядовым, но они имеют рациональный (по крайней мере, с их собственной точки зрения) характер. Относя саентологию к религии, мы рискуем отнести к этому социальному феномену и ряд других идеологических систем, таковыми не являющимися (коммунизм, например, в том виде, в котором он существовал в СССР).

3. Какие факторы являются причиной появления новых религий?

Факторы: *Natalya* [03.04.02]

Основной фактор — ценностный вакуум.

Re: *Александр Пелин* [03.04.02]

Если под вакуумом понимается отсутствие, то возникает вопрос: “Как возможно отсутствие ценностей?”. На мой взгляд, вера — точка отсчета для построения социальной аксиоматики. Таким образом, новые религии — попытки построения новой социальной аксиоматики. Остается ответить на вопрос: “Зачем и кому это нужно?”

Re: Re: *Сергей Евстратов* [16.04.02]

Нельзя не согласиться, что в современных условиях действительно у религий все больше социально ориентированных (все больше “вещных”) функций. Субъект веры все более превращается в объект, символы веры — в ритуалы.

Перспективы поклонения Америке — ох, не беспочвенны. Первые шаги уже сделаны, причем, что досадно, у нас, в постсоветском пространстве, — пока еще языческое, смущенное, но все более стремящееся к монотеизму поклонение “его величеству доллару”. Созданы целые институты этого поклонения. Вот вам — новая религия и новая социальная аксиоматика: а не придумать ли нам рынок, рыночную экономику и т. п.? Придумали, причем на базе мифов в чистом виде, от реалий оторванных.

Зададимся вопросом (на примере дискуссий вокруг ислама, вакхабизма и т. д.): а не является ли в данном случае маркирующий значок ислама всего лишь неким “лейблом”, за которым скрывается совершенно иная (чуждая и исламу, и христианству, и всем иным мировым традиционным конструктивным религиям), совершенно новая форма инфернальной рефлексии новых форм антропогенеза, складывающихся потихоньку, но очень заметно, но неотвратимо?

Давайте проведем мысленный эксперимент и попробуем подумать о том, как бы складывались религиозные формы, архетипы, ритуалы в условиях, скажем так “голубой цивилизации”, о возможности развития которой говорят уже многие психологи, биологи, социологи. Наверное, это была бы вполне антропоморфная, но очень причудливая религия... Что-то такое же странное происходит и с долларопоклонничеством. Вот так и выстраиваются, видимо, новые социальные аксиоматики, о которых пишет Александр...

Re: Re: Re: *Олег* [17.04.02]

Уважаемый Сергей! Хотелось бы Вас предостеречь от опасности расширительного толкования религии. В социологии религии сложилось два подхода определения религии: субстанциональный и функциональный. Как раз для функционального (восходящего к социологии Дюркгейма) характерно отнесение к религии всего, что выполняет соответствующие функции. Но мне кажется, что Вы шагнули еще дальше и сбились скорее на публицистический стиль, чем на научный.

Re: Re: Re: Re: *С. Евстратов* [17.04.02]

Олег, Вы правы, эмоционально-публицистическая стилистика — не более, чем рефлексия естествознания по существенно междисциплинарной проблематике. Но не могу “отвязаться” от желания заметить, что, как мне кажется, намечается спиральный возврат к политеизму, т. е. своеобразный “ренессанс” языческих форм поклонения. Именно это хотелось мне подспудно сформулировать в предыдущем послании. Видимо, я плохо информирован, но мне кажется, что процесс современного

“религиогенеза” под этим углом зрения рассматривается редко. Как Вы относитесь к лозунгу: через “неоязычество” к новым формам религий? В “неоязычестве” (на примере долларопоклонничества) заметным может оказаться весьма значительное “суб-станционально-функциональное” слияние. А классификационные схемы и алгоритмы, особенно ввиду развития “виртуалки”, могут быть существенно изменены. Религия — форма рефлексии? Или особое состояние антропоморфного социума? Или институт? Хорошо бы договориться о терминах и рассмотреть все последовательно.

Re: Re: Re: Re: Re: Re: *Олег* [18.04.02]

Вы совершенно правы, для ведения предметной дискуссии необходимо договориться о терминах. У меня есть что Вам возразить, но перед этим хотелось бы узнать, что именно Вы подразумеваете под “долларопоклонничеством”.

Re: Re: Re: Re: Re: Re: Re: *С. Евстратов* [18.04.02]

Попробую следующую “экспресс-дефиницию” (легкий жанр). Долларопоклонничество — специфический культ, который в силу значительной социальной обусловленности начинает становиться духовной системой, т. е. обладает признаками религии.

Re: Re: Re: Re: Re: Re: Re: Re: *Олег* [19.04.02]

Сущностные характеристики “специфического культа” все равно не ясны. Попытаемся уточнить: любая религиозная система включает как минимум два основных элемента: вера в сверхъестественное в том или ином виде и совокупность обрядовых действий (культ), основанных на вере в это сверхъестественное. Не могли бы описать эти элементы в долларопоклонничестве?

Влез в чужой разговор: *А. Пелин* [20.04.02]

Вера в сверхъестественное: “за ваши деньги — любые услуги”, совокупность обрядовых действий (культ): от простого смачного пересчитывания до изображения долларов на футболках.

Re: *Олег* [23.04.02]

Даже и не знаю, как рассматривать Ваше сообщение. Это шутка? Долларов на футболках давно уже нет. Раньше они были, но не как объект поклонения, а как символ совсем другой жизни, своего рода ярлык, свидетельствующий об определенном мировоззрении. А пересчитывание долларов... Даже и не смешно.

Re: Re: *Снейк* [03.05.02]

“Символ совсем другой жизни” прекрасно коррелирует с “объектом для поклонения”. Собственно, если (условно говоря, чтобы не возникало желания привязываться к терминам и ссылаться на Дюркгейма, который и сам не без греха, даже в терминологии, а особенно в определении проблематики: интерпретировал же он предмет своего “социологизма” практически полностью на основе социальной психологии, которую так недолюбливал) рассмотреть святого в качестве объекта поклонения, то ему поклоняются как субъекту “совсем другой жизни”, а его “мощам” — как тому самому символу той самой жизни. Мне кажется, Вы пытаетесь усложнить понимание даже тех обрядов, которые могут сводиться к “пересчитыванию долларов”.

Дело, по-моему, не совсем в этом. Мы говорим “новая” применительно к религии, не задумываясь над тем, насколько справедлива вообще такая постановка вопроса. Если “новая” — то еще не совсем религия, потому что, наблюдая ее в процессе становления, мы невольно сравниваем ее с уже устоявшимися, и отказываем ей в полноценности — более даже по количественным признакам.

Добавлю еще отзыв на начальные сообщения дискуссии. На мой взгляд, “кому и зачем это нужно” — более чем удачная постановка вопроса. Однако она начисто отсекает нас от людей, которые рассматривают религию как нечто, действительно имеющее несконструированный объект поклонения. Не могу сказать, что меня это расстраивает, но это сужает границы дискуссии, поскольку если допустить саму правомерность такого вопроса, то происходит перевод обсуждения в совершенно иной дискурс, рассматривающий дискурс религии вообще как сконструированный и в каком-то смысле являющийся искажением реальности. Истинно верующие могут с этим, хм... не согласиться.

NMR: Людмила [03.04.02]

Причин много. Но главная, по моему мнению, — кардинальное изменение статуса человека в мире и характер осмысления этих изменений. Человечество переживает период антропологической революции, стремясь справиться с ее отрицательными последствиями и путем создания (возникновения) НТР. В результате стремительной секуляризации общества утрачена таинственность и сакральность, ценность и значение жизни самого человека — венца Божьего творения. Новые религии — это попытка восстановления святого в человеке, один из вариантов, не всегда удачный.

4. В чем конкретно проявляют себя новые религии? Можно ли определить господствующие тенденции и перспективы?

NRM: Людмила [03.04.02]

Вопрос сформулирован недостаточно понятно. Если имеется в виду, что нового несут с собой новые религии, то это — одно дело, а если, в каких сферах общественной жизни новые религии представлены и что именно они там модернизируют — другое. В первом случае: новое понимание Бога, человека, характера их связи, цели и смысла человеческого существования, норм сожителства и т. д. Относительно другого — новые религии, появившись как форма индивидуального поиска духовности, в конце концов, для верующего становятся комфортной средой проживания, заменяют собою неблагоприятное, кризисное, противоречивое и конфликтное общество. Сегодня новые религии — это и семья, и государство, и собес, и образование, и служба психологической поддержки, и банк, и...

Re: Олег [06.04.02]

Вопрос нужно конкретизировать для разных стран: на Западе феномен новых религий совсем не тот, что в Украине или России, поэтому тенденции различны.

5. Есть ли, по Вашему мнению, основы для зарождения сегодня новой мировой религии?

NRM: Людмила [03.04.02]

Основы — есть, а вот условия — отсутствуют.

Нужно над этим работать!: Ruslan [03.04.02]

По моим данным, до 2015 г. человечество вступит в новую фазу развития. Между сегодняшним и будущим может состояться перелом сознания, который проявится неожиданно. Хотя сейчас условий нет, но новая мировая религия в скором времени проявится!

Re: Эдуард Афонин [04.04.02]

Руслан! Вы затронули, как мне кажется, чрезвычайно важный аспект — внешние условия (социальное), влияя на сознание (психологическое), проявляют себя

в виде многочисленных социальных инноваций. В работе “Машина, творящая богов” французский социолог С. Московичи, поставив в фокус дискуссии вопрос взаимосвязи между социальным и психическим, утверждает об усилении в постиндустриальных обществах психологического фактора, который становится определяющим. Соответственно в постиндустриальном обществе усиливается роль как сознания отдельного человека, так и общественного сознания в целом. Другими словами, речь идет о возрастании влияния креативного или инновационного компонента, который, собственно, и вызывает широкомасштабные общественные изменения, в том числе и в лоне религиозной жизни.

Как возможна мировая религия в постиндустриальном обществе? А. Пелин [06.04.02]

Может, я что-то неадекватно понимаю в перспективах постиндустриального общества, но в условиях постиндустриального развала корпоративности, сокращения объема централизованной информации, мира электронных особняков, нуклеарной семьи и т. д. мировая религия в классическом понимании невозможна. Если что-то и можно будет назвать мировой религией, то это явление будет лишено всех традиционных атрибутов религии (ритуалов, культовых сооружений и т. д.). Но в таком случае мировой религией можно считать любой универсальный набор социальных аксиом.

Re: Олег [17.04.02]

Александр! Не будете ли вы столь любезны объяснить, что вы понимаете под понятием “социальная аксиома”? Для Вас, как я понимаю, этот термин очень важен, а мне, хоть и социологу, абсолютно непонятен.

Универсальный набор социальных аксиом: А. Пелин [19.04.02]

Об этом я собираюсь писать толстые и скучные книги, если, конечно, Сергей Евстратов поможет. Неплохо бы обсудить этот вопрос и на отдельном форуме. В двух словах. Термин “социальные аксиомы” действительно более понятен философам, чем социологам. Аристотель, например, ближе к социальной аксиоматике, чем Дюркгейм. В отличие от Евклида, Аристотель сделал шаг в сторону социальной аксиоматики при помощи своих дедуктивных силлогизмов. По Аристотелю, аксиоматичны все суждения с квантором общности: “все люди смертны”, “всегда мудрый Сократ” и т. д. Таким образом, любое всеобщее или категоричное суждение аксиоматично. Вопрос в том, в каких случаях используются такие суждения — вопрос построения социальной аксиоматики слишком огромен для такой формы общения, как форум.

Просто моя мысль: Marinchello [05.04.02]

В связи с событиями 11 сентября я могу предположить два исхода: в течение 10–20 лет большинство людей мира будут поклоняться либо Аллаху, либо Америке. Я не настаиваю на том, что это единственно возможный вариант, но, тем не менее, хотел бы заметить: говоря о становлении новой мировой религии, мы должны учитывать не только культурные и психологические, но и политические факторы.

Новая мировая религия?! Олег [06.04.02]

На сегодняшний день существует три мировых религии: буддизм, христианство, ислам. Все они прошли очень долгий и непростой путь к их современному состоянию. И мировыми мы их называем только потому, что можем наблюдать их в исторической перспективе. Сделать то же самое с “новыми” религиями мы не имеем возможности, и, по-моему, говорить о появлении новой мировой религии бессмысленно.

Новая Мировая Религия существует: С. Евстратов [07.05.02]

Новая Мировая Религия существует уже с 1844 г. Ее название — Вера Бахаи. Она постепенно разворачивается перед человечеством. Ее основные принципы — единство Бога, единство религий, единство человечества. Уже сейчас общины Бахаи всего мира могут служить примером успешного развития современного общества.

4. Европейский выбор Украины

Период: 9 мая — 17 июля 2002 г.

Участников: 17

Сообщений: 107

Постановка проблемы

9 мая — День Европы. Отмечая этот день, Атлантический совет Украины начинает на форуме профессора Афонина очередную дискуссию, которая состоится в рамках темы “Европейский выбор Украины”.

...Недавно в Украине состоялись парламентские выборы, которые стали очередным испытанием политической системы на пути к демократии, к европейской системе ценностей. По мнению многих экспертов, нынешний состав парламента наиболее “роевропейский”. Сегодня и власть, и оппозиция декларируют практически единый курс Украины на европейскую интеграцию. Можно ожидать, что очередное послание Президента Украины новому составу парламента будет посвящено реализации Украиной ее европейского выбора.

И все же в целом будто бы общая позиция политиков относительно европейского выбора Украины имеет различные мотивацию и содержательное наполнение и поэтому стимулирует продолжение дискуссии о векторах интеграции Украины.

Вопросы

1. Можете ли Вы назвать наиболее заметные шаги, трудности и перспективы Украины на пути к европейской интеграции?

2. В какой мере европейский внешнеполитический выбор Украины согласовывается с ее внутренней политикой?

3. Сказываются ли (и как именно) на евроинтеграционном пути Украины российский и американский факторы?

4. Какими Вы видите содержание и будущее лозунга “В Европу вместе с Россией”?

5. Является ли евроатлантическая интеграция (вступление в НАТО) обязательным элементом европейской интеграции (вступление в ЕС)?

6. Каковы, на Ваш взгляд, евроатлантические мотивы Украины? Чего в них больше: “чувства европейской идентичности” или “геополитических притязаний Украины”?

7. Каким Вам видится украинский образ посттрансформационной Европы?

Рекомендованная литература

1. Деркач А. Европейский выбор Украины // Зеркало недели. — 2002. — 27 апр.–11 мая. — С. 4.
2. Быстрицкий Е. Для вхождения Украины в Европу нужны реальные изменения внутри самой страны // День. — 1999. — 10 декабря. — С. 18.

3. Афонін Е. А., Мартинов А. Ю. Об'єднана Європа: соціокультурні кордони // Методологія, теорія та практика соціологічного аналізу сучасного суспільства. Збірка наукових праць учасників 7-ї Міжнародній науково-методичній конференції “Харківські соціологічні читання 2001”. — Х., 2001. — С. 332–337.

4. Коваленко А. Україна: тупик в кінці євротоннеля // Зеркало недели. — 2002. — 5–18 январа. — С. 5.

5. Сценарій для України [інтерв'ю з известним політологом З. Бжезинским, коментарии и оценки українських експертів] // День. — 2001. — 24 февраль. — С. 4.

6. Шпек Р. О проблемах зрения и ориентировки на местности // Зеркало недели. — 2002. — 26 январь – 1 февраль. — С. 1, 5.

7. Послание Президента Украины к Верховной Раде Украины. Европейский выбор: Концептуальные основы стратегии экономического и социального развития Украины на 2002–2011 годы. — К., 2002. — 74 с.

Дискуссия

1. Можете ли Вы назвать наиболее заметные шаги, трудности и перспективы Украины на пути к европейской интеграции?

Первым шагом Украины стала, увы, декларация европейского выбора:
Александр Пелин, Ужгород [15.05.02]

Тот, кто может сделать шаг, — делает его. Тот, кто не может или не хочет сделать шаг, — декларирует намерение его сделать. Тот, кто не может не только сделать шаг, но и декларировать его, — обречен на размышление о нем. Это так же справедливо, как триединство Бога-отца, Бога-сына и Святого духа. Судьба сына всем хорошо известна. Судьба Украины тоже достаточно хорошо просматривается. Способны ли мы изменить эту судьбу? — так я поставил бы главный вопрос этого форума. Что для этого необходимо? Поменять привычную для нас ипостась вечно вторых говорунов.

Интеграция — процесс, происходящий между равными. Неравный брак не дает интеграции, а только унижительную адаптацию. Для условного выравнивания с цивилизованной Европой, по мнению Т. Шанина, мы должны преодолеть культурное сопротивление, которое постоянно оказываем атлантической цивилизации и науке. Как кельты, разрушавшие римские дороги, мы защищаем себя при помощи последней баррикады — нашей культуры от неминуемого поражения со стороны западных технологий. Способны ли мы, подобно японцам, на освоение более точных технологий? Не мешает ли этому наша славянская душа? Способны ли мы осознать свои интересы?

Самый трудный и самый важный шаг в сторону западной цивилизации — научиться отличать прихоти от потребностей. Если это удастся сделать нашей элите, значит, у нас есть шанс научиться подчинять свои потребности корпоративным интересам, видеть процессы, происходящие вокруг нас, и изящно маневрировать вокруг непоколебимых ценностей, не разрушая их. Пока этого нет, вместо интеграции мы имеем декларацию об интеграции, за которую если и не распинают, то сильно наказывают.

А. Деркач прав, евразийцы действуют, и Украина в их союзе со второй позиции в ближайшее время может сползти на третью-четвертую. Современная же Европа строит не привычный европейский дом, а европейскую крепость. В старом европейском доме славяне, по меньшей мере, выполняли роль внешних антов (пилястров). Какую роль отводят восточным славянам в новой европейской крепости современные европейские архитекторы? З. Бжезинский не в счет. Украина в качестве черной фи-

гуры на великой шахматной доске — это издевательство. Так какая же роль отводится Украине в европейском сценарии?

Re: Эдуард Афонин, Киев [20.05.02]

Думаю, Александр, Вы согласитесь, что о роли Украины в европейском сценарии могут сказать только европейцы. Однако Украина как территориально европейское государство объективно находится в зоне политических интересов европейского сообщества, осознающего в своем большинстве неизбежность трансформации европейских институтов, в том числе “расширения ЕС на восток”. Украина, попадая в зону этих интересов, вправе принимать или не принимать предлагаемые перспективы. В любом случае эти решения в европейском (опирающемся на жестко реалистичную политику) сообществе будут оцениваться лишь с позиций последовательности и реализма. А вот здесь, на мой взгляд, и кроется тот камень преткновения, который не дает двинуться Украине и ЕС навстречу друг другу.

С одной стороны, Украина приняла в 1996 г. вполне современную (европейскую) конституцию, две трети статей которой ориентированы на защиту прав человека. Хотя и медленно, но она продвигается в направлении создания современной бюджетной системы, финансовых и других социальных институтов, укрепления основ местного самоуправления, реформирования избирательной системы и т. д. С другой стороны, нынешняя политическая элита Украины, находясь во власти социокультурной специфики страны и продолжающегося общесистемного кризиса, все еще “мечется” в привычно “бинарном” мировоззренческом диапазоне, не находя истинного смысла и духа формулы поведения, отражающей подлинную сущность европейской (не отбрасывающей национальный интерес) системы внутринациональных и международных отношений.

Складывающаяся на сегодняшний день ситуация в Украине равносильна принятию нового установления (закона), соблюдая букву которого политическая элита готова в угоду (узкокорыстной) целесообразности вплоть до противоположного изменить его суть и дух. Это напоминает ситуацию, когда новым средством (телевизором, компьютером и т. п.) по привычке “забивают гвозди”. Мне представляется, что это один из ведущих критериев, по которому европейцы, собственно, и оценивают готовность стран к участию в делах сообщества. Конечно же, важны при этом и реальные достижения в области институциональных изменений, которые, понятно, требуют значительных материальных и временных затрат. Не думаю, что Украина в этом контексте уступает странам — реальным кандидатам на вступление в ЕС.

Re: Re: А. Пелин [27.05.02]

Конечно, соглашусь: о роли Украины в европейском сценарии могут сказать только европейские режиссеры. Они — доминирующее начало, т. к. мы больше заинтересованы в сокращении дистанции, чем они. Мечты нашей элиты могут вообще не приниматься во внимание европейскими режиссерами только по той причине, что это мечты. Перейти на уровень двустороннего диалога можно только при обсуждении реальных потребностей конкретных европейских стран и Украины. Мечты от потребностей отделяются опасениями. Чего опасаются европейские сценаристы, а чего — наша элита?

Украина и Европа: Сергей Евстратов, Санкт-Петербург [24.05.02]

В чем суть проблемы? Украина — естественная и весьма немалая часть Европы. Нет Европы без Украины. Видимо, речь идет все же о выстраивании отношений

Россия, Украина — Западная Европа. В поле традиционной дифференциации. Зачем мы нужны Западной Европе? Как источник сырья, евроазиатский буфер, а также “пугало”. Что нам интересно в Европе? Экзотика сервиса и технологий.

В 1902 г. также были идеи Соединенных Штатов Европы, Лиги наций, родственники Вилли и Ники мило переписывались, все ездили на воды в Баден-Баден. А потом случились две страшнейшие войны и куча революций, в которых больше всего досталось России и Украине. В Западной Европе действительно существует культ двойных стандартов, а это весьма опасно для нас... Европу не надо копировать, нужно объединяться всем странам СНГ в новый союз и дружить с Европой “семьями”.

Re: А. Пелин [27.05.02]

Я думаю, что такая постановка проблемы: 1) слишком абстрактна; 2) результат нашего домысливания за европейцев. Если мы исходим из постулата, что Украина — естественная и весьма немалая часть Европы, то проблемы вообще никакой нет. То, что нет Европы без Украины — иллюзия, в которую нам хотелось бы верить. Я не уверен, что европейцы действительно так думают. Выстраивание отношений Россия, Украина — Западная Европа, действительно, серьезная вещь, потому что они не на шутку затрагивают интересы (опасения) не только европейцев, но и США.

Зачем мы нужны Западной Европе? Это вопрос к европейцам. Но, скорее всего, как евроазиатский буфер. Только бы не в качестве рва с водой перед европейской крепостью. На роль “пугала” мы просто не тянем. Что нам интересно в Европе? Кому что. Но в целом — более высокий уровень комфорта. Мы не задумываемся над тем, какой ценой оплачивается этот комфорт, что такое деятельность на основе западного аскетизма. Насколько созерцательный украинец, живущий на плодородных черноземах, способен быть по-западному аскетичным?

В Западной Европе могут существовать двойные стандарты по отношению к таким партнерам, как Украина или страны северной Африки. Кстати, мои французские друзья несколько дней пытались услышать это от меня, но так ничего и не услышав, видимо, не видят особого различия между потомками белых антов и североафриканских караантов (черных антов). Но культура двойных стандартов по отношению к достойным партнерам у европейцев точно нет. Копировать не стоит не только Европу, но и соседа по дачному участку. Жить своим умом и чужими чувствами, но не наоборот.

По поводу дружбы семьями — это особая тема, особый тип политики. Пока ясно только одно: Нашей “семьи” европейцы сильно опасаются. Можно ли это вообще назвать дружбой?

Re: Елена Рябоконе, Херсон, Атлантический совет Украины (АСУ) [13.06.02]

Уважаемый Александр! Мне кажется, что Ваша идея “объединения СНГ” нежизнеспособна. Раз уже попробовали. И, пользуясь Вашей же метафорой, сценарий пишем из рук вон плохо, да и играть не умеем. Каждый хочет роль первого плана. Как же такая разношерстная труппа будет дружить с Европой? Это будет Лебедь, Рак и Щука: в товарищах согласия нет и не предвидится. У Украины намного больше шансов интегрироваться самостоятельно. Согласны?

Re: Re: Годына Варвара, АСУ, ХГТУ [14.06.02]

В Европе уже узнали об Украине, хотя и не совсем то, что следовало бы. Теперь следует показать другую сторону монеты и попробовать подружиться в ответ. А то кто же будет приглашать страну в престижный клуб, если она того не хочет?

Милым женщинам, Елене и Варваре: А. Пелин [17.06.02]

Один из украинских политиков, не помню кто, очень точно выразился: “Восток мыслит пространством, а Запад — временем”. Согласно этой формуле все суждения типа: “в Европу с Россией или без нее”, “Украина с Кучмой или без него” — находятся в лоне глубоко восточного мышления. Эта парадигма близка женской половине человечества и, к сожалению, большинству восточноевропейских политиков. Западный тип мышления исходит из совершенно другой парадигмы. Типичное рассуждение в рамках этой динамической парадигмы, например, можно найти у Э. Дюркгейма.

Частота и интенсивность контактов — индикатор для оценок западенского типа. Мне, очутившемуся в самом центре Европы, это доводится ощущать не только при помощи социологического инструментария, но и просто кожей. Согласно этнологическим исследованиям в Закарпатье, стало ясно, что по уровню динамики украинцы и русские почти в два раза уступают немцам. Несколько меньше разница с венграми, словаками и румынами. Думаю, что из физики вы помните, что такое интерференция и дифракция волн разной частоты. Так вот, продукт такого “наложения” волн разной частоты присутствует у нас в Закарпатье — русины. Динамика русинов в 12 раз ниже немецкой и в 5 раз — общеукраинской. Так что не Лебедь, Рак и Щука, а стагнация может стать результатом интеграции, воспринимаемой по-восточному. Думаю, что попробовать по-восточному — мало. Надо попытаться понять то, что попробовали по-западному.

Проблема в чем...: Игорь Бабюк [27.05.2002]

По моему мнению, главной проблемой, препятствием для продвижения Украины на пути европейской интеграции является отсутствие четкой внешнеполитической позиции. Я согласен с тем, что сегодня через определенные внутривнутриполитические причины Украина придерживается так называемого многовекторного характера во внешней политике. Я ничего страшного в этом не вижу. Проблема в другом — ни один из этих так называемых векторов не является постоянным. То появляется заявление, что Украина идет в Европейский Союз вместе со “старшим братом”, то сообщают о создании похожего Восточноевропейского союза, то говорят о равноправном сотрудничестве на основе двусторонних договоров и не больше... Таким образом, сегодня можно говорить о намерениях, которые еще, к сожалению, не сформированы в какую-либо четкую внешнеполитическую концепцию. Это обусловлено территорией, историей украинского народа и множеством других факторов.

Re: Эдуард Тиханский, Херсон, АСУ [10.06.02]

По-моему, основным фактором интеграции в Европу является не экономический и не политический, а социальный. Общество должно быть готово к этому и, прежде всего, активное в социальном плане общество. Иначе Украина и ее народ не смогут развиваться в новом сообществе с другими “правилами игры”. Я считаю, что необходимо для начала определить психологический настрой украинского общества, а уж потом, в зависимости от этого настроя, определять внешнюю политику и курс реформ в различных сферах жизни общества и государства.

Проблема, позиция и интерес с точки зрения медиатора: А. Пелин [04.06.02]

С точки зрения медиатора наличие позиции не означает обязательного ее сочетания с интересом. Если две разные позиции сочетаются с одним общим интересом, то это недоразумение легко лечится специальной технологией. Если на разных

интересах существует две позиции, это — признак истинной суверенности. Проблема возникает тогда, когда субъекты занимают одну позицию при разных интересах — нонсенс или результат умелой манипуляции. Мне кажется, что Украина сейчас в этом, третьем состоянии.

Re: И. Бабюк [07.06.02]

Александр, мне кажется, что проблема в том и состоит: Украина имеет свой интерес, но ее позиция во внешней политике совсем не отвечает этому интересу. То есть так называемая “многовекторная политика” — это интерес больших государств, которые имеют значительное влияние на украинскую внешнеполитическую деятельность.

Re: Re: А. Пелин [12.06.02]

Игорь, я готов согласиться с тем, что Украина имеет свой особенный интерес, но ее позиция во внешнем мире не отвечает этому интересу, что неопределенная “многовекторная” внешняя политика больше выгодна не Украине, а другим странам. Но из этого следует только один логический вывод: Украина слишком слаба для самостоятельной внешней политики. Что Вы думаете по этому поводу?

Необходима ли интеграция Украины в Европейский Союз? Павел Крупица, Херсон, АСУ [28.05.02]

Это очень важный вопрос для жителей Украины, потому что уже пришло время определяться с будущим нашего с Вами родного государства. Идти нам путем развития стран Европейского Союза (ЕС) или путем “братских” государств, недавно получивших независимость? Я считаю, что нам необходима интеграция в ЕС.

Кто-то спросит: а что она дает, эта интеграция? Мой ответ будет таким: во-первых, мы будем иметь законодательство мирового стандарта, чего нам остро недостает сегодня; во-вторых, экономический уровень населения возрастет за счет возможности создания предприятий всех уровней бизнеса как с украинскими, так и с иностранными инвестициями; в-третьих, появится возможность более плодотворного сотрудничества с иностранными предприятиями, что будет способствовать повышению квалификации наших специалистов. И таких преимуществ много.

Соглашаюсь, что есть и недостатки. Один из них — инерция мышления наших граждан и нежелание действовать самостоятельно. К сожалению, некоторые люди привыкли жить по “правилам” государства, которого уже нет. А для переобучения надо “сломать” себя и начать самостоятельно мыслить и принимать ответственные решения. Также необходимо иметь большое желание и выдержку, чтобы достичь цели. Это основные недостатки, которые мы, граждане Украины, должны преодолеть, чтобы иметь лучшую судьбу как для себя, так и для своей страны.

Re: Владимир Коробов, Херсон, АСУ [03.06.02]

Мы просто обречены на интеграцию в Европу, Европа тоже заинтересована в этом, проблема лишь в том, как это реализовать без больших проблем и катаклизмов.

Re: Re: Е. Рябокони [13.06.02]

Интеграция Украине не только необходима и выгодна, она еще и исторически обусловлена. Иначе Украина попадет под очередной передел влияния “сверхдержав” России и США. Он уже начался. После событий 11 сентября.

Главный конфликт европейского выбора — внутренний: В. Коробов [28.05.02]

Главная проблема европейского выбора Украины — это не проблема геополитической борьбы третьих стран за Украину, хотя и эта борьба — важный фактор

интеграции в Европу. Главный контекст европейской интеграции — внутренний. Вопрос я вижу в том, будет ли Украина нормальной европейской страной, основанной на глобалистских ценностях, или она станет новым “Украинским Талибаном”, основанным на традиции, антиглобализме и национализме.

У многих украинцев есть иллюзия, что национализм и глобализм совместимы, и можно быть европейской страной, не признавая европейские законы и не принимая евроатлантические ценности глобального общества. Националистическая европейская Украина — это такой же абсурд, как Франция с Ле Пенем во главе. Поэтому главный шаг на пути интеграции в Европу — это шаг в сторону отказа от воинствующего национализма и традиции в пользу глобализма, от национального проекта — в пользу глобального проекта. Этот шаг неизбежен и вопрос только в том, когда он произойдет. Надо демократизировать внутривластную жизнь, чтобы стать частью Европы.

Главное препятствие интеграции — украинская бедность и экономический кризис, полная подчиненность текущей политики проблеме “выживания”. О принципиальности и о стратегических интересах во внешней политике приходится часто забывать.

Быть равным в процессе интеграции необязательно, а для нас это и невозможно. Сначала построить Европу в отдельно взятой Украине, а потом “на равных” интегрироваться — это утопия. Европа состоит из разных по калибру и специфике стран. Никакого равенства в природе нет, а европейская интеграция — это природа, а не партсобрание. Славянскую душу придется сохранить, другого выхода нет, а вот культурное сопротивление (в чем вы его видите, кстати?) надо прекратить немедленно. Сопротивление атлантической цивилизации бессмысленно. Конечно, в Европе мы видим не только комфорт, но и силу, которая поможет нашему обществу преодолеть консервативные силы внутри нашей страны. Слабое гражданское общество не может само сделать эту работу, нужна гуманитарная помощь извне. Такая помощь возможна сейчас только со стороны Запада. Итак, Запад нам поможет!

Re: А. Пелин [04.06.02]

Владимир! Вы правы по поводу абстрактного равенства. Я сказал это скороговоркой и не уточнил. Но это такая же абстракция и антропоморфизм, как “европейский выбор Украины”, “интеграция Украины в Европу”. Реально же речь идет об интеграле абстрактного множества “Украина” и еще более абстрактного множества “Европа”, и даже не об их изоморфности. Речь идет о некоторых общих полях деятельности во взаимодействии конкретных стран.

Чтобы не быть абстрактным и невежественным, по мнению самого Георга Вильгельма Фридриха Гегеля, буду говорить о взаимодействии Украины и Словакии. Только что вернулся с конференции на берегах Шиявы. Общих полей в отношениях между нашими двумя странами немного: водный бассейн, экология, пограничный режим, транспортные коридоры, диаспоры, торговля. Равенство или неравенство проявляется не в отношениях между Украиной и Словакией вообще, а только в полях реального взаимодействия. В торговле Словакия имеет с Украиной большой дефицит (намного больше импортирует, чем экспортирует), т. е. зависима. Адаптация, но не интеграция, на этом поле принимает вид идиоадаптации, т. е. приспособление путем утраты лишних органов. Товарооборот сокращается. В отношениях между диаспорами скорее лидирует Словакия. Украинцы в Словакии живут лучше, чем словаки в Украине. Вместо интеграции имеем идиоадаптацию в форме эмиграции.

Вот так за разговорами об интеграции занимаемся адаптацией и строим новый “Украинский Талибан”, о котором Вы пишете. Именно это я имел в виду, когда говорил о равенстве интегрируемых стран. Я согласен с Вашей точкой зрения относительно национализма. Это последняя баррикада, которая строится у самого порога нашего дома. Она спасает на мгновение, а потом навсегда оставит нас в изоляции от динамичного мира.

Но динамичный мир и глобализм — разные вещи. Я надеюсь, что Вы не отождествляете глобализм с глобальными возможностями информации и Интернета? Глобальная же экономика — нонсенс. По точному определению М. Вебера: “Экономика — способность действовать в условиях ограниченных ресурсов...” Глобальная же экономика — смерть экономики и господство распределительных отношений. Вы хотите лечить национализм при помощи распределения? Да он только на это и надеется. Европейский выбор Украины — выбор динамики и отрицание статики.

Националистическая Украина — глубоко спящая, статичная Украина. Я живу в Западной Украине и могу это утверждать. Вам на Юге и Востоке он кажется воинственным. Русские видят его обязательно в форме бандеровца. Нет, это гораздо сложнее. Это способ защиты при помощи милых сердцу снов. Один из таких снов — В. Ющенко. Способна украинская элита разбудить страну спящих ангелов? Разбудить ради европейского выбора? Может быть. Но только не при помощи НАТО.

Нужно соединить патриотизм и цивилизационную солидарность с Западом. Украинский патриотизм никоим образом не противоречит европейским ценностям: *Александр, Киев [31.05.02]*

Украинский национализм имеет защитную, а не агрессивную природу. Наши националисты — абсолютно безопасные, они успокаиваются, как только будут прекращены несправедливости против украинской культуры. Украинские националисты имеют культурное, а не расовое или ксенофобское понятие национализма, а это уже само о себе говорит. В случае восстановления исторической справедливости к языку и культуре их национализм неминуемо переродится в патриотизм, присущий любой здоровой нации. Европейская солидарность и патриотизм состоят из локальных патриотизмов, и было бы нелепо их отрицать. Локальные патриотизмы лишь усиливают европейскую солидарность, прибавляют разнообразия и устойчивости евроатлантической идентичности.

Re: В. Коробов [03.06.02]

Есть два уровня дискуссии: научный и идеологический. С научной точки зрения украинский национализм ничем не отличается от французского, русского или еврейского. С идеологической аргумент звучит так: “Да здравствует украинский национализм — наигуманнейший и самый пушистый национализм в мире!”. Утверждения об особом характере “родного национализма” не выдерживают никакой критики. Как в Европе относятся к национализму — хорошо показали недавние выборы во Франции, а чуть раньше — в Австрии. Объединенная Европа и национализм — несовместимые вещи.

Месяц назад в по-европейски изысканном Люблинском университете я познакомился с точкой зрения на наш родной национализм совсем противоположной Вашей, и, надо признать, я защищал наших, как мог, поскольку меня тоже воспитали патриотом. Но как соединить национализм с отказом от гривни и подчинением военному командованию в Брюсселе, общением на английском и заменой украинского кино американским? Вызовет ли это усиление локального патриотизма?

Интеграция в Европу означает, что надо немного уступить в суверенитете, в своем национализме и патриотизме. Надо стать патриотом объединенной Европы. Понятно, что надо стремиться к тому, чтобы сохранить украинскую культуру и язык, как к тому призывает ЮНЕСКО, например. Европейский патриотизм не противоречит тому, чтобы любить свой родной край, не противоречит локальному патриотизму, но приоритет общеевропейских ценностей и законов над локальными — единственно возможный принцип существования объединенной Европы как целостности.

Новое содержание приобретает и локальный патриотизм — это патриотизм еврорегионов. Например, Черноморский патриотизм — очень хорошо звучит! К сожалению, уровень внутренней свободы и страх перед нашими “неагрессивными новыми большевиками” многим мешает откровенно обсуждать преимущества традиционалистского и либерального проектов, национального и глобального движений. Возможно, эта тема — только для нескольких львовских интеллектуалов, но тема эта чрезвычайно актуальна и важна. Было бы неплохо нам “поднять планку” свободы мысли и слова, чтобы легче было интегрироваться в свободную Европу.

Re: E. Рябоконт [13.06.02]

“Украинский национализм имеет защитную, а не агрессивную природу”, так ли это? Мне кажется, что тот национал-шовинизм, каким переполнены *mass media*, ничего общего с национальной идеей не имеет. Вдобавок, в Евросоюзе ни одна нация не жалуется на угнетение национальных интересов. Вообще, угнетать их можно лишь так, как это делаем сейчас мы сами: пропагандой западного образа жизни через телевидение и печать, упадком собственной культуры, тем, что мы доверили воспитание молодежи массовой культуре. Национализм — это чувство ответственности за свою страну, а не гордыня перед другими странами.

Восточно- и центральноевропейский национализм — носитель антидемократической традиции: В. Коробов [15.06.02]

Наша специфика как центральноевропейского государства заключается в особенностях национальной идеи и националистической идеологии, которые играют в обществе важную роль. Если национальная идея в Западной Европе в свое время способствовала прогрессу, то в Центральной и Восточной Европе с ее трудной судьбой она прочно связана с антидемократической традицией — таково мнение многих специалистов и экспертов. Причины этого сложны и многообразны, чаще всего указывают на бюрократическую модель государственности (Украина — великолепный пример!), отсутствие традиций гражданского общества и т. д. Настроения, порожденные националистической идеологией (националистический пафос, ксенофобия, неприятие либерального капитализма, плюралистической демократии) препятствуют интеграции Украины в Европу, их нужно преодолевать.

Трудность интеграции в Европу: Александр Найденов, Херсон, АСУ [30.05.02]

Самая большая наша проблема состоит в том, чтобы все граждане Украины восприняли частную собственность как нормальное и необходимое явление личной и общественной жизни. Иными словами, учитывая результаты голосования на парламентских выборах, где количество представителей большевистского мировоззрения не может не ужасать, нужно провести дебольшевизацию сознания значительного числа наших соотечественников. Европейская элита справилась с главной задачей: убедила своих граждан, что обогащаться можно не путем разбоя, грабежа или мошенничества,

а законным путем. Гарантией является частная собственность, которая законодательно закреплена за человеком и его потомками, которую не отберет ни сельский начальник, ни партия или государство. В этом мы отличаемся от других европейских народов. Для того чтобы мы интегрировались экономически в европейское сообщество, сначала нам нужно интегрироваться туда философски, т. е. своим менталитетом.

Re: И. Бабюк [31.05.02]

Александр, с Вами трудно не согласиться, но возникает одно вопрос: каким образом преодолеть это препятствие, каким образом будет происходить трансформация украинского менталитета? Сможет ли раб собственными силами построить свободное государство, или понадобится сорок Моисеевых лет?

Re: Re: А. Пелин [31.05.02]

Я только что вернулся из Словакии с международной конференции Совета Европы по вопросам приграничной интеграции Украины и Словакии. Встреча была на высоком уровне государственных секретарей, послов, высокопоставленных чиновников приграничных областей Украины и Словакии. Главное впечатление — полное отсутствие культуры мышления. Меня охватило горькое сожаление по поводу наших перспектив. Никто из администраторов не смог даже приблизиться к постановке проблемы приграничной интеграции.

Один из чиновников показал мне свой доклад за несколько минут до выступления. Его выступление выгодно отличалось от других тем, что более-менее четко описывало состояние вопроса. Это же элементарно: вчера торговое сальдо было X, сегодня — Y, а завтра может быть Z. Почему, господа аналитики, это происходит в украинско-словацких отношениях, а не в украинско-венгерских? Это до смешного просто. Грустно было слышать отчеты о том, как мы все стараемся работать над вопросами интеграции. Весь разговор был на уровне очевидных вещей. Нас объединяет общий таможенный режим, общий водный бассейн и общая экология. На то, что существует большое количество неочевидных взаимодействий, доступных измерению только специальными аналитическими методами, — табу. Переговоры на уровне очевидного удобны для чиновников. Их мир беден, но уютен. Осложнять себе жизнь наукой никто не хочет. Это и есть культурное сдерживание нашего сближения с цивилизацией (точными технологиями и наукой). Нас устраивает “топорная работа”, очень приблизительный расчет, “авось”.

Как трансформировать такой наш менталитет в европейский? Путь один — направленное формирование потребностей. Как это делать? Желание быть европейцем дополнять опасениями не стать им. Моисей пользовался экстенсивными методами перевоспитания. Я уже 40 лет брожу без всякого Моисея по пустыне непонимания. Своим студентам я экономлю время. Эти свои 40 лет странствий спрессовываю до 2–3 семестров. Так что при наличии достаточного числа “пустынников” 40 лет может и не понадобиться. Безусловно, рабы не могут строить государственность (тем более свободную). Рабы и созерцатели — разные вещи. Восточные созерцатели всегда строили мощные державы. Тут нет большого секрета и множество возможностей. Но это слишком большая тема для такого формата, как форум. Ищем новые форматы.

Re: Re: Re: В. Коробов [03.06.02]

Чиновники всегда отстают, по нашим посткоммунистическим чиновникам нельзя судить о динамике изменений в массовом сознании, в менталитете. Все же

надо признать, происходят большие изменения в сознании наших сограждан, за последние 10 лет произошли очень серьезные изменения! Это касается и уровня свободы, и отношения к частной собственности и предпринимательству, отношения к НАТО и Европе, наш форум и наша дискуссия — прекрасный символ этих изменений. Не все так плохо, дебольшевизация сознания происходит, хотя и не так быстро, как кому-то хотелось. Да и участники нашей дискуссии, мы сами, тоже проделали за это время большой путь трансформации сознания, изменения философии. Иногда исторически элита опережает свой народ, но, как показывает ситуация, бывает и наоборот — когда ментальность элиты находится на более низком уровне, чем ментальность народа, элита начинает тормозить движение.

Трудность интеграции в Европу в нашей ментальности: *А. Пелин* [12.06.02]

Володя! Хотел бы заметить, что дело не только в чиновниках. Им давали образование такие, как мы с Вами, преподаватели-социологи. У нас в культуре отсутствует предметность разговора. Чтобы описать состояние какого-либо вопроса, необходимо, по крайней мере, указывать место и время. Не существует интеграции вообще, Украины вообще. Об этом еще Э. Кант говорил. У нас не любят вопросы: где? когда? как? сколько? Зато любят обобщать без всяких оснований: везде, всегда, никогда, все, никто. Болтовня, щекочущая нервы. Логике надо вбивать в голову еще в школах.

НАТО важен для Украины уже одним своим существованием на границах нашей страны: *Александр*, Киев [31.05.02]

Особенно важно для Украины присоединение к НАТО наших западных соседей, потому что таким образом создается продолжительная граница с Альянсом, через которую предельно упрощается осуществление разнообразных форм сотрудничества между сторонами, в том числе и в сфере безопасности. В случае угрозы своей безопасности Украина получает надежный “тыл” в виде мощной организации. В то же время расширение НАТО способно ослабить геополитическое давление со стороны России на страны бывшего СССР.

Иногда в политических и научных кругах звучит мысль, что в ответ на распространение НАТО на страны Восточной Европы Россия попыталась бы компенсировать свои интересы в отдельных регионах СНГ, в частности в Украине. Однако этот тезис легко дезавуируется. Ведь приближение Североатлантического альянса к России и ее жизненно важным центрам сделает для Москвы более проблематичной и рискованной возможность давления в других направлениях. Также чрезвычайно важно то, что распространение гарантий НАТО на эти страны уменьшит зону “вакуума безопасности”, крайне чреватую потенциальными катаклизмами. К тому же можно утверждать, что идеологическое влияние евроатлантической интеграции стран Восточной Европы может стать не менее важным, чем материальное. Интеграция стран Восточной Европы в такую мощную организацию будет способствовать тому, что Россия вынуждена будет развиваться более синхронно с остальной частью континента. Ведь, наконец, после антизападной политики России времен “позднего Ельцина” и “раннего Путина”, Россия и НАТО окончательно пришли к соглашению создать новый орган политического сотрудничества — так называемую “двадцатку”, где Россия будет иметь право голоса наравне с 19 странами — участниками альянса в таких вопросах, как борьба с терроризмом, контроль за вооружениями и помощь в чрезвычайных ситуациях, однако не в вопросе коллективной безопасности.

Приближение политической Европы (НАТО, ЕС) к границам России может иметь еще и другое следствие — возрастание в самой России популярности западных моделей развития и соответствующего образа жизни. То, что Россия, наконец, отдаст себе отчет о своей “не первой” роли в Европе (что болезненно, но все же осознается нынешней политической элитой России), наносит невосполнимый ущерб пугающей соседней России политической мифологеме о возможности силового “прорубывания” в Европу.

Re: В. Коробов [03.06.02]

Для Украины очень важно, чтобы движение в НАТО и интеграция в Европу происходили синхронно со сближением России с НАТО и Европой, это важно и с внешнеполитической, и с геополитической, и с внутривнутриполитической точки зрения. Такой подход в наибольшей степени соответствует интересам национальной безопасности Украины. Пока такая синхронизация наблюдается, и это хорошо, это выгодно всем. Совсем недавно это воспринималось как политическая фантастика, но реальность превзошла самые смелые предположения! Мы стремимся в Европу прежде всего в своих интересах, а не для того, чтобы сделать Россию лучше и безопаснее, хотя, конечно, и о России не надо забывать.

Никакой антизападной политики Ельцина и Путина реально никогда не было, это вполне прозападные политики (если, конечно, не путать Дж. Буша с Гусинским или майором Мельниченко). Мне также кажется, что ни Россия, ни Украина никогда не заблуждались на счет “своей не первой роли в Европе”, скорее наоборот, у нас давний комплекс неполноценности к Европе, несмотря на советские ракеты и великие военные походы и победы. Не думаю, что понятие силы, в том числе военной силы, уходит в прошлое. Вероятно, в Европе возможны военные столкновения и в будущем, в том числе — между членами НАТО, но в настоящее время военной угрозы Украине или Европе от России или Румынии нет и в ближайшем будущем, видимо, не будет.

Трудности интеграции: Е. Рябоконь [03.06.02]

По моему мнению, наиболее сложными в вопросе интеграции являются психологический и законодательный аспекты. Что касается законодательной базы, то в основном почему-то обсуждается необходимость приведения в соответствие с международными нормами только вопросов уголовного кодекса и таможенного права, абсолютно нивелируются вопросы защиты прав человека. Нельзя сказать, что в Украине нет такой практики, но она существует скорее номинативно, в отличие от стран с развитой демократией. Далее — психологический аспект. Именно психологический. И дело даже не в ментальности украинцев или их новонациональном сознании, а в привычке к свободе. Опять же, практика защиты прав человека, вернее, ее отсутствие. Сначала население данной страны нужно воспитать в духе свободы, а население Европы — в духе доверия (тут же — вопрос визового въезда, паспортного режима и т. д.), то есть должно возникнуть доверие, отказ от образа врага.

Re: В. Коробов [03.06.02]

Вы правы: если изучить рассказы наших сограждан об их “открытии Европы”, они полны таких откровений, которых в нашей дискуссии не прочтешь, не услышишь. “Личный путь в Европу” многих украинцев — это путь унижений, потери собственного достоинства и разочарований, утраты “роевропейских” иллюзий. Европа многолика, разнообразна и относится к нам без фанатичного дружелюбия, а подчас настроенно. Космополитический научный мир все же имеет преимущества.

Re: Э. Тиханский [10.06.02]

Вполне согласен с Вами, Елена. Я считаю, что именно доверия не хватает Европе для принятия Украины. В свое время она (Европа) видела в Украине соперника, ядерную державу. Кажется, этот стереотип Украины так и остался. Но мне кажется, Европа должна не ставить жесткие условия для Украины, а всеми силами помогать ей. Ведь мы живем в цивилизованном мире, где все должны помогать друг другу и всячески содействовать процессам интеграции стран. Европа должна принять Украину сначала как “друга”, а только потом — как стратегического партнера.

Re: Re: В. Годына [14.06.02]

Сдается мне, Вы, Эдуард, немного неправы. Европа перестала видеть соперника в Украине еще лет пять назад, когда наша экономика сотрясалась от инфляции. Помощь со стороны Европы — вещь, конечно, нужная и, похоже, европейцы делают слабые попытки, чтобы помочь. Мне понравилось Ваше утверждение, что в цивилизованном мире все должны помогать друг другу. Вы — реалист или закоренелый оптимист? Наш “цивилизованный мир” в настоящий момент хуже зверинца, звери и то не уничтожают себе подобных просто так. Некоторые называют то, что сейчас происходит, природным отсеиванием. А не отсеют ли Украину и как друга, и как стратегического партнера?

Re: В. Годына [14.06.02]

Доверие всегда было необходимо, но мне кажется, что мы тоже должны постараться, чтобы нам доверяли. Свобода тоже немаловажна, особенно для украинцев.

Спору нет — интегрироваться надо! С. Евстратов [04.06.02]

Уважаемые коллеги! В самом деле, на сайте идет очень интересное обсуждение! Все выступления — по делу. Но все же, давайте еще раз вернемся к исходной посылке: а о чем все же разговор? То, что интегрироваться нужно — это бесспорно. Причем проблема стоит одинаково — и для России, и для Украины, и для других республик. А разве уже сегодня условия для интеграции недостаточны? Вполне достаточны. Люди ездят в Западную Европу (а они к нам ездят не столь охотно...), поставляем туда газ, нефть, металл, интеллект (а они нам — окорочка, ЭВМ и т. п.). Не очень охотно учат на Западе русский и украинский языки и плохо знают нашу культуру? Зато много наших людей знают европейские языки, западную культуру. На границах стало попроще, с визами — полегче. Что еще надо-то? О чем спор-то? Да ни о чем. А должен быть он вот о чем: чтобы интеграция шла, люди должны перемещаться, ездить друг к другу. Для этого нужны дороги хорошие. Их нужно строить. Нужны также нормальные гостиницы. Их тоже нужно строить. Кто поедет в крымские здравницы, если там неделями не дают холодной воды (горячая — это из фантастики...)? И так далее, перечень бесконечен...

Очевидно, что в основе интеграционных процессов лежат вполне конкретные и простые вещи — умение и желание “интегрирующихся” работать, создавать что-то полезное и качественное, а потом обмениваться результатами труда. Вот и вся интеграция. Происходит ли что-нибудь в этих направлениях в действительности? Кое-что происходит, но не настолько серьезно, чтобы можно было о чем-то говорить.

Вопрос об интеграции — это вопрос воссоздания творческого и производственного потенциала всех республик, а России и Украины — в первую очередь. Это естественные лидеры СНГ, и пусть бы для эксперимента отработали интеграционные технологии между собой. Союз России с Беларусью — вещь хорошая, но без Украины

он не очень-то интересен. Вряд ли признаком государственности можно считать лишь наличие таможенников на искусственных “границах”, разных гербов, гимнов, паспортов и прочей внешней атрибутики. Основа современной государственности — это все же наличие созидательных и социально невредных технологий. Какой дурак (европейский или африканский, без разницы) будет “интегрироваться” со странами, которые, имея богатейшие людские и природные ресурсы, отбирают у пенсионеров деньги со сберкнижек, не могут решить вопросов водоснабжения, отключают электричество в домах, больницах, воинских частях на несколько часов в день, продают на каждом углу тонны водки и т. д. и т. п. (список очень длинный. . .). И все это будет продолжаться до тех пор, пока общество не вспомнит наконец свои резистентные инстинкты, а произойдет это, если наши обществоведы наконец-то всерьез займутся изучением реальных проблем реальной жизни реального населения. Разберутся в этом и начнут учить поколения уметь отличать правду от лжи, миф от реальности, восстанавливать веру в собственные (не западные, американские или японские) силы, веру в собственный рубль, гривну или “зайчик”. Тогда и интеграция пойдет сама собой, не нужно будет о ней много говорить.

Евроинтеграция и послание Президента: *Владимир Головка*, Днепропетровск, Центр политического анализа [05.06.02]

Послание “Европейский выбор” представляется попыткой (может, не совсем удачной) нащупать долгосрочную стратегию Президентом, точнее финансово-промышленными группами, стоящими за ним. Поскольку очевидно, что до 2011 г. вступление в ЕС не состоится ни при каких обстоятельствах, прежде всего из-за экономической несостоятельности Украины. В то же время гармонизация и углубление экономических отношений с Россией даст положительный эффект уже в ближайшее время. Однако этот эффект будет относительно кратковременным, поскольку с каждым годом потребность в средствах для модернизации экономики Украины (как, впрочем, и у нашей северо-восточной соседки) будет возрастать, а в них Россия сама испытывает все возрастающий дефицит. Таким образом, перефразируя известный лозунг, основной пафос послания можно определить как “заработать средства в России, чтобы потратить их на интеграцию в Европу”.

Если в этом основной пафос Послания: *А. Пелин* [05.06.02]

То Этнос, на мой взгляд, будет мизерным, а Логос, соответственно, близким к нулю. Что-то тут не работает.

Re: *В. Головка* [06.06.02]

Пафос-Логос-Этнос — главное, чтобы была политическая воля для реализации выбранного курса.

Re: Re: *А. Пелин* [12.06.02]

Воля есть — ума не надо?

Re: Re: *Э. Афонин* [12.06.02]

Воля, Владимир, — действительно необходимый компонент любого политического решения, но она лишь средство реализации цели, которая обеспечивается “рацио”. Еще Сенека говорил, что для капитана (как и для политика), который не знает цели своего плавания, тщетно рассчитывать на попутный ветер. Что касается Украины (находящейся, как уточнил бы наш коллега А. Пелин, в исторически конкретном переходном периоде развития), то при всей соблазнительности иметь “твердую волю”,

все же важно ясное и реалистичное представление о ситуации. Тем более, что история Германии (да и не только Германии) достаточно убедительно показала несостоятельность силовой политики.

К сожалению, сегодня ситуация подтверждает тезис: “История учит, что она ничему не учит”. И этому тоже есть свои объяснения. Страны постсоветского ареала (в том числе и Украина), “догоняющие” в своем развитии страны Западной Европы, не могут обойти пункты, лежащие на маршруте исторического развития. К тому же переходный период, мне кажется, не следует понимать как абсолютный хаос. Он имеет определенные закономерности. К таким закономерностям я бы отнес наличие двух фаз перехода, которые проходят в целом на фоне возвратно-поступательного движения (флуктуаций). Причем вторая фаза образует возврат общества к старым тенденциям развития, на которых, собственно, и произрастает авторитаризм как интернациональное социальное явление. В Украине эта фаза наблюдается с 1997–98 гг. В революционной советской истории такая фаза идентифицируется НЭПом. На фоне возвратно-поступательных тенденций время от времени и возникает, как мне кажется, у западной политики ощущение “надрыва” в стратегическом диалоге “Восток — Запад”. Появляются, в частности, сомнения по поводу последовательности курса Украины на евроинтеграцию, что и стало, видимо, основанием для подтверждения этого курса на высшем государственном уровне.

И все же, возвращаясь к теме, главная опасность, порождаемая абсолютизацией политической воли в переходный период развития стран, — это опасность военного (силового, волевого) решения естественных задач (перераспределения ресурсов), каждый раз возникающих в периоды перестройки общественного организма. Сегодняшний уровень этой угрозы соизмерим с масштабом процессов, идущих в контексте трансформации, которая охватывает все большую часть стран и народонаселения планеты. Вот почему, на мой взгляд, не такой уж безоблачной видится предложенная миру военная политика борьбы с антитерроризмом.

Тем более, что еще не все шансы несилового решения проблем исчерпаны:
А. Пелин [17.06.02]

Хотел бы добавить один конкретный пример. Сейчас нам пришлось заняться созданием для областной администрации информационно-аналитической системы “Имущество Закарпатья”. Такой системы нет и в других регионах Украины. При таком дефиците информации все решения “хочется” решать силовыми или административными методами. Это грех, потому что никто еще и не пытался по-настоящему действовать на основе просчитанного интеллектуального решения.

Украина и Европа: *Марина Мироненко, Херсон, АСУ [12.06.02]*

Украину относят к постсоциалистическим странам, а, как известно, отношение к странам такого типа двояко: ими либо заинтересованы, либо относятся с осторожностью, поэтому перспективы интеграции Украины в ЕС зависит от того, как Европа относится к Украине, а не от того, нравится ли Украине европейский путь развития и Европа в частности. Это так же верно, как и то, что будете ли вы желанным гостем, зависит не от того, нравится ли вам хозяин, а от того, нравитесь ли хозяину вы. Некоторые участники дискуссии (в частности Сергей) считают, что Украина интересна Европе лишь как сырьевой придаток и евроазиатский буфер, а, значит, интеграция в Европу будет для Украины прямым путем к порабощению, а не путем развития

и становления? По моему мнению, это слишком категоричное заявление и, наверное, хватит Украине жить по принципу: “Моя хата скраю — ничего не знаю”.

Я считаю, что Украина не должна существовать обособленно, но и фанатичное стремление стать частью Европы не должно быть основным вектором в ее политике. Украина и так уже многое сделала для того, чтобы подходить под европейский эталон: ядерное разоружение, принятие в 1996 г. Конституции Украины по европейским канонам. Так что следующий шаг за Европой.

Конечно, финансовое положение Украины явно отличается от стран ЕС, так что на быструю интеграцию рассчитывать не придется, но Украина должна не сбиваться с намеченного пути, а также поддерживать отношения с Россией и странами СНГ.

Перспективы интеграции в Европу: В. Годына [14.06.02]

Украина всегда была, есть и будет европейской страной. То есть по сути дальше интегрироваться уже некуда, мы в Европе, господа. Но так ли это на самом деле? Географическое положение — вещь, конечно, хорошая, но от нас наверняка ждут чего-то большего, чем границы на карте.

Во-первых, определенности. Потому, что метаться от России к Европе можно, конечно, но надолго ли нам хватит сил? Поэтому первое, что нам нужно, — четкая ориентация и полное понимание того, что нужно в данный момент Украине как молодому и независимому государству. Во-вторых, желательно интегрироваться не на словах, а на деле. Ведь толку-то от того, что наши чиновники твердят: “Европа — это хорошо”, “Нужно интегрироваться”. Хорошо? Ну так покажите, что вы заинтересованы в продвижении Украины.

Кто-то может меня попрекнуть, что в начале, мол, сказала, что мы уже в Европе, а теперь заявляет, что нужно интегрироваться. Ну что ж, хорошо, наверное, мне следует сделать маленькое уточнение. “Продвигать” следует культуру украинского народа, впрочем, как и правительства. Допустим мы “продвинемся”. И что? Что будет завтра? Мне кажется, что перспективы интеграции очень выгодны для Украины, если можно так сказать, поскольку в первую очередь это позволит проявить себя как полноправное независимое государство, а не бесплатное приложение к России или к любому другому государству, которому хватит средств обеспечивать нас кредитами. В Европе появится шанс реализовать свои возможности и раскрыть потенциал. Сначала будет трудно, после стольких лет бездействия, но Украина справится. В это стоит поверить.

Re: Э. Тиханский [15.06.02]

Украине не стоит метаться от Европы к России. Ей нужно определиться: идти в Европу самой или же вместе с Россией. По-моему, больше нам сулит интеграция вместе с Россией. Всю свою историю, начиная с Киевской Руси, мы тесно связаны с Россией. Были попытки объединиться, которые по-разному трактовались историками. В составе СССР Украина занимала особое место среди других. СНГ для нас является самым выгодным рынком товаров, так, может, стоит объединиться и начать продвижение вместе? По-моему так у нас перспектива получше!

Вызов времени: отказаться от узконационалистического мышления и включиться в процесс глобализации настоящим образом: В. Коробов [15.06.02]

Национальное суверенное государство сможет успешно интегрироваться в Европейское сообщество только при условии того, что элита откажется от узконацио-

налистического мышления и поддержит взаимопроникновение, взаимовлияние культур, слияние экономик и исчезновение границ. Национальные различия при этом не будут окончательно уничтожены, но они станут безвредными, потеряют свою агрессивную составляющую, станут гемайншафтом, внутренней, семейной культурой и историей (биографией). Националистические талибы, скинхеды и герильерос национальной идеи неизбежно проявятся, но будут беспощадно побиваемы палками натренированных полицейских и оттеснены из университетов и площадей.

Пойдет ли Украина по “третьему пути”?: В. Коробов [15.06.02]

Кем будет Украина в Европейском сообществе? Разумеется, ей отведена роль государства “второго сорта”. “Раствориться” в Западной Европе, как Чехии, ей вряд ли удастся. Если первый путь в Европе — это путь развитых западноевропейских стран (типа Франции или Германии), путь либерального капитализма и плюралистической демократии, второй путь — это путь России, сочетающей черты европейского и азиатского общества-государства, то Украине, скорее всего, предписан третий путь — путь сочетания западноевропейского и русского евразийского проектов. Украина — это и не Европа, и не Россия, а нечто среднее.

Так мы можем стать Центром Европы! В. Коробов [15.06.02]

Знаменитая концепция Центральной Европы имеет трудную судьбу. Даже за последние десятилетия она претерпела серьезные изменения: посткоммунистические страны, которые хотели интегрироваться в Европу, развивали эту концепцию, включая себя в пространство Центральной Европы. Теперь же Чехия, Польша и Венгрия не хотят быть маргиналами в Европе, хотят стать нормальной частью Западной Европы и с удовольствием могут уступить нам пространство мифической Центральной Европы. Если жители Люблина считают себя жителями Европы, почему так не могут думать о себе жители Львова? Город очень похож на Краков. Так что Центр Европы стремительно перемещается на Восток, теперь роль Восточной Европы выполняет только Россия.

Re: А. Пелин [17.06.02]

Пространство Центральной Европы — это миф, придуманный восточным мышлением. Интеграция в Европу — не пространственное понятие, а способность стать такими же динамичными, как большая часть западных европейцев. До западноевропейского уровня не дотягивают ни Чехия, ни Польша, ни Венгрия, а значит, пока они маргиналы в Европе. Кто мы, страшно представить. Общеукраинский уровень динамики намного ниже “европейского стандарта”, который я фиксирую по немцам образца 1995 г., и россиянам. Помимо западноевропейского центра пассионарности (по Л. Гумилеву) Украина испытывает на себе влияние российского пассионарного центра. Россияне не намного динамичнее украинцев, а хотят стать нормальной частью Западной Европы, и из украинцев с ними могут конкурировать только галичане (скорее даже львовяне). Остальные на распутье: “Кто нас в бой ведет? Под каким знаменем?” В 1996 г. мне было ясно, что не Киев. Тогда впереди был Днепропетровск. Он был виртуальной столицей Украины. После 1996 г. я общеукраинских исследований не проводил, не знаю, кто сейчас “заводит” Украину. Львов действительно похож на Краков и львовяне достаточно “гоноровые” для того чтобы считать себя европейцами. А львовянки могут даже дать фору краковянкам, но... Тут начинается скучная наука в цифрах... Пока же Центр Европы не перемещается на Восток. Стремительно на Восток

перемещается восточный буфер, защищающий Европу от Великих Балкан. В связи с этим возрастает роль России, а не Украины. Если она не справится со своими функциями, то Восток просто растворит собою и Западную, и Центральную Европу. Мы пострадаем первыми. Взять на себя функции терских и донских казаков в Украине не сможет никто. Чем дальше, тем больше. Кто же мы после этого? Свинопасы? Трудно быть в центре. Как магнитные полюса тянут к себе крайности. Цена непохожести и самостоятельности очень высока. Думаете, о ней кто-то задумывается?

2. В какой мере европейский внешнеполитический выбор Украины согласовывается с ее внутренней политикой?

Внутренняя политика Украины противоречит внешней: *В. Коробов* [28.05.02]

Внешиполитический приоритет Украины — интеграция в Европейское сообщество. Это вполне современный, адекватный и позитивный приоритет. Но косная, консервативная, традиционная, националистическая и отсталая внутренняя политика препятствует быстрому вхождению Украины в ЕС. Например: существование недемократических по своим ориентирам и деморализованных региональных элит, назначение губернаторов, административное устройство — из другой страны, ничтожность местного самоуправления, тупой консерватизм СМИ, массовые коррупция и бюрократизм, слабость и низкое качество госаппарата, самоорганизация общества происходит помимо, а частично — вопреки местным властям, неевропейская языковая политика, распространение государственными органами националистических идеологем и т. д. и т. п. Нам нужно решить наши внутренние проблемы для того, чтобы стать европейской страной, понять, что такое европейское государство, совместима ли наша мечта о красивой, но особенной Украине с мечтой о глобальном обществе, и что же нам больше нравится: “Макдональдс” или “Два гуся”?

Re: *Александр*, Киев [31.05.02]

Полностью согласен с тем, что внутренняя политика Украины ныне не является демократической, как и с тем, что региональные элиты насковзь коррумпированы. Могу лишь добавить, что столичная элита коррумпирована не меньше. Правда, у нас нет националистической внутренней политики, как Вы утверждаете.

Конечно, нехватка демократии мешает вступлению в ЕС и НАТО, однако главный для Украины сегодня все-таки вопрос безопасности. Вопрос демократии также чрезвычайно важен, учитывая зависимость от него наших союзнических отношений с Западом. Однако если власть старается делать правильные внешнеполитические шаги (как вступление в НАТО), эту инициативу надо поддерживать, даже вопреки тому, что мотивация этих шагов со стороны руководства Украины может быть небезупречной.

Да, внутренняя политика Украины противоречит провозглашаемой внешней. Но это означает, что нужно приводить внутреннюю политику в соответствие с декларациями политики внешней. При этом следует четко разделять декларации и реалии внешней политики Украины. Украинская политика конъюнктурно направлена на удовлетворение интересов правящей верхушки и лишь кое-где старается выполнять свою основную социальную функцию — защиту национальных интересов. Именно в этом состоит главная проблема как внешней, так и внутренней политики Украины.

Re: *Е. Рябоконт* [13.06.02]

Согласна с Вами, Владимир. Добавлю только, что оба направления политики декларативны, что тоже не прибавляет Украине уважения со стороны стран Евросоюза.

Ответ ЕС: *Николай Гоманюк*, Херсон, АСУ [03.06.02]

Думаю, что ответ на этот вопрос дал сам Европейский Союз, который (несмотря на декларируемую украинскими политиками евронаправленность своей внешней политики) не имеет иллюзий в отношении состояния и перспектив развития Украины. Сам факт того, что ЕС собирается после очередного “евроапгрейда” предоставить Украине вместе с Молдовой и Беларусью особый статус “соседа”, говорит о том, что ЕС не видит разницы между нами, коммунистической Молдовой и авторитарной Беларусью, следовательно, о каком соответствии внутренней и внешней политики Украины может идти речь?

Внутреннюю политику Украины “делать” труднее, чем внешнюю: *А. Пелин* [10.06.02]

Давайте представим политику как направленные флуктуации наших взаимодействий. Классический вариант направленных флуктуаций — игра в бильярде от чужого (третьего) шара. “Внутренняя политика” Украины затруднена наличием на столе двух шаров: Западной и Восточной Украины. Практически вместо внутренней политики мы имеем примитивную силовую игру под названием “перетягивание каната”. Страхи утраты суверенитета. Унитаризм. Никакого маневра. Политика на уровне известного “политического креста”: экономического, социального, гуманитарного и правового шаров — недоступна нашей элите ввиду элементарной некомпетентности. Во внешней же политике любой дилетант может кувыряться в свое удовольствие. Шаров много, удары разжевываются зарубежными аналитиками, отечественных аналитиков хватает только на запоздалые комментарии, результаты раундов легко теряются в бесконечных перспективах. Безответственность. Как эти две “политики” вообще могут пересекаться? Никаких противоречий нет ввиду отсутствия точек пересечения.

Внешнеполитический выбор и политическая элита: *В. Головки* [05.06.02]

Если проанализировать логику возникновения Украины как независимого государства, то очевидно, что оно возникло уже с ориентацией на евроинтеграцию и во многом благодаря оной. Другое дело, что политическая элита занималась преимущественно укреплением своих позиций внутри страны, тогда как на реализацию активного внешнеполитического (евроинтеграционного) курса ресурсов — материальных, интеллектуальных, кадровых — не хватало. Ярким примером этого служат взаимоотношения со странами Центральной и Восточной Европы. В поле зрения высшего политического руководства Украины этот регион периодически то возникал, то пропал. Вспомним инициативы, высказанные Л. Кравчуком в 1993–94 гг., об участии Украины в Вышеградской группе. Натолкнувшись на стену молчания, о регионе забывают года на четыре, и лишь с 1998 г. начинаются декларации стратегического партнерства с Польшей.

С повторным избранием Л. Кучмы Президентом Украины появился целый ряд симптомов того, что политическая элита укрепилась и может перейти к более активной фазе во внутренней и внешней политике. На идейном уровне новый курс обрел свои очертания в 2000 г. в выступлении Президента “Украина: поступь в XXI век”. Но в том же 2000 г. Украина оказывается перед новыми вызовами, главным из которых стала смена президентской администрации в Кремле. Приход В. Путина ознаменовал отказ от борьбы за “сверхдержавность” в пользу утверждения России в качестве регионального (евразийского) лидера. Стало очевидным, что при умелом и целенаправленном

давлении со стороны России Украина будет сдавать свои позиции так же, как она до этого шла на уступки Западу. Поэтому для Украины изменения в российской политике обернулись политическим кризисом 2000 г., в ходе которого США и их европейские союзники продемонстрировали, что правящая элита во главе с Л. Кучмой их не устраивает. Важно осознать, что игра шла не против личности Л. Кучмы, не за Украину, а против укрепления России (так же, как, например, и в Беларуси). Можно согласиться с мыслью известного российского политика В. Жириновского: “Игра, в которую включена Украина сегодня, — это битва за освоение природного и экономического потенциала России, Прикаспийского региона, Ближнего Востока” (Независимая газета, 30 марта 2002 г.). Однако то ли украинская оппозиция, на которую была сделана ставка, оказалась не на высоте, то ли новая американская администрация Дж. Буша переоценила свои возможности, то ли свою роль сыграл новый путинский курс, но Президент удержался в своем кресле, а российское влияние в Украине только усилилось. Обратим внимание, что спад политического кризиса в Украине (точнее, его поддержка из-за рубежа) совпал с очередным потеплением в отношениях России, США и ведущих западноевропейских держав.

К 2002 г. украинская политическая элита оказалась настолько окрепшей (даже несмотря на политические скандалы), что может себе позволить реализацию евро- и евроатлантического курса, несмотря на то, что именно Запад в полной мере продемонстрировал свое негативное отношение (данная ситуация является примером, когда субъективные факторы отступают перед закономерной поступью объективных). Впрочем, прогресс на пути углубления интеграционных процессов и будет тестом на то, насколько она окрепла и вообще является ли она, собственно говоря, элитой. При этом, на мой взгляд, важным фактором остается сохранение добрососедских отношений с Россией.

Внешнеполитический выбор Украины и ее внутренняя политика: *М. Мироненко* [13.06.02]

Соглашаюсь с В. Коробовым, что прежде, чем интегрироваться в ЕС, нужно навести порядок внутри страны, сняв с главенствующих вершин ведения внутренней политики Украины коррупцию и связи. Хотела бы еще добавить, что проблема внутренней политики Украины заключается еще и в ее неадекватной реакции на интеграцию в ЕС. То Украина фанатично подражает Европе (полная реформа в системе образования на манер европейской), то относится к ней предвзято, размышляя, зачем Европе вдруг понадобилось помогать Украине.

3. Сказываются ли (и как именно) на евроинтеграционном пути Украины российский и американский факторы?

США, Россия, Украина: *В. Коробов* [28.05.02]

США в целом позитивно влияют на интеграцию Украины в Европу. Америка хочет, чтобы Украина шла в Европу “вместе с США”. Уникальность ситуации в том, что и Россия поддерживает интеграцию в Европу и своей страны, и Украины, но, конечно, предпочла бы, чтобы Украина шла в Европу “вместе с Россией”. Но Россия и Украина для Европы — это не один, а два вопроса, которые отличаются друг от друга, Европа и США не хотят видеть в Европе “русскую матрешку”.

Ситуация неоднозначна. Но есть внутренняя логика процесса, есть могучая сила интеграции и внутренняя пружина глобалистского проекта, которая неумолимо

движет всю эту геополитическую конструкцию вперед, к интеграции. Вопрос, как сказать эту правду гражданам и согласовать с остальными весьма противоречивыми поступками и “плохим поведением” внутри страны. Для интеграции Украины в Европу наступил благоприятный момент совпадения или близости внешнеполитических курсов США и России. Удастся ли воспользоваться моментом?

Re: Е. Рябокониъ [13.06.02]

Совершенно с Вами согласна, Владимир. Я уже отмечала тот факт, что Украина попала под влияние “сверхдержав”. И воспользоваться этой ситуацией нужно так, чтобы не попасть под “передел” (поскольку Украина и будет объектом этого передела), а извлечь экономическую (в виде трансферных и т. п. проектов) и политическую (в виде лоббирования интересов Украины) пользу. Нужно научиться быть корыстными!

Вступление в НАТО нужно для обеспечения надежного будущего Украине, для уверенности инвесторов, нашей уверенности в том, что многострадальная страна уже больше никогда не будет “чаечкой при битой дороге”: Александр, Киев [31.05.02]

Последние заявления украинских чиновников заставляют говорить о новом дыхании политики евроатлантической интеграции Украины. Таким образом возобновлена евроатлантическая акцентация украинской политики. З. Бжезинский заявил, что Украина, вероятно, станет членом НАТО: “Украина будет в НАТО, потому что хочет. Россия же выберет особый статус, который успокоит ее амбиции”. По его мнению, Россия не войдет в структуры Альянса, поскольку неспособна придерживаться необходимых стандартов и имеет другие политические амбиции. Среди целей сегодняшней политики Украины в отношении с НАТО чиновники нашего МИДа называют заключение нового документа, который свидетельствовал бы о большем, чем ныне действующая Хартия об особом партнерстве, участии Альянса в обеспечении безопасности Украины. Ведь Хартия, подписанная в июле 1997 г., обещает всего лишь “немедленные консультации с НАТО по инициативе Украины” в случае, если ее правительство “будет считать ситуацию как угрожающую безопасности Украины”. Такие гарантии явно “слабоваты”, особенно по сравнению с теми, которые даются членам НАТО (согласно статьи 5 Договора о создании НАТО страны-члены рассматривают нападение на одного из членов организации “как нападение на всех”). Таким образом, получение гарантий способно обеспечить надежное будущее стране, придать сил демократическим преобразованиям и патриотической, определенной исключительно национальными интересами страны внешней политике Украины.

Re: В. Коробов [03.06.02]

Александр, прекрасно, что у нашей политики появилось свежее дыхание! Этот факт облегчает понимание. Я поддерживаю Ваше мнение, что будет новый документ между Украиной и НАТО. Скорее всего, так и будет. В чем я с Вами не согласен, так это в том, что интеграция Украины в Европу происходит от страха перед Россией, — это не соответствует содержанию процесса. Также не согласен, что после вступления Украины в НАТО будет обеспечено “надежное будущее”, — это иллюзия, НАТО никогда не сможет решить большинство наших проблем, особенно не будет оно это делать за нас. Кроме того, обязательно появятся новые проблемы. Слепая вера в лучшее будущее многих уже подводила до нас, когда решение всех проблем сводили к какому-то одному политическому решению, шагу: “вот вступим в НАТО

и заживем...” Ничего такого не будет, ни рай земной, ни коммунизм не наступят, а украинцы не превратятся в немцев или французов. Уверен, что наши гоголевские лужи в нашем микрорайоне останутся и в натовской Украине, сохранится и наша экономическая отсталость, и массовая бедность, преступность, наркомания и проституция. НАТО, к сожалению, не весельно.

4. Какими Вы видите содержание и будущее лозунга “В Европу вместе с Россией”?

В Европу вместе с...: И. Бабюк [27.05.02]

Содержание этого лозунга, по моему мнению, довольно абсурдно. Если он сформулирован из-за соседства с Россией, то почему мы не говорим о других государствах, с которыми граничит Украина? Например “В Европу вместе с Румынией”, или, если говорить о странах бывшего СССР, “В Европу вместе с Молдовой” (или, не дай Бог, “...с Беларусью”). Разумеется, влияние России на Украину значительно, и даже некоторые государственные мужи из высоких кресел провозглашают лозунг о европейской интеграции именно в таком ракурсе. Тем не менее, когда мы говорим об Украине как о государстве, стремящемся к общепризнанным мировым стандартам, то первое, что нужно развить, — это собственную украинскую внешнеэкономическую позицию, то есть “Украина самостоятельно идет в Европу”. Правда, учитывая ситуацию, сложившуюся на просторах нашего государства, на это пока что не следует надеяться.

Вместе или рядом с Россией? В. Коробов [28.05.02]

Содержание лозунга “В Европу — вместе с Россией!” я понимаю как свидетельство того, что интеграция Украины в Европу не только не противоречит политике и интересам России, а наоборот, отвечает им, что она отвечает интересам не только украиноязычных, но и русскоязычных украинцев. Этот лозунг более точно звучит как “В Европу — рядом с Россией!”, “В Европу — не против России!” Этот лозунг направлен не наружу, а для внутреннего пользования в Украине, для русскоязычной Украины, для ее успокоения. Для Европы он ничего не значит, а для русской Украины значит очень много. Сравнить значение России для Украины со значением Румынии или Болгарии — неразумно, это не отвечает реалиям и противоречит критерию образованности и здравого смысла. Но понятно, что геополитические реалии совсем не отвечают этому пропагандистскому лозунгу. Реалии для России и Украины и других постсоветских стран можно сформулировать так: “В Европу или евроатлантический союз — вместе с США”, так как именно США принимают решения, несут глобальную ответственность и лоббируют евроинтеграцию, определяют ее темпы и направления, “имеют решающий голос на партсобрании по приему”. Этот лозунг значит, что не Россия определяет судьбу Украины в глобальном мире, а преимущественно США, но Россия имеет очень значительное влияние на этот процесс, который постоянно согласовывается с США. Пропагандистская, идеологическая битва против воображаемой роли России в интеграции Украины в Европу — это идеологическая, агитпроповская работа. Россия имеет все основания для того, чтобы принимать участие в решении вопроса об интеграции Украины в Европу, но ее голос — не решающий.

Re: И. Бабюк [30.05.02]

Разрешите с Вами, Владимир, не согласиться, ведь ситуация с румыноязычным населением Украины (особенно на границе с Румынией) или венгерским, польским, крымскотатарским и др. населением в совокупности можно сравнивать с так называемым

мой “русскоязычной Украиной”. Украина — самостоятельное государство (по крайней мере, извне) и решать, вступать или не вступать в европейские структуры — это личное решение народа Украины (через представительские органы власти), а не решение (как бы этого не хотелось) России. Роль любого государства и состоит в том, что оно должно иметь собственную как внутреннюю, так и внешнюю политику, которая направлена только “за”, а не “против” сосуществования с тем или иным соседним государством. Но только на равных правах.

Re: Re: В. Коробов [31.05.02]

Соглашаетесь или нет, но роль России, русскоязычной Украины значительно более сильная, чем Румынии или румыноязычных украинцев, например. Независимость Украины не означает, что судьба Украины решается исключительно Украиной. Влияние США, объединенной Европы или России на развитие Украины, ее политику и интеграцию в Европу значительно. Принцип равенства не означает, что все государства имеют одинаковое влияние на ситуацию в мире. Равенство прав Украины и США не означает, что наши страны на самом деле имеют одинаковые права в мире. Влияние других стран на Украину обусловлено разными факторами, но оно очень значительно. Реалии состоят в том, что существуют центры силы, где решается все. Поэтому Украина, Россия или Польша, например, имеют некоторые ограничения в проведении своей политики. Это не противоречит суверенитету, просто такие ограничения присущи суверенитетам довольно слабых стран в современном глобальном мире. Нельзя выдавать желаемое за действительное, путать пропагандистские клише с реальной политикой. Понятие “собственная политика” или “собственные деньги” в объединенной Европе и глобальном мире теряют смысл. Европейские страны (а мы также стремимся стать европейской страной) уже не имеют своих денежных единиц или собственной политики. Между прочим, общая политика Европы — это не только политика “за”, но и политика “против”, против мирового терроризма, например.

Re: Re: Re: И. Бабюк [31.05.02]

Если сравнивать с Польшей, то следует заметить, что в этом ракурсе Польша идет в Европу самостоятельно (по крайней мере, без лозунгов на манер: “Польша в Европу вместе с Россией”). И как не крути, Украина должна самостоятельно идти в Европу, независимо от того, кто и какое влияние на нее имеет — Россия или США. Просто Украине нужно избегать подобных лозунгов, по крайней мере, стараться строить собственную внешнюю политику, а не интегрироваться за счет других государств (или России, или США).

Re: Re: Re: В. Коробов [31.05.02]

Согласен, Украина должна иметь собственную ответственность, свою собственную внешнюю и внутреннюю политику. “Идти в Европу самостоятельно” я понимаю так: проводить “ответственную евроинтеграционную политику”, значит, делать ту большую работу по согласованию внутренней жизни, внутренней политики с европейскими стандартами, без которых нам нельзя интегрироваться в Европу. Этой работы за нас никто не сделает и не должен делать: ни Россия, ни США, только мы сами. Относительно лозунгов, то, учитывая внутреннюю ситуацию в Украине, я предложил бы лозунг более универсальный: “В Европу — с Россией, Польшей и Турцией!”. Может, такой лозунг лучше подходит для наших настолько разных регионов: здесь свое почувствует и крымский татарин, и западник, и восточник. Без лозунгов не обойтись,

лозунги должны быть, и должны быть красивыми. Но надо научиться отличать лозунги и агитпроп от реальной политики. Относительно Польши. Я в восторге от прекрасной Польши, от проведенных преобразований, но Польше пришлось-таки поступиться своим суверенитетом, это очевидно. То, что происходит в Польше в понедельник, — в Украине произойдет в четверг. Польша — образ будущего Украины.

Re: Н. Гоманюк [04.06.02]

“Этот лозунг направлен не наружу, а для внутреннего пользования в Украине, для русскоязычной Украины, для ее успокоения. Для Европы он ничего не значит, а для русской Украины значит очень много”. То есть за этим лозунгом ничего, кроме слов, нет. Кость для успокоения, как Вы говорите, российскоориентированных граждан Украины. Согласен. Итак, это даже не сомнительный в плане этичности пиаровский ход, а скорее, — грубое промывание мозгов политически необразованным обывателям. Возможно, как инерция парламентских выборов, а возможно, и как старт президентских 2004 г. Ведь такая размытость (и нашим, и вашим) политической позиции отвечает конъюнктуре украинского электорального рынка. Вместе или “рядом” (звучит, кстати, как команда кинолога) — не важно, если на официальном уровне никто из российских политиков не заявлял о желании РФ вступить к ЕС. Значит это фактически отказ даже от декларированного курса Украины на интеграцию в ЕС.

Re: Re: В. Коробов [06.06.02]

Плохо, Николай, знаете родной язык: “російськомовна” Украина переводится как “русскоговорящая”, а не как “российскоориентированная”. Это принципиально разные понятия. Плохое владение родным языком привело к подмене понятий, что нехорошо для дискуссии. Но хорошо, что Вы понимаете многозначительность и даже некоторый цинизм государственной политики, хотя, мне кажется, немного резковато высказываетесь (“грубое промывание мозгов”). Бесспорно, фактор выборов очень весомый, но не главный. Геополитическая и социокультурная динамика значит намного больше. Не нравится, как пренебрежительно сказано о “политически необразованных обывателях”. Вы считаете, что российскокультурная ориентация — это результат “необразованности”, а “евроатлантическая” тогда — результат “образованности”? Это просто разные социокультурные ориентации, а “образованность-необразованность” возможна в обоих вариантах. Образ кинолога — неуместный, он не отвечает контексту современных украино-российских отношений. В последнем предложении перепутаны два уровня: уровень государственно-политический и уровень научной (или паранаучной) дискуссии: отсутствие официальных заявлений государственных служащих России по определенным вопросам сравнивается с нашими высказываниями — словами и тезисами свободных людей, не отягощенных государственной, геополитической ответственностью. Лозунг “В Европу — вместе с Россией!”, “...рядом с Россией” или “...together with Russia”— это не пустые слова, хотя от лозунга до реальных достижений внешней политики наших стран — огромная дистанция.

Не усложняем ли проблему? Сергей [31.05.02]

Не покидает впечатление некоторой надуманности самого вопроса. Действительно, почему “не вместе с Венгрией, Румынией (можно и Буркина-Фасо “до кучи” прихватить)? Постсоветское пространство представляет для остальной Европы отличную модель интегрированности, и если бы не “шуточки” так называемых “рыночников”, а цивилизованные действия республик по самоопределению (исторический

шанс реализовать старую ленинскую идею), то это пространство могло бы стать реальным, как говорят топологи, “атласом” для формирования настоящих Соединенных Штатов Европы. И евро могло бы быть не абстрактной валютой, а валютой экономической обоснованно привязанной к “гривнорублю”, который базируется на реальных природных запасах и энергетике всего постсоветского пространства. Действительно важным в контексте дифференциации интересов Украины и России является только один вопрос: кто сильнее “Динамо” (Киев) или “Спартак”? Все остальные — надуманные.

Re: В. Коробов [31.05.02]

Упразднить Россию подобно тому, как пытались “закрыть Америку”, не удастся. Существует реальная экономическая, социокультурная, этническая, генетическая, политическая, историческая, географическая, языковая, геополитическая и даже демоническая связь Украины и России (футбольные страсти на фоне этого исторического процесса взаимодействия и взаимопроникновения украинской и русской культур, историй и экономик, языков, социумов — всего лишь мелкий эпизод). Такой связи у Украины с Буркина-Фасо, Венгрией и Румынией нет. Это реалии, это также исторический и мифологический контекст внешней политики Украины. Украина обречена вечно решать “русский вопрос”, как, впрочем, и ряд других своих вечных вопросов. Несколько других замечаний: почему рыночники “так называемые”? Обидно. Почему евро — абстрактная валюта? Обидно за евро. На мой взгляд, Соединенные Штаты Европы постепенно уже формируются, но вряд ли это происходит в духе старой ленинской идеи.

Нам не нужно решать российский вопрос. Нам нужно знать и защищать национальные интересы Украины: *Александр*, Киев [31.05.02]

Россию упразднить, по-моему, никто не собирается. Россия будет важным соседом Украины, но все же — одним из соседей, коих у Украины почти десяток. Нам не нужно решать вопросы “экономической, социокультурной, этнической, генетической, политической, исторической, географической, языковой, геополитической” связи с Россией. Нам нужно четко знать национальные интересы Украины, связанные с безопасностью, национальным выживанием, сохранением самобытности, политические и экономические интересы. Проблема в том, что народ их не знает в достаточной степени, это вина украинской политической элиты. И нам нужно уметь, иметь достаточно сил и способностей защищать эти интересы. В том числе, если понадобится, и от России.

Re: В. Коробов [03.06.02]

Дружеские, добрососедские, взаимовыгодные отношения с Россией соответствуют национальным интересам Украины и являются важным государственным приоритетом внешней политики. Без таких отношений трудно сохранить свою независимость и самобытность, обеспечить нормальное экономическое развитие. В нашей стране этот приоритет государственной политики нравится не всем. Те, кто этого не понимает, я думаю, вредят национальной безопасности страны. И об этом надо бы рассказать народу. Оборонное сознание устарело. На нас никто не нападает, и надо не защищать интересы, а работать, строить свободное, экономически сильное европейское государство — Украину. Без тесного сотрудничества с нашими соседями, в том числе с Россией, это невозможно. Российский вопрос для Украины — это не только и не столько

вопрос межгосударственных отношений с Россией, сколько вопрос согласования векторов движения и стилей жизни Восточной и Западной Украины, вопрос самовыражения русскоговорящей и русскокультурной Украины. Пока решения этого вопроса нет, скорее наблюдается “тактика страуса”, табуирование определенных тем, замалчивание проблем и ограничение дискуссий по этому вопросу, смешивание этого вопроса с “коммунистическим” вопросом, вопросом “тяжелого наследия прошлого” и т. д. Здесь партийная ясность взгляда и идеологическая принципиальность могут опять вступить в противоречие с реальной жизнью.

Re: Сергей [04.06.02]

Замечательно, что в дискуссии авторы демонстрируют виртуозную аналитическую технику. Но все же не стоит забывать об опасности излишнего увлечения “жонглированием ярлыками”. Часто ловишь себя на мысли, что в контексте дискуссии “Россия”, “Украина” и пр. используются в совершенно разных смыслах. Мы как-то забыли, что во всем постсоветском пространстве наблюдается резкий разлом и расщепленность различных интересов и различных их смыслов. Одно дело — интересы огромного числа простых людей, для которых все равно — Россия ли, Украина ли, а важно: а) чтобы войны не было; б) чтобы работа была; в) как следствие а) и б) — чтобы дети были и жили нормально. А есть часть людей, у которых в зоне интересов и а), и б), и в), но еще плюс inferнальные потребности. От России Украину защищать не нужно. Ее нужно защищать от тех inferналов, которые способны развязать войну, втянуть туда кучу народа и сделать себе при этом “бабки” плюс политический “гешефт”. Половина населения Украины имеет родственников в России, половина населения России имеет родственников в Украине. Вот и все национальные интересы. Но ведь кто-то же додумался ввести границы и таможни, усложненные правила гражданства, регистрации и прочую чепуху, из-за которой страдают очень многие, а кто-то имеет “гешефт”. И это тоже объявляют национальными интересами, хотя, слава Богу, когда дело доходит до решения действительно сложных проблем, как это было с поставками газа, оказывается, что все можно решить спокойно и в рабочем порядке.

Очень много безработных из Украины находят заработок в России. Выгоды (в экономическом смысле) России от этого какой-то особо существенной нет, но вот конкретные люди ее получают: имеют рабочие места и средства к существованию себя и своих семей. Так кто же в данном рассматриваемом случае заботится о конкретных национальных интересах большого количества людей? Оказывается, что Россия-то и заботится, и хорошо, что в Украине этому не мешают. Не можешь сам — попроси соседа. А политическая элита тут ни при чем, потому как она и не элита вовсе. А раз так, какой с нее спрос? Никакой. Вот люди ее и не спрашивают, а ездят на заработки, что восточнукраинцы, что западноукраинцы. Простым людям особенно-то и нечего рассказывать о национальных интересах, они их знают лучше любого рассказчика — это интересы их семей, семьи нужно кормить, детей нужно учить. Где-то в глубине всего этого хаоса скрыт какой-то особый этногенезный процесс, которого мы еще не знаем, не умеем интерпретировать...

В Европу вместе с Россией? *М. Мироненко* [13.06.02]

“В Европу вместе с Россией?” По моему мнению, это выражение должно звучать не как вопрос, а как утверждение. Аргументом тому является то, что Украина и Россия — это сестры, которые испокон веков идут рука об руку, имеют единую

славянскую и церковно-христианскую основы. Отказаться от России в пользу Европы означало бы променять благополучное положение украинского народа и занимаемую Украиной позицию в СНГ и не только на весьма незавидное положение Украины в закромах Европы без поддержки и единомышленников. Причем, соглашусь с В. Коробовым, политика России и Украины относительно Европы довольно схожа, так что нет повода Украине отвергать Россию на пути интеграции в ЕС. Географическое положение Украины просто обязывает ее поддерживать отношения как с Европой, так и с Россией, ведь Украина является крупнейшим транспортным узлом, связывающим Европу и Азию, а также путепроводом России в Европу. Интегрируя в Европу с Россией, Украина обеспечивает себе достойный тыл и удерживает свои позиции на мировой арене.

Re: И. Бабюк [14.06.02]

Марина, скажите, пожалуйста, почему Вы не вспоминаете тогда третью сестру — Беларусь? Ведь когда-то речь шла об общности трех республик — России, Украины и Беларуси. Никто не старается посорить Украину с Россией или даже противопоставлять одну страну другой. Тем не менее, в Европе подход к евроинтеграционным процессам немного другой. Почему Чехия не позволяет себе подобных выражений относительно Словакии, или Хорватия — относительно Сербии? Это просто считается неэтичным. Существуют разные государства, которые имеют свои собственные атрибуты, экономические и политические интересы. Это касается и внешней политики.

Как легче “вернуться в Европу — вместе или порознь?” В. Коробов [15.06.02]

Многие исследователи великой трансформации (процесса интеграции постсоциалистических и постсоветских стран в Европу, в Западное сообщество) отмечают, что среди народов наших стран распространено недоброжелательное и подозрительное отношение к своим соседям, сочетающееся с манией величия и признанием своей особой европейскости. Для современной Украины, в частности, характерно распространение подозрительности к России и отказ ей в праве считать себя европейским государством. В то же время на Западе наши народы и государства по-прежнему часто воспринимаются как единое целое в политическом и социокультурном смысле.

Re: И. Бабюк [17.06.02]

Зачем постоянно делать акцент на каких-то разногласиях, которые якобы существуют между Украиной и Россией? Это все искусственно. Возможно, кто-нибудь этого и хочет, но рядовой гражданин (что в Украине, что в России) такие вопросы воспринимает довольно прозаично. Все зависит только от того или другого гражданства. Я недавно был в США, и там довольно четко отличают Украину от России, и довольно четко понимают, что над Черным морем российский самолет случайно сбит украинской ПВО, и что в тюрьме Сан-Франциско сидит украинский экс-премьер П. Лазаренко. Украина и кроме этих случаев уже успела себя показать в мировой политике. Так что едва ли кто-то воспринимает Украину и Россию как единое целое.

5. Является ли евроатлантическая интеграция (вступление в НАТО) обязательным элементом европейской интеграции (вступление в ЕС)?

Об участии в НАТО: Сергей [24.05.02]

Участие в НАТО, в экономических структурах и т. д. — все это, на мой взгляд, нормальный технологический прием интеграции. В НАТО можно участвовать, можно не участвовать, как будто это как-то меняет естественные положения Украины и России в Европе. Была когда-то Антанта, антигитлеровская коалиция — все равно все распалось,

и были глубокие конфронтации. Не в этом суть и не в этом проблемность. Проблемность — в критериях оценок: соответствуют ли все эти телодвижения реальным национальным интересам России и Украины, интересам их народов? Соответствовало ли вмешательство НАТО на Балканах реальным интересам югославов? Отобрали Косово и убили много народа. Развалили федерацию (тоже ведь был союз!!!). Любое присоединение к блокам должно отвечать простому вопросу: зачем это нужно? Если в целях консолидированной антитеррористической деятельности — это правильно и естественно, а если в целях установления контроля над суверенным государством со стороны США и евроструктур, то это совсем другой расклад. Третий расклад — если, например, в прогнозах аналитиков появляются какие-то опасения по угрозам откуда-то из третьих регионов, особенно тех, кто может испытывать реальную потребность в экспансии территорий. Суть антигитлеровской коалиции, наверное, не только в том, что западные союзники в меру помогали СССР, но и в том, что активно не мешали воевать с фашистами. Вступать в НАТО вместе с Россией можно и нужно, если это только не будет противоречить интересам народных масс.

Re: Э. Афонин [24.05.02]

На мой взгляд, не следует сбивать в один блок вопросы участия Украины в Европейском Союзе и в НАТО. Все же это довольно-таки разные организации и по целям, и по участникам. При этом НАТО — организация Североатлантической оборонной инициативы — все более походит на инструмент, оплата которого и участие в решениях по его использованию — вещи далеко не одинаковые. Мне приходилось слышать “роптания” довольно-таки высоких представителей европейских союзников по НАТО (не публичные, конечно), в которых без особого напряжения можно было увидеть нарастающие противоречия между союзниками, находящимися по различные стороны Атлантического океана. Не случайно же в этой связи высказывались соображения о необходимости создания “чисто” европейской военно-политической структуры. Эта тема приобретает еще более острое звучание, если ее наложить на тенденции и вероятностные прогнозы развития глобальной военно-политической ситуации в мире, причины которой, на мой взгляд, коренятся, прежде всего, в неоднородности процессов развития стран. Я не думаю, что эти причины исчерпали себя в период Первой и Второй мировых войн. Складывающаяся ситуация все более насыщается чертами, так схожими, как сказал бы О. Шпенглер, с периодом кануна Второй мировой войны. Моя идея довольно-таки стара. Перефразируя известного классика можно сказать, что для принятия частных решений (вступать или не вступать в...) неплохо бы прояснить для инициаторов общую логику дальнейшего развития ситуации.

Относительно замечания насчет того, что решение не должно противоречить интересам народных масс, позвольте спросить: кто эти интересы сегодня представляет в постсоветских странах? Президент? Парламент? Общественные неправительственные организации? Каково соотношение силы голосов этих факторов и их реального отражения в решениях? Одинакова ли сила и участие в государственных решениях общественного мнения стран западноевропейского ареала и все еще трансформирующихся постсоветских стран?

Re: А. Пелин [28.05.02]

Сергей, Ваше очень категоричное высказывание “Любое присоединение к блокам должно отвечать простому вопросу: зачем это нужно?” я хотел бы расширить.

Ответ на вопрос “зачем это нужно?” обязательно надо сочетать с ответом на вопрос “почему это происходит?” Телеорологическую причинность нельзя отрывать от пусковой причинности. Иначе возникает зауженная модель мышления.

НАТО: *И. Бабюк* [27.05.02]

Я не считаю, что вступление в НАТО настолько необходимым для Украины, даже как элемент европейской интеграции. Для начала пусть Украина докажет свою возможность придерживаться правил игры, которые существуют в рамках Евросоюза. Согласно тем же правилам игры не все члены Евросоюза являются членами НАТО. Значит, соответственно, это не главный элемент. А главный элемент — это те условия, которые было выдвинуты перед Украинским государством.

Полностью не согласен. НАТО — жизненно необходимо Украине. *Александр*, Киев [31.05.02]

Полностью не согласен, что “вступление в НАТО не является настолько необходимым для Украины, даже как элемент европейской интеграции”. Вступление в НАТО — это не игра и не “флирт” с Евросоюзом, Россией или США. Это — вопрос национальной безопасности и национального выживания. Объективно Украина не способна самостоятельно гарантировать свою безопасность. Так же, как не могут ее гарантировать в одиночку по меньшей мере 18 из нынешних 19 членов НАТО. Поэтому они и объединились в Альянс. И потому мы должны найти союзника: а) который имел бы достаточную силу — в НАТО таких достаточно, особенно по сравнению с другими возможными центрами силы; б) во взаимодействии с которым Украина могла бы обеспечить соблюдение собственных интересов. Это нам может дать только НАТО, где учитываются интересы и Люксембурга, и Исландии. Этого не может нам дать Москва, по крайней мере, мы должны осторожно, с учетом исторического опыта, относиться к ее сегодняшним уверениям о “переосмыслении” политики.

Re: *И. Бабюк* [07.06.02]

Александр, я считаю, что сначала нам надо найти общий язык хотя бы с европейскими силами безопасности, а потом лезть туда, где нас готовы будут воспринять как равноправного партнера. Более того, оказываться под полным военным диктатом США (которые играют первую скрипку в НАТО), я думаю, преждевременно.

Интеграция или адаптация? *А. Пелин* [28.05.02]

Как любил повторять Б. Спиноза, “многое мы утверждаем только потому, что это позволяет природа слов”, но не природа вещей. Мы говорим об интеграции, а в природе имеем только адаптацию. Адаптация к НАТО — звучит нелепо, но факт. Интегрироваться могут только равные. Среди неравных возможны только адаптация и доминирование. Такой “чересчур трезвый взгляд” еще впереди. Думаю, что пока нашей украинской элите не хватает мужества на цинично-трезвое видение реальности.

Особый статус в НАТО: *В. Коробов* [28.05.02]

Не вступать в НАТО нельзя, и вступать в НАТО — тоже нельзя. Множество аргументов за и против. Отсюда — необходимость разработки особого статуса Украины в НАТО. Прецедент есть — это положение Франции в НАТО, например. Игнорировать желание США расширять НАТО нельзя. Придется вступать в НАТО и России, и Украине. Искать аргументы, как это объяснить людям, столько лет боявшимся НАТО и опасавшимся новой “войны с немцами”. НАТО с Россией и Украиной — это уже не то НАТО, что было... Военная интеграция в западный союз — необходимая часть

общей интеграции. Пользоваться преимуществами европейской интеграции и не нести никакого бремени ответственности вряд ли возможно.

Нам нужен не особый, а “обычный” полноправный статус в НАТО: *Александр, Киев [31.05.02]*

НАТО нам нужен не для того, чтобы удовлетворить чьи-либо амбиции, США или кого-либо другого. НАТО нам нужен для того, чтобы гарантировать мирное будущее нашей страны. Это касается не только элиты, это касается каждого гражданина. У нас этого не понимают только через плохую разъяснительную работу элиты. НАТО — это зона стабильности и безопасности. НАТО защитил своих членов от Сталина со всеми “приманками” его режима. Западные европейцы пережили под защитой НАТО всю холодную войну. Хотя и тратили на оборону немало, однако не горбатились на урановых шахтах, на заводах и фабриках за копейки. Ресурсы (политические, экономические и военные) этого блока позволяют и обеспечивать безопасность его членов, и сохранять демократию и зажиточную жизнь. Это — уникальное свойство для военных блоков.

Re: В. Коробов [03.06.02]

Какой-то единственно правильной точки зрения на роль НАТО нет и быть не может. Разные точки зрения существуют не через плохую разъяснительную работу агитпропа, а через плюрализм интересов и взглядов — это азбука демократии. Для того и проводится наша дискуссия, чтобы рассмотреть весь спектр точек зрения. Вряд ли, Александр, Ваша или моя точка зрения может считаться эталоном, и это одно из главных достижений свободы. Для Вас важнее военные аспекты европейской интеграции, Вы считаете, что надо воевать и защищать. А для меня более важными стоят вопросы научного и образовательного сотрудничества с Европой, меня интересует научный комитет НАТО. Это разные ориентации и разные интересы личности. Для других главное — политический процесс и экономическое развитие, и это нормально. На самом деле, военный аспект НАТО — не единственный, и даже не главный.

Относительно истории хотел бы заметить, что Европу защитил американский ядерный щит, не знаю, можно ли сказать “ядерный зонтик”. И еще одно замечание: есть основания для сомнений, что членство в НАТО автоматически обеспечит украинцам зажиточную жизнь. Интегрироваться в Европу и не воспринимать НАТО невозможно, это вопросы ответственности — и политической, и военной. Но едва ли НАТО всесильно и всемогуще. Неосмотрительно было бы распространять лишние иллюзии. Почему-то мы не видим, как изменился мир, и мыслям устаревшими большевистскими стереотипами “оборонного сознания”. Сталина уже давно нет, единый мировой центр силы уже в Вашингтоне, а не в Москве. США едва ли планируют напасть на Украину. Советский стереотип политики, когда преимущество отдавалось обороне, безопасности, спецслужбам и идеологической выдержанности, уже просто смешон. Увлечение вопросами безопасности и обороны привело Германию, СССР к краху. Надо восхищаться не безопасностью, а экономикой, наукой, культурой. Что такое разветвленная система безопасности без развитой экономики, культуры и науки? Это губительный большевистский выверт.

Re: Re: А. Пелин [07.06.02]

Владимир, я согласен с Вашими рассуждениями и хотел бы только добавить несколько аргументов. Говоря о НАТО как о гаранте безопасности, следует уточнять — чьей безопасности. НАТО, прежде всего, гарант безопасности Западной Европы.

В ситуации, которая сложилась после 11 сентября, главный источник опасности для Западной Европы находится в Великих Балканах (по З. Бжезинскому), Ближнем Востоке. Украина, выходя в 1990-е гг. из союза с Россией, укрепляла свою безопасность, перекладывая функцию восточного буфера на Россию. В новой ситуации функция России в качестве буфера повысила ее статус. Для безопасности Западной Европы и НАТО Россия стала очень важным элементом. Где оказалась Украина? Просящейся в последний вагон уходящего поезда. Такая система безопасности нужна Украине, но не Западной Европе. Мы оказались в роли бедных родственников. Нам никто не угрожает, и мы никому по-настоящему не интересны. Такая роль неприемлема. Оценка деятельности украинских стратегов — ноль. Необходимо строить новую внешнеполитическую стратегию Украины, а не жировать на международных симпозиумах. Кстати, одна из сотрудниц Института стратегических исследований Украины в частной беседе сказала мне, что читает тезисы нашего форума, но почему-то молчит. Привет стратегам!

Атлантический совет Украины: *Половцев* [05.06.02]

В то время как НАТО укрепляет отношения с Европейским Союзом, это учреждение разрабатывает Европейскую политику в сфере безопасности и обороны. Один из путей преодоления расхождений состоит в согласовании деятельности соответствующих органов НАТО и ЕС прежде всего путем проведения общих заседаний. С учетом того, что как Европейский Союз, так и НАТО принимают в свой состав новых членов из Центральной Европы, а также глубоко вникают в проблемы этого региона и во многие другие вопросы, и учитывая то, что оба союза наладили особые отношения с Россией и Украиной, такие заседания следует продолжать. В любом случае Европейский Союз и НАТО совместно реализуют широкую программу действий, даже если и подходят к большинству вопросов, находящихся вне сферы обороны, с разных позиций. С дальнейшим расширением НАТО относительный баланс между странами-партнерами и странами — членами альянса будет постепенно смещаться в сторону членов НАТО. Заглядывая в будущее, учитывая сегодняшнюю внешнеполитическую ориентацию Украины, объединение путей атлантической и европейской интеграции считается довольно перспективным, учитывая общие интересы Украины с этими структурами.

6. Каковы, на Ваш взгляд, евроатлантические мотивы Украины? Чего в них больше: “чувства европейской идентичности” или “геополитических притязаний Украины”?

О мотивации: *Сергей* [24.05.02]

Полагаю, что больше всего простого прагматизма, возможно, даже “здорового”.

Re: *А. Пелин* [28.05.02]

С прагматизмом согласен. Есть только один нюанс. “Интеграционный прагматизм” тернопольчан, закавказцев, где средняя зарплата меньше 200 гривен, значительно выше “интеграционного прагматизма” киевлян, где зарплата на уровне 640 гривен. Каждая весна у моих земляков начинается с головной боли: “Куда ехать на заработки? В Москву или Дебрецен?” Вот вам и мотивы.

Европейская тяга: *И. Бабюк* [27.05.02]

Согласен с Вами, Сергей. Украина — новое государство, которое тянется к более развитым европейским странам. В истории есть много примеров, когда государство с более низким уровнем развития тянулось к коалиции стран с более развитым уровнем экономики, культуры, воспринимающихся в Европе за эталон.

Вспомните Владимира Великого, ради вхождения в европейскую семью вынужденного исполнить одно из главных на то время требований — принять христианство.

Re: Н. Гоманюк [07.06.02]

А чем эквивалентным христианству, по Вашему мнению, должна пожертвовать Украина, интегрируясь в Европу сейчас? Как бы подобная жертва не стоила нам собственной идентичности. Или не стоит бояться и этого?

Re: Re: И. Бабюк [07.06.02]

Главное — придерживаться общепризнанных правил игры. Ведь нельзя компьютером забивать гвозди. Мне кажется, Украина находится сейчас именно на пути ученика. Ей остается лишь перенимать опыт развитых стран (именно перенимать опыт, а не обезьянничать) и не изобретать заново велосипед.

Чувство самосохранения: В. Коробов [28.05.02]

Если говорить о политической элите, к европейской интеграции ее подталкивает чувство самосохранения. Именно в новой “семье народов” можно привычно снять с себя часть бремени ответственности и получить какие-то гарантии безопасности. Здравый смысл и признание печальных экономических реалий тоже способствуют тому, чтобы примкнуть к экономической сильной группировке. Очень важен мотив сохранения страны, удержания ее в спокойствии: Запад страны ищет в Западной Европе гарантию от нового российского доминирования, и в случае, если такое доминирование будет реально, Запад скорее всего будет готов пожертвовать целостностью Украины. На Юге и Востоке также сильны проевропейские настроения, но уже другого происхождения: скорее бы нас кто-то купил или захватил и навел бы порядок! “Захватить” и “купить” может только сильный — Европа, США. “Миф о добром белом человеке” очень распространен. Сконструированная европейская идентичность в Украине очень слаба и ее влияние незначительно, хотя считать себя европейцем у нас очень приятно. О геополитических притязаниях Украины говорят немногие чудаки, значительно “опередившие свое время”. Разнообразие мотивов не способствует консолидации украинцев вокруг идеи европейской интеграции.

В НАТО Украину должны подталкивать чувство национального самосохранения и чувство личного самосохранения граждан, которые, в отличие от политической элиты, не могут “в случае чего” вылететь за границу: Александр, Киев [31.05.02]

НАТО — это покой и безопасность нашего народа и еще минимум девятнадцати других народов.

7. Каким Вам видится украинский образ посттрансформационной Европы?

Украина — ЕС: И. Бабюк [27.05.02]

По моему мнению, к величайшему сожалению, и Украина, и Россия, и другие страны постсоветского пространства, даже если они выполняют все условия, предусмотренные для вступления в ЕС, будут оставаться странами “второго сорта”, к которым еще довольно долго будут присматриваться, и с которыми будут вести себя осторожно, проявляя пренебрежение и страх.

Re: А. Пелин [28.05.02]

Согласен. Но согласны ли с этим носители феномена “победителей” Европы?

Re: Re: И. Бабюк [28.05.02]

Согласны они или нет, Европа будет их воспринимать, как в свое время воспринимала Киевскую Русь — варвары, которых надо постоянно учить. Их можно пустить в Европейский круг, но с условием — только на правах младшего брата. А феномен “победителей” Европы уже остается только желаемым, а не реальным явлением.

Украинско-советские стереотипы будущего и Европа: В. Коробов [28.05.02]

Представлением будущего посттрансформационной Европы в Украине на всех уровнях общественной мысли присущи украинско-советские стереотипы. Они в массовом сознании просто заменяются очень похожими на них и едва переработанными, в новой версии, но неизменными по сути. Например, синдром неполноценности в СССР — синдром неполноценности в ЕС, стереотип “младшего брата” в СССР — стереотип “меньшего брата” в ЕС и др. Образ “победителей в войне” замещен образом “побежденных в холодной войне”. Для таких представлений присущи геополитический пессимизм, неверие в национальный гений, апокалиптичность и примитивный дуализм. Все это для глобального мира, для постмодернистской эпохи не имеет никакого значения. Эти категории XIX–XX вв. уже не объясняют мир и не могут, тем более, помочь воссоздать образ глобалистской Украины.

Украина в будущей объединенной Европе утратит свою идентичность и распадется на новые сегменты на манер еврорегионов. Одесса станет свободным космополитическим портовым городом. Будущая Украина — Украина нескольких еврорегионов. Возможно, в Украине, как и в Англии, Франции или Германии, будет увеличиваться количество мусульманского, африканского, арабского населения, возрастет количество мечетей, а воинов НАТО мы научим “неуставной отношениям”. Западная Украина будущего очень похожа на Польшу, Юг — на Турцию, а Восток — на Москву. В Украине будущего не один, а несколько образов, и все они уже представлены в настоящем.

Re: E. Рябокөн [13.06.02]

Вы правы, Украина, в самом деле, — многогранно ориентированное государство. На мой взгляд, это не только недостаток, но и преимущество. Украина сможет стать не только географическим центром Европы, но и политическим центром Евросоюза. Политические интересы многих стран пересекаются в Украине, а потому регулировать эти интересы Украине будет легче. Главное, что может сделать Украина после вступления в Евросоюз, — изменить роль буфера на роль страны, направляющей политические интересы Запада, Юга и Востока в сторону взаимодействия.

Каким вам видится украинский образ посттрансформационной Европы и место Украины в нем? Александр Вербицкий [31.05.02]

Возможный образ посттрансформационной Европы мне видится более совершенным, чем образ современной Европы. Многие страны, вошедшие в новую структуру, и многие, кому это только предстоит, изменят Европу, но одновременно изменятся и сами. Принцип европейской интеграции — сохранение национальной идентичности и разнообразия культур стран ЕС, думаю, будет соблюден, но в целом вследствие более тесного взаимодействия государств сами государства будут стремиться к некоторому идеалу (шаблону) современного европейского государства. В чем-то их самобытность рискует быть потерянной. Но главная цель вступления в ЕС — достичь существующих в ЕС уровня жизни, благосостояния, стандартов демократии, прав человека, верховенства права — достойна того, чтобы быть осуществленной.

Украина должна занять достойное место в европейском обществе, а этому предшествует трудный путь рождения экономически сильного государства. Максимальная интеграция Украины в мировую экономику позволит ей выйти из экономического кризиса и стать экономически сильным и культурно самобытным государством.

Порядок в Украине должны навести украинцы. А НАТО нам нужен совсем для другого — чтобы никто не начал наводить порядок в нашем доме и не определял бы наше место в этом чужом порядке. *Александр, Киев [31.05.02]*

В посттрансформационной Европе место Украины должно быть достойным. Нам нужна безопасность (НАТО) и добрый совет европейцев. Все остальное мы должны построить сами. Украинцы (имею в виду всех жителей Украины) преимущественно очень трудолюбивы. Если бы не коррумпированный режим, я уверен, мы сейчас имели бы экономический рост 15–20 % в год, а не на 5–6 %. Как поется в украинском гимне: “А завзяття й праця щира свого ще покаже”. В случае внешней безопасности, полученной в результате взаимодействия и последующего необходимого вступления в НАТО, а также невмешательства в наши дела внешних сил, Украина неминуемо будет эволюционировать в сторону большей демократичности, то есть пойдет по так называемому “прибалтийскому” пути, хотя и с меньшей скоростью, и с большей инерцией, учитывая некоторую славянскую инертность и размеры страны.

Место Украины в Европе: *М. Мироненко [14.06.02]*

Конечно, хотелось бы видеть Украину полноправной страной Европы, занимающей свое достойное место, но надо быть реалистами. На данный момент Украина не имеет того могущества, как политического, так и финансового, чтобы быть равной европейским странам. Кто предоставит Украине право быть политическим центром Евросоюза, если она (Украина) не может справиться даже со своей внутренней политикой (недавние выборы в Верховную Раду, а также состояние ее трудоспособности на сегодняшний день — яркий тому пример)? Поэтому сейчас Украине не следует надеяться на какие-то заоблачные вершины, а надо руководствоваться тем, что имеем, и идти медленными, но уверенными шагами к очерченной цели.

Польский образ будущего — польские впечатления: *В. Коробов [15.06.02]*

Польша живет все лучше: интеграция в Европу явно пошла ей на пользу. В Люблине, городе, сравнимом с моим Херсоном по численности населения и административной значимости, прожиточный минимум около 500 долларов, коллеги-преподаватели получают свыше 1000 долларов в месяц (у нас не дотягивают и до 100), имеют учебную нагрузку 180 часов в год (у нас — 900–1000!). Коллеги живут достойно: имеют дома, автомобили, могут путешествовать по миру и отдыхать. А отсюда — они не переживают такого морального разложения, как у нас, не шельмуются и не выполняют роль коллективного “мальчика для битья” в показушной “борьбе с коррупцией”. Благоустройство, состояние дорог, освещенность, жилища, городское хозяйство, бытовая культура — все контрастирует с украинскими. В то же время люди в массе своей недовольны властью и начальством, на стенах домов — свастики и антисемитские лозунги, распространены националистические предрассудки и ксенофобия (нас там не очень любят, мягко говоря, и не очень высокого мнения об украинцах). В Польше, как я понял, тоже хватаются за национализм в страхе перед тем, что европейская интеграция неумолимо приведет к потере идентичности, причем, как и у нас, это делают и правые, и левые.

5. Наука и эзотерика: общественные функции и прогностический потенциал

Период: 14 июня — 10 октября 2002 г.

Участников: 8

Сообщений: 34

Постановка проблемы

Сложным, противоречивым, и в то же время инновационным (по смыслу общественных преобразований) становится для “постсоветского сознания” период общественных трансформаций. Обычный когда-то вопрос ЧТО? (“Что мы строим?”) довольно быстро сменяется в устах наших политиков прагматическими вопросами КАК? и КОГДА? (“Как добиться и когда реально ожидать устойчивого общественного развития?”). Назойливо пробиваются в общественное сознание обновленные смыслы человеческого сосуществования, которые становятся следствием сложной игры тенденций и факторов становления “посттрансформационного” общества. Появляются новые паттерны научного арсенала — главной гарантии равновесия и стабильного развития стран в эпоху “постмодерна”. Важное место в этом арсенале занимает научное прогнозирование.

По мнению доктора философских наук, старшего научного сотрудника Института социологии Российской академии наук А. Давыдова, “при прогнозировании ближайшего будущего недостаточно учитывать только прошлое и настоящее, прежде всего, необходимо учитывать отдаленное будущее. Поэтому метод экстраполяции от прошлого и настоящего в будущее не совсем адекватен для социальных процессов. Правильнее использовать метод интерполяции, когда по прошлому, настоящему и отдаленному будущему прогнозируется ближайшее будущее. Однако пока совсем неясно, с помощью каких методических процедур можно надежно определять отдаленное будущее. Это предмет дальнейших методологических и методических исследований” (см.: *Давыдов А. А. Модель социального времени*).

Вступая в дискуссию с российским исследователем, выскажем предположение о существовании искомого автором публикации методического арсенала, необходимого для прогнозирования отдаленного будущего. Это, в частности, так называемые “традиционные” знания и практики. Эзотерика — одна из их разновидностей.

Вопросы

- 1. Существует ли барьер между эзотерическим и научным знанием?**
- 2. Существуют ли (и какие) особенности влияния науки и эзотерического знания на общество?**
- 3. Ограничены ли (и чем) именно возможности научного и эзотерического прогнозирования?**

Рекомендованная литература

1. Бегун Мертвый. Искусство падать в бездну, или дзен беговой дорожки.
2. *Давыдов А. А. Модель социального времени // Социс. — 1998. — № 4. — С. 98–101.*
3. *Демин В. Загадки русского севера.*
4. *Демин В. Тайны русского народа. В поисках источников Руси.*
5. *Дугин А. Парадигма конца. Доктрина.*

6. *Ермилов Э. А.* История развития цивилизации. Введение в сокровенную философию истории. Глава 2. Древние знания о мире и человечестве.

7. *Крипнер С.* Холистическая парадигма // М.: Уралия — 1992. — № 1.

8. *Кун (Kuhn) Т.* Культурология. XX век. // Энциклопедия. Т. 1. — СПб.: Университетская книга; ООО “Алетейя” — 1998. — С. 337–338.

9. *Лурье С. В.* Историческая этнология. Гл. 7. Культурная традиция и этнос.

10. *Розин В. М.* Существование, реальность, виртуальная реальность // Концепция виртуальных миров и научное познание. — СПб.: РХГИ — 2000. — 320 с.

11. *Смирнов А. В.* Великий шейх суфизма.

12. *Тоффлер Э.* Третья волна. — М.: ООО “Фирма “Издательство АСТ”. — 1999.

13. *Чаттерджи Б.* Сокровенная религиозная философия Индии // Лекции, читанные в Брюсселе в 1898 году. — Калуга: Типография губернской земской Управы. — 1905.

14. *Штена В.* Традиция в мире постмодернизма.

Дискуссия

1. Существует ли барьер между эзотерическим (тайным) и научным знанием?

“Историческая” позиция: древние цивилизации владели знанием более эффективным, чем современное “научное”. Утраченное знание получило статус тайного: *Эдуард Афонин* [14.06.02]

“Естественная” позиция: мудрецы с высокой степенью умственного развития производят впечатление “посвященных”. Поэтому барьер искусственный, и он естественно сокращается пропорционально уровню развития науки: *Э. Афонин* [14.06.02]

Барьер создали успехи промышленной революции: *Александр Пелин* [18.06.02]

Между эзотерическим и научным знанием такая же разница, как между кустарным и корпоративным производством. Приоритет научного знания создали успехи в области массового производства. В основном это касается Западной Европы. Последние столетия “научный цех” успешно развивался пропорционально успехам промышленных цехов. Особенно это заметно на примере цеха математиков, цеха физиков, цеха химиков. Сложнее с биологами и социологами, они труднее формализуются и имеют меньше возможностей для технологизации. Кустари-эзотеристы проигрывают цеховикам до тех пор, пока корпоративная “цеховая” парадигма не “спотыкается” о какую-нибудь реальную проблему. Например, природу “плачущей” картины адмирала Макарова в Херсоне. Такие проблемы на время сближают химиков и алхимиков, но затем конкуренция берет свое. На самом же деле, кустари-эзотеристы должны иметь равные права с учеными-цеховиками на существование и внимание. Не стоит превращать друг друга в монстров невежества или тупых доцентов. Нацеленность на решение реальных проблем допускает такую терпимость, а, возможно, и взаимодействие. Эзотеристов можно рассматривать и как “генераторов идей”, а ученых-цеховиков — как разработчиков этих идей. Не случайно ведь великие астрономы были немного астрологами, а химики — алхимиками. Вопрос, наверно, состоит в том, как можно объединять романтику эзотерического индивидуализма с прагматикой научных корпораций.

Re: *Marinchello* [01.07.02]

А, по-моему, в этом-то и проблема, что нельзя! Неграмотный грязный сибирский шаман и пахнущий лекарствами терапевт друг друга не поймут так же, как не поймут друг друга художник и маляр. Эзотерическое знание — это искусство, это порыв души!

Может, поиски философского камня не имеют смысла, но, по крайней мере, это интересно (к тому же в процессе поисков философского камня были сделаны величайшие открытия в химии). Кому нужно то, что какое-нибудь X-поле при воздействии Y-поля излучает не 3,000000001 а 3,000000002???. Разве это для кого-то важно, кроме того человека, кто это написал и получил за это доцента? А может, в этом и проблема? Ученые не занимаются наукой, а получают научные звания.

Re: Re: *А. Пелин* [18.07.02]

Проблема понимания существует, но я думаю, что не все так грустно и категорично. Лично я опираюсь на определение Баумана: “Понять — знать, как поступить дальше”. Если шаман и терапевт, художник и маляр обменялись друг с другом парой слов (кроме ритуальных “добрый день”) — значит, они на каком-то уровне поняли друг друга. Если между ними уже нет ступора — значит, есть какое-то ужасно субъективное, но понимание. Согласен, что ученые, ориентированные исключительно на карьеру, вместо дела играют в корпоративную игру “мы все очень крупные и важные для общества люди”. Но в игры играют те, кто не умеет работать. Таким можно только сочувствовать. “Несродность сродни с профессией” по Г. Сковороде. Но я не согласен с тем, что в эзотеризме только одна романтика, несовместимая с научной прагматикой. Эзотеризм — это одиночество, отшельничество, без которого невозможны “научные прорывы” и “научные революции”. Одна моя знакомая-психолог неожиданно и серьезно заявила мне: “У тебя все будет хорошо, потому что у тебя есть “третий глаз”. Если и существует такое явление, как “третий глаз”, то как его носитель заявляю: он продукт отшельничества процентов на 90, а на 10 — наследственности. Знакомый экстрасенс пытался убедить меня в обратном. Не верю, как Станиславский. Эзотерическое знание бездоказательно. Ну и что же? Зато полезно. Это искусство, способное из ничего сделать нечто. Прекрасно. Почему ученый не может понять художника? Может. Хотя художнику понять ученого легче. Это означает, что эзотерист должен сделать первый шаг навстречу ученому-цеховику. Задача второго — не зажимать нос при общении.

Позиция “обскурантов” (не всякое знание полезно для массы людей и потому должно скрываться от них): *Э. Афонин* [14.06.02]

Re: *Marinchello* [16.06.02]

Скорее нужно склоняться к этому суждению, так как у эзотерического знания “темное” прошлое. Всевозможными шаманами и жрецами оно использовалось для манипулирования человеческим сознанием и, соответственно, людьми. Став легкодоступным, это знание сразу утратило бы свои “управленческие” функции. Так что “обскуранты”, которые говорят о “неготовности цивилизации принять высшее знание”, на самом деле не осознают, что это объяснение является защитной реакцией, выработанной тысячелетиями, для того чтобы сохранить возможность управлять (неизвестное пугает), и, зачастую, скрыть типично шарлатанскую природу этого “знания”.

Re: Re: *Irish* [05.08.02]

Результаты, которых достигло научное знание в манипуляции человеческим сознанием, причем не только в психологии и социальных науках, но и используя достижения физики, математики и др., — невероятны и огромны! Мы в действительности ежедневно сталкиваемся в нашем цивилизованном, научном, индустриальном мире с попытками управлять нашими желаниями, поступками. Так что обвинять именно “владельцев эзотерического знания” в стремлении к контролю сознания,

по-моему, непропорционально. Желание управлять людьми, в том числе с помощью манипулирования их сознанием, присуще людям, жаждущим власти, независимо от характера их знания...

Re: Re: Re: Э. Афонин [06.08.02]

Хотелось бы привлечь ваше внимание, дорогие коллеги, к тезису о якобы шарлатанской природе эзотерического знания. Прибегая к определению “шарлатан”, мы, как правило, имеем в виду человека необразованного, невежественного, а попросту — обманщика или человека, лишь выдающего себя за знающего специалиста. Причем заметьте, речь не идет о типе знания (научном или эзотерическом), которым располагает данный специалист, а лишь о неудовлетворительном качестве этого знания.

Думаю, в такой ситуации правомерно будет спросить:

1. Мало ли мы знаем примеров низкого (недостаточного, неадекватного) знания у наших ученых, в частности, представителей социальных, общественных наук?

2. Не констатируем ли мы сегодня (в период общественного кризиса) кризис общественной науки? Что представляет собой современное знание об обществе, соответствует ли оно нарождающимся (“посттрансформационным”) реалиям, не нуждается ли оно в выходе за пределы ранее достигнутых нам представлений о нем?

3. Не несут ли сегодня специалисты-обществоведы (сознательно или бессознательно) некачественное знание или, говоря категориями рыночного хозяйства, недобросовестное предложение нашим политиками как основным потребителям общественного знания? Иначе говоря, не выступают ли сегодня наши ученые-обществоведы в качестве шарлатанов?

4. И, наконец, не будет ли более эффективным и моральным поступком воспользоваться в период общественного кризиса древним знанием, которое, если говорить всерьез, более защищено, нежели так называемое научное знание, от соблазна спекуляции им? Ведь оберегаемое вековыми традициями эзотерическое знание, как правило, сопровождается специальными, порой весьма сложными процедурами его применения, которые в целом защищают его от недобросовестной конъюнктуры.

Re: Re: Re: Re: А. Пелин [28.08.02]

Эдуард Андреевич, согласен с Вашим тезисом о шарлатанстве в нашей социальной науке. Причина — ее остановка на интерактивном уровне. Давно пора нашу социальную науку продвинуть с интерактивного уровня на когнитивный. Мы “трузим” наших политиков интерактивными, физикалистскими исследованиями и пропускаем удары, направленные точно во фреймы украинцев. Эти удары точно рассчитаны на прохождение когнитивных слотов в головах наших соотечественников определенных скриптов, полученных из банальных интерактивных опросов общественного мнения. Мои статьи на эту тему “зависают” в редакциях наших газет и журналов, потому что когнитивная антропология и социология — абсолютно темный лес для наших журналистов. В этом году буду читать курс по когнитивному моделированию на своей кафедре. Если у кого-то есть интерес обсуждать эту тему на сайте — я готов. Дискуссию о когнитивном (эзотерическом) моделировании наших фреймов могут поддержать наши коллеги из Братиславы (Мартин Коновски). Мы с ним уже несколько месяцев в Ужгороде обсуждаем эти вопросы. Продолжение диалога возможно в Братиславе. Это очень интересно нашим соседям, которые вновь немного впереди нас.

Re: Re: Re: Re: Re: Э. Афонин [30.08.02]

Хочу уточнить: что значит Ваше уточнение в скобках — когнитивное (эзотерическое)? Обозначает оно синоним к слову “когнитивное” или аспект когнитивного?

Re: Re: Re: Re: Re: А. Пелин [30.08.02]

Не синонимы. Но, как выяснилось, для украинской социальной науки когнитивная социология и антропология — явления абсолютного эзотерического, тайные. Именно поэтому Украина этой весной пропустила страшный удар по фрейму “Не словом, а делом”. Поражение от этой разновидности интеллектуального оружия — 25 % взрослого населения. Каждый четвертый украинец убедился, что самое главное — пропасть между словом и делом, т. е. слова бесполезны, науки бесполезны, в политике полная грязь.

Как жить дальше? Противостоять этому при помощи методов контрпропаганды бесполезно. Для достойного ответа должен быть найден подходящий слот. Что может объединить слово и дело в Украине? Воля, метафора, технология или еще что-то? Какими скриптами создаются такие слоты? Ответы на эти вопросы знали только зарубежные имиджмейкеры В. Ющенко. Он то выпячивал свой волевой подбородок, то, как школьник, сыпал заученными скриптами.

Для всех украинских социологов еще весной когнитология была синонимом эзотерического. Сейчас мы на выборах мэра Ужгорода легко раскладываем кандидатов на три слота и ничего эзотерического в этом не видим. Теперь мы уже знаем, что интерактивная социология дает информацию о том, что думают респонденты, а когнитивная — как они это думают. Второе значительно эффективнее для моделирования и инженерии. Для многих сегодня когнитология не тождественна эзотерическому, но для большинства — еще синоним. Надо продвигаться, наверное, быстрее. Мышление будет тоньше и синонимов меньше.

Давайте посмотрим под таким углом: Сергей Евстратов [28.06.02]

В отечественной научной литературе последних лет появилось много интересных работ, посвященных проблематике неопарадигмального синтеза. Этот процесс формирует предпосылки для оснащения философии эвристической методологией, комплиментарной по отношению к традиционной — селективной. “Назревающий в XX веке всеобщий (философский) разум культуры требует такого резкого разрыва с разумом классическим, такой всеобъемлющей “трандукции”, которой не было в нашем понимании, наверное, с “осевого времени” кануна античности. Этот разум совершенно невыносим для привычных (в течение десятилетий) “фигур понимания” и стереотипов здравого смысла”.

Количество и острота нерешенных проблем, накопленных человечеством к концу века, свидетельствуют о том, что эвристический потенциал рационалистической картезианской методологии далеко не безграничен и, более того, дальнейшее его тотальное использование все сильнее приближает планету к кризисным фазам. Тактика достаточно мягкого варьирования картезианского каркаса позволяет с оптимизмом относиться к возможности формирования такой парадигмальной структуры, которая обеспечивала бы развитие более тонких и глубоких методологий (а, может быть, и целых технологий!) теоретического осмысления взаимоотношений в системе “человек — мир” и соответствующей адаптационной и трансформационной деятельности.

Специфические особенности биологических объектов, тонко отмеченные регуляторно-термодинамической концепцией Э. Бауэра, усиливают потребность в более

конкретном переосмыслении функций биологических систем как своеобразных “биологических операторов”, осуществляющих трансформацию аморфного мира-целостности в спектры множественных объектов миропроявлений, различных для разных трансформирующих структур. В принципе, этой трансформирующей способностью обладают, видимо, все объекты Мира, от нейтрино до метагалактик. Однако особое выделение класса биооператоров необходимо хотя бы в силу того, что мы не располагаем более достоверными данными о возможном варианте мироустройства, чем полученные нами в результате нашей собственной антропоморфной активности.

Среди этих специфических свойств антропоморфных биооператоров-наблюдателей особо следует выделить следующие:

1. Приоритет макрообразов при формировании миромоделей. Его устойчиво доминирующая роль объясняется, прежде всего, тем, что подавляющий объем информации об окружающем мире антропоморфный наблюдатель получает по оптическому каналу приема и соответствующей обработке этой информации.

2. Приоритет бивалентной логики при организации интерпретационных процессов обусловлен длительным существованием вида *homo sapiens* в поле силы тяжести Земли.

Наличие этих двух приоритетов приводит к тому, что антропоморфный интерпретатор (особенно, следующий Западной традиции) довольно жестко трактует те или иные факты и процессы, а именно:

1) факт существования того или иного явления чаще всего устанавливается путем соотнесения с экзистенциальным макроэталоном, что формирует устойчивый (антропоморфный) порог восприятия миропоявлений;

2) взаимосвязь явлений чаще всего трактуется в духе каузального детерминизма;

3) исследование взаимосвязей между явлениями осуществляется, как правило, путем использования аналитических методологий и редукционизма, а синтетические конструкции и обобщения строятся, чаще всего, по аддитивным схемам.

Понятно, что одной из первоочередных задач развития новой парадигмы является задача “преодоления” антропоморфных доминант в гносеологии, а вернее (реальнее, с учетом возможностей фактического состояния гносеологии!), такой модификации действующих парадигм, которая бы позволяла, опираясь на традиции и достижения современной науки и практики, осуществлять реальные эвристические построения, верифицируемые реальной же практикой. Важнейшая задача конструктивного процесса — обеспечить соответствие старой парадигмы и новой. От этой задачи “отпочковывается” специфическая проблема взаимоотношений гносеологии и онтологии. В рамках новой парадигмы онтологический статус теряет свою прежнюю автономию, становясь более зависимым от гносеологического статуса. Приоритетной проблемой “философского фронта” неотвратно становится потребность осмысления явления существования, в которой, как в фокусе, сплетены вопросы онтологического и гносеологического плана. Пожалуй, пришло время сказать, что вместо дилеммы “бытие или сознание” возникает более конкретный, но, одновременно, более интригующий вопрос о критериях существования, о параметрах этого явления, о его альтернативах, о его обобщениях.

Re: А. Пелин [18.07.02]

Сергей, на мой взгляд, вначале у человечества появилась потребность в унификации общественного многообразия при помощи его величества Всеобщего Закона

(может Хамурапи) . Потом Аристотелем была “сотворена” двучленная формальная логика, отбросившая в урну все достижения изощренной модальной логики Востока. Потом появилась физика с ее жаждой поиска абсолютно универсальных Законов Природы. На этом был построен сциентистский (тоталитарно физикалистский) мир, который закономерно стремится к полной глобализации. Думаю, глобальный мир невозможен уже потому, что противоречит древней китайской философии “слабое и мягкое побеждает сильное и твердое”, а во вторых, потому, что согласуется с пресловутыми выводами второго закона термодинамики. Вы, наверное, правы в том, что все эти выдумки механики и физики загнали человечество в жесткий картезианский тренажник. Мир намного сложнее примитивной трехмерной системы координат, в которую его ухитрились засунуть. Как настоящему буддисту в науке даже думать об этом смешно.

2. Существуют ли (и какие) особенности влияния науки и эзотерического знания на общество?

Пресловутое эзотерическое знание вредно, так как “старается подменить науку дилетантским манипулированием”: Э. Афонин [14.06.02]

Re: Снейк [13.09.02]

Насчет дилетантского — это, наверное, не совсем уместный упрек. А вот насчет манипулирования — это, пожалуй, верно. Хотя тоже можно предъявить претензию “не все, мол, оно манипулирует”.

Re: Re: Э. Афонин [16.09.02]

Конечно же, Вы правы насчет прилагательного “дилетантского”. Действительно, манипулирование может быть и профессионально грамотным. В данном случае, автор-составитель вопроса использовал одну из характерных мотиваций критики эзотерического знания.

Re: Re: Re: Снейк [23.09.02]

Честно говоря, и насчет “подмены” тоже не совсем верно. Ведь необязательно эти формы знания противопоставляются. Кроме того, “эзотерическое” — оно и не совсем знание. Хотя, конечно, трактовки термина могут быть разными, но я исхожу из проверяемости. Эзотерическое знание непроверяемо, апеллировать можно лишь к совпадению “событий” и “предсказаний”, которое вполне вписывается в рамки статистической случайности.

Re: Re: Re: Re: Marinchello [28.09.02]

Я согласен с тем, что эзотерическое — не совсем знание, но ведь оно настолько не знание, насколько ощущение. И к нему не надо подходить с точки зрения “статистической случайности” — у него свои методы... Да в общем-то и термин “методы” тут не совсем уместен — эзотерика и наука хоть и сестры, но сводные.

Re: Re: Re: Re: Re: BBC [03.10.02]

Возникает вопрос. Существует огромное количество литературы с магическими и мистическими символами на обложке. В иллюстрированных журналах появляются статьи о “любовной нумерологии” и магии аналогичного назначения. Является ли эта литература эзотерической? То есть можно ли говорить об эзотерическом “масс-культе” или это все же квазиэзотерика?

Re: Re: Re: Re: Re: Re: Э. Афонин [10.10.02]

Думаю, что здесь могут быть высказаны различные точки зрения так же, как и по вопросу о новизне, “чистоте” идей, форм и стилей искусства и т. д.

Однако в этом вопросе обращает на себя внимание другое. Помнится, как советская пропаганда клеймила позором так называемое кич (массовое искусство). Сегодня постсоветские страны сталкиваются с этим же феноменом — проявлением массового творчества и массовой культурной потребности, которые развиваются на общем фоне роста креативных способностей человека, на фоне добываемого им рационального знания. Очевидно, здесь есть некие общие закономерности развития как для западноевропейских стран, испытавших трансформационный кризис в период Великой депрессии 1929–33 гг., так и для восточноевропейских (и азиатских) стран, испытывающих трансформационные изменения сегодня.

Интересно в этом контексте наблюдение француза С. Московичи, обратившего внимание на доминирование сегодня (в посттрансформационном пространстве) закономерностей, согласно которым на смену определявшему общественную жизнь ранее (до трансформации) внешнему, материальному, социальному фактору приходит фактор внутренний, психологический, идеальный (подробнее см.: *Московичи С. Машина, творящая богов.* — М., 1998). Этим, пожалуй, только и можно объяснить усиливающуюся сегодня “символизацию” общественной жизни и спрос на соответствующую литературу.

Как бы подчеркивая возрастающую роль символа в нашем посттрансформационном жизненном пространстве, С. Московичи пишет еще одну замечательную книгу — “Человек символический”. Здесь же хотелось бы обратить внимание еще на одну особенность нашего времени. Я имею в виду нарастающие (хотя и временные!) авторитарные тенденции в постсоветской общественной науке. Пытаюсь “овладеть” ситуацией в научном познании, представители старой (советской) академической традиции все очевиднее проявляют свою неспособность адаптироваться к новым условиям. Это находит свое выражение в их попытках дискредитировать традиционное знание (в том числе эзотерическое). В последнее время они, например, инициировали соответствующие решения в российском академическом ведомстве. Аналогичные попытки инициируются также в академическом научном ведомстве Украины. В частности, под предлогом хорошо известной в истории “борьбы с мракобесием” предпринимаются новые попытки наступления на эзотерическое знание. А вместе с тем опыт Запада убедительно доказывает несостоятельность таких попыток. Более того, этот опыт демонстрирует жизнечность и функциональность в посттрансформационную эпоху традиционных форм знания и культуры. В конечном счете, на наш взгляд, именно этим и объясняется их популярность. Однако при всем при этом вряд ли возможно ожидать широкого овладения, например, высоким искусством восточных техник “И-цзинь” или западных карт “Таро”.

3. Ограничены ли (и чем именно) возможности научного и эзотерического прогнозирования?

Эзотерическое прогнозирование ограничено отсутствием доверия к нему. В отличие от “научного” эзотерическое прогнозирование не имеет своих институтов. Назваться “посвященным” может любой прохиндей: Э. Афонин [14.06.02]

Научное прогнозирование сдерживает рутина, которая является обязательной в научном сообществе: Э. Афонин [14.06.02]

Нужен неопарадигмальный синтез: С. Евстратов [28.06.02]

Глобальные проблемы и кризисы, с которыми столкнулась на рубеже XX и XXI вв. техногенная цивилизация, создали угрозу самому существованию человечества. Очевидно, что на прежних основах цивилизация уже не может развиваться. Все острее выдвигается проблема поиска новых ценностей, анализа тех областей культурного творчества (включая науку и технику как особую сферу культуры), где уже происходят изменения традиционных ценностных структур и формируются новые мировоззренческие ориентации. Многие исследователи в области методологии и логики научного знания сегодня сходятся во мнении, что традиционно жесткий идеал структуры науки, заложенный еще Р. Декартом, должен быть модифицирован с учетом всех достижений теории и практики, накопленных человечеством к концу XX в. Известный отечественный философ В. Филатов предлагает следующий вариант структуры науки переходного периода:

— естественный порядок не является данным от века, материя не инертна — ей присущи источники самодвижения и активности, и ее нельзя отождествлять с протяжением, как это делал Р. Декарт;

— разделение материального и идеального (сознания) относительно, человек не только и не столько противостоит природе, сколько является ее имманентной частью; он должен не управлять природой, а находиться в иных, например, диалогических отношениях с ней;

— нет единых для всех наук методов, возможны иные типы объяснения, помимо редукции целого к частям;

— математическое знание не является универсальным языком и стандартом науки, качественные, “понимающие” методы не менее важны;

— наука не должна быть этически и политически нейтральной, она может подчиняться примату гуманистических ценностей, быть ответственной перед обществом или какими-то его слоями и группами;

— наука не обязательно должна быть специализированной, ее могут развивать, например, такие группы общества, для которых познание не является основной целью деятельности; наука может быть делом всего общества (неспециализированная “народная наука”) или же, наоборот, личным делом человека в том смысле, что каждый вправе создавать свою собственную науку.

Конечно, эта схема нуждается в уточнениях, дополнениях, детализации, однако, нельзя не согласиться с тем, что в ней достаточно верно отражены основные тенденции развития науки (и отношения к ней!) на современном, весьма бурном историческом этапе. К сожалению, для всего периода после 1985 г. оказалась характерной одна весьма неприятная тенденция в развитии отечественной науки и общества в целом — интенсивное формирование маргинальной субкультуры, доминирующей сейчас практически во всех сферах социально-экономического комплекса. Поэтому главной задачей отечественного научного сообщества на современном этапе является выработка своеобразного “антимаргинального иммунитета” на основе собственных системных интенций, присущих науке как особой культурной форме. Основными направлениями работ в этом контексте могут стать:

— формирование системы “сциентистского права”, т. е. такой системы этического и методологических норм, которая могла бы корректно определить

пути эволюции науки и техники XXI в., предотвращая излишний бюрократизм, с одной стороны, а экологически и социально опасные достижения — с другой;

— формирование базиса некартезианской научной парадигмы, учитывающей весь практический опыт, накопленный человечеством к концу XX в., и основные моменты целеполагания, позволяющие рассчитывать на преодоление цивилизационного кризиса уже в первой четверти XXI в.

Теория самоорганизации систем и древнейшее эзотерическое учение:
Ирина [02.07.02]

Необходимо связать две различные формы знания: современную теорию систем, в частности проблему самоорганизации систем, и древнейшее эзотерическое учение системы сефирот. Если рассматривать этот древнейший литературный памятник культуры с точки зрения современных знаний, то мы увидим, что в толковании создания Вселенной и всех ее творений лежат принципы самоорганизации систем.

М. Холл в книге “Энциклопедическое изложение...” пишет: “До нас дошел грандиозный памятник символизма египетских школ, в котором соединены три типа символических представлений”. Это колода карт в 78 листов (22+56) с раскрашенными изображениями, интерпретирующими 22 мажорных и 56 минорных арканов. Эта колода, чаще известная как цыганский “тарот”, представляющая собой схему метафизического мирозерцания древних посвященных, со временем приобрела наименование карты или арканы Таро. Многие посвященные считали, что расположением карт Тарот в определенном порядке можно раскрыть все, что может быть известно о Боге, Вселенной и человеке. В качестве основы взята схема сефирот. Сефирот означает цифры. Схема сефирот — схема цифр от 1 до 10, где каждой цифре дается имя и приписывается некое организующее начало.

Вселенная создана и управляется 10 основными принципами, которые порождают 22 основных закона. Все устройство Вселенной обусловлено 32 общими закономерностями. Как из букв алфавита можно составить и написать бесконечное множество сочинений, так из 22 основных законов можно создать всю бесконечную Вселенную.

Первый принцип можно назвать принципом самоопределения: чтобы система могла выделиться из некоторого однородного состояния, нужно выделить в ней некое органическое качество или признак. Второй принцип — принцип дополнительности предлагает противопоставить выделенному признаку его противоположность, т. е. определяются два возможных состояния признака: его наличие или отсутствие. Третий принцип предлагает появление нового признака из двух исходных, т. е. объединение противоположностей в единое целое при помощи нового уравнивающего начала. Эти три принципа составляют идею образования любой системы.

Следующие принципы оформляют содержание идеи в определенную конфигурацию. Четвертый принцип задает границы области существования системы, пятый определяет иерархичную структуру систем. Здесь задается принцип, который позволяет по выделенному признаку раздробить систему на бесконечное множество подсистем, составляющих ее внутреннюю структуру, каждая из которых имеет право быть самостоятельной единицей. Шестой принцип — объединяющий. Он возвращает все выделенные подсистемы снова в единое целое, но на качественно ином уровне. Если изначально система не имела внутренней структуры, то теперь она обладает ею, и это также способствует понижению уровня энтропии в системе.

Таким образом, первые шесть принципов закладывают идею не просто образования системы, но и ее основное упорядочивающее начало. Следующие три принципа позволяют воплотить идею системы в реальности. Сами по себе эти принципы гораздо сложнее, чем предыдущие. Они являются следствием первых шести принципов, но в отличие от них имеют иную детерминацию. Если до сих пор рассматривался однозначный детерминизм подчинения единой первопричине, то теперь вводится вероятностно-статистическая детерминация. Это означает, что в системах появляется некая случайная составляющая. Поэтому в седьмом принципе провозглашаются четкие самоорганизующие функции, которые должна освоить каждая развивающаяся система. В противном случае системы уничтожаются, подчиняясь восьмому принципу. В этом смысле восьмой принцип, который основан на законе возрастания энтропии (второе начало термодинамики), играет роль упорядочивающего фактора, уничтожая те системы, которые не способны к самоорганизации. Девятый принцип позволяет реализовать седьмой и восьмой принципы в их единстве, дополняя принцип самообучения систем, возможностью нескольких испытаний, основываясь на бесконечном разнообразии форм. Другими словами, девятый принцип можно считать принципом создания некоего испытательного образца. Система, успешно пройдя все испытания, выходит на следующий уровень развития, что соответствует последнему десятому принципу.

Переведа язык древнего описания в современную научную терминологию, можно видеть, что в основе древнейшей схемы сефирот лежат глубокие философские идеи. Первые шесть сефирот созвучны основным законам диалектики, последующие отражают основные идеи самоорганизации систем. Основным достижением такого “перевода” является относительная простота построения любых систем, логичность, последовательность их развития. Самое главное — определение цели развития. Понятие “цель” и связанные с ним понятия целесообразности, целенаправленности лежат в основе развития системы. Изучению этих понятий большое внимание уделяется в философии, психологии, кибернетике.

Подобная структура системообразующих принципов позволяет дать определенные конкретные ответы на многие вопросы, возникающие в современной теории систем. Она также позволяет выделить самоорганизующиеся системы в особый и единственный класс систем, участвующих в эволюции, а также определить основные цели любых эволюционных преобразований. На основании этих принципов можно логично объяснить весь ход эволюции, ответить на вопросы о том, как возникли Вселенная, Солнечная система, Земля, жизнь на Земле, разум. Но самое главное, при их помощи можно получить ответ на самые важные вопросы: как был создан человек, каково его предназначение, откуда мы пришли и куда идем? Возможно, что в дальнейшем многие идеи, излагаемые в древних литературных источниках, помогут нам лучше понять, истолковать не только современную теорию развития систем, но и многие другие аспекты, лежащие в основе теории познания.

Бритва Оккама: *Снейк* [23.09.2002]

Вот тем и ограничены (см. основной вопрос), что являются “специализированными”, каждое по-своему. Негибкостью ограничены. “Научностью” и “эзотеричностью”.

6. Феноменология футбола: социология, психология, экономика

Период: 9 июля — 20 сентября 2002 г.

Участников: 5

Сообщений: 13

Постановка проблемы

Тема предложена Сергеем Евстратовым — участником форума из Санкт-Петербурга (Россия). На протяжении июня 2002 г. половина, без преувеличения, населения земного шара замороженно наблюдала за удивительным футбольным “событием”, которое развернулось на зеленых полях Японии и Кореи. Что заставило всех этих людей отвернуться от повседневной жизни, бурно радоваться или очень огорчаться по поводу результатов очередной атаки и “суеты” 22 мужчин вокруг мяча? В чем магия этого, в сущности, нехитрого “события”? В чем состоят гарантии высоких заработков отдельных игроков и тренеров, которые порой превышают прибыли и обороты весьма крупных технологических компаний, целых заводов и НИИ? Почему, например, результат матча “Парагвай — Уругвай” волнует многих из нас больше, чем какие-то насущные и лично значащие проблемы?

Наверное, нет сегодня в природе такого “события”, которое можно было бы сравнить с футболом по массовости, психологической заразительности и глобальности. Что же это такое — его величество футбол?

Вопросы

1. *Что такое футбол — спортивная игра или искусство?*
2. *Футбол и бизнес: что между ними общего?*
3. *В чем состоит психологическая природа футбольного фанатизма, его “парадной” и оборотной (массовая агрессия) сторон?*
4. *Есть ли будущее у украинского и российского футбола?*

Дискуссия

1. *Что такое футбол — спортивная игра или искусство?*

Можно ли рассматривать футбол как важнейший фактор культурогенеза в национальном и глобальном масштабах? *Сергей Евстратов [09.07.02]*

Re: *Владимир Коробов [10.07.02]*

Футбол — это великая иллюзия XX века. Это, прежде всего, зрелище, массовое действо, праздник. То, что в футболе от спорта, от искусства и от экономики, отстывает на второй план перед футболом как зрелищем и праздником. Потребность людей, толпы в зрелищах — общеизвестна. По причине возникновения средств массовой коммуникации и вследствие своей простоты и выразительности футбол стал одним из главных зрелищ. Большинство вовлеченных в футбол людей не играют и не умеют играть, а “болеют”, смотрят, поэтому функция массового зрелища и праздника со всеми последствиями этого для футбола — главная, основная. В последнее время чувствуется какой-то кризис футбола, кажется, что эта вовлеченность человечества в футбол не вечна, а преходяща, и “золотые времена” футбола уже проходят. Может быть, футбол умирает, может, он останется в XX веке?

Re: Re: *Николай Гоманюк* [26.07.02]

Массовая вовлеченность человечества в футбол для многих вообще едва ли не единственный способ вовлеченности в общественную жизнь. Это та сфера, где каждый может почувствовать себя экспертом. А что общество может предложить ему взамен? Политику? Экономику? Даже человеку со специализированным образованием порой трудно или вообще невозможно разобраться в деталях, во всех тонкостях публичной, а не то что закулисной борьбы. Это отчуждение и приводит человечество нет, не на трибуны, а к экрану телевизора. СМИ сделали футбол футболом. Другое дело, что в футболе давно уже стало больше уже упомянутой политики и экономики, чем самого футбола. Но вот насколько это заметно невооруженным глазом? Так что пока футбол приносит прибыль, о кризисе говорить рановато.

Re: Re: Re: *Мазистр* [20.09.02]

Возникает вопрос: кто же эти многие, для которых футбол — чуть ли не единственный способ вовлеченности в общественную жизнь? Глядя на голубой экран, создается впечатление, что единственное счастье Украины — в футболе, страсть к которому навязывается, порой, высшими эшелонами. Тогда понятно, почему становится “модно и круто” посещать общественные места и “храмы науки” в спортивной форме (с футбольного поля — на пары или в театр?!).

Займствованный футбол плохо приживается: *В. Коробов* [19.08.02]

Наши политики смотрят на зарубежный опыт использования футбола в политических целях и завидуют, как это получается у французов, итальянцев и др. Но у самих что-то не получается, и команды плохо играют, и инфраструктура футбола сильно уступает западной, и народ что-то слабовато фанатеет. У футбола в Украине те же проблемы, что и у христианства: заимствованное плохо приживается.

2. Футбол и бизнес: что между ними общего?

Что эффективнее: содержание иностранного тренера или национальной сборной? *С. Евстратов* [09.07.02]

Известный тренер серб Б. Милутинович, тренировавший сборную Китая, получал в год более 800 тыс. долларов США. Китайцы на чемпионате мира выступили не очень удачно. В российских СМИ была опубликована информация, что нефтяные магнаты России взяли на себя обязательства профинансировать иностранного тренера, который согласится тренировать сборную России. Результат такой тренировки непредсказуем. Может эффекта и не быть. В России и Украине много своих, по-настоящему хороших специалистов, учеников В. Лобановского и К. Бескова. А ведь этой суммы — 800 тыс. долларов — наверняка хватило бы на то, чтобы обеспечить работу хорошей футбольной школы олимпийского резерва в Москве, Питере, Киеве, Донецке, Симферополе. Почему так: на это денег никогда нет, а на сомнительный вариант с тренером-иностранцем — есть?

Хороша та кошка, которая ловит мышей: *В. Коробов* [10.07.02]

Есть механизм зрелища, которое отвлекает миллионы от политики и канализирует негативные эмоции, направляет их в футбольное русло. У этого механизма свои правила и законы. Школа олимпийского резерва в этом механизме — не главное. Главное — команда-звезда, тренер-звезда, на это денег не жалко. К сожалению, идеалы массовой физкультуры и эффективное футбольное зрелище несовместимы,

поэтому 800 тыс. на тренера — самый дешевый и эффективный путь, потраченные на физкультуру эти же 800 тыс. ничего не дадут, а в аккумулированном виде эти средства могут дать какой-то результат. Глупо было бы средства, направляемые на МГУ, раздать средним школам Сибири. Социалистические предрассудки насчет массового спорта придется отбросить.

Что касается иностранного тренера для сборной России — это было бы очень логично в контексте новейшей истории России. Это был бы шаг к будущему президенту-иностранцу. История повторяется.

Сенсационные изобличения коррупции в мире футбола еще будут: *В. Коробов* [19.08.02]

У футбола и бизнеса общее — коррупционный характер. Коррупция разъедает и бизнес, и футбол. Сейчас мир поразили скандалы вокруг коррупции в фигурном катании, но, скорее всего, в футболе коррупция еще более масштабна, и сенсационные разоблачения коррупции в мире футбола еще впереди.

3. В чем состоит психологическая природа футбольного фанатизма, его “парадной” и оборотной (массовая агрессия) сторон?

Футбольный фанатизм: *С. Евстратов* [09.07.02]

Какова природа футбольного фанатизма? Почему отечественный болельщик становится все более агрессивным? Куда “улетучивается” былая праздничность футбольных соревнований?

Мы становимся сами собой: *В. Коробов* [10.07.02]

Раскрепощаясь в условиях свободы, мы становимся сами собой. Тоталитаризм препятствовал этому, люди боялись расслабиться, страх мешал “болеть” и быть самими собой. Сейчас стало свободнее — и показалось настоящее мурло. Дремлющая агрессия выплеснулась наружу. Глядя на дебоши фанатов, мы наконец-то узнали правду о себе: о своей дикости, брутальности, агрессивности и глупости. Футбольный фанатизм и беспорядки — политически безвредный способ народного самовыражения, такой шанс у народа должен быть, его народу надо дать.

4. Есть ли будущее у украинского и российского футбола?

А есть ли будущее? *В. Коробов* [10.07.02]

Вопросы поважнее будоражат воображение: а есть ли будущее у Украины и России?

Даешь “Украина–Россия 2006!”: *Н. Гоманюк* [26.07.02]

Чемпионат по футболу в 2002 г. впервые прошел на территории двух государств. Может, это перерастет в традицию? А что если подать заявку на проведения следующего чемпионата мира на территории Украины и России? Так мы хотя бы на четыре года обеспечим себя будущим.

Будущее нашего футбола безрадостное: *В. Коробов* [19.08.02]

Судя по последним событиям в мире футбола, будущее у российского и украинского футбола не очень радужное, что полностью соответствует и безрадостным перспективам наших государств: действуют и набирают силу негативные тенденции общественного развития, которые вполне определенным образом действуют и на футбол.

Содержание

Слово рецензентам	3
Слово к российскому читателю	7
Вступительное слово	10
<i>Раздел I. Социальные циклы общественной истории</i>	13
Глава 1. Проблема моделирования в междисциплинарных исследованиях	15
Глава 2. Развитие понятия “социальное”	27
Глава 3. Введение в социальную теорию относительности	35
Глава 4. Социальный субъект: проблема типологии и развития	55
Глава 5. Коэволюция и структура общественных реформ.	72
<i>Раздел II. Украина на перекрестке коэволюции</i>	89
Глава 6. Украина, Россия, Беларусь: особенности развития в постсоветский период	91
Глава 7. Современная Украина в зеркале “универсального эпохального цикла”	101
Глава 8. Социально-психологический фактор изменений социальной структуры украинского общества	109
Глава 9. Энергетическая зависимость Украины	115
Глава 10. Украина в системе европейской и мировой безопасности	120
Глава 11. Судьба восточнославянских народов в посттрансформационном эволюционном мире	125
<i>Раздел III. Мир в сетях глобализации</i>	129
Глава 12. Глобальный аспект общественно-исторического развития	131
Глава 13. Интернационализация и реальная глобализация	146
Глава 14. Архетипы мировых религий и глобализация	153
Глава 15. Национальные меньшинства балканских стран в фокусе глобализации	163

Глава 16. Перспективы понимания и интерпретации всмирной истории	173
Глава 17. Сценарии глобальной перспективы	180
<i>Раздел IV. Европа: испытание интеграцией</i>	191
Глава 18. Объединенная Европа: социокультурные границы	193
Глава 19. Европейский парламент в контексте политического интеграционного процесса	201
Глава 20. Монетарный союз ЕС и вызовы глобализации	213
Глава 21. Общая внешняя и оборонная политика ЕС: проблемы формирования и перспективы реализации	223
Глава 22. Испытание общей внешней и оборонной политики ЕС “международным антитерроризмом”	236
Заключительное слово	251
Рекомендованная литература.	255
<i>Приложения</i>	257
Протоколы заседаний (2000–01) междисциплинарной научно- исследовательской рабочей группы по проблемам социальной глобалистики	259
Материалы дискуссий (2001–02) Интернет-форума на web-сайте социологического факультета Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина	295
1. <i>Антитерроризм</i>	299
2. <i>Социальные инновации</i>	311
3. <i>Новые религии: наступление новаций или консерватизм традиций</i>	327
4. <i>Европейский выбор Украины</i>	333
5. <i>Наука и эзотерика: общественные функции и прогностический потенциал</i>	367
6. <i>Феноменология футбола: социология, психология, экономика</i>	378

ООО “Техсервис-XXI век”

инвестиции в разработку и производство оборудования
для нефтегазового комплекса

разработка и внедрение
новых организационно-правовых форм предприятий
в процессе инвестирования, строительства и эксплуатации
магистральных газопроводов
и муниципальных систем газоснабжения

ноу-хау газификации отдаленных населенных пунктов

комплектация строительства
объектов газовой промышленности

строительство жилых и производственных помещений

консалтинг проектов в газовой промышленности
с применением методов системотехники

г. Киев

01030, а/я 128

тел/факс +38 (044) 239 2308, 239 2307

Научное издание

Афонин Эдуард Андреевич,
доктор социологических наук, профессор, академик УТА

Бандурка Александр Маркович,
доктор юридических наук, профессор

Мартынов Андрей Юрьевич,
кандидат исторических наук

ВЕЛИКАЯ КОЭВОЛЮЦИЯ

Глобальные проблемы современности: историко-социологический анализ

Замечания и предложения направлять по адресу:
Украина, 01008, г. Киев-8, а/я 16,
Тел./Факс: +38 044 226 2145
E-mail: *afonin@rada.gov.ua*

Видано у авторській редакції
Комп'ютерна верстка *В. Є. Маркуса*

Підписано до друку 05.03.2003.
Формат 60x84/16. Папір офсетний. Гарнітура Times.
Офс. друк. Ум. друк. арк. 22,32. Обл.-вид. арк. 24,0.
Тираж 1000 прим. Вид. №

Парламентське видавництво
04053, м. Київ-53, Несторівський провулок, 4
тел. (факс) 212-10-18

Свідоцтво Держкомінформу України
ДК № 69 від 29.05.2000 р.

Виготовлено у Парламентському видавництві